Ю. В. Арсеньев

ГЕРАЛЬДИКА

Ю. В. Арсеньев

ГЕРАЛЬДИКА

ЛЕКЦИИ,
читанные в Московском Археологическом институте в 1907–1908 году

МОСКВА ТЕРРА–КНИЖНЫЙ КЛУБ 2001

УДК 929.6
ББК 63.2
А85

Оформление
Е. Полякова

Арсеньев Ю. В.

А85 Геральдика: Лекции, читанные в Московском Археологическом институте в 1907–1908 году. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2001. — 384 с. ил.; 16 с. ил.

ISBN 5-275-00257-2

Рыцарские турниры, крестовые походы, родовые гербы, их соответствие художественным стилям разных эпох, блазонирование и основы российской геральдики — об этом и многом другом увлекательно рассказывает книга Юрия Васильевича Арсеньева (1857–1919). Перед вами наиболее крупный отечественный труд в этой области, и по сей день не утративший своего значения. Сведения о развитии геральдики как науки дополнены интереснейшими фактами из истории. В книге много информации о появлении и видоизменении гербов, о значении их цвета, элементов и символов.

УДК 929.6
ББК 63.2

ISBN 5-275-00257-2

© ТЕРРА—Книжный клуб, 2001

От издательства

Невозможно представить развитие в России вспомогательных исторических дисциплин без трудов Юрия Васильевича Арсеньева, одного из основателей отечественной научной геральдики и знаменоведения. Он родился в старинной дворянской семье, чей род восходит к XIV веку, 3 февраля (15 февраля по новому стилю) 1857 года в Москве.

По окончании Первой московской гимназии он поступил в Морское училище. Весной 1874 г. Арсеньев становится юнкером флотского экипажа на Балтийском флоте. В 1875 г. Ю. В. Арсеньев назначен в гвардейский экипаж, а через два года получает чин мичмана. Арсеньев участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. За эту компанию он получил орден Св. Станислава III степени с мечами и бантом. В 1883 г. пришлось оставить морскую службу. После отставки он поступил на службу в земское учреждение Тульской губернии, а в 1887 г. перешел в канцелярию тульского губернатора. В 1898 г. он становится хранителем Оружейной палаты.

На этой должности он быстро приобрел известность в научном мире, его выбирают членом ряда обществ: Археографической комиссии при Московском археологическом обществе (1899), Общества истории и древностей российских (1901), Тульского историк-археологического общества (1901), Общества любителей духовного просвещения (1901), Русского генеалогического общества (1901), Военно-исторического общества, а также ученых архивных комиссий: Ярославской (1901),

Оренбургской (1902), Витебской (1907), Смоленской (1910), Тульской (1913). Он стал членом-сотрудником Петербургского археологического института (1906), назначен в Особый комитет при московском генерал-губернаторе по устройству в Москве военно-исторического музея в память Отечественной войны 1812 года (1908). Интерес Арсеньева к генеалогии способствовал его участию в создании (как члена-учредителя) и деятельности Историко-родословного общества в Москве, и также к работе в Комиссии по приведению в порядок архива московского дворянства.

В апреле 1903 г. Юрию Васильевичу было пожаловано придворное звание камергера, а в декабре 1910 г. — чин действительного статского советника. Он награжден орденами: Св. Станислава (1903), Св. Анны II степени (1906), Св. Владимира III и IV степеней (1912, 1917), а также многочисленными наградами иностранных государств. В 1912 г. Арсеньев получил французский знак отличия народного просвещения.

Арсеньев не имел специального исторического образования.

Работа Арсеньева в музее привела к появлению исследований по музейному делу и истории Оружейной палаты, преподавательская деятельность — к публикациям по геральдике, а деятельность в Особом совещании для выяснения вопроса о русских государственных национальных цветах — к созданию исследований о знаменах. За публикацию, посвященную Н. Спафарию в 1883 г., Русского географическое общество наградило его серебряной медалью.

В процессе его преподавательской деятельности в Московском археологическом институте произошло окончательное формирование его как специалиста-историка. Это созданное в 1907 г. учебное заведение для подготовки научных кадров, сыграло важную роль в развитии исторической науки России, выполняя функции и учебного, и научного, и общественного центра, а Арсеньев был в числе его учредителей. Совет института 26 февраля 1907 г. избрал, а в марте Министерство народного просвещения утвердило его преподавателем геральдики.

Преподавание в Московском археологическом институте геральдики стало рубежом в ее развитии как науки, показывающим уровень, достигнутый дисциплиной в начале XX в. Курс Арсеньева — первый опыт преподавания геральдики в России.

Курс его лекций посвящен в основном западноевропейской геральдике, он разделен на две части: в одной изложена история практической и научной геральдики, в другой — основные правила составления и описания гербов, т. е. теоретическая геральдика. Он знакомил с достижениями геральдической науки Западной Европы того времени, которая, опережала отечественную по ряду объективных причин.

Определенную нишу в русской историографии заполнили лекции Арсеньева, которая располагала только работой А. Б. Лакиера и небольшими частными публикациями по русской геральдике, исследования, подобного «Геральдике» Арсеньева в ней не было.

Арсеньев читал курс лекции не только в Москве, но и в отделениях института в Смоленске, Витебске, Нижнем Новгороде, Ярославле.

Историк оставался на посту хранителя Оружейной палаты, до самой смерти — до 4 февраля 1919 г. в Москве. Он был погребен в семейном склепе Донского монастыря. К сожалению могила Юрия Васильевича Арсеньева не сохранилась.

* * *

Текст лекций приведен в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации. Написание личных имен адаптированно к современному русскому языку, но сохранено одновременное использование Арсеньевым фамилий на русском и иностранном языках. Заголовки зарубежных работ содержащиеся в тексте, за редким исключением не переведены. Примечания Арсеньева сохранены с указанием на авторство. Находившиеся в конце издания 1908 г. таблицы иллюстраций, перенесены непосредственно к тексту .

Альбрехт Дюрер. Герб смерти. (Аллегория) 1589

ЧАСТЬ ОБЩАЯ

Йост Амман. Герб герцога Вюрттемберга.
(Из «Книги гербов». 1589)

Лекция I

Предмет геральдики, как научной дисциплины, ее связь с сфрагистикой и различие от последней. Значение ее для истории культуры. Общее понятие о символах и отличительных знаках в быте народов. Тотемизм. Тамги у азиатских народов. Символы у народов древности. Древние отличительные знаки на оружии и знаменах. Система отличительных знаков в Византии. Символические знаки у народов Западной Европы в Средние века. Существенное различие отличительных знаков древности от средневековых гербов. Герб, как продукт средневековой христианской культуры. Соответствие герба с художественным стилем различных эпох

Со времен так называемой эпохи умственного просвещения конца XVIII столетия и до наших дней нередко слышались и еще слышатся голоса, заявляющие, что занятия геральдикой и сфрагистикой, а, равно и генеалогией не могут иметь никакого научного значения и являются лишь бесполезной тратой времени. Причина подобных ошибочных суждений заключается в том, что в область чистой науки переносятся личные политические воззрения. При этом совершенно забывают, что для правильного разрешения научных вопросов необходимо строго остерегаться какой-либо тенденции или предвзятых взглядов.

Еще весьма недавно научное понятие об «истории» ограничивалось одной лишь «политической» ее частью, причем совсем не обращалось внимания на ее археологическое значение, на изучение специально исторических вопросов и местных бытовых условий. Понятие о *культурной истории* долгое время совершенно отсутствовало в науке.

Между тем история, по словам *Спенсера*[1], имеет право на свое значение именно как наука, непосредственно относящаяся к жизни общества. Даже элементарные факты политической истории, говорит он, суть вопросы такого рода, которые требуется разрешить прежде, чем можно будет составить какие-нибудь правильные заключения о развитии политических учреждений. По отношению к исследованию о человеческом обществе,

[1] Спенсер Герберт (1820–1903) – английский философ и социолог.

замечает Майр, особенно оправдывается афоризм, что все существующее заслуживает изучения. Вспомним известное изречение римского писателя Теренция[2]: «Homo sum, humani nihil a me alienum puto»[3].

Так как для человеческого ума не существует более важного объекта для познавания, как изучение самого себя, то и всякое явление человеческой культуры, безусловно, представляет научный интерес, ибо культура и выражает собой развитие человеческого духа в пределах народности и других исторических условий.

Итак, изучение гербов и печатей, составляя часть культурной истории, не может быть маловажным, а тем более бесполезным. Отсюда очевидно, что посвященные этому изучению геральдика — наука о гербах — и сфрагистика — наука о печатях — получают совершенно определенное место в ряду вспомогательных исторических знаний или дисциплин и, служа необходимыми вспомогательными средствами при изучении исторических памятников, дают весьма важное пособие, как для истории, так и для археологии.

Но между геральдикой и сфрагистикой, как ни тесно связаны между собой эти две родственные дисциплины, имеется, однако, резкое и существенное различие, на которое следует обратить ваше внимание.

В то время как сфрагистика, или учение о печатях, тесно связанная по своему назначению с дипломатикой[4], составляет часть всеобщей международной культурной истории, геральдика, или учение о гербах, принадлежит к более ограниченной области христианской культуры, исключительно европейских народов.

Гербы являются продуктом христианской эпохи и вместе с тем европейской средневековой культуры, хотя в основание их развития и могли войти, как элементы, некоторые пережитки

---

[2] Теренций, Публий (ок. 195–159 г. до н. э.) — римский комедиограф.

[3] Я человек: ничто человеческое мне не чуждо (*лат.*).

[4] Дипломатика — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая документы.

быта и верований народов Древнего мира, а впоследствии, как мы увидим, ими восприняты были и новые образы, занесенные в Западную Европу преимущественно с Востока.

Чтобы убедиться в верности этого положения, нам, прежде всего, необходимо остановиться на вопросе о *символах*, или *отличительных знаках*, как они применялись в бытовой жизни различных народов в разные исторические времена.

Обычай, заключающийся в том, что известный символ, преимущественно изображение какого-либо животного или растения, принимается как отличительный знак отдельной личности, рода или целого племени, распространен по всему свету, преимущественно у первобытных народов, и может быть признан общечеловеческим. Основание этого обычая религиозное, и он представляет в этом отношении известного рода натурализм, т. е. обоготворение сил природы, но в более ограниченной форме, относящейся к отдельным ее явлениям. Но он является также и правовым, встречающимся у весьма многих народов, и известен в этнографии под названием *тотемизма* (от слова *totem* на языке краснокожих индейцев Северной Америки, означающего отличительный знак).

Тотемизм, который мы еще встречаем в полном развитии и в настоящее время у индейских племен и у австралийских дикарей, у которых он называется *Kobong*, состоит в принятии отдельным семейством или племенем известного животного или растения своим символом. Изображение последнего носится всеми членами семьи или племени на теле в виде татуировки; украшения также заимствуются от того же животного или растения, причем первое иногда признается даже родоначальником племени. Такой тотем имеет важное значение при религиозном культе: отношение между известным родом и его тотемом не дозволяет убивать избранное животное и уничтожать известное растение. Имеющие общий тотем не могут заключать между собой брачных союзов.

Как другой пример подобных отличительных знаков рода или отдельной семьи мы укажем на так называемые *тамги*,

встречающиеся у народов северной Азии тюркского и монгольского происхождения. Это обыкновенно изображение какого-нибудь зверя, птицы или оружия. Каждое племя имеет свою подобную тамгу, изображает ее на своих знаменах и значках и выжигает на лошадях, рогатом скоте, а иногда и на своем теле. Таковы, например, тамги у киргизов. Тамга, по мнению *Харузина*[5], не есть знак собственности, а знак родовой. Каждый род у киргизов Букревской орды, по словам этого исследователя, имеет свою тамгу, хотя за последнее время появляются самостоятельные тамги и у отделений рода Султанский. Ходеринский и Теленгутов имеют одну общую тамгу, род Ногаев имеет шесть тамгов. Тамга обыкновенно выжигается у киргизов на левой ляжке лошади; на рогатый скот, баранов, верблюдов, на кибитку или на другое движимое имущество она не кладется. Киргиз ставит также свою тамгу вместо подписи на официальных бумагах. Другой исследователь этнографии киргизов, *М. Иванин*, делает следующее интересное предположение о значении тамгов. Он пишет: «Судя по тамгам, или печатям, означающим до настоящего времени родовое отличие у многих кочевых племен Средней Азии, прикладываемым к бумагам вместо подписи и изображающим копье, меч, стрелу, лук и проч., можно полагать, что тамги эти выражали или род оружия, которым были вооружены полки или отряды ханов потомства Чингисхана, или выражали род службы и занятий разных киргизских племен». Действительно, глядя на тамги, мы можем во многих из них без труда усмотреть изображение (хотя и грубое) того или другого оружия. У киргизов существует предание, что тамги отдельным родам были даны самим Чингисханом вместе с назначенным каждому роду *ураном*, т.е. боевым криком (*cri de guerre* у западных народов). Еще недавно, по словам *Харузина*, каждый род у киргизов имел свой уран и применял его в бою. По словам *Левшина* и *Гебеля*, каждый род у них в прежнее время различался также от других знаменами, значками и цветом башлыков.

[5] Харузин Николай Николаевич (1665–1900) – русский этнограф, специалист по тюркским и монгольским народам.

Мы остановились на этих родовых отличительных знаках азиатских народов с некоторой подробностью, так как, кроме их общего значения при изучении геральдики, они представляют для нас специальный интерес, служа элементом некоторых наших гербов, принадлежащих фамилиям инородческого происхождения.

Переходя к всеобщей истории человечества, мы видим, что отличительные знаки в виде известных символов употреблялись с незапамятных времен для различения отдельных лиц или сообществ и даже целых стран, как на войне, так и в частной жизни. Такие знаки встречаются уже в глубокой древности у народов Востока и Запада, в особенности же у египтян, греков и римлян, как о том свидетельствуют многочисленные памятники их искусства, письменности и быта. Такими символами пользовались, прежде всего, лица, отличавшиеся от других какими-либо особыми превосходными качествами или положением, как, например, герои, цари, полководцы и т. п. Они служили еще и средством к увековечению какого-либо деяния, подвига или события из жизни известного лица. Иногда знаки эти представляли олицетворение нравственной эмблемы в образе животных, растений и т. п. Уже Гомер, Вергилий и Плиний говорят об изображениях на щитах героев осады Трои. Эсхил в «Походе семи против Фив» также дает поэтическое описание эмблем на щитах сражающихся. Филострат упоминает о золотом орле как о символе персидских царей, и в том числе Кира, что подтверждает и Ксенофонт в своей «Кироπедии»[6]. Греческие исторические писатели описывают отличительные боевые знаки также и других персидских царей: Камбиза, Дария и Ксеркса. Напомним, наконец, о символах некоторых народов древности, как, например, льва — колена Иудова, голубя — Ассирии, совы — Афинской

[6] Филостраты. Старший (конец II в.) и его внук Филострат Младший (вторая половина III в.) — древнегреческие писатели. Ксенофонт (ок. 430–355/354 г. до н. а.) — древнегреческий писатель и историк. «Кироπедия» в переводе означает «Воспитание Кира».

республики и о многочисленных символах на памятниках Египта[7], которые достаточно известны.

Изображения на щите, а затем и на шлеме, в древности не составляли какого-либо исключения, но были во всеобщем употреблении: почти все шлемы и щиты того времени имеют их. Так, например, мы встречаем изображение морского коня на шлеме Александра Македонского, льва — на шлеме Ахиллеса, пса — на шлеме Масиниссы, орла — на шлеме Каракаллы[8]. Но подобные изображения не служили отличительным признаком рода и были личными, передаваясь лишь в редких случаях.

Пример такой передачи встречаем у Овидия, который повествует, что царь Эгей узнал своего сына Тезея по родовым знакам на эфесе его меча. Другой единичный пример *наследственной* эмблемы можно указать из римской истории: потомки римского полководца Валерия Корва носили на шлемах изображение ворона (*corvus*) в память необычной победы, одержанной, по преданию, их предком при помощи этой птицы, хотя она и считалась предзнаменованием несчастья. Вообще римские полководцы изображали нередко на своих вооружениях эмблемы, свидетельствовавшие о совершенных ими подвигах, но украшения эти имели случайный и произвольный характер и не подчинялись никаким правилам, в чем и заключается их главнейшее отличие от наследственного герба Средних веков.

По свидетельству Тацита[9], древние германцы окрашивали свои боевые щиты для различия в разные цвета. «*Scuta lectisimis coloribus distinguunt*»[10],— напишет он в своей «Германии». Также и римские легионы имели на своих щитах изображения, которыми когорты различались между собой и от како-

---

[7] Между последними мы встречаем, например, символические знаки отдельных провинций Верхнего Египта, которые носились на длинных древках во время торжественных церемоний (см. *Erman «Agypten und ägyptisches Leben im Altertum»*, I, 36) (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[8] Масинисса (ок. 240–149 г. до н э.) — царь Нумибии (Северная Африка) с 201 г. до н. э. Каракалла (186–217) — римский император с 211 г.

[9] Тацит (ок. 58 — ок. 117) — римский историк.

[10] Щиты украшают изысканнейшими красками (*лат.*).

вых получали иногда названия. Особыми изображениями украшались также и римские знамена, называвшиеся *vexilla*; кроме того, в римских войсках существовали особые значки (*signa*) для различения легионов и когорт, состоявшие из фигур различных животных, например, орла, волчицы, льва, минотавра, коня, вепря и т. п., водруженных на длинных древках, в бою они носились впереди войска. Фигуры эти большей частью имели какое-либо отношение к истории вечного города. На границе христианской эпохи мы, наконец, встречаем известный «*labarum*» — Константина Великого[11], увенчанный крестом, который заменил языческие Символы и доставил ему победу над Максенцием.

В эпоху падения Римской империи и в последующие времена система отличительных знаков и символов, вошедшая в обычай у римлян, не могла развиваться в прежнем направлении, вследствие нарушения[12] всех установившихся общественных отношений при нашествии варваров. Употребление таких отличий, однако, стало развиваться на новых началах при христианских императорах. При Аркадии и Гонории, в начале V века по Р. Х., когда в Западной Римской империи уже утверждалось владычество готов, свевов, вандалов и аланов и начиналось усиление франков, система отличительных знаков стала вновь применяться в императорских войсках, а также и при дворе греческих императоров, отличавшемся необыкновенной пышностью и великолепием. Как о том свидетельствует современное сочинение «*Notitia utraque dignitatum et administrationum in partibusbus Orientis et Occidentis*»[13], эти отличия присваивались, между прочим, многочисленным придворным и государственным сановникам Византии, которые различались между собой в чинах и должностях внешними признаками. Они получали на свое звание от императора особый диплом или грамоту (*codicilli dignitatis*), в которой

[11] Константин Великий (ок. 285—337) — римский император с 306 г., поддерживал христианскую церковь.

[12] Т. е. от Рождества Христова.

[13] Знаки достоинства власти в областях Востока и Запада (*лат.*).

находилось изображение присвоенного их достоинству отличительного знака (*insigne, signum*), что представляет некоторое сходство с дворянскими грамотами с пожалованием герба.

Обращаясь, наконец, к другим народам Западной Европы, начинавшим в эти времена свою историческую жизнь, мы встречаем некоторые символы и отличительные знаки, хотя, впрочем, в весьма незначительном развитии: у готов (полумесяц, крест), франков (крест над кругом), лангобардов (также крест), англов (кресты различных форм в сопровождении птиц, шаров и т. д., также дракон), саксов (черный конь Виттекинда, которого последний, по принятии христианства, изменил на белого; также лев и роза), датчан (ворон, различные кресты) и норманнов. Об этих последних монах Аббон, очевидец осады Парижа норманнами в 886 году, упоминает в своей поэме, посвященной этому событию, говоря, что у них имелись щиты, окрашенные в самые яркие отличительные цвета[14]. Подобную же отличительную окраску норманны давали также и своим кораблям.

Хотя во всех приведенных нами здесь примерах символов или отличительных знаков у древних и первобытных народов мы и встречаем некоторые черты сходства со средневековым обычаем изображений и отличительных знаков на щите и шлеме, но это не дает нам права говорить о какой-либо геральдике первобытных или древних народов дохристианской эпохи,

Геральдику можно определить простейшим образом как учение о гербах, а мы увидим, что существенную и необходимую часть всякого герба составляет украшенный изображением или цветом щит и дополняющий этот последний шлем с его атрибутами. Следовательно, вполне ясно, что герб является произведением эпохи рыцарства, продуктом крестовых походов и турниров,— одним словом Средних веков.

---

[14] В одной поэме Ермольда Черного (Nigellus), относящейся к 815 году, норманнский вождь дает следующий ответ посланцу короля Людовика Добродушного: «Я имею *раскрашенные* щиты, если ты имеешь *белые*» (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Поэтому герб мыслим геральдически только в определенных формах известного стиля, герб в древнеегипетском или дорическом стиле являлся бы бессмыслицей.

Геральдике свойственны только два стиля: *готический* и стиль *эпохи Возрождения*. Эпоха стиля *Рококо*, хотя таковой и встречается в гербах, совпадает уже со временем упадка геральдики. Впрочем, мы встречаем характерные особенности стиля не только в геральдике различных эпох, но и в пределах одной и той же эпохи в ней можно усмотреть существенные различия, свойственные той или другой стране, где она получила развитие. Так, например, мы можем заметить национальные особенности в геральдической *готике* Англии, Франции, Испании и Германии. На этот интересный и важный для истории искусства вопрос, к сожалению, еще слишком мало обращено было внимания при геральдических исследованиях.

* * *

Стремление средневековых ученых придавать всему таинственное и отдаленнейшее происхождение вовлекло первых исследователей науки о гербах в самые невероятные предположения. Так, француз *Фавен* (1620) относил начало геральдики к первым временам человечества и баснословил, будто потомки Сифа[15], желая отличаться от сынов Каина, изображали на своих щитах различные предметы животного и растительного царства, тогда как последние избирали себе для той же цели предметы искусственные. *Сегуэн* (1648) приписывал изображение гербов сыновьям Ноя, ссылаясь на какие-то сомнительные апокрифические[16] источники. Нашлись и такие фантазеры, которые изобретали гербы для Адама, пророков, ветхозаветных патриархов и еврейских царей. Другие, читая в *Книге Чисел*, что евреи по выходе из Египта разбивали свой лагерь по племенам и семействам, различавшимся своими значками и знаменами,

[15] Сиф — сын Адама и Евы, данный им Богом вместо убитого Авеля.

[16] Апокрифы — неканонические произведения раннехристианской литературы невключенные в Библию.

№00013

заключали отсюда, что 12 колен Израиля изображали на последних знаки зодиака, каковые и сочли гербами их; или же, основываясь на апокрифическом предсказании патриарха Иакова сыновьям, утверждали, что каждый из них избрал себе герб сообразно с тем, что ожидало его в будущем. Так, Иуда принял изображение льва, Завулон — якоря, Иссахар — осла. Гад — воина, Дан — змеи, Симеон — меча, Вениамин — волка и т. д. Любопытно, что это известие об отличительных знаках библейских патриархов проникло с Запада и к нам и встречается в одной рукописи XVII века с приложением соответственных изображений (изд. А. И. Успенским в «Чтениях Общества Истории и Древностей Российских», М., 1904, под заглавием «Писание о зачинании знак и знамен, или прапоров»). Геральдист XVI века *де Барй* нашел возможным дать описание гербов Немврода, Геркулеса, Семирамиды и т. п. К менее фантастичным толкователям эмблем и отличий древности принадлежит аббат *Монэ* (1631), доказывавший, что истинное начало гербов и отличительной окраски щитов и оружия относится к эпохе римского императора Октавиана Августа[17], преемники которого распространили этот обычай, перешедший затем в Галлию и другие страны, покоренные Римом. Такое мнение, как мы видели, вполне приемлемо по отношению к эмблемам и отличиям, существовавшим у древних, но оно ошибочно в стремлении искать у римлян какую-либо систематически выработанную геральдику. Известный французской геральдист XVII века *Менестриэ*, который признается отцом геральдики, в своей книге о происхождении гербов («*Origine des armoiries*», изд. в 1650) начинает ее с перечисления различных авторов, писавших до него по этому предмету. Он насчитывает таковых 18 и без труда обнаруживает, что ни один из них не стоял на почве исторической правды. «Из столь разнообразных мнений,—

[17] Октавиан Август (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — римский император с 27 г. н. э., внучатый племянник Юлия Цезаря, усыновленный им в завещании.

говорит он,— можно сделать лишь один вывод, что с незапамятных времен существовали эмблемы и девизы, чтобы различаться и узнавать друг друга, но что таковые в эти первобытные времена никогда не являлись *наследственными* знаками благородного происхождения, установленными на основании точно определенных правил геральдики, как это существует в наше время». Такое заключение является, как мы видели, вполне справедливым, а также достоверно и то, что египтяне, а позднее евреи, заимствовавшие некоторые египетские обычаи, различали друг друга во время своих кочеваний и походов посредством знаков, изображенных на шатрах, знаменах и щитах. Этот обычай, следовательно, существовал на Востоке с древнейших времен, прежде чем установлен был какими-либо писанными узаконениями.

Не подлежит никакому сомнению, что вполне достоверное начало геральдики у христианских народов Европы должно быть отнесено ко времени крестовых походов и расцвета рыцарства, т. е. к концу XI или, вернее, к XII столетию. Только лишь с этих пор употребление гербов стало входить в обычай почти во всей Европе, в особенности благодаря крестовым походам, а также вследствие развития феодальной системы с присущими этой последней разрядами владетелей крупных и мелких ленов и их вассалов. В это время явился обычай присоединять к личным именам еще фамильные прозвища и названия земельных владений, что немало повлияло на распространение гербов, которые уже с XII века стали жаловаться королями и владетельными князьями также в виде отличий. При этом у каждого народа гербы получали своеобразный национальный отпечаток.

Германские народы, вторгаясь в чужую землю, прежде всего заботились о захвате земельной собственности. Поэтому раздел приобретенной оружием земли являлся первым следствием победы и завоевания. Вождь избирал себе лучший участок, а остальные делились между его боевыми товарищами. Последние могли на полученной земле селить разных лиц, подчиненных им

и обязанных в случае похода или междоусобия являться к своему владельцу для его защиты. Когда же самим владельцам участков приходилось собираться по зову верховного вождя, то они вынуждены были употреблять отличительные знаки, называвшиеся у французских феодалов *connaissances* или *entresains*. Эти отличительные знаки помещались на вооружении и знаменах и были необходимы не только для различения благородных от *roturiers* (подвластных), но и для того, чтобы можно было распознавать от других главного представителя вассального участка.

В средневековых хрониках встречаются кое-где упоминания о таких отличительных знаках, или *connaissances*. Но в эпоху, когда мы их впервые встречаем, знаки эти, еще в то время весьма несложные, не служили еще для образования особого рода сочетаний, сделавшихся впоследствии исключительной принадлежностью того или другого семейства и легших в основание правил геральдической науки. Они были в это время в некотором смысле общим достоянием, и каждый мог присваивать их себе по собственному желанию и вкусу. Иоанн де Гарланд, написавший любопытное описание города Парижа около 1280 года, сообщает, что купцы, торговавшие боевыми щитами и снабжавшие своим товаром все города Франции, продавали их рыцарям покрытыми сверху холстом, кожей или золотой мастикой, на которых изображались в красках львы и лилии.

Во всей Европе в Средние века люди, достаточно богатые для того, чтобы не иметь надобности работать, составляют привилегированный класс, строго отделенный от остальной части общества. В этом высшем классе все, исключая духовных лиц, воины по профессии.

Уже Карл Великий[18] обязал всех свободных людей своей империи носить оружие. Необходимость защищать себя, склонность к приключениям и предрасположение в пользу воинской

[18] Карл Великий (742–814) – франкский король с 768 г., император – с 800 г.

жизни привели во всей Европе к образованию военной аристократии. Так как светские люди считали военную службу единственным почетным образом жизни, то каждый и стремился к ней. Первым условием для этого была возможность вооружиться на свой счет. Начиная с IX века сражались исключительно на лошадях, поэтому средневековый воин назывался во Франции *chevalier*, на юге — *caver*, в Испании — *caballéro*, в Германии — *ritter*. В латинских текстах название воина *miles* сделалось синонимом рыцаря.

Во всей Европе война велась одним и тем же способом, и воины вооружены были почти одинаково. Впрочем, одежда и снаряжение рыцаря существенно изменялись в различные эпохи.

Еще римская конница имела вооружением панцирь, состоявший из металлической чешуи, нашитой на кожаную одежду, по примеру римлян готы, аланы, франки и другие варварские племена стали носить такое же вооружение. Таковым же оно оставалось в Европе почти до конца XI века. Но позднее этот первобытный панцирь повсюду вытесняет кольчуга — рубашка из металлических колец с рукавицами и капюшоном и с прорезом сверху, так что ее можно было надевать как рубаху. На Байёсском ковре (*tapisserie de Bayeux*), сделанном через несколько лет после завоевания Англии норманнами (1066), большинство рыцарей изображены еще в чешуйчатых доспехах, но на некоторых мы видим уже кольчуги. Во время крестовых походов первые встречи рыцарей Западной Европы с сарацинской конницей, носившей исключительно легкие кольчуги, еще более повлияли на распространение этой последней. Она называлась на Западе *haubert* и первоначально доходила до ступней, когда ее укоротили до колен, то ноги, для защиты, стали закрывать чулками из колец, к которым прикреплялись шпоры. Во время битвы рыцарь надевал на голову, сверх капюшона, шлем — стальную шапку конической формы, кончавшуюся металлическим навершием (*cimier*). Шлем был снабжен стальной пластинкой (*nasal*), защищавшей нос, и привязывался к кольчуге ремнями.

С течением времени кольчуга постепенно подкреплялась железными пластинами на местах, наиболее подверженных ударам противника. С конца XIV века эти отдельные пластины начинают постепенно покрывать всю кольчугу и соединяются в полные доспехи. Что же касается шлема, то он превращается в совершенно закрывающий лицо уже с половины XII века. Рукавицы из колец защищали руки, а заостренные башмаки из стали — ноги рыцаря. Тяжелая массивность этого вооружения несколько оживлялась яркой окраской щита, висевшего на шее на широком ремне, и вышивкой на тунике (*cotte d'armes, surcot*), опушенной мехом, которая надевалась сверх кольчуги. В таком вооружении сражались герои крестовых походов Готфрид Бульонский и Танкред[19]. Именно на щитах и туниках стали рыцари в то время изображать свои наследственные эмблемы, или гербы. Наступательным оружием их был меч (*branc, schwert*), обыкновенно широкий и короткий, с плоской рукояткой, и копье с длинным и тонким древком из ясеня или граба, кончавшееся железным наконечником; к последнему прикреплялась узкая полоса материи (*gonfanon* — значок), которая развевалась по ветру.

Одетый и вооруженный таким образом рыцарь был почти неуязвим, и с течением времени вооружение все более совершенствовалось, делая воина похожим на живую крепость. Но вместе с тем он становится настолько тяжелым, что для битвы ему нужна особого рода лошадь. Рыцарь имеет при себе двух коней: обыкновенного (*palefroi*) — для езды и боевого (*dextrier*), которого ведет под уздцы слуга. Кони рыцарей сначала были совершенно лишены броневой защиты, но после того как в битве при Дорилеуме (1097) и в других сражениях крестоносцев с сарацинами стрелы последних производили страшные опустошения в их рядах, поражая коней целыми массами, стало входить в обычай облекать и

[19] Готфрид Бульонский (1060–1100) — герцог Нижней Лотарингии, один из предводителей первого крестового похода 1096–1099 гг., первый правитель Иерусалимского королевства (с 1099 г.). Танкред — христианский рыцарь, участник крестовых походов, один из героев эпической поэмы Т. Тассо (1544–1595) «Освобожденный Иерусалим».

боевых коней в полные латы. Самое вооружение рыцарей и их копей делало более необходимым, чем прежде, те отличительные знаки и символы, без которых их трудно стало распознавать. Закованные в малоотличающиеся железные доспехи, рыцари как бы теряли индивидуальные свои отличия, так что выразителем отдельной личности являются лишь его щит с изображенным на нем гербом, который повторялся иногда на шлеме и тунике. Следует заметить, говорит *Böheim* в своей «*Истории оружия*», что в период, начинающийся с 1170 г., т. е. именно с того времени, когда шлемы стали закрывать все лицо, стал особенно распространяться обычай помещать на щитах и шлемах, а впоследствии и на знаменах, седлах и конских чалдарах[20] известные изображения, служившие для распознавания отдельных лиц. И это именно дало сильный толчок развитию рыцарской геральдики,

Чтобы свои умели различать, кто именно есть закованный в стальную броню рыцарь, необходимо было изучить, какое поле на его щите, какие на нем цвета и фигуры, о чем гласит девиз, какие перья или изображения украшают шлем, как спущено забрало и т. п.

Во время крестовых походов, когда множество феодалов отправлялось в поход в сопровождении своих вассалов и челяди, необходимость для лиц одного военного сообщества узнавать друг друга посредством отличительных изображений на оружии стала еще настоятельнее. Другим поводом к распространению гербов можно признать желание увековечить известные события и подвиги в своем потомстве. На это в то время имело, по-видимому, влияние распространявшееся в Западной Европе знакомство с обычаями Востока, ибо арабы в те времена уже имели выработанную своеобразную систему гербов, и некоторые из их отличительных эмблем, как мы увидим, получили тогда доступ в геральдику Запада и были ей восприняты.

По мере того как обычай употребления гербов получал все большее распространение в Европе, произвольный выбор

[20] Чалдар — конские латы.

эмблем тем или другим феодалом стал уступать место наследственным, и мы замечаем, что личные отличительные знаки, или *connaissances*, начинают упрочиваться в некоторых фамилиях и становятся постоянными. Так, например, своеобразный сквозной крест (*croix vidée, cléchée et pommetée*), который Реймонд де Сен-Жиль имел на своей печати, приложенной к акту, относящемуся к 1088 г., сохранился доныне как постоянный герб графов Тулузских. Точно также две геральдические рыбы (bars) на печати Тьерри II, графа Монбельяр и Бар ле Дюк, перешли в герб его потомков. Наконец, молодые львы *lionceaux*), которые фамилия Плантагенетов[21] имела в своем гербе в 1127 году, сохраняются до наших дней под именем леопардов в королевском гербе Великобритании.

Еще более древними являются гербовые печати, сохранившиеся на брачном договоре Санчо, инфанта Кастильского, с Вильгельминой, дочерью Гастона II, виконта Беарнского, и относящиеся к 1000 году. К этому последнему акту приложено было семь печатей, из которых две сохранились в целости. На одной из них изображена борзая собака, а на второй — щит, пересеченный поясами, первая печать принадлежала, вероятно, Гарцию Арно, графу Ор и Маньоак, потомки которого всегда имели в своем гербе изображение собаки.

Известны также две печати Адальберта, герцога Лотарингского, приложенные к двум актам 1030 и 1037 г., на которых изображен в щите орел с опущенными крыльями. Гербовая печать Роберта Фризона, графа Фландрского, с изображением льва Фландрии, относится к 1072 году.

Итак, древнейшие известные нам гербы принадлежат к XI веку, но они настолько редки, что, надо полагать, были еще весьма мало распространены в то время. Приведем еще несколько примеров гербовых печатей из этой ранней эпохи. В Германии уже в половине XI века встречается на рыцарской печати маркграфа

---

[21] Плантагенеты — королевская династия Англии в 1154–1399 гг. Боковые ветви — Ланкастеры, Йорки.

Австрийского орел. В Италии встречаем в том же веке на родовых печатях гербы фамилий Каносса (собаку с костью во рту), Капуа (пересеченный справа щит) и Салерно (щит с рукой, выходящей слева). Гораздо чаще гербы на оружии и печатях начинают встречаться с XII века, и здесь нельзя не видеть влияния первого крестового похода и распространившегося тогда повсеместно обычая рыцарских турниров и так называемых состязательных боев (*joutes. wettkämpfe*). К этому времени относится печать французского короля Людовика VII Юного[22], который первый из французских королей принял в свой королевский герб лилию.

Первый римский папа, имевший герб, был Бонифаций VIII, занимавший папский престол с 1294 по 1303 г.

Здесь следует сказать также несколько слов о происхождении *городских гербов* на Западе. Печати и знамена городов в Западной Европе, откуда произошли и гербы их, относятся к разным эпохам. Древнейшие из них принадлежат городам южной Европы, которые, несмотря на нашествие варваров, не утратили окончательно своих прав и вольностей времен римского владычества и вместе с тем сохранили и свои эмблемы той эпохи. Что же касается городов севера, во Франции и Германии, которые получили права и самостоятельность гораздо позже, то их гербы по большей части не восходят ранее XI, XII и XIII столетий.

Менестриэ упоминает в своем исследовании о гербах историю Жоффруа, графа Анжуйского, зятя короля Англии Генриха I, написанную монахом из Мармустье, как древнейшее сочинение, в котором упоминается о гербах. «Этот принц,— говорится в этой хронике,— в 1130 году по случаю своего брака появился на одном турнире со щитом, на котором изображены были в красках леопарды, служившие ему гербом».

---

[22] Людовик VII (между 1119 и 1121–1180) – французский король с 1137 г., один из предводителей второго крестового похода (1147–1149).

Влияние крестовых походов и турниров на развитие геральдики как науки с определенными, точно установленными правилами, не подлежит сомнению. Таковой мы встречаем ее прежде всего в Венеции. В этой аристократической республике знаменитые фамилии, из которых со времени ее основания избирались верховные вожди, или дожи, учредили у себя так называемую *Золотую книгу* (*Livre d'or*) для точной записи родословий венецианского дворянства. Этот древнейший известный нам сборник такого рода, заключающий в себе без перерыва до новейшего времени имена венецианских патрициев с их гербами, брачными связями и датами рождения и смерти, состоит из целой серии томов, переплетенных в красный бархат и писанных на пергамене, из которых первый имеет датой 1315 год. Сборник этот доныне сохраняется в Венеции, в монастыре Фрари, служащем хранилищем древнего венецианского государственного архива.

Ученый исследователь французской геральдики *Adalbert de Beaumont* делает весьма интересное и вероятное предположение, что Венеция развила свою геральдику под непосредственным влиянием Востока, с которым она находилась издавна в торговых сношениях, служа главным соединительным звеном между двумя цивилизациями, западноевропейской и восточной. Действительно, мы видим, что с начала Средних веков вся европейская торговля находилась исключительно в руках венецианцев и флот их был тогда единственным в Европе. Торговые сношения Венеции простирались в то время не только до Константинополя, но достигали далее, сухим караванным путем, до некоторых стран Средней Азии и Африки. Впоследствии, а именно со второй половины XIII века, соперницей Венеции в международной торговле является Генуя.

В эпоху крестовых походов и особенно оживившихся в те времена торговых сношений названных итальянских республик с Востоком влияние восточной цивилизации на Европу начинает сказываться во многом, и это влияние находит себе весьма характерное выражение именно в геральдике.

Лекция II

Начала геральдики в Средние века и причины, вызвавшие ее появление у народов Западной Европы. Ненаучные предположения о существовании геральдики в древнейшие времена. Потребность в гербах, вызванная характером рыцарского вооружения. Переход отличительных знаков в наследственные гербы. Влияние крестовых походов на распространение гербов. Появление гербов на средневековых печатях. Городские гербы. Влияние сношения Западной Европы с Востоком на развитие геральдики. Венеция.

Крестовые походы, по мнению известного историка *Гервинуса*, суть высшие, даже поворотные точки от древнего мира к новому, великий переход от античной жизни к новоевропейской.

Три века ранее Каролинги[1] противостояли магометанам на Западе, теперь Европа поднялась не на одних только мавров в Испании, но и на восточных нехристей, как будто бы хлынула обратно бурная волна великого переселения народов. Но вместе с крестовыми походами и через них совершился поворот во всей внутренней и внешней жизни к новому периоду истории.

Крестовые походы, говорит *Каррьер*, начинают открывать мир для постоянных и неудержимых впредь международных сношений и доводят вместе с тем духовную жизнь Европы до полного расцвета. Свежие исторические народы переходят из ребячества в юношеский возраст. От всего этого времени веет внешним молодечеством и восторженной теплотой чувства, что придает ему какую-то прелесть, какой-то особый аромат, под которыми местами таится еще много нескладного, дикого, незрелого, местами много преувеличенного, чрезмерного.

С криком «Так Богу угодно!» («*Dieu le volt!*») прикрепляли себе к плечу крест не только целые тысячи рыцарей, но и простой бедный народ толпами валил к престарелому отшельнику, объезжавшему весь край верхом на осле, даже дети собрались в

---

[1] Каролинги – династия во Франкском государстве – королевская (с 751 г.) и императорская (с 800 г.).

поход к Иерусалиму. В таком всеобщем подъеме душ, силой одной идеи, видим мы руку мировластительного Промысла, не внутренний ли, в самом деле, пережив высказывался в кличе: «Так угодно Богу».

Приведем здесь также слова другого исследователя европейской культурной истории, Гизо[2]. «Две великие причины — говорит он,— вызвали в средневековой Европе крестовые походы: первая была нравственная, а вторая — социальная. Нравственной причиной являлись религиозные побуждения и верования. С конца VII века христианство вступило в борьбу с исламом. Оно победило его в Европе, испытав большую опасность со стороны этого грозного тогда противника и ограничив область его господства Испанией, и в этой последней стремилось еще все время окончательно его вытеснить.

Крестовые походы иногда представляли событием как бы совершенно случайного характера, возникшим вдруг и вполне неожиданно, под влиянием проповеди Петра-Пустынника[3]. Но это неверно: крестовые походы являлись продолжением, высшим кульминационным пунктом великой борьбы, длившейся в продолжение четырех столетий между христианством и исламом. До тех пор театром этой борьбы была Европа, теперь он перенесен был в Азию. Великий смысл этой борьбы заключался в столкновении двух религиозных и социальных мировоззрений, и крестовые походы были главным ее кризисом.

Второй причиной, вызвавшей крестовые походы, был социальный строй Европы в XI веке, сложившийся в узких формах феодализма. С течением времени общественная мысль не могла более удовлетворяться этими формами, ей нужен был простор, движение вперед. Народы Европы устремились в крестовые походы, ища в них выхода к более живому и полному существованию, открывавшему им широкие перспективы будущего».

---

[2] Гизо Франсуа (1787–1874) – французский историк.

[3] Петр Пустынник из Амьена – монах, один из руководителей первого крестового похода.

Эпоха крестовых походов представляет особенно интересный предмет изучения не только в политическом их значении, но и во всех связанных с ними подробностях общественной жизни и быта. Вот почему мы должны особенно внимательно остановиться на этой эпохе при изучении геральдики.

Гербы стали особенно распространяться в Западной Европе в течение XII и XIII веков, и, как мы уже заметили, в этом ясно сказывалось влияние крестовых походов.

Достойно внимания, что весьма многие характерные учреждения средневековой эпохи возникали под влиянием случайных причин. Так это было и с родовыми отличиями, состоявшими из фамильных прозвищ и гербов. Если некоторые из них, как мы видели, и существовали до крестовых походов, то они являлись еще довольно редкими, тогда как общая потребность в них сказалась именно с этой эпохи. При огромном стечении рыцарей всех стран в войске крестоносцев стало необходимым различаться, как по национальностям, так и по личным владениям, и это достигалось именно через прозвища и гербы, помещавшиеся на знаменах, шлемах и щитах. В этом крестоносцы брали пример с мусульман, уже имевших для военного времени отличительные цвета и личные символы. Большая часть сарацинских эмиров, подражая самому Саладину[4], отличались строгой простотой своего боевого снаряжения. Вся роскошь последнего заключалась в красоте их коней и блеске оружия и знамен, на которых они имели написанные золотом и красками изображения различных эмблем, преимущественно растений, цветов и плодов.

Некоторые намеки на такие своеобразные гербы у нехристианских народов встречаются в средневековой поэзии. Так, *Вольфрам фон Эшенбах*[5], повествуя о подвигах Карла Великого

[4] Саладин (Салах-ад-дин) (1138–1193) – египетский султан с 1171 г., основатель династии Айюбидов, возглавлял борьбу мусульман против крестоносцев.

[5] Вольфрам фон Эшенбах (ок. 1170 – ок. 1220) – немецкий поэт-миннезингер.

против мавров Испании, упоминает об изображениях языческих богов на щитах последних.

В другой героической поэме начала XIII века, воспевающей крестовый поход ландграфа Людвига Благочестивого, описываются боевые отличительные знаки Саладина и его сподвижников и также упоминаются изображения языческих богов на их щитах. Но эти поэтические описания более чем сомнительны, ибо мусульмане, во-первых, не допускают никакого многобожия и, во-вторых, даже запрещают употреблять изображения каких-либо оживленных существ. Более достоверным является описание вооружения сарацинского витязя у *Конрада Вюрцбурского*, причем упоминаются языческие письмена на его щите. Такие надписи действительно встречались в виде отличительных знаков на щитах мавров и сарацин, как встречаются на них также изображения растений и плодов.

«Все побуждает нас думать,— говорит историк крестовых походов *Michaud*[6],— что происхождение прозвищ и в особенности гербов обязано своим началом крестовым походам. Феодальный сеньор не нуждался в отличительном знаке, пока не покидал своего наследственного замка, но для него явилось необходимым различаться от других, когда он оказывался вдали от своей родины и терялся в массе крестоносцев различных стран».

Большое число фамилий угасло во время этих религиозных войн, не меньшее число разорилось, и эти последние особенно дорожили осязательными доказательствами своего благородного происхождения, остававшегося их единственным преимуществом. После того, как многие благородные фамилии угасли, явилось необходимым заменить их другими, с этих пор, а именно при Филиппе Смелом[7], вошел в силу обычай во

---

[6] Мишо Жозеф Франсуа (1767–1839) – французский историк романтического направления, главный труд – «История крестовых походов».

[7] Т. е. с XIII в., поскольку Филипп Смелый (1245–1285) – французский король с 1270 г.

Франции жаловать дворянское достоинство, а как только появились новые дворяне, стали более ценить дворянство старинное. Одно лишь владение землей не признавалось уже достаточным для сохранения и передачи потомству имени, которое уже само по себе становилось также собственностью, освященной историей и признанной обществом. С этих пор дворянство стало более дорожить отличительными знаками, каковыми являлись гербы.

В первом крестовом походе, начавшемся в 1096 году, находилось множество герцогов, графов и рыцарей из Италии, Германии, Фландрии, Франции и Англии, и, несомненно, каждый отдельный отряд имел свои отличительные знаки. Общим же знаком для всех крестоносцев, как показывает самое их название, являлся крест. Он делался из красного сукна или шелка и нашивался на правом плече одежды, или же укреплялся на шлеме; изображался он также на значке копья и на латах, как это видно на древних расписных стеклах аббатства Сен-Дени в Париже и других современных рисунках. Князья и рыцари имели на своих стягах изображения и знаки, служившие для сбора их воинов, на некоторых из них виднелись леопарды и львы, на других — птицы, звезды, башни, кресты и изображения различных деревьев востока и запада. Иногда они различались только по цветам: так, знамя Боэмунда было кроваво-красное, а короля Балдуина — белое. На стяге герцога Танкреда было изображение так называемого креста Св. Антония, в виде буквы **T** с шаровидными украшениями на концах. Жители покоренных крестоносцами городов Малой Азии нередко выставляли на своих стенах такие отличительные знаки своих завоевателей, чтобы оградить свою безопасность от других военных отрядов.

Появлялись тогда также гербовые эмблемы и на щитах. Брат первого короля иерусалимского Готфрида Бульонского герцог Эдесский имел золотой щит с изображением орла, который он приказал носить пред собой в походе, о чем повествует современная хроника Гиберта. Можно полагать,

что такие гербовые фигуры имелись также на щитах менее знатных рыцарей[8].

В хронике *Матвея Парижского* говорится, что при взятии Иерусалима крестоносцами каждый рыцарь, занимая дом, вывешивал над его входом, как признак занятия его, свой щит. Многие рыцари в эти героические времена не имели других обозначений в современных хрониках, кроме признаков их гербовых щитов. Так, например, в 1150 году один испанский рыцарь, прославившийся в Палестине выдающимися подвигами, обозначался не иначе, как рыцарь с *зеленым полем в щите*.

Дю Канж[9] в своих примечаниях к византийской хронике Анны Комнин говорит, что в третьем крестовом походе (1188), в котором приняли участие короли Филипп Французский, Генрих Английский и граф Филипп Фландрский, по взаимному соглашению этих вождей, приняты были для различия крестоносцев разных национальностей: красные кресты — для французов, белые — для англичан и зеленые — для фламандцев.

К этой же эпохе относятся первые пожалования гербов и дополнения их новыми геральдическими эмблемами в виде особой награды за участие в крестовых походах. Так, мы читаем в хронике города Бремена, что когда в 1110 году в Германии повсеместно производился сбор добровольцев для участия в предстоявшем крестовом походе, несколько граждан Бремена, следуя призыву своего архиепископа и под предводительством двух городских консулов, отправились на Восток и отличились там при взятии Берита и Сидона. Герб, дарованный после того городу Бремену императором, засвидетельствовал услуги, которые его граждане оказали святому делу освобождения гроба

---

[8] В Туринском музее оружия (*Armeria Reale*) сохраняется весьма тяжелый щит овальной формы эпохи крестовых походов, на котором имеется рельефное изображение из серебра лежащего льва, над которым большой четырехконечный крест. Это символизировало силу и мужество рыцарей в защите христианства (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[9] Дю Канж (Дюканж) Шарль (1610–1688) — французский историк и филолог.

Господня от неверных. Герб этот изображал серебряный ключ в красном поле.

Подобное же отличие за участие в крестовом походе было даровано городу Гарлему в Голландии императором Фридрихом II в 1122 году, герб этого города, состоявший из трех звезд, дополнен был тогда, в виде особой награды, изображением серебряного меча.

Наконец, крестовые походы вызвали учреждение рыцарских орденов, между которыми главнейшими были орден Св. Иоанна Иерусалимского (впоследствии Мальтийский), храмовников или тамплиеров и Тевтонский или меченосцев. Ордена эти имели немалое влияние на развитие дворянства и даже на политику последующих времен. Мы остановимся на них более подробно, когда будем говорить о рыцарстве, теперь же заметим лишь, что эти ордена требовали от вступающих доказательств наследственного дворянства в нескольких поколениях и этим немало способствовали развитию генеалогии и учреждению фамильных гербов.

Крестовые походы содействовали сближению Западной Европы с Востоком, о чем мы уже имели случай говорить. Тогда проложен был путь международным связям, открылись торговые сношения с Востоком и, вместе с тем, стало развиваться сознание народности. Известно, что сближение с Востоком началось еще гораздо раньше в южной Европе.

Восточная культура господствовала по всему африканскому побережью и в южной Испании, христиане находились в правильных торговых сношениях с египетскими, тунисскими и испанскими мусульманами и с византийскими греками. В Испании и Италии, под влиянием мавров и арабов, восточная пышность давно уже вошла в моду. При Карле Великом восточное влияние начало сказываться и в Германии. Для пилигримов, направлявшихся на Восток сухим путем, Германия еще в то время являлась главной дорогой, и поэтому она должна была воспринять раньше Франции немало обычаев великой византийской цивилизации. Рейн и Дунай были во времена Карла Великого боль-

шими дорогами, ведшими в Константинополь. В общем нам хорошо известно, что заимствовали христиане у Востока, но относительно отдельных предметов или обычаев мы редко знаем, перешли ли они в Европу через Испанию, Сицилию, Византийскую империю или крестоносцев. Приписывать влияний крестовых походов все восточные обычаи, господствовавшие в Европе в Средние века, говорит *Сеньобос*[10],— значит преувеличивать их влияние или подводить под их имя все сношения христиан с мусульманами. Несомненно, что средневековая Европа многое усвоила от мусульманских народов, но невозможно с точностью определить роль крестовых походов в этом воспитательном влиянии Востока на Европу. Единственное, что можно приписать им с уверенностью, это перенесение на Запад тех обычаев, которые возникли в самой Сирии, таковы были в области военного искусства — арбалет, барабан, копье с перевязью, таковым был также распространившийся во время крестовых походов обычай украшать свои щиты отличительными знаками, которые становятся фамильными и уже не меняются.

Так возникла система гербов. Она сложилась на Востоке, как о том свидетельствует самый выбор и название первоначальных геральдических цветов, или финифтей. Голубой цвет, или лазурь — *azur* на геральдическом языке, также называвшийся *lapis lazuli*, только что в то время был вывезен в Европу с Востока, и современное его название ультрамарин (*bleu d'outre-mer*)[11] еще служит живым воспоминанием об этих дальних военных экспедициях в Палестину. Заметим, что название *azur* происходит от персидского *azur* — синий, производного от арабского глагола «синеть»; отсюда же происходит *lapis azurk* или *lazulite* — название драгоценного мрамора, получившего свою окраску от меди, подобно бирюзе, его находят преимущественно в Персии, и из него производится краска, называемая ультрамарином.

[10] Сеньобос, Шарль (1854–1942) — французский историк, преподавал в Сорбонне.

[11] Заморская синева (*франц.*).

Красный цвет, геральдическое название которого *gueules*, получил таковое от украшений из мехов, которыми рыцари-крестоносцы обшивали свои походные одежды вокруг шеи и рукавов, окрашивая их в красный цвет пурпуровой краской. «Rubricatas pelliculas, quas *gulas* vocant[12]»,— говорит Св. Бернард[13], апостол второго крестового похода. Название *gueules* также происходит от персидского *gul* — красный (по-турецки — *ghiul*. Это слово на персидском языке обозначает также название розы, которая на Востоке преимущественно бывает красной. По-латыни для обозначения красного цвета говорили тоже: *roscus color* — розовый цвет.

Слово *sinople* обозначает в геральдике зеленый цвет, довольно редко встречающийся в гербах Западной Европы, так как одежды реже бывали этого цвета. Геральдист *de Beaumont* на основании своих исследований утверждает, что корень слова *sinople* — греческий и происходит, через искажение, от слов *prasina hopla* — зеленые вооружения, выражение, употреблявшееся в Византии на играх ипподрома партией зеленых. Опуская первый слог *pra*, остается *sina hopia*, подобно тому, как в слове Фессалоники, из которого вышло Салоники; такое отпадение слога весьма часто в различных языках и во многих словах. Некоторые авторы указывают другое словопроизводство, менее обоснованное. *Sinople*, по их мнению, произошло от Синопа, города в Каппадокии, на берегу Черного моря. По Плинию, название этого города происходит от *sinopis*, особого рода почвы темно-красного цвета, которая употреблялась в живописи и которая первоначально добывалась в этой местности, близ Черного моря. Но, спрашивается, каким образом темно-красный цвет мог соответствовать зеленой тинктуре геральдики? Впрочем, подобные смешения слов, переходящие из одного языка в другой, довольно обычны, смежное расположение двух цветов в гербе могло послужить достаточной причиной отнести к одному, а не к другому цвету иностранное

[12] Шкурки, окрашенные в красный цвет, которые называют «гула» (*лат.*).
[13] Бернар Клервосский (1090—1153) — французский теолог-мистик, аббат монастыря в Клерво, вдохновитель второго крестового похода.

название, смысл которого был непонятен. К тому же Исидор Севильский[14], автор словаря корней, говорит, что *sinople* есть особый сорт зеленого мела из Ливии. Напротив того, *Sicile*, знаменитый герольд XV века, был того мнения, что *sinople* есть название красного цвета. Наконец, в одной рукописи 1400 года встречаем толкование, примиряющее эти разногласия, а именно в трактате «De distemparandis coloribus» говорится: «Synoplum utrumque venit de urbe Sinopli, et est bonum; aliud viride aliud rubicundum»[15]. Итак, во всяком случае, восточное происхождение этого слова несомненно.

Оранжевый цвет, мало употребительный в гербах континента, но довольно обычный в Англии, на геральдическом языке носит название *tenné*. Слово это происходит от арабского *henne* — это название кустарного растения, *lausania inermis*, листья которого служат жителям Востока для окрашивания ногтей в оранжевый цвет. По всей Азии и у арабов вожди еще в древности имели обычай, который сохраняют и доныне, окрашивать в этот цвет гриву, хвост и брюхо своих боевых коней. В изображениях, встречающихся в персидских рукописях, мы часто находим на это указания. Иногда даже вожди опускают правую руку, которой держат меч, в эту краску, чтобы иметь, по их мнению, более воинственный вид, ибо подобная окраска производит впечатление, как будто всадник и его конь только что вышли из кровавой сечи. Фамилия *Оранского* владетельного дома (*d'Orange*[16]) имеет гербовый щит цвета *tenné*, объясняющий его фамильное прозвище — это пример так называемых *armes parlantes* (гласных гербов), о которых мы еще будем говорить впоследствии.

Кроме цветов существуют в геральдике и другие признаки, указывающие на ее восточное происхождение. Слово *targe*

---

[14] Исидор Севильский (ок. 560–636) — архиепископ Севильи (с 600 г.), автор «Этимологии», энциклопедии раннего средневековья.

[15] Трактат «О различении цветов». Синоплюм поступает из города Синопа, и хорошего качества; или зеленого или красного цвета (*лат.*).

[16] Orange — апельсин.

(тарч), которое употребляется в геральдике для обозначения щита, происходит от сходного арабского слова, означающего щит с ущербом с правой стороны, чтобы пропускать копье. Существует монета герцогов Бургундских, которая носит это же название,— *targe*, на оборотной ее стороне имеется изображение подобного щита с выемкой. Отсюда произошла древняя французская пословица: «Il n'a ni escu, ni targe» — «Он не имеет ни гроша».

Любопытно также происхождение другого геральдического термина: *lambrequin* (от латинского *lambellum* — клочок, кусок материи). Он обозначал вырезки материй, которые свешивались со шлемов рыцарей и развевались по ветру. Геральдисты долго считали, что такой *lambrequin*, или шлемный намёт, был простым украшением герба, тогда как происхождение его совершенно иное. Чтобы оградить себя от палящих лучей солнца, арабы пустыни всегда имели и имеют еще обычай покрывать голову куском материи; последний носит название *keffiéh* и укрепляется вокруг головы веревкой из верблюжьего волоса, обвитой шелковыми нитями. Под лучами африканского солнца без этой необходимой предосторожности шлемы сильно накаливались бы и становились невыносимыми. И действительно, мы видим, что персидские и арабские воины всегда употребляют такие намёты.

В боях сабельные удары по шлему должны были неизбежно рассекать этот *keffiéh* и превращать его в клочья. Вследствие этого, чем более намёт становился клочковатым (*lambrequiné*), тем яснее сражавшийся доказывал этим, что он проявил храбрость и находился в самом жарком месте боя.

Во время крестовых походов христианские рыцари переняли этот восточный обычай носить *keffiéh*, чтобы защищать себя от палящего солнца Египта и Сирии, и отсюда произошли эти намёты — *lambrequins*,— имевшие вид клочьев, почему древние геральдисты называли их рубцами — *hachements*, не подозревая истинного их значения.

Отсюда же произошла и геральдическая повязка, или *tortil*. Это ничто иное, как веревка из верблюжьего волоса, которая

обвязывается у арабов вокруг головного намёта. Подобные повязки на шлемах, поразительно схожие с восточными, встречаются особенно часто в английской геральдике. Когда повязка изображается в щите как фигура герба, то называется на геральдическом языке *тюрбаном*, обыкновенно украшающим головы мавров (*têtes de Maures*).

Приведем еще несколько примеров геральдических фигур, которые особенно выразительно говорят об эпохе крестовых походов. Таковы, например, золотые кружки, так называемые *безанты*, обозначающие в гербах золотые монеты. Название их происходит от золотой монеты византийских владетелей — *nummus byzantius*, французы перевели его словом *besant*. Эту монету, подражая византийской, чеканили также некоторые владетели Западной Европы, подобно тому, как чеканились также в Европе маработины, золотые монеты, происходившие от испанских мавров, и секины (*sequins*), название которых происходит от арабского *sekké* — монета. На венецианском наречии до сих пор употребляется слово *zekka*, означающее монетный двор. Некоторые объясняли происхождение этой геральдической фигуры тем, что крестоносцы, возвращаясь на родину из Палестины, прибивали к своим щитам подобные византийские монеты, откуда они и перешли в их гербы. Характерны также встречающиеся в западных гербах, в особенности во французских и английских, небольшие птицы, изображенные в профиль без клюва и лап, и известные под названием *merlettes*, похожие на ласточек. Крестоносцы, отправляясь на Восток, помещали изображение этих перелетных птиц на своих щитах, показывая тем, что и они странствуют и бездомны. Лишение же птичек клюва и ног означало те раны и лишения, которым подвергались рыцари в дальнем и трудном походе. Символ этот получил в те времена большое распространение, и если он встречается в гербе какой-нибудь благородной фамилии Западной Европы, можно почти наверное сказать, что кто-нибудь из членов этой фамилии был в крестовых походах и вынес этот знак с собой.

Такое же значение имеют *кресты*, появляющиеся в древних гербах весьма часто и во всевозможных очертаниях, указывая на участие в крестовых походах. О том же свидетельствуют, наконец, изображения *полумесяца* (*croissant*) и *раковины*, составлявшие принадлежность одежды пилигримов. Последние встречаются в гербах крестоносцев с начала XIII века также очень часто под названием раковины Св. Иакова или Св. Михаила.

Специальный термин *эмаль* (*émail*, переводимый у нас словом *финифть*), который в геральдических руководствах издавна применяется ко всем цветам в гербах, получил такое значение потому, что цвета эти накладывались действительно посредством эмали. Это род живописи, который умели применять и доныне еще применяют в Персии, а также в Византии и Аравии на золотых, серебряных и медных сосудах, на оружии, мебели и других предметах. Италия издавна подражала Персии и Византии в искусстве эмали, этим именно способом расписывались гербы на латах, щитах и металлических досках (*plaques*), которые герольды и сами владельцы гербов выставляли перед собой на турнирах. Это слово, *эмаль* происходит от персидского *mina* что означает синий цвет неба, так как первые изделия из эмали были синими. Действительно, древние авторы всегда упоминают *сине-эмалевый цвет* (*bleu d'émail*). Затем термин эмаль сделался общим для обозначения всех геральдических цветов. В старинных словарях слово *mina* переводится и объясняется через *vitreus globulus* или *gemma adulterina coerulea* (стекловидный состав, фальшивый синий камень).

Всего сказанного, кажется, достаточно, чтобы показать, во-первых, какое несомненное влияние имели крестовые походы на развитие и распространение гербов в Западной Европе, а во-вторых, установить связь между европейской геральдикой и Востоком. Действительно, как мы видели, восточное влияние рельефно отразилось в древнейшей геральдике Западной Европы, и первые гербы, особенно в эпоху крестовых походов, часто были подражанием гербов арабов и сарацин, народов по природе своей рыцарских. Рыцари-крестоносцы с увлечением

заимствовали на Востоке, открывавшемся тогда перед ними во всей своей неизведанной привлекательности, множество обычаев, как военного, так и мирного характера, носивших отпечаток восточного изящества и роскоши. Почти все названия цветов, дорогих тканей и драгоценных камней перешли тогда в европейские наречия с Востока. Когда видишь вблизи все эти чудеса блестящей эпохи арабской культуры, то становится понятным, какое неотразимое впечатление она должна была производить на цвет рыцарства Западной Европы, являвшийся из своих малокультурных стран в эти чудные края с богатейшей древней цивилизацией.

Эмблемы старинной геральдики, каковы *стоящие* и *шествующие* (*rampants, passants*) львы и леопарды, *крылатые* кони, быки и т. п., изображаемые во всевозможных изысканных положениях; далее вся эта серия *аллегорических* животных: пеликан, саламандра, грифон, гарпия, ибис и множество других, из которых ни одно не свойственно европейским странам и которые, напротив, всецело принадлежат Востоку,— все эти образы были издревле излюбленными в восточной поэзии, столь богатой символизмом и таинственностью, начиная с древнейшего гиератического языка Египта и до позднейших времен.

Итак, этот богатый символическими образами язык Востока был тогда отчасти воспринят Европой и нашел себе новое выражение в средневековой геральдике.

Лекция III

Развитие геральдики, как специального знания. Происхождение названий: «геральдика» и «блазон». Геральдический язык. Средневековые герольды. Их прототипы в классической древности. Обязанности средневековых герольдов и их организация в Германии, Англии и Франции. Специальные сочинения, написанные герольдами. Позднейшие учреждения по геральдии в западноевропейских государствах. Геральдика, как специальная наука. Начало государственной геральдики в России и появление частных гербов в XVII веке.

В чем именно крестовые походы могли действительным образом содействовать развитию геральдики как специальной науки, распространению ее особых знаков, так сказать, геральдической азбуки, и выработке ее технического языка? На эти вопросы трудно дать определенный ответ. Несомненно лишь то, что геральдика, или *блазон*, как его в те времена называли, появилась в виде такого специального знания именно в эпоху крестовых походов, и так как по существу своему гербы имеют тесную связь с предметами вооружения, то это и дало главное основание видеть в этих дальних заморских походах причину возникновения геральдики. Следует заметить, что приблизительно в ту же эпоху начал распространяться в Западной Европе обычай *турниров*, и особые правила и церемонии, соблюдавшиеся при этих военных состязаниях рыцарства, немало способствовали выработке более точных выражений в геральдике и так называемого геральдического языка, или жаргона (*jargon du blason*). Весь этот своеобразный язык появляется именно в эпоху крестовых походов, он беспрестанно встречается в хрониках, в рыцарских романах и других поэтических произведениях того времени, тогда как столетием раньше мы его вовсе не находим.

Окончательное распространение геральдических формул в течение XI века и появление в языке того времени главнейших терминов, которые с тех пор стали употребляться в геральдике, представляет столь установленный и определенный исторический факт, что вполне оправдывает ученых-геральдистов,

относящих начало геральдики именно к этой эпохе. Вполне соглашаясь с их мнением, что наука гербов первоначально вырабатывает свою теорию в XI веке, мы, однако, усматриваем в этой последней лишь развитие более ранних начал, которые до тех пор были весьма изменчивы и мало объединены, а не создание чего-то нового и до тех пор совершенно неизвестного.

Так, с XI века получают всеобщее распространение новые формулы геральдики, но латинские хроники и рыцарские романы начинают применять этот новый геральдический язык несколько позднее, а именно с XII века. В известном рыцарском романе «*Li romans de Berlhe aus grans piés*» Аденеза, который написан около 1260 года, встречается вполне и правильно выраженная геральдическая формула в следующем стихе:

Elle estait du lignage au preux conte Glausur,
Qui l'escu *portait d'or à un lyon d'azur.*[1]

Вполне понятно, что геральдика, сделавшаяся с этого времени весьма сложной и головоломной наукой, получила свои своеобразные знаки и фигуры и их бесконечные сочетания, а также деления гербового щита и различные ключи к своему алфавиту не случайно, для этих познаний, очевидно, уже должны были существовать свои ученые, и таковыми являлись именно так называемые *герольды*.

Самое название нашей науки *геральдической*, или *геральдикой*, показывает, что она была создана именно герольдами, имевшими обязанность при турнирах *блазонировать*, т. е. описывать герб, проверять и записывать дворянские права рыцарей. Здесь мы встречаемся с новым для нас словом *блазон*, от которого производное *блазонировать*, необходимо его объяснить.

Слово *blazon*, обозначающее гербы вообще, по наиболее принятому толкованию, происходит от немецкого глагола *blasen* — трубить в рог, потому что являвшиеся на турниры рыцари трубили

[1] Она принадлежала к роду доблестного графа Глозю,
Щит которого имел золотое поле и голубого льва.

в рог, а герольды, убедившись, что они действительно принадлежат к рыцарству, *блазонировали* их гербы, т. е. во всеуслышание их описывали. Это *блазонирование* перед турниром имеет характер заимствования с Востока, напоминая весьма распространенный там обычай восхваления и благородного вызова, предшествующих у восточных народов вступлению в бой. «Герольды,— говорит древний французский ученый *Nicot*,— блазонируя герб феодального владетеля или рыцаря, объявляли во всеуслышание о высоком значении его гербовых эмблем, присоединяя к этому похвалы его доблести, и т. п.»[2]. Такое блазонирование гербов герольдами, прежде чем оно стало записываться и подтверждаться на основании геральдических правил, долгое время состояло лишь в устной передаче и объяснении на память гербовых фигур и эмблем.

Но остановимся теперь подробнее на том, что такое собственно были *герольды* в Средние века и в последующие времена.

Звание, соответствующее во многих отношениях средневековым герольдам, существовало еще в классической древности. Это были лица, облеченные известными правами и состоявшие при главе государства. На них возлагались особые обязанности по международным сношениям, и они являлись в них судьями и посредниками, как в мирное, так и в военное время. У греков это были так называемые σχύτοζ[3], о которых упоминает Гомер в «Илиаде». При единоборстве между Гектором и Аяксом со стороны троянцев и греков выступают такие посредники, которые, простирая свои жезлы между сражающимися, прекращают этим условным знаком поединок.

У римлян мы встречаем так называемых *feciales* с подобными же обязанностями: они разбирали международные распри,

---

[2] Отсюда произошло название *blason*, присвоенное гербам. Существует, впрочем, и несколько других объяснений этого слова. Его производят также от английского слова *blaze* — свет, блеск. Наконец, на древнефранцузском *blason* означает щит, а также — похвалу, восхваление (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[3] Вестники (*греч.*).

объявляли войну и, сопровождая посольства, отправлявшиеся для мирных переговоров, гарантировали им своим присутствием безопасность. По словам *Аппиана*[4], в таких случаях у послов обыкновенно спрашивали, находится ли при них *мирный фециал*. При объявлении войны фециалы имели при себе метательное копье, которое они, по произнесении известной установленной формулы, бросали через границу неприятельской земли. Через этих же должностных лиц обнародовались различные распоряжения высших властей, причем они предварительно водворяли в общественных собраниях тишину и затем уже, во всеуслышание, объявляли то, что им было поручено. Фециалы у римлян составляли особую священную корпорацию, состоявшую из пожизненно избранных патрициев, во главе которой стоял верховный фециал, или *pater patratus*. Они пользовались правом неприкосновенности, и им присвоена была особая белая одежда, или *stola*, и жезл, которым они подавали знак к прекращению поединков.

Хотя средневековые герольды и имели некоторое сходство с этими священными герольдами древности в исполнении ими также некоторых обязанностей по международному праву, но к таковым у них присоединялись еще и другие, вытекавшие из условий средневекового быта.

Средневековые герольды, в общепринятом значении этого слова, были лица из военного звания, состоявшие при дворах владетельных особ или при главах рыцарских орденов. Кроме обязанностей дипломатического характера они должны были распоряжаться при различных придворных торжествах и церемониях, руководить рыцарскими состязаниями и турнирами, а также являться посредниками и судьями в различных спорах между дворянами, разрешавшихся оружием. При поединках они обязаны были наблюдать, чтобы не нарушались установленные для таковых правила. Так как гербы в Средние века

[4] Аппиан (?–70-е гг. II в.) – историк Древнего Рима, грек, автор «Римской истории».

сделались признаком благородного происхождения, а иногда и особым отличием, даровавшимся государями рыцарям за славные деяния и особые заслуги, то на правильность и законность пользования ими вскоре обращено было внимание властей. Вместе с тем, при дворах владетельных особ стала ощущаться потребность в таких лицах, которые, обладая известной эрудицией, могли бы разбираться в многочисленных уже существовавших гербах и вырабатывать точные правила для их составления и пользования ими.

Эти же лица должны были иметь знакомство и с генеалогией знатных и рыцарских домов и вести родословные записи, подтверждавшие права лиц благородного происхождения на участие в турнирах и другие привилегии. Такими лицами и были так называемые герольды, которые являлись, как мы сказали, главными распорядителями при турнирах и других торжественных случаях, как радостных, так и печальных.

Если верить свидетельству одного английского историка, епископа *Вилльяма* (*Irish histor. Library.* 1724), то в Ирландии уже издавна существовали такие сведущие в гербах лица, руководившиеся при их составлении определенными правилами. Один из ирландских королей X века, *Оллам*, издал даже особый закон, обязывавший лиц благородного происхождения избирать себе фамильные гербы или исправлять уже существовавшие при содействии этих сведущих лиц. О подобном же вполне достоверном факте сообщает историк *Шотландии Букэнан* (*Rer. Scoticor. hist.*). Замечательно, что при шотландском короле Кеннете III, в конце X века, здесь уже встречается установленный порядок пожалования дворянства и герба — древнейший в Средние века; так, некто Гойюс с сыновьями его, был возведен названным королем в дворянское достоинство, награжден поместьями и гербом, представлявшим три красных щита в серебряном поле.

Весьма интересно проследить процесс развития института герольдов в Германии. Заслуживает внимания, что само слово *herold* несомненно, немецкого происхождения. Некоторые исследователи, как например *Bernd* производили его от немецкого

выражения «*dem Heere Holde*», т. е. обязанные, служащие при войске; другие — от *Heer* (войско) и *alt* (старый), т, е. ветеран, но самое правильное объяснение дал *Seyler* в своей «*Истории геральдики*», он производит это слово от древнегерманского *her* — от *haren* — звать, выкликать и *alt* — от *walten* — управлять, распоряжаться. Таким образом, наименование *herold* обозначало издревле лицо, имевшее обязанности вестника или глашатая. Первоначально оно известно было в германском средневековье до половины XIV века, лишь как прозвище. Ни в древнейших исторических актах, ни в рыцарских поэмах этого времени мы еще не встречаем никаких указаний на какое либо особое звание герольда в том смысле, как мы его понимаем. Отсюда можно вывести два предположения: или герольды в этот ранний период играли еще очень незначительную, едва заметную роль, или же соответствовавшие их званию лица носили в то время какое-либо другое наименование. Это последнее предположение оказывается верным и находит себе подтверждение в исторических памятниках начиная с XII века. Приблизительно с 1180 года древние тексты рыцарских поэм свидетельствуют о том, что при состязательных боях и турнирах того времени, а также при церемониях, сопровождавших посвящение в рыцарство и брачные торжества знатных лиц, появляется новый класс людей, которых эти памятники называют общим наименованием «странствующего, или переезжего, люда» (*fahrendes Volk*). Эти люди, появляясь при дворах государей и других владетельных особ, разносят повсюду славу их щедрости и других высших качеств, восхваляя их в особых, слагаемых ими песнях. Но их необходимо за это щедро вознаграждать, чтобы не заслужить их неудовольствия. Отсюда произошел обычай, чтобы победитель на войне или при поединке предоставлял в пользу этого странствующего люда часть своей военной добычи. Так, например, в одной рыцарской поэме XIV века повествуется, что когда легендарный рыцарь Орендель убил в Иерусалиме на поединке сарацина-великана, то отдал его тело со всеми доспехами убитого странствующему люду, находившемуся при этом.

Те же памятники средневековой поэзии говорят нам, что этот странствующий класс составляли в то время *гарцуны* (*garz^une*), *крогиреры* (*crogiraere*) и, наконец, то, что у нас называлось *скоморохами* (*spielleute*). Первые из них, т. е. гарцуны, стояли в близких отношениях к классу рыцарей. Название их, несомненно, происходит от французского слова *garçon* и переводится ученым *Wackernagel* через выражение «благородный отрок в должности вестника» (*Edelknabe als Bote*), но гораздо ближе передает его современное ему в древних немецких актах название *varender knappe* или *bot*, т. е. посыльный оруженосец, гонец.

Итак, можно отсюда заключить, что эти гарцуны у феодалов несли службу гонцов, переезжая с места на место. Им присваивался особый костюм и жезл из слоновой кости, который впоследствии у герольдов стал называться скипетром. Сходство это с герольдами последующих времен заключалось и в обязанностях, исполнявшихся гарцунами: они объявляли войну, вызывали противника в бой, касаясь своим жезлом его щита и т. д. Различие между гарпуном и крогирером трудно уловимо, кажется, что первый имел перед последним старшинство. И те и другие в рыцарских поэмах XIII века характеризуются как люди «военного клича» (*Leute vom Waffenschrei*), которые испытывают и описывают (*blasnieren* — блазонируют) щиты и шлемы рыцарей, восхваляют их подвиги и при появлении их на турнирах привлекают к ним общее внимание. По окончании турнира те же гарцуны и крогиреры превозносят победителей в самых цветистых и высокопарных выражениях. Заметим, что до половины XIII века упомянутые представители этого странствующего люда встречаются лишь в одиночку, без какой-либо правильной корпоративной организации. На последнем разряде (скоморохов — *spielleute*), мы здесь останавливаться не будем.

Со времен императора Рудольфа Габсбургского, т. е. с конца XIII-го века, наименования гарцуна и крогирера постепенно исчезают в памятниках словесности и вместо них начинают упоминаться так называемые *гербовые оруженосцы* (*Knappen von den*

Wappen), или гербовые пажи (*Wappenknappen*), появляющиеся при рыцарских турнирах. С этого же времени обязанности их становятся более определенными, а именно они находятся на вестях у своих рыцарских господ и исполняют известные установленные действия при турнирах и поединках, о которых мы еще будем иметь случай говорить подробнее. Они же оповещают государей и рыцарей Германии и других стран о предстоящем турнире, приглашая их прибыть к таковому. При этом эти *Wappenknappen* пользуются везде правом свободного проезда.

Название *герольд* (*eralden*) в общепринятом значении мы встречаем в Германии лишь с XIV века. Оно появляется впервые у автора рыцарской поэмы *Петра Зухенвирта*, писавшего между 1356 и 1395 годами. Он сам исполнял обязанность герольда, и стихи его являются особенно ценными по богатству заключающегося в них геральдического материала.

С XIV века институт герольдов в Германии вполне устанавливается и, постепенно развиваясь, достигает[5] до позднейшего времени. Герольды с этих пор образуют особый, весьма многочисленный Цех, во главе которого стоит так называемый *гербовый король* — *Wappenkönig*. Сохранился до нашего времени диплом, выданный на это звание (*rex heraldorum*) императором германским Фридрихом III в 1442 году герольду Рудольфу Ромриху, в котором перечисляются все обязанности, относящиеся к этой должности. Отдельные государства и провинции Германии имели своих особых гербовых королей, обслуживавших по своей специальности рыцарства известной местности. Так, например, особый гербовый король учрежден был в Майнцском архиепископстве и в прирейнском Пфальце. Вследствие этого герольды получали иногда названия тех государств и провинций, к которым принадлежали. Так, например, герольд императора германского (Священной Римской империи) назывался *Romreich*[6], другим присваивались наименования отдельных

[5] Так в тексте.

[6] Римская империя (*нем.*).

германских государств: *Sachsenland*, *Bairland*[7], *Kravatland* (Кроация) и т. п. Иногда, впрочем, герольдам давались и более произвольные названия, намекавшие на их обязанности, таковы, например, имена: *Suchenwirt* (ищет хозяина), *Suchensinn* (ищет значения), *Lob den Frumen* (восхваление доблести) и т. д. Следует заметить, что в Средние века право учреждать герольдов вовсе не составляло исключительной привилегии императоров и других владетельных князей, как это было впоследствии. В те времена каждый граф или другой феодал имел право иметь своего герольда. При дворе германских императоров было пять герольдов: два для Римско-Германской империи, один для Австрийских наследственных земель, один для Богемии и один для Венгрии.

Но в Германии, всегда разделявшейся на множество малых государств, учреждение герольдов никогда не достигало той пышности и блеска, которые мы видим в некоторых других странах Западной Европы, где королевская власть являлась более развитой и могущественной. В Англии, например, уже с XII века герольды применяли свои знания и искусство при дворе королей, и знание их пользовалось особым почетом. Король Эдуард III (1327–1376) дал им правильную организацию. Разделив свое королевство на две провинции, к северу и югу от реки Трент, он учредил в каждой из них особую корпорацию герольдов с гербовым королем во главе. Северный назывался *Northroy* или *Norroy*, а южный —*Southroy* или *Surroy*, этот последний, впрочем, впоследствии получил название *Clarencieux* по имени герцога Кларенса, брата короля Генриха V. При учреждении известного английского ордена Подвязки королем Эдуардом III в 1344 году герольд этого ордена, имевший отсюда наименование *Garter* (подвязка), получил старшинство над двумя первыми герольдами и поставлен был во главе учрежденной королем почти одновременно геральдической коллегии (*Collegium Heraldorum*). Герольды отдельных графств Англии

[7] Саксония, Бавария (*нем.*).

различались цветами своего костюма, который, кроме того, украшался соответствующим гербом. Названия их также указывали на гербовую эмблему или имя того или другого владетельного лица. Таковы, например, названия герольдов: *Carlisle*, *York, Rose Blanche* (эмблема дома Йорк), *Blanch Sanglier* (белый вепрь — гербовая эмблема короля Ричарда III), *Eagle* (орел — шлемное украшение Эдуарда III) и т. п.

Во Франции самая ранняя организация службы герольдов приписывается королю Людовику VII, который установил их обязанности при короновании своего сына Филиппа-Августа[8], и повелел украсить изображениями лилий все предметы королевских регалий, служившие при этой церемонии. Но учреждение герольдов во Франции получило полное развитые при Карле VI в начале XV века. Здесь они также имели особо присвоенный им пышный костюм и носили названия отдельных больших феодальных владений королевства, причем число их достигало 30. Так, например, герольд герцогов Бретанских назывался *Bretagne*, Нормандских — *Normandie*, Бургундских — *Bourgogne* и т. д. Только один из них, герольд самого короля Франции, составлял в этом отношении исключение и назывался *Montjoie*, напоминая этим военный клич Франции — *Montjoie St. Denis*. Вспомним здесь известную сцену Шекспира, из его «Генриха V» (действие IV, сцена 7)[9]. На поле битвы при Азенкуре этот король Англии обращается к герольду Франции *Montjoie*. Между ними происходит следующий диалог:

Король Генри́х

Герольд, сказать по правде, я не знаю,
Кто одержал победу: мы иль вы?
Ведь по полю немало разъезжает
Французов и до сей поры.

---

[8] Филипп II Август (1165–1223) — французский король с 1180 г.

[9] Битва при Азенкуре произошла 25 октября 1415 г. Французская армия значительно превосходила английскую, но сражение проиграла.

Monljoie

Победа

Осталась за вами.

Король Генрих

Не себя, А Господа мы за нее прославим!
Как замок тот зовется?

Monljoie

Азенкур.

Король Генрих

Так назовем мы Азенкурской битвой
Сражение, что было здесь дано
В день двух святых, Криспина с Криспианом.

Здесь интересно указание на одну из обязанностей герольдов в военное время, а именно им поручалось решать, за кем в сражении осталась победа. Любопытно заметить, что в приведенном отрывке Шекспир совершенно согласуется с современной этой битве французской хроникой *Monstrelet*.

Кроме отдельных стран имели своих герольдов также различные рыцарские ордена. Мы уже упоминали про герольда ордена Подвязки в Англии. Герольд Бургундии, которого император Карл V в 1521 году послал к французскому королю Франциску I, носил название *Toison d'Or* (Золотое руно), будучи вместе с тем и герольдом этого знаменитого ордена. В статусе французского ордена Св. Михаила, учрежденного королем Людовиком XI в 1469 году, говорится: «Учреждается должность, именуемая *герольд-король герба*, название его будет — *Mont St. Michel*, в каковую должен быть избираем человек испытанный, с хорошей репутацией и имеющий достаточные познания по своей части».

Итак, везде, где учреждались герольды, в это звание избирались люди опытные в специальности, касавшейся гербов. Они утверждали правила для изготовления таковых и выработали из этого с течением времени весьма сложную науку. Познания свои герольды приобретали не сразу, а путем известной

подготовки. То, что сохранилось в этом отношении от римской эпохи и Средних веков, без сомнения легло в основание этих специальных знаний. Герольды дополняли и обогащали таковые через изучение существовавших еще в их время древних монет, оружия и других памятников древности и собранное таким образом из собственных наблюдений приводили в связь с тем, что уже ранее вошло в употребление в гербах. Заметим, что при выработке правил для составления новых гербов герольды нередко переходили целесообразную меру в своей науке, искажая первоначальный характер «доброго старого искусства герольдов», своих предшественников, излишними осложнениями. Это замечается особенно в геральдике XVII века.

С XIV столетия герольды, как мы видели, образовали из своей среды особые цехи, в которых существовали степени, а именно мастеров, или герольдов, их товарищей, или заменяющих, так называемых *сведущих в гербах* (*wappenkundige*), или *persevanten* (*poursuivants*), и, наконец, учеников, называвшихся также вестниками (*boten*) или гонцами (*läufer*), пеших и конных. Эти последние исполняли маловажные должности, подготовляясь к. высшим степеням. Как было уже сказано, во главе корпорации герольдов стоял *гербовый король* (*wappenkönig, roi d'armes*), торжественно возводившийся в это звание и получавший при этом корону, скипетр и золотую цепь, означавшие его достоинство.

Герольдам мы обязаны первыми сочинениями геральдического характера, дошедшими до нас. С XIV века некоторая часть науки герольдов стала распространяться сначала посредством рукописей, а с открытия книгопечатания она становится уже общим достоянием. Во Франции одним из древнейших рукописных произведений геральдического содержания было сочинение *Якова Бретекса*, относящееся к 1285 году, в котором он описывает в стихах турниры, происходившие в г. Шонанси, причем блазонирует гербы участвовавших рыцарей. Существует также и другая французская рукопись 1253 года под заглавием «Об обязанностях герольдов и о цветах, употребляемых в

гербах» — она представляет извлечение из более древнего трактата. Наконец, дошел до нас французский гербовник (*armorial*) 1312 года, содержащий «имена и гербы рыцарей, находившихся в Риме при короновании Генриха VII». Впрочем, геральдическое содержание этих произведений еще довольно скудно. Гораздо замечательнее в этом отношении сочинения двух французских герольдов XV века *Berry* и *Sicile*.

Berry был главным герольдом Франции (*premier hérault*) при короле Карле VII (ум. 1461), который возвел его в звание гербового короля. Он объехал всю Францию, собирая гербы существующих и отчасти угасших фамилий, для чего исследовал замки, а также надгробные памятники в церквях и аббатствах. Результатом его исследований было сочинение под заглавием «*Le régistre de noblesse*»[10], заключавшее в 13 главах описания гербов короля, принцев, высшего и низшего дворянства Франции, а так-же и других соседних стран. Из этого сочинения *Berry*, оставшегося в рукописи, мы узнаем также, что герольды вели особые родословные записи, в которые заносились благородные фамилии с их гербами. Такой порядок велся во Франции и в последующие времена, до самой революции,

Сочинение другого герольда, *Sicile*, не есть, подобно книге Вепу, простой список гербов, или арморнал, это, напротив, трактат о геральдическом искусстве. *Sicile* жил и писал приблизительно в ту же эпоху, т. е. в первой половине XV века и посвятил свой трактат королю арагонскому Альфонсу V (1416—1458). В своем введении *Sicile* говорит, что будет излагать новый способ блазонирования, и этим устанавливает существование двух различных блазонов, а именно древнего и нового, каковому полагает начало и который, развиваясь в последующие времена, дошел и до нас.

В Германии древнейшим известным нам поэтом-герольдом является *Конрад Вюрцбургский* (ум. 1287 г.). Его стихотворения, преимущественно легендарного содержания, свидетельствуют о его эрудиции и обширных познаниях в области

[10] Список дворянства (*франц.*).

гербоведения. В его стихах встречается значительная примесь геральдических подробностей (при описании гербов). Из других подобных же писателей этого периода, имеющих отношение к геральдике, можно назвать *Hierselein* (начало XIV века), *Оденвальского короля* (1340) и *Виганда Марбургского* (XIV век), воспевавшего подвиги Тевтонского ордена меченосцев. Но особенно плодовитым является австрийский *персевант* (*wappenkundige*) *Петр Зухенвирт*. Его стихотворения (*Ehrenlieder*), восхваляющие славные деяния австрийских рыцарей, представляют весьма ценный материал для изучения древней геральдики и дошли до нас почти все. Наконец, баварский герольд *Holland* составил в 1420 году перечень в стихах всех баварских рыцарских родов, имевших право участвовать в турнирах.

Закончим наш обзор этих древнейших геральдистов ученым правоведом *Bartolus a Saxoferrato*, который жил между 1313 и 1355 годами и был тайным советником при дворе императора Карла IV. Он собрал основные правила науки герольдов в своем трактате «*De insignis et armis*», который в первый раз был напечатан в Венеции в 1472 году.

Герольды по самому характеру своей должности часто имели знакомство с иностранными языками, преимущественно с французским, которому принадлежала вся геральдическая терминология, перешедшая в Англию, Испанию и Италию, а также и с латынью. Упоминавшийся нами баварский герольд *Holland* в своем сочинении хвалится знанием шести европейских языков, в том числе польского и венгерского. Но, несомненно, самым необходимым и существенным знанием для герольдов было гербоведение, ибо в те времена знание гербов было тождественно со знанием лиц. Конечно, к этим познаниям герольдов примешивалось немало недостоверного и баснословного, но, тем не менее, они часто являлись людьми весьма учеными по тогдашнему времени.

В заключение скажем несколько слов о позднейшей судьбе института герольдов в Европе. Следует заметить, что по мере того, как обязанность герольдов становилась государственной,

прежний ее средневековый характер стал постепенно исчезать. Герольды XVIII столетия уже не имеют корпоративной организации и превращаются в почетную должность. Это по большей части придворные лица, которые облекаются в пышную одежду герольдов лишь при различных торжественных случаях. Во Франции при Людовике XIII[11] должность королевского герольда преобразована была в новую, носившую название советника и генерального судьи гербов (*conseiller-juge général d'armes*). Следует заметить, что когда королевская власть во Франции заменила всех феодальных князей, то и герольд короля заменил всех прочих. Должность судьи гербов снова заменена была при Людовике XIV в 1696 году генеральным гроссмейстером гербов (*grand maitre général des armoiries*) и хранителем арморияла[12].

Известный геральдист Карл д'Озье (*d'Hozier*), дворянин из Прованса, занимал эту последнюю должность. В это время верховная власть во Франции предоставила себе исключительное право пожалования и утверждения герба и установила штрафы за употребление неутвержденных гербов, вследствие чего явилась необходимость подтверждать свои права на употребляемый герб. Тогда же установлена была такса за такое утверждение, и под именем «*разыскивания прав на герб*» (*droit de recherche*) явился значительный фискальный доход: он установлен был в 1696 году в размере 20 ливров за каждый герб, и число последних возросло тогда во Франции до 30 тысяч. В 1701 году, еще при Людовике XIV, восстановлена была должность судьи гербов, которая и просуществовала до самой французской революции, когда была окончательно упразднена, вместе с другими учреждениями древней Франции, в знаменитую ночь на 4 августа 1789 года.

В Англии учреждение герольдов оказалось наиболее прочным и существует почти без изменений до настоящего времени. Коллегия герольдов (*College of heralds*), преобразованная в XV

[11] Людовик XIII (1601–1643) – французский король с 1610 г.
[12] Т. е. гербовника (*франц.*).

веке из древнейшего учреждения королем Ричардом III и состоявшая тогда из трех гербовых королей и известного числа герольдов и персевантов, впоследствии дополнена была гербовым королем Шотландии — с наименованием *Lyon*, и Ирландии — с именем *Ulster*. Эта палата, или коллегия, герольдов, члены которой все должны быть природные англичане дворянского происхождения, заведуют доныне всей гербовой частью Соединенного Королевства Великобритании. Они имеют наблюдение за гербами, а также сохраняют в своем архиве родословные списки знатных и благородных фамилий, чтобы иметь возможность давать справки о происхождении и брачных связях рода.

В других государствах Европы подобные учреждения возникали и в позднейшее время. Так, в Бельгии палата герольдии в Брюсселе учреждена была в 1628 году, а в Пруссии — при короле Фридрихе I в 1706 году, тогда же учреждена была в Берлине при дворянской академии (*Ritteracademie*) первая в Европе кафедра геральдики в лице сына известного геральдиста *Spener'a*. У нас в России герольдмейстерская часть учреждена была по примеру Пруссии Петром Великим в 1722 году. Заметим здесь, что гербы в России начинают появляться со второй половины XVII века под влиянием постоянных сношений, установившихся с Польшей и Западной Европой. Русская геральдика обязана своим происхождением царю Алексею Михайловичу. Если до него и существовали некоторые эмблемы, как, например, двуглавый орел государственной печати, печати некоторых городов и т. п., то они не имели полноты и законченности, не усвоили себе еще постоянных геральдических форм. По просьбе царя император Леопольд I прислал в Москву своего герольдмейстера *Лаврентия Курелича* (или *Хуревича*), который в 1673 году написал сочинение, оставшееся в рукописи,— «О родословии Российских великих князей и государей, поднесенное царю Алексею Михайловичу от цесарского советника и герольдмейстера Лаврентия Курелича, с показанием имеющегося посредством браков сродства между Россией и восмью Европейскими державами, т. е. цесарем

римским и королями: английским, дацким, французским, гишпанским, польским, португальским и шведским и с изображением оных королевских гербов, а в средине их — великого князя Св. Владимира, на конце же — портрета царя Алексея Михайловича». Сочинение это служило важным пособием для Посольского приказа; подлинник его на латинском и русский перевод хранятся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. Не меньшее значение имел труд государева печатника боярина *Артамона Сергеевича Матвеева*, «Всех великих князей Московских и всея России самодержцев персоны, и титла, и печати». Труды эти, без сомнения, имели влияние на создание первых русских гербов. Однако во времена царя Алексея Михайловича, как говорит Котошихин[13], в России еще не были введены гербы для частных лиц. Под влиянием Польши в это время появляются, впрочем, у некоторых бояр и у патриарха Никона так называемые *клейноды* (заменявшие гербы). Так, и у архиепископа Афанасия Холмогорского, по словам Двинской летописи, был «рисунок с примера клейнота патриарха, а под гербом на клейноте надпись латинскими литерами имени архиепископа». Впервые упоминается у нас определенно о гербах в петровской *Табели о рангах* (1722), но говорится как об учреждении уже существующем. Следовательно, нужно полагать, что гербы введены в России при Феодоре Алексеевиче, царевне Софье и Петре Великом. Многие дворяне в то время уже составляли себе гербы и употребляли таковые. Необходимо было привести это учреждение, перешедшее само собой с Запада в русское дворянство, в порядок, дать ему определенность и законность.

Для разборки и доказательств дворянства, для составления и утверждения гербов 12 января 1722 года была учреждена Петром Великим должность *герольдмейстера* и Герольдмейстерская

[13] Котошихин Григорий Карпович (ок. 1630–1667) — подьячий Посольского приказа, в 1664 г. бежал в Литву, затем в Швецию, по заказу шведского правительства составил сочинение о России.

контора при нем, и дана ему инструкция, что он должен составлять и утверждать гербы дворянским родам, а «А понеже сие дело нового основания, того ради надлежит ему ко управлению Герольдмейстерской должности искать всякого способа, а именно: каким образом, или порядком знатных и прочих фамилий в родословных и прежних гербах и вновь данных быть имеются: и для того к тому пристойные книги других Государств приискивать и переводить; что по тому изобретено будет, о том ему Герольдмейстеру обстоятельно доносить Сенату, а в Сенате рассмотря, докладывать Его Императорскому Величеству».

Выходцы, иностранные дворяне, перешедшие в Россию, могли просить правительство об утверждении их иностранного герба. При этом правительство наше справлялось в иностранных государствах, действительно ли такой-то дворянский род имеет такой герб, и после этого уже утверждало таковой за известным родом.

Впоследствии для таких справок была переведена в Посольском приказе латинская книга, называемая «Гербовник шляхетский польского и литовского народа» *Окольского* и «*Orbis polonus*», изданный в Кракове в 1641 году.

Преобразование герольдии произошло затем при Екатерине II, внесшей в дворянские гербы некоторые усовершенствования.

Само слово *герб* заимствовано было у нас с польского *herb* и встречается во многих славянских наречиях (*herb, erb, irb*) в значении наследник или наследство. Таким образом, само название этой эмблемы указывает на ее наследственность и неизменяемость.

Лекция IV

Связь геральдики с историей дворянства в европейских государствах. Главнейшие отличительные черты развития феодальною дворянства во Франции, Германии, Англии, Италии и Испании.

История геральдики имеет тесную связь с *историей дворянства* в европейских государствах, и нередко первая восполняет и объясняет собой последнюю. Поэтому не излишним будет ознакомиться хотя в общих чертах с историческим характером дворянского сословия главнейших стран Западной Европы, в которых получила свое начало и геральдика.

Все историки Средних веков согласны между собой в том, что во франко-германских государствах Европы дворянское сословие развилось на почве феодализма. Однако ранее эпохи крестовых походов в Западной Европе не существовало еще ничего похожего на то, что впоследствии стало называться дворянством, т. е. резко обособленного класса, различавшегося от других наследственными титулами, родословиями, прозвищами и фамильными гербами. Что же касается дворянства, основанного на владении леном или на исполнении военной службы как особой почетной обязанности, то таковое встречается и ранее указанной эпохи. Еще Карл Великий призвал класс всадников к службе в войсках. Со времен германского императора Генриха Птицелова, т. е. с X века, военная служба почти исключительно исправлялась этими всадниками и мало-помалу перешла совершенно к дворянству, которое несло его со своими подвластными.

Зарождение дворянского сословия во Франции относится еще к эпохе Меровингов[1]. У франков не существовало наследственного

[1] Меровинги – первая королевская династия во Франкском государстве (конец V в. – 751 г.).

дворянства, но в это время образовался особый класс дворянства личного, основанного на службе и придворных отношениях к королю. Весьма вероятно, что фамилии, отличавшиеся древностью, пользовались у франков особым уважением и что члены их входили в состав королевских приближенных, или так называемых *антрустионов*. Но известно, что в число этих последних допускались также и другие свободные люди из франков и германцев и что высшего положения при королях достигали нередко лица, принадлежавшие к простому классу и даже из несвободных людей. Эти антрустионы пользовались известными привилегиями, и за убийство одного из них полагалась тройная плата против цены простых граждан, по салическим законам. Но высокое положение и преимущества этих королевских приближенных оставались только личными, пока пожалования этим придворным королевских *бенефиций*, состоявших из земельных владений, не превратили их мало-помалу в наследственные. В этих пожалованиях коренились начала последующих феодальных отношений, на почве которых и развилось дворянское сословие франко-германских государств.

Владельцы бенефиции в период Каролингов являются уже самыми богатыми и знатными лицами в государстве. Они стоят близко к королю и разделяют с ним высший суд и ведение государственных дел, причем их высокое положение постепенно становится наследственным. Герцоги и графы, управлявшие вверенными им провинциями почти на правах самостоятельных государей, стали во главе зарождавшегося благородного класса. В подражание им их собственные вассалы, а равно и вассалы короны, и даже богатые владельцы еще не исчезнувших *аллодов* (наследственных имений), принимали титулы от владеемых ими городов, замков и земель и образовали целый класс мелких графов, баронов и виконтов. Этот разряд дворянства стал распространяться в непосредственной связи с развитием феодальной системы. Таким образом, с XI века, при Капетингах дворянство во Франции является уже организованным сословием, т. е. обладающим известными привилегиями, и притом

наследственным. Оно естественно подразделялось на высшее, среднее и низшее.

Каждый держатель ленного участка был дворянином, хотя бы он владел лишь несколькими акрами земли и мог выставить лишь одного воина, снаряженного к бою. С этого времени стала сказываться необходимость в каком-либо особом признаке благородного происхождения помимо владения леном. Такая потребность вызвала два нововведения, которые входят в обычай в XI и особенно в XII и XIII столетиях, а именно принятие *фамильных прозвищ* и *гербов*. Первые появляются несколько ранее, а именно с того времени, как сеньоры стали прибавлять к личным своим именам названия территориальных владений или же, неся какое-либо личное прозвище, стали передавать его своему потомству. Такие примеры восходят еще к X веку. Что же касается гербов, то мы уже говорили о глубокой древности отличительных эмблем вообще, а также и о том, что в виде специально-геральдических символов таковые встречаются не ранее XI века, во всеобщее же употребление входят лишь с XII и XIII столетий.

Во Франции держатели крупных феодов, непосредственно зависевших от короля, какие бы титулы они при этом ни носили, составляли класс *высоких баронов* (*hauts barons*). Они были первоначально *пэрами* (*pairs*) королевского двора, имели высшую территориальную юрисдикцию и право вести вассалов на войну под своим знаменем (*bannière*). Подчиненным классом являлись вассалы этого высшего дворянства, которым присваивалось общее название *вавассоров*. Владельцы замков (*châtelains*) принадлежали к этому классу вавассоров, они стояли выше прочих мелких ленных владельцев и заимствовали свои фамильные прозвища от своих замков, что имело по тому времени особое значение.

Таким образом, мы видим, что во Франции первоначальное дворянство возникло из условий феодальной системы и не происходило через какое-либо пожалование со стороны государей, как мы это замечаем впоследствии. Но уже с конца XIII столетия французские короли начали присваивать себе исключительное

право жаловать дворянство собственной властью и без всякого отношения к ленному владению. Филипп Смелый в 1271 году был первым французским королем, который начал давать жалованные грамоты на дворянство, а при Филиппе Красивом и его преемниках таковые сделались весьма обычными.

Это произвело перемену в характере французского дворянства и сильно повлияло на уменьшение его политического могущества и независимости феодальной аристократии. Привилегии, которые до тех пор соединялись лишь с древностью рода и обширностью земельных владений, стали даваться лицам случайного и незнатного происхождения, вследствие чего утратили свою цену и право на особое уважение. С этих пор законы о дворянстве были истолкованы в таком смысле, что оно не может существовать без королевского пожалования. Отсюда явилось следствием, что и гражданские должности административного и судебного характера стали давать право на такое пожалование (так называемое *noblesse de robe*). Учреждение рыцарства также значительно увеличило количество благородных, так как оно, вместе с тем, давало и дворянство.

Заметим здесь, что дворянство в Западной Европе вообще различалось от рыцарства. Можно было быть дворянином, не будучи рыцарем, рыцарство же давало дворянство *ipso facto*[2]. Один средневековый писатель выражается так: «Nemo eques nascitur, sed fit per habentem potestatem solita sub formula»[3]. Рыцарское достоинство всегда оставалось личным и не передавалось по наследству. Даже сыновья королей не родились рыцарями, по крайней мере в Средние века.

Ménéstrier приводит в пример письмо германского императора Конрада, сына Фридриха II, в котором он извещал граждан г. Палермо, что желает среди них принять достоинство и пояс рыцаря. Известно также, что французский король Франциск I

[2] Самим фактом (*лат.*)

[3] Никто не рождается рыцарем, но становится им при наличии могущества и с соблюдением принятой процедуры (*лат.*).

пожелал получить рыцарское посвящение от знаменитого Байярда на поле битвы при Мариньяно. Впрочем, по свидетельству *Monsfrelet*, дети государей в XIV и XV веках иногда получали рыцарское достоинство и от самой купели: так, например, второй сын императора Карла V при крещении имел восприемником по рыцарству знаменитого Дю Геклэна. В феодальную эпоху все владетельные сеньоры считали себя вправе передавать другим рыцарское достоинство через посвящение, но впоследствии государи оставили это право за собой,

Рыцари во Франции подразделялись на рыцарей-баннеретов (*chevaliers bannerets*), имевших свое знамя, и рыцарей низшего достоинства (*bacheliers*). Отличием последних служил значок с длинной косицей (*pennon à queue*). Право на рыцарское достоинство давало благородное происхождение, которое доказывалось «*по имени и гербу*» (*gentilesse de nom et d'armes*), т. е., по объяснению *Дю Канжа*, требовалось удостоверить свое дворянство не только по отцу и деду (что считалось достаточным для утверждения в простом дворянстве), но еще и по женским линиям в двух поколениях. Впрочем, с XIV столетия короли имели право возводить в рыцарство в награду за особо выдающиеся заслуги и лиц из низших классов, которые, таким образом, и получали дворянство.

Итак, рыцарство являлось достоинством, которое прибавлялось к благородному происхождению. Но, независимо от этого, права рождения и наследственность установили в рядах дворянства Франции особую сословную иерархию, степени которой различались обычаями узаконенного старшинства. Мы уже упоминали о *пэрах* Франции, первоначально их было 12, по числу, освященному поэзией Средних веков (*chansons de gestes*), воспевавшей легендарные подвиги Александра Македонского, Карла Великого и английского короля Альфреда[4]. Из них шести *светским пэрам* присваивались титулы главных феодов французской короны: Бургундии, Нормандии, Гюйенна, Фландрии, Тулузы и

[4] Альфред Великий – англосаксонский король в 871–899 гг.

Шампани; шестью же духовными пэрами были старшие архиепископы и епископы королевства. История пэрии во Франции представляет четыре периода. Первый кончается с исчезновением упомянутых больших феодов через присоединение их к короне, кроме Фландрии, которая отделилась от королевства. С этих пор, во втором периоде, французские короли стали давать пэрство и герцогство (*ducat*) как почетные титулы, не соединявшиеся уже, как было до тех пор, с феодальным владением. Иоанн Бретанский был первым из таких пожалованных паров в 1297 году. Третий период пэрства отмечается возведением в это почетное достоинство иностранных принцев с 1505 года и, наконец, четвертый — возведением в герцогства, соединенные с пэрством, важнейших дворянских владений в королевстве.

Непосредственно за пэрами следовали по достоинству, герцоги (*ducs*), маркизы и графы (*comtes*). Первые подразделялись на герцогов-пэров и простых герцогов, наследственных и пожизненных. При торжественных случаях и церемониях эти титулованные лица различались внешними знаками своего достоинства. «Инвеститура герцога,— по словам писателя XV столетия *La Sale,*— состояла в возложении на голову золотой герцогской шапки, украшенной жемчужинами; маркиза — через перстень с рубином; графа — через перстень с алмазом. Корона герцогов имеет украшения в виде цветков (*fleuronnée*) из драгоценных камней, графская украшена жемчужинами; маркиза украшена наполовину цветками, наполовину жемчужинами». Затем шли по порядку старшинства *виконты*, *видамы* (*vidames*) и бароны. Этот последний титул имел, первоначально, более общее значение и обозначал вообще вассалов короны, не имевших других титулов. Низшую степень дворянства составляли владельцы замков (*châtelains*), оруженосцы (*écuyers*) и простые дворяне (*gentilshommes*).

История *немецкого* дворянства (*Adel*) отличается несколькими существенными особенностями от французского.

В Германии до конца XIII столетия почитался за настоящее государственное дворянство (*Reichsadel*) лишь один древний

класс *князей* (*Fürsten*) и *господ* (*Herren*), несколько увеличившийся с течением времени через воспринятие новых фамилий.

К этому классу принадлежали *светские князья* (герцоги, марк- и пфальцграфы, ландграфы, бургграфы) с наследственным достоинством, *высшее духовенство* (*geistlishe Fürsten*), не по рождению, а лишь по занимаемым должностям, и, наконец, *свободные господа* (*Freie Herren*). Эти последние, хотя наследственно владели не княжествами, а дворянскими имениями (*Herrschaften*) с правами высшей юрисдикции, но имели право также являться на государственные собрания наравне с князьями. Этот разряд свободных господ, носивший также по швабскому закону (*Schwabenspiegel*) название *вполне свободных* (*semper freie, sendbar freie*, также *hochfreie*), имел особенную характеристичную для Германии черту: вполне самостоятельное господство в своих владениях (*Landeshoheit*) и образовал с течением времени нечто вроде местных владетельных династий. Они относились непосредственно к государству, завися только от императора.

Между этим высшим дворянством и простым классом стояли так называемые *полусвободные* (*Mittelfreie*). Этот класс составляли, во-первых, те из свободных, которые первоначально за свои поместья обязаны были нести конную службу и впоследствии не приобрели полной независимости от местных властей, и, во-вторых, находившиеся в вассальных отношениях к высшему государственному дворянству и обязанные под его начальством нести конную службу в качестве меньших воинов (*milites minores*). Они также предъявляли права свои на титул благородных и получили большое значение, особенно с тех пор, как Конрад II узаконил наследственность и в низших ленных владениях. Таким образом возникло в Германии мало-помалу высшее и низшее дворянство. Эти-то свободные и полусвободные со своими вассалами несли совместно государственную военную службу и образовали то, что впоследствии разумелось под названием дворянства, тогда как другие свободные классы в Германии (так называемые *gemeinfreie*) были совершенно исключены из этой почетной обязанности и, вместе с тем, не имели также и прав на

приобретение рыцарского достоинства. В некоторых имперских городах Германии к этому последнему разряду принадлежали именитые граждане (*geschlechter, Patricier*), отличившиеся заслугами по городскому управлению и происходившие нередко из фамилий рыцарского достоинства.

Образовавшиеся таким образом общественные группы высшего и низшего дворянства делились на особые разряды, которые носили в Германии в Средние века название *войсковых щитов* (*Heerschilde*). Первоначально таковых существовало только шесть, и лишь в XIII веке к ним присоединился седьмой щит. Относительно внутренней организации этих разрядов дошедшие до нас сведения довольно скудны. Из феодального права Швабии мы узнаем, что они пополнялись только лицами, имевшими право достигать рыцарского достоинства (*Rittermässige*). Но уже около 1300 года, вскоре после падения Гогенштауфенов[5], это деление исчезает совершенно, и его заменяет более определенное разделение дворянского сословия в Германии на князей, графов (*Grafen, Freie*), служащих господ (*Dienstmannen, Dienstherren*) и правоспособных к рыцарству, называвшихся также просто благородными (*Edelleute, Einschildritter*) , к которым примыкали также оруженосцы (*Edelknechte, Dienstleute*) и другие представители низшего дворянства.

В Германии не образовалось столь многочисленного класса пожалованного дворянства, происшедшего из военных и гражданских должностей, какое мы видим во Франции. Здесь мы встречаем такое пожалование в дворяне только из среды ученых, но зато Германия изобилует пожалованными дворянскими титулами, в чем выразилось подражание французам.

В *Англии* дворянство в Средние века составилось из двух различных национальностей, а именно из англосаксонской и норманнской. Норманны в первые века после покорения Англии Вильгельмом Завоевателем (1066) имели фактический

[5] Гогенштауфены (Штауфены) — династия германских королей и императоров Священной Римской империи в 1138–1254гг.

перевес над саксами, но в то же время между этими национальностями оказалось много общего в образе жизни, обычаях и воспитании. Национальное дворянство саксов составлял класс *эорлов* (*Eorls*), различавшийся своим привилегированным положением от простонародья (*Ceorls*).

Ленная система проникла и в Англию, но здесь она получила своеобразное развитие. Раньше существовало мнение, что она введена была в Англии норманнами, но новейшие исследования доказали, что она существовала здесь и ранее и что саксонские *таны* были те же ленные владельцы, обязанные верностью и военной службой королю. Норманнское же господство действительно закрепило этот строй и дало Англии более выработанный характер феодального государства. Но Вильгельм Завоеватель ввел в покоренной им стране военную организацию феодализма лишь настолько, насколько это было нужно для безопасности его завоеваний. Поощряя введение в Англии той ленной системы землевладения, какая была в употреблении в Нормандии, он в то же время принимал меры против усиления могущества норманнских феодальных владетелей. Лены и поместья, которые он раздавал, не составляли больших феодальных владений.

В начале норманнского периода коронные вассалы считали себя правящим классом, на подвассалов смотрели как на среднее сословие, а на остальное население — как на податной класс.

Ленная система имела повсюду стремление создать наследственный класс подвластных людей посредством слияния должности с владением и превращение всяких отношений зависимости в материальное подчинение. В Англии королевская власть остановила развитие подобного порядка вещей. «Государство было здесь достаточно сильно,— говорит *Гнейст*,— чтобы ставить всякое увеличение прав в зависимость от высших услуг государству и помешать таким образом обращению дворянства и рыцарства в наследственные сословия, а напротив того, придать им характер общественного класса».

Таким образом, благодаря влиянию королевской власти в Англии образовались три следующие общественные группы.

Первой из них был класс *крупных вассалов*, подвергавшийся наибольшим переменам: он обнимал, при первоначальном распределении после завоевания, тех лиц, которые уже на континенте были графами или доставляли целые отряды в состав войска. Это так называемые *barones majores*.

Второй класс образуют менее значительные коронные вассалы в их постепенном слиянии с подвассалами. Мелкие коронные вассалы ничем не отличаются в их праве владения (*tenure*) от крупных владельцев. Многие из них посредством влиятельных должностей приобретали и внешнее положение в государстве, равное крупным вассалам. В первоначальном числе четырехсот этих так называемых *barones minores* большая часть состояла из лиц, уже владевших рыцарскими ленами в Нормандии или из их младших братьев и сыновей.

Наконец, третьим классом были свободные и несвободные земледельцы, жившие на чужих землях.

Вследствие отчуждения и разделения рыцарских поместий, особенно усилившихся в эпоху крестовых походов и дробления ленов число мелких ленных владельцев в Англии с течением времени значительно увеличилось. Все указанные причины помешали английскому рыцарству в Средние века превратиться в замкнутое наследственное сословие. Не владение само по себе, а достоинство, достигнутое военной службой, которая составляла повинность коронных вассалов, давало право на титул *господина* (*dominus, sir*) как выражение личного почета. В Средние века он давался также и лицам высшего духовенства и получившим ученую степень в университете. Более специально обозначает рыцарское достоинство слово *knight*. Владельцы рыцарских поместий, не достигшие рыцарского звания, назывались *scutarii, esquires*. Усвоение фамильных гербов становится с крестовых походов и в Англии все более распространенным обычаем, который вызван был в то время, как мы показали это раньше, необходимостью вследствие характера тогдашнего вооружения.

Процесс правового развития сословий в Англии продолжался довольно долго и лишь к концу XV века выработал

законченные формы, стоявшие в тесной связи с парламентским строем.

К тому времени высшее сословие Англии составляют духовные и светские пэры, между которыми первые пользуются, в силу стародавнего обычая, старшинством. Светские пэры разделяются на пять разрядов, а именно: *герцогов* (*dukes*), *маркизов* (*marguises*), *графов* (*earls*), *виконтов* (*viscounts*) и *баронов* (*barons*), которые имеют право наследственного представительства в парламенте. Следующее место в ряду сословий занимают рыцари или, вернее, *владельцы рыцарских поместий*. Этот класс образовался из слияния коронных вассалов с подвассалами и наиболее крупными из вольных землевладельцев.

Рыцарское землевладение в Англии никогда не имело характера прирожденного звания, но владельцы этих поместий имели, однако, одну сословную привилегию — быть избираемыми представителями графства, причем преимущество отдавалось наиболее именитым фамилиям. Среднее землевладельческое дворянство (*gentry*) очень дорожило этой привилегией и гордилось древностью рода и герба.

Заслуживает внимания, что война с Францией в XV столетии имела большое влияние на распространение в Англии французских обычаев. Частые соприкосновения с французским дворянством и с его сословными взглядами способствовало усилению сословного духа и в английском рыцарстве. Турниры, которые раньше подвергались в Англии строгому запрещению, вошли тогда в обычай. Употребление гербов как фамильных эмблем со времени войны с Францией сделалось всеобщим и даже считалось наследственным правом. Вообще в эту эпоху геральдика со своими правилами для турниров, гербовыми щитами и родословными играет в Англии видную роль. При Эдуарде III и Генрихе IV учреждаются почетные рыцарские ордена Бани и Подвязки. Обряд посвящения в рыцарское достоинство также воскрешается в то время во всей своей торжественности.

Дворянство Англии имеет в государственном строе этой страны самые крепкие национальные основы и является до

настоящего времени замечательным живым образцом древнейшего сословного учреждения в Европе.

В *Италии* феодальные учреждения не имели ни тех выработанных форм, ни той прочности, какие мы видели в упомянутых нами государствахствах Западной Европы. Первоначально феодализм введен был в Ломбардском королевстве, где существовало 30 герцогств или маркизатов. При Карле Великом и его преемниках число их уменьшилось,но в то же время здесь возник многочисленный класс графов и низших вассалов, между которыми каждый герцог разделил предоставленную ему провинцию под условием исполнения ленных обязанностей его подвластными. Графы в свою очередь разделили свои лены между рыцарями, становившимися под их знамена. Частые войны и вторжения, которым подвергалась Италия в Средние века, вызвали появление множества укрепленных замков, служивших резиденцией этих феодалов. Укреплявшиеся в эту эпоху города начали проявлять свою независимость, и вследствие этого феодалы, простиравшие на них до тех пор свое владычество, теперь окончательно удалились в свои замки, стараясь сохранить свое могущество привлечением различными льготами сельского населения на свои земли. С начала XII века, с развитием феодального дворянства в Италии, здесь появляются и дворянские гербы. Но в Италии развитие этого сословия встретило препятствия в последующие времена в политических обстоятельствах этой страны. Главнейшим из них было возникновение республик в северной Италии в XII веке. Феодальное дворянство в Италии было гораздо менее могущественным, чем в других странах Западной Европы, являясь здесь лишь союзником городов. Нередко на службу этих городских республик поступали отряды наемных всадников, отчасти из дворян, обладавших незначительным состоянием, но большим честолюбием. Военная сила нередко попадала в руки их предводителей, что имело последствием превращение республик в военные деспотии. Этим путем возвысились многие знаменитые в истории Италии фамилии, каковы Висконти, Сфорца, Медичи и другие.

Заканчивая наш краткий обзор истории дворянства в Западной Европе, скажем несколько слов о дворянстве в *Испании*.

Испания Средних веков представляла особенно выгодные условия для развития аристократии, и здесь феодализм имел совершенно своеобразный, отличный от других стран Западной Европы характер. Короли Испании, вместе с воинственным дворянством страны, шаг за шагом отвоевывали страну у мавров, причем раздавали своим вассалам в награду обширные поместья, территории и подданных. Это способствовало возникновению могущественной и часто грозной аристократии. Она обладала громадными богатствами и землями; так, например, владения Иоанна Бискайского в XIV столетии заключали в себе более 80 городов и укрепленных замков, а Альваро ди Луна имел двадцать тысяч вассалов.

Высшее дворянство Испании захватило в свои руки все важнейшие должности в королевствах, пользовалось большими привилегиями и имело даже право освобождать себя от зависимости королю и переходить к его противнику, объявляя о том через своего герольда.

Феодальный строй получил наибольшее развитие в Арагонии, тогда как в Кастилии он почти не существовал. В первой существовало нечто вроде феода, под названием *honor*[6], который давался королями лицам высшего дворянства, называвшегося *ricos hombres*[7]. Они в свою очередь распределяли свои феоды между вассалами (*mesnadarios*}; дворянами (*hidalgos, infanzones*) и рыцарями (*caballéros*) Последние два разряда составляли среднее и низшее дворянство.

Королевская власть в Испании не теряла высшего господства над всеми своими подданными, каково бы ни было звание последних, от имени короля созывались *кортесы*[8] и производился суд, в случаях крайней необходимости и государственной

[6] Честь, почет (*исп.*).

[7] Богатые люди (*исп.*).

[8] Кортесы — сословно-представительские собрания, первое упоминание 1137 г., играли большую роль в XIII—XIV вв.

опасности король имел право занимать земли и крепости сеньоров, и все население обязано было помогать ему на войне.

Испания особенно славилась своим рыцарством и справедливо почиталась рыцарской страной по преимуществу. Здесь это учреждение Средних веков находило чрезвычайно благоприятную почву для своего развития и достигло особенного блеска, закаляясь в долго не прекращавшейся борьбе с маврами и прославляя себя почти легендарными подвигами. Особенно прославился в этой борьбе знаменитый Сид[9], воспетый испанской поэзией. Рыцарство пользовалось особенным покровительством законов в Кастилии, и его широкие права и обязанности были здесь особенно точно определены. Но вопросу о рыцарстве, имевшем столь значительное влияние на развитие средневековой геральдики, мы посвятим наше следующее чтение.

[9] Сид, Кампеадор (Родриго Диас де Бивар) — испанский рыцарь, прославившийся подвигами в Реконкисте, воспет в «Песне о моем Сиде» (XII в.).

Лекция V

Рыцарство и причины, вызвавшие его появление. Рыцарская служба. Духовные рыцарские ордена в Средние века и исторические сведения о них. Рыцарские ордена светского характера. Внутренняя организация и быт рыцарства Западной Европы.

Бытовая история Средних веков особенно оживляется блестящим учреждением *рыцарства*. Действительно, рыцарство составляет одно из самых заметных явлений этой исторической эпохи. Здесь рыцарь является центральной фигурой картины, образцом для средневекового искусства, героем средневековой литературы, мы встречаем его на первом месте при каждом феодальном празднестве, на охоте, на блестящем турнире и на оживленном поле битвы.

Происхождение рыцарства не может быть установлено никакой точной датой. В то время, когда в Риме правили цезари, зачатки этого учреждения уже существовали среди германских лесов. Об этом мы находим намек у Тацита, который говорит, что у германцев «юноши самого благородного происхождения не считали для себя унижением находиться в числе верных соратников какого-либо знаменитого вождя, которому они посвящали свое оружие и свою службу».

Другое мнение высказывает *Дю Канж*, усматривающий начало рыцарства еще в римскую эпоху. В подтверждение своего взгляда он приводит несколько цитат из Кассиодора[1], из которых можно заметить некоторую аналогию между обычаем посвящения в воинское звание у римлян и рыцарским посвящением Средних веков. Наконец, некоторые исследователи старались доказать, что рыцарство создалось под сильным влиянием

[1] Кассиодор (ок. 487–ок. 578 гг.) — писатель, автор «Истории готов».

Востока, проникавшего в Западную Европу сначала через испанских мавров, а впоследствии, в эпоху крестовых походов, и непосредственно. Но несомненно, самым верным и обоснованным является мнение, что рыцарство создалось на почве германских нравов и общественных отношений феодальной эпохи в Европе. Сначала незаметно, но приобретая твердое основание в средневековом быте, рыцарство росло и развивалось среди бурных волн, которые пронеслись над Европой после падения Западной Римской империи. В эпоху Карла Великого оно получило могучий толчок к дальнейшему своему развитию. В это время *caballarii*, или всадники, получали от высшей власти особый призыв служить в войске.

В первоначальном своем виде рыцарство было тесно связано с военной повинностью феодалов. *Caballarii* в капитуляриях[2] XI века и *milites* – XI и XII веков были держателями феодальной земли, которые следовали за своим феодалом или государем на войну. Известное количество земли, соединенное с такой повинностью, называлось в Англии рыцарским феодом, или в Нормандии — *feudum loricae, fief de haubert*, от кольчуги (*haubert*), которую обязан был носить в бою держатель такого земельного участка.

Таким образом, подобное военное землепользование связано было со службой рыцаря. Эта служба заключалась в обязанности вассалов являться вооруженными и на коне. Будучи общей повинностью таковых, она не давала никаких прав на какие-либо сословные преимущества.

Но рыцарскую службу, основанную на феодальной повинности, следует тщательно различать от того особого рода рыцарства, которое, будучи независимым и добровольным, являлось высшим военным достоинством. Этот род рыцарства стал развиваться лишь с того времени, когда феодальная система ленов начала уже клониться к упадку, а именно в XIII веке. Основанием такого личного рыцарства было свободное поступление на

[2] Капитулярии — законы, издававшиеся франкскими королями.

службу к какому-либо феодалу или владетельному князю, обыкновенно с целью материального вознаграждения, но иногда и с бескорыстным стремлением приобрести славу и отличие в частых междоусобиях этих вождей. В первом случае, т. е. когда рыцари служили за жалованье, они становились в буквальном смысле наемным войском того или другого феодала. Чрезвычайное обеднение низшего дворянства, вследствие дробления ленов, а также щедрость богатых феодалов делали эту вновь установившуюся связь по найму столь же прочной, как и прежняя, основанная на ленной системе. Младший сын, покидая отцовский лен, в котором имел ничтожное участие, мог приобрести славу и достигнуть высшего достоинства на службе у могущественного феодала. Достигнуть рыцарства, не составлявшего прирожденного права, становилось для него целью его честолюбивых стремлений. Оно возвышало его общественное положение, сравнивая его по одежде, вооружению и титулу с богатыми и знатными феодалами.

Этот класс благородных и доблестных рыцарей, служивших, хотя и за жалованье, но на самых почетных условиях, сделался весьма многочисленным в Европе в эпоху крестовых походов. Во время дальних войн, на которые обязательная феодальная служба не распространялась, богатые феодалы были вынуждены принимать на свою службу столько рыцарей, сколько им дозволяли средства, предоставляя последним и долю участия в военной добыче. В период крестовых походов институт рыцарства достигает полного своего развития как особый род личного дворянства, и хотя его первоначальное отношение к феодальному владению и не вполне исчезает в это время, но становится едва заметным при том блеске и почете, которые с этих пор отличают его.

Духовные рыцарские ордена, образовавшиеся в эпоху крестовых походов, особенно содействовали к возвышению рыцарского звания. Сочетание церкви и рыцарства и войны с религией, говорит современный историк *Cantu*, выразилось в учреждениях, которые были незнакомы народам прежних времен и находились в тесной связи с крестовыми походами, а именно в рыцарских

орденах. Нигде рыцарство не являлось столь достойным удивления, как в этих военно-религиозных учреждениях: здесь оно принимало на себя отречение от всех земных привязанностей, от славы воина и от спокойной жизни монаха и возлагало бремя этих двух призваний на одного человека, обрекая его на опасности битв и на служение страждущему человечеству.

Еще с половины XI столетия итальянские купцы из г. Амальфи исходатайствовали у египетского халифа разрешение построить в Иерусалиме больницу во имя Св. Иоанна Предтечи, в которой призревались бедные пилигримы, совершавшие паломничество в Святую землю. Готфрид Бульонский и его преемники оказали щедрое покровительство этому учреждению, которое вскоре получило большое развитие. Петр Жерар, уроженец Прованса, предложил братьям, посвятившим себя служению при этой больнице, отречься от мира и принять монашеское одеяние с названием *больничников*[3] Св. Иоанна (*hospitaliers*). Папа Пасхалий II в 1113 году утвердил устав нового ордена, который принял под свое покровительство, поставив во главе его Жерара. Правила ордена, кроме трех монашеских обетов — послушания, целомудрия и нищеты,— возлагали на братьев обязанности странноприимства и военного ремесла для защиты Иерусалимского королевства от неверных. Когда Саладин в 1191 году снова овладел Иерусалимом, рыцари Св. Иоанна были изгнаны отсюда, но удержались в пределах Святой земли, где им удалось овладеть Акрой и снова основаться здесь. Вытесненные и отсюда в 1291 году, они перешли на остров Кипр, а в XIV веке — на Родос. Здесь они особенно прославились своей геройской борьбой с сарацинами и турками, продолжавшейся более двух столетий, и стали известны под названием *родосских рыцарей*. Наконец в начале XVI столетия, после славной защиты Родоса от турок при Сулеймане Великолепном[4] в 1522 году, они принуждены были уступить превосходившим их силам турок и

[3] Современное наименование — госпитальеры.

[4] Сулейман Великолепный I (1495–1566) — турецкий султан с 1520 г.

удалиться на самых почетных для ордена условиях на остров Мальту, который был предоставлен им императором Карлом V. Дальнейшее существование ордена связано с этим островом, от которого он получил новое название — *мальтийский*. Орден и здесь приобрел большую славу своей защитой Мальты от турок в 1565 году, которые были отбиты знаменитым гроссмейстером Иоанном *La Valette*. Рыцарство всей Западной Европы стекалось на Мальту для поступления в орден, который стал в это время особенно могущественным. Он разделялся на восемь приоратов, по отдельным национальностям рыцарей. Приораты, в свою очередь, подразделялись на многочисленные командорства. К концу XVIII столетия Мальтийский орден стал оскудевать и клониться к упадку. В 1798 году, в эпоху Директории, французский флот под начальством Бонапарта овладел Мальтой. Изгнанные отсюда рыцари нашли убежище в России, где император Павел I принял на себя звание гроссмейстера Мальтийского ордена.

Орденский костюм мальтийских рыцарей всех национальностей с древнейшего времени состоял из черной мантии с белым осьмиконечным крестом на левой стороне. Впоследствии они стали носить такой же крест из золота с белой эмалью на черной ленте. Знамя ордена было красное с серебряным (белым) крестом.

В ту же эпоху крестовых походов, приблизительно через 20 лет после учреждения ордена больничников Св. Иоанна Иерусалимского, возник другой могущественный рыцарский орден. Девять французских рыцарей, имена которых сохранила нам история, прибыв в Палестину, получили от короля Балдуина II разрешение основать здесь новое рыцарское братство, имевшее целью действовать в союзе с иоаннитами против неверных, покровительствовать пилигримам, охраняя их путь, и блюсти храм Соломона.

Последняя обязанность имела основанием то, что Балдуин отвел новому братству помещение в ограде Соломонова храма, откуда и произошло их название — *тамплиеров*, или *рыцарей Храма*. Первоначально они отличались строгим исполнением

монашеских обетов и называли себя не иначе, как *нищими воинами Христа*. Их самоотверженное служение низшей братии приобрело им расположение королей Иерусалимских и христиан Востока. Утвержденный в 1128 году папой, орден тамплиеров вскоре сделался весьма многочисленным и сильным, наводя трепет на врагов Креста. Храмовники имели знамя наполовину белое, наполовину черное, называвшееся *Baucéant*, на нем была надпись: «Не нам, Господи, не нам, а имени Твоему даждь славу». Рыцари носили сверх лат мантию из белой льняной ткани, украшенную красным так называемым *патриаршим* крестом (с оконечностями в виде буквы **Т**); по другим описаниям, этот крест был восьмиконечный, также красный, шитый золотом. В XIII столетии орден тамплиеров достиг высшей степени своего могущества, и к нему стеклись несметные богатства и всевозможные привилегии, но с этого же времени стали появляться и признаки его духовного упадка. Чрезмерные богатства ордена внесли в него обычаи роскоши и нравственной распущенности. К тому же он стремился к полной независимости от местных государей.

В начале XIV столетия французский король Филипп Красивый, желая воспользоваться несметными богатствами тамплиеров во Франции, потребовал от папы Климента V назначить следствие над злоупотреблениями ордена. Под этим предлогом он велел схватить гроссмейстера тамплиеров Якова Молэ и безо всякого суда подверг его и рыцарей ордена жестокой казни через сожжение. В других странах Западной Европы тамплиеры также подверглись суду и гонениям, и все имущества их отобраны были в пользу церкви. Таков был печальный конец этого ордена.

В Средние века и в эпоху Возрождения учреждались также и другие рыцарские ордена с таким же смешанным военно-религиозным характером. Главнейшие из них были: в Испании — ордена Калатравы, Алькантары и Монтезы; и в Германии — орден тевтонских рыцарей.

Рыцарский орден *Калатравы* основан был картезианским монахом Раймондом де Фите́ро, который дал ему монашеский

устав (1158). Он проявил себя блестящими подвигами в войнах с маврами Испании и Северной Африки и получил за это большие богатства и привилегии от королей Испании, которые со времен Фердинанда и Изабеллы[5] всегда носили звание гроссмейстеров этого ордена. Он сохранил в Испании большое значение, хотя впоследствии и служил лишь знаком знатности рода. Орден *Алькантары*, основанный в Испании в 1156 году, имел те же цели и судьбы как и предыдущий. Наконец, орден *Монтезы*, основанный в 1317 году королем арагонским Яковом II, заменил в Испании упраздненный в это время орден тамплиеров, имущества которого перешли к нему здесь.

Немецкий рыцарский орден меченосцев, или *тевтонский*, учрежден был в 1128 году в Иерусалиме немецкими крестоносцами. Он был также монашеским. Рыцари его носили на белой мантии черный крест с несколько уширенными концами (*patté*) и с серебряной каймой на левой стороне. Первый их гроссмейстер, Генрих фон Вальпот, имел пребывание в окрестностях Акры, в Палестине, но особенную славу орден приобрел при гроссмейстере Германе Зальца (1210), который примирил императора Фридриха II с папой Гонорием III[6], за что получил от обоих большие имения и почетные привилегии для ордена. Тевтонские рыцари после того завоевали Пруссию, Ливонию и Курляндию и с 1283 года сделались обладателями всей страны между Вислой и Неманом. Своей столицей они избрали Мариенбург. Орден в это время достиг высшего своего процветания, и его господствующее положение в Германии имело для Пруссии самые выгодные последствия. Но роскошь, проникшая в среду рыцарей, стала вредно влиять на религиозный характер ордена, и начавшиеся внутренние неурядицы явились главной причиной начавшегося

[5] Фердинанд II Арагонский (1452–1516) – король Арагона с 1479 г.; Изабелла (1451–1504) – королева Кастилии с 1474 г. Брак между ними в 1469 г. привел к династической унии Кастилии и Арагона, т. е. к фактическому объединению Испании.

[6] Фридрих II (1194–1250) – германский король с 1212 г., император Священной Римской империи с 1220 г.; Гонорий III – римский папа в 1216–1227 гг.

его упадка. Орден был вовлечен в бесконечные войны с Литвой и Польшей и в борьбе с последней потерпел тяжкое поражение в Грюнвальдской битве (1410), где потерял свое знамя, сокровища и лучших своих вождей. Хотя после того гроссмейстер Генрих фон Плауен и вернул ордену на некоторое время утраченные им владения, но ненадолго. Польский король Казимир IV[7] изгнал тевтонских рыцарей из Мариенбурга и они сохранили за собой лишь Восточную Пруссию с Кенигсбергом, причем должны были признать свою зависимость от Польши.

Последним гроссмейстером ордена был Альбрехт Бранденбургский, принявший протестантство и этим освободивший себя от монашеских обетов и других обязательств. Он разделил владения ордена с дядей, королем Сигизмундом Польским[8], который при этом признал его наследственным герцогом Прусским (1525 г.). Таково было происхождение дворянства и правящей власти в Пруссии. Альбрехт женился на дочери короля датского. Существование тевтонского ордена в это же время окончательно прекратилось.

Кроме упомянутых рыцарских орденов с религиозным характером, возникало немало других, имевших светский характер. Мы остановимся здесь лишь на главнейших из них.

Известный рыцарский орден *Золотою руна* учрежден был в 1429 году Филиппом Добрым, герцогом Бургундским, графом Фландрии, с целью привлечь своих приближенных к участию в предполагавшемся тогда крестовом походе против турок. Хотя этот поход и не состоялся в то время, но орден продолжал существовать и существует и доныне как геральдическое отличие. Со времени брака Филиппа Красивого с Иоанной Арагонской (1496), король испанский и император австрийский, каждый в своем государстве, считаются главами ордена Золотого руна.

---

[7] Казимир IV (1427–1492) – Великий князь Литовский с 1440 г., король польский с 1447 г.

[8] Сигизмунд I Старый (1467–1548) – король польский и Великий князь Литовский с 1506 г.

В древней Франции существовали рыцарские ордена *Св. Михаила*, учрежденный в 1469 году Людовиком XI, и *Св. Духа*, который был основан Генрихом III в 1578 году по примеру более древнего ордена того же названия, существовавшего во Франции в XIV веке, в эпоху крестовых походов.

Из других рыцарских орденов, имевших характер военных братств, назовем еще орден *Христа* в Португалии (XIV век), *Св. Маврикия* и *Лазаря* в Савойе (XIV век) и *Св. Стефана* в Тоскане (1561). Вообще мы видим, что во времена процветания рыцарства, в особенности в эпоху крестовых походов, люди военного сословия тесно соединялись между собой, имея одни и те же идеалы и интересы.

Уже с начала XII столетия все рыцарство Западной Европы является замкнутой общиной с религиозным характером, хотя и без строго монашеских обетов, произносившихся, как мы видели, в некоторых рыцарских орденах. Доступ в эту общину открывался известного рода служением. С этих пор рыцатство сделалось главной целью в воспитании благородного сословия. В Средние века уже вошло в обычай, что сыновья вассалов при переходе из детского возраста в отрочество отвозились ко двору сюзерена или в замок какого-либо уважаемого рыцаря, где они поступали на службу, сначала в пажи, а затем переходили в оруженосцы. Здесь они находили лучшую школу рыцарской учтивости (*courtoisie*) и доблести.

В то же время обычай этот являлся самым действительным средством для укрепления феодальных отношений, связывавших сюзерена с его вассалами. Поступавшие таким образом на службу в рыцарский дом для обучения военному делу прежде всего обязаны были нести домовые должности: служить при трапезе сюзерена (*dapiferi, senescalci*), иметь попечение о лошадях (*marescalci*) и т. п. Все они обозначались в Германии общим названием *knappen* (отроков).

Такое военное обучение начиналось с семи- или восьмилетнего возраста. Служба пажа или варлета (*varlet*) была преимущественно при дамах, хозяйках замка, которых он сопровождал

на прогулках и на охоте. В оплату за эти услуги он получал обучение в пользовании легким оружием, в первоначальных познаниях по религии, а также в музыке, пении и игре в шахматы. В возрасте от 13—14 лет паж обыкновенно достигал производства в оруженосцы. Родители его, имея в руках зажженные свечи, приводили его к алтарю, где священник с молитвой и благословением передавал ему меч и пояс. Введение такой религиозной санкции в рыцарские церемонии, что мы встречаем, впрочем, не ранее времен Карла Великого, дало этому учреждению его главнейшую силу и значение. И действительно, в этом смысле, и притом в самом точном, рыцарство может быть по справедливости названо религией Средних веков, ибо его влияние сказывалось в смягчающем его действии на грубые варварские обычаи, оно, несомненно, дало более мягкости и выработанности общественным отношениям этой эпохи.

Главной обязанностью оруженосца (*famulus, armiger*) было сопровождать своего господина на войну или на турнир, носить в этих случаях его щит (*scutum, écu, schild*, откуда произошло название *écuyer, schildknappe*) и вообще служить ему личным телохранителем. Перед сражением оруженосец вел за рыцарем боевого коня. На высокое седло этого последнего складывалось при этом боевое вооружение рыцаря, который сам ехал впереди на другом коне, одетый в более легкую походную одежду. Когда же наступал час битвы, то оруженосец облекал своего господина в латы, соединяя отдельные их части с особой сноровкой, требовавшей продолжительного навыка. Во время самого боя он находился все время при своем господине, подавал ему новое копье, подводил коня, если рыцарь терял своего, устремлялся ему на выручку, если видел его в опасности, и часто выносил из битвы раненым и истекающим кровью в безопасное место, таковы были обязанности оруженосца, пока он не достигал 21 года. Прослужив с честью в этом звании и доказав свою верность, храбрость и способность к военному делу, он в этом возрасте наконец сам поступал в военное братство рыцарей.

Переход от степени оруженосца к рыцарству сопровождался всегда большой торжественностью. Для посвящения в рыцари обыкновенно избирались праздничные дни, Пасха, Рождество, Троицын день, также дни коронований и т. п. Нередко посвящалось одновременно по несколько человек. Церковная инвеститура в этой церемонии присоединялась к инвеституре феодальной, вследствие чего рыцарство могло быть принимаемо почти за религиозный орден. Рыцарский ритуал, *l'Ordène*, есть, несомненно, копия с римского понтификала: он содержит степени, соответствующие священству, новициату и ординации[9]. Обряды посвящения в рыцарство также представляют аналогию с церковными таинствами. Этим торжественным обрядам предшествовал строгий пост, всенародная исповедь и ночное бдение в вооружении (*veillée d'armes*), которое посвящаемый проводил в церкви в молитве. На следующее утро, после омовения, его облекали в новые одежды, сверх которых надевалась епанча[10] с изображением герба. Следуя затем в церковь, он приносил свой меч к алтарю, где священник благословлял последний. При этом произносилась особая молитва и давался обет защищать церковь, вдов и сирот и сражаться за христиан против неверных. После того произносилась другая молитва и пелась часть 44-го псалма. Затем посвященному предлагались его восприемниками-рыцарями установленные вопросы о целях, побуждавших его искать рыцарства, и отбиралось от него окончательно клятвенное обещание. Тогда он получал от своих восприемников, а иногда и от присутствовавших дам свое рыцарское вооружение: пояс, шпоры, кольчугу, латы, наручи, перчатки и меч.

Вооруженный таким образом (что выражалось французским словом *adoubé*), он наконец получал рыцарское посвящение посредством удара мечом плашмя по плечу или шее (*accolade*), причем восприемник, обращаясь к посвящаемому, произносил: «Во имя Божие, Святого Михаила и Святого

[9] Новициат — послушничество; лица, готовящиеся к принятию монашества. Ординация — возведение в духовный сан; хиротония.

[10] Епанча — длинный широкий парадный или дорожный плащ.

Георгия делаю тебя рыцарем. Будь благочестив, смел и благороден». Это торжественное посвящение считалось столь важным, что владетельные лица, как мы уже говорили ранее, нередко признавали необходимым поступать в число рыцарей, прежде чем принять королевский сан.

Преимущество рыцарей заключалось в том, что они принадлежали к избранному, недоступному для непосвященных кругу людей, затем, каждый рыцарь имел право посвящать других в рыцарство ударом меча и принимать участие в рыцарских играх или *турнирах* (*torneamenta, tournois, turney. turnier*). Эти игры, по всей справедливости, можно назвать воспитательными учреждениями дворянского сословия в Западной Европе. Турниры являлись звеном, соединявшим мирную и боевую жизнь рыцаря.

С точки зрения геральдики, рыцарские турниры представляют особенный интерес, так как они, по мнению *Ménéstrier* и других ученых, не менее крестовых походов способствовали обычаю употреблять гербы. Они же ввели в эти последние некоторые свои атрибуты, как например, турнирный шлем с его разнообразными и причудливыми нашлемными украшениями (*Helmkleinod, cimier, crest*), турнирный воротник (*lambel*), а также некоторые геральдические фигуры, каковы, например, шеврон, столб, пояс и т. п., в которых геральдисты видят намеки на составные части турнирного барьера. От турниров же произошли во многих случаях изображения звезд и животных в гербах, на этих рыцарских состязаниях партии, оборонявшаяся (*tenants*) и нападавшая (*assaillants*), часто избирали себе отличительные названия и соответствующие гербовые эмблемы. Так мы встречаем на турнирах рыцарей солнца, звезды, полумесяца, льва, дракона, орла, лебедя и т. п. Не забудем, что в то время свободный выбор герба еще предоставлялся каждому рыцарю. О тех же турнирах говорят нам копья, шпоры, шлемы, мечи, булавы и т. п. предметы вооружения, часто встречающиеся в рыцарских гербах. Ввиду такого значения турниров для геральдики, мы остановимся на этом интересном явлении рыцарского быта Средних веков более подробно.

Лекция VI

Влияние рыцарских обычаев и турниров на развитие геральдики. Происхождение турниров и распространение их в Западной Европе. Турнирные общества в Германии. Обычаи, соблюдавшиеся при турнирах. Причины, вызвавшие их запрещение.

То, что мы теперь разумеем под словом «турнир» не вполне исчерпывает понятия, которое соединялось с этим словом в прежние времена, притом в течение столетий под названием турнира не всегда подразумевался один и тот же обычай.

Под названием турнир (*turney*) мы вообще разумеем воинственное состязание в мирное время, военную игру.

Но если принимать этот термин в буквальном его значении, то он заключает в себе также понятие о действительном бое между отдельными лицами, единоборстве или так называемом «Божьем суде», а равно и о рыцарском состязании между двумя противниками по известным установленным правилам, при котором имелась цель не столько нанести вред друг другу, сколько выказать собственное искусство в умении пользоваться оружием. Однако, в целях ясности, удобнее удержать для всех подобных воинственных состязаний название турнира, хотя таковое на техническом языке относилось лишь к известного рода военным упражнениям.

Тацитова «Germania», «Песнь о Беовульфе» и обе «Эдды»[1] содержат древнейшие указания на пристрастие германцев к примерным боям. Из замечаний Тацита (глава 24) даже как будто вытекает, что римские императоры ввели бои гладиаторов под влиянием этой страсти германцев.

[1] «Беовульф» — древний англо-саксонский эпос. «Эдда Старшая» — древнеисландский сборник мифологических и героических песен. «Эдда Младшая» — трактат о языческой мифологии и поэзии скальдов, написанный Снорри Стурлусоном (1178—1241).

В этой же древнегерманской любви к военному делу следует искать начало военных игр в Средние века. Нитгарт, племянник Карла Великого, рассказывает в своей хронике (кн. III), как в 844 году свиты Людовика Немецкого и его брата Карла во время их свидания в Страсбурге разделились на равные по числу стороны и устроили примерный бой, причем и оба эти короля стали сами во главе юных воинов и приняли участие в этом состязании. Готфрид де Прёльи (*Preuilly*), французский рыцарь из Турэна, умерший в 1066 году, первый, кажется, установил для подобной военной игры известные правила. До тех пор они обыкновенно обозначались словом *buhurt*, тогда как название *turnier*, происшедшее от *tourner, tornare*, появляется лишь с XII века, и притом у французов, для обозначения военных состязаний многочисленными партиями, от которых оно переходит и к другим нациям. Этим обстоятельством объясняется, почему с этого времени исчезают первоначальные немецкие технические термины, применявшиеся в этих военных играх, и их совершенно заменяют французские, а впоследствии итальянские, которые и становятся обычными.

Впрочем, вопрос о том, где первоначально возникли турниры, является несколько спорным: как Франция, так и Германия приписывали их учреждение себе. В пользу последнего говорит историческое известие, что первый турнир происходил при дворе германского императора Генриха I Птицелова в 938 году. Если верить «*Турнирной книге*» Рикснера, после того турниры имели уже место в различных городах Германии в X и XI столетиях.

Но несомненно, что настоящие турниры появляются лишь в XII веке, причем древние военные состязания германцев были усовершенствованы известными обычаями таких боев, которые соблюдались во Франции, почему их и называли в то время *ludi gallici*[2].

Несколько позднее обычай турниров переходит в Англию, а именно из Франции, по свидетельству *Матвея Парижского*

[2] Галльские игры (*лат.*).

(«a Francis torneamen-torum usus accepere Angli...»[3]). Здесь они встретили сначала противодействие со стороны королей Стефана и Генриха II, но зато при Ричарде Львиное Сердце[4], который сам принимал в них деятельное участие, весьма распространились, он разрешил устройство турниров в пяти местностях своего королевства. В Италии турниры также появляются с XII века. Хроники сообщают известия о таких состязаниях, устраивавшихся между итальянскими городами, например, в Пизе в 1115 году и в Кремоне в 1158 году. Но особенное распространение получили турниры в Италии при Карле Анжуйском в 1265 году, когда он завладел Неаполем и Сицилией. Данте в своей «Божественной комедии» упоминает о блестящих турнирах и поединках, которых он был свидетелем («Ад» XXII). Для лучшего уяснения турнирного боя необходимо ознакомиться в общих чертах с его приемами и оружием, которое употреблялось в этих состязаниях. При этом следует заметить, что у различных наций и в разные эпохи внешние формы этих военных игр изменялись и разнообразились до невероятия.

Так например, в конце XI века еще не было в обычае при турнире нападать на противника с разбегу, на коне, с направленным вперед, под рукой, деревянным копьем. На известном ковре из *Bayeux*[5] мы видим всадников, держащих свои длинные копья с деревянными древками с поднятой вверх рукой, подобно тому, как древние управляли метательным копьем, так называемым *pilum*.

До XIV века турнирное вооружение ничем не отличалось от боевого, В «Нибелунгах» при описании поединка из-за Брунгильды[6] упоминается боевая рубашка (*Waffenhemd*) из шелка и сверх нее крепкая кожаная *Brünne*, покрытая стальными пластинами. Шлемы в то время привязывались. Щит, окаймленный

---

[3] Англичане заимствовали у французов обычай турниров (*лат.*).

[4] Короли Англии: Стефан – в 1135–1154 гг., Генрих I – в 1154–1189 гг., Ричард I Львиное Сердце – в 1189–1199 гг.

[5] О нем см. стр. 25 наст. издания.

[6] «Песнь о Нибелунгах» – немецкий героический эпос, возник ок. 1200 г.

золотом, был крепкий и широкий, с щитовым ремнем, украшенным драгоценными камнями. Очень часто упоминается в «Нибелунгах» о проткнутых щитах и ломавшихся о них древках копий и пик.

С XIII века цель военных игр изменяется и получает бóльшую определенность. Обе состязавшиеся стороны задавались целью или ударить копьем в щит противника, причем древко копья разбивалось в щепы, или же высадить его из седла. Такой общий характер турниры сохраняли до конца XIV столетия, и вооружение, употреблявшееся при них, вполне следовало тем изменениям, которые замечались в соответствующее время и на войне. Только около 1350 года или немного ранее турнирное вооружение начинает различаться от употреблявшегося на войне. Это вызывалось желанием на турнире увеличить эффект и впечатление на зрителей, проявляя большую смелость в приемах борьбы.

Уже в продолжение XIV столетия прежний «бугурт», переименованный в «турнир», получил изменение в южной Франции и Италии, вызванное тем, что противники по правилу обыкновенно ограничивались ломанием одного копья и затем брались за тупые мечи, на которых и происходила борьба между двумя партиями рыцарей, пока одна из них не признавала себя побежденной стороной.

В Германии же с начала XV века вошел в обычай так называемый *турнир на палицах — Kolbenturnier*, происходивший на конях и всегда между двумя противниками. Оружие на этих турнирах заключалось в тяжелых мечах и палицах. Эти последние изготовлялись из твердого дерева и имели среднюю длину в 80 см, рукоять состояла обыкновенно из шарообразного конца, а вместо эфеса она имела шайбу из листового железа. Сама палица имела в разрезе форму многоугольника и утолщение к концу. Такое сильное по действию своему оружие и явилось ближайшим поводом к изменению *формы шлема* при конном турнире, так как удар, нанесенный таким оружием по старому шлему, имевшему форму горшка (*Topfhelm*), какой или вполне

надевался на темя, или, по крайней мере, касался головы, мог быть опасным для жизни, даже смертельным. Новый шлем поэтому строился в форме шара и был так просторен, что нигде не соприкасался с головой и при этом сидел только на плечах и груди, тем не менее голова рыцаря сверх того еще защищалась шапкой, плотно подбитой паклей или хлопком (*Werg*). С этих пор мы впервые встречаем шлем, очертания которого близко следуют форме шеи и затылка. Подобного рода *шарообразные* шлемы (*Kugelhelme*) встречаются в нескольких разновидностях, которые различаются между собой лишь в подробностях; весьма употребительными были шлемы, состоявшие из крепких стальных ребер, сверх которых натянута была твердая кожа. Со стороны лица шлем был открыт и имел защитой прочную решетку из железных полос и проволоки. Верхняя (теменная) часть этого шлема была покрыта натянутой парусиной, которая закрашивалась меловой краской, на ней изображалась, также в красках, гербовая эмблема владельца. Шейная, подбородочная и затылочная части состояли из железных пластин. Точно так же, как горшковидные шлемы XII и XIII веков, такой шарообразный шлем имел сверху так называемое шлемное украшение (*Helmzier*) или навершье (*Cimier*). Формы этих украшений бывали всевозможные, соответствуя вкусу и охоте владельца. Иногда встречались воспроизведенные пластически гербовые фигуры его, но нередко и другие фантастические эмблемы, намекавшие на возлюбленную даму, часто даже полученные от таковой на память платки, перчатки, вуали и т. п. прикреплялись к навершию шлема. Изготовление подобных фигур для шлемов, а равно конских налобников, чепраков[7] из кожи и щитов, которые все украшались живописью, принадлежало в те времена к ремеслу шорников. Во всех этих украшениях выражалось стремление увеличить эффектность состязания, которое при турнире на палицах заключалось главным образом в том, чтобы сбить противнику со шлема навершие. Мы уже упоминали о том,

[7] Чепрак — матерчатая подстилка под седло, служащая для украшения.

какое значение эти шлемные украшения, вошедшие в обычай на турнирах, приобрели в геральдике. Впоследствии мы увидим, что формы турнирных шлемов также были ей восприняты.

С XII века мы встречаем турниры двух родов: так называемые *странствующие турниры* (*Wanderturniere*) — случайные или намеренные встречи двух рыцарей на пути с целью ломания копий, и *турниры по приглашению* (*ausgeschriebene Turniere*), которые устраивались по предварительному созыву рыцарства и на определенных местах.

Этот последний род турниров обыкновенно сопровождался особенной торжественностью и блеском. О них рассылались заблаговременно извещения, и рыцари успевали изготовлять себе к этим состязаниям блестящие и богатые вооружения. По словам хроники Фруассара, к различным владетельным дворам рассылались герольды, объявлявшие о том, что их государь, «назначив турнир, приглашает всех тех, кто гордится своим рыцарством, а также достопочтенных дам и девиц благородного происхождения прибыть в избранный для турнира город с доказательствами своих рыцарских прав».

В Германии дело происходило несколько иначе. За исключением Саксонии, имевшей свои особые турниры, немецкие рыцари, которые имели право быть включенными в турнирные списки, разделялись на четыре больших турнирных общества, а именно: прирейнское, баварское, швабское и франконское. Соединенные вместе, они носили название *рыцарство четырех стран* (*Ritterschaft der vier Lande*). Каждый округ, соответствовавший такому обществу, устраивал поочередно свой турнир и избирал своего старшину или турнирного короля, который вместе с тем был и судьей турнира. В свою очередь, этот старшина избирал трех дам, чтобы выдавать оружие рыцарям, а трех других — для раздачи наград. Обыкновенно одна из этих дам избиралась из замужних, другая — из вдов, а третья — из девиц.

Первоначально для участия в турнире требовалось доказательство рыцарского происхождения в двух поколениях с каждой стороны, а доказывалось это лучше всего наследст-

венным гербом на щите и отличительным украшением (*Helmzier*) на шлеме.

Впрочем, столь строгая разборчивость, воспрещавшая доступ к турнирам лицам не родословным, впоследствии стала ослабляться почти повсеместно в пользу лиц, хотя и принадлежавших к низшему дворянству, но известных своей храбростью и умением владеть оружием. Более щепетильными были в этом отношении немцы, особенно дорожившие природными правами для участия в турнирах. Всякий прибывавший допускался к турниру не иначе как после рассмотрения его прав на совете избранных турнирных судей (*juges-diseurs* или *maréchaux de camp* — во Франции; *Turniervögte* — в Германии), перед которым он должен был явиться. Если кто-либо оказывался виновным в недостойном рыцаря поступке и это могло быть доказано в присутствии судей турнира и дам, то это лишало его такого права. Никто, изобличенный в хуле против Бога, в оскорблении дамы и нарушении данного слова, а равно покинувший собрата по оружию в сражении, не мог быть допущен на турнир.

Высокое значение рыцарского достоинства поддерживалось также законом, лишавшим участия в турнире виновного в вероломном нападении на противника.

Рыцарь, признанный безупречным на этом суде, передавал свой стяг (*bannière*) и гербовый щит герольдам. Эти последние вывешивали гербы и баннеры прибывших из окон главной гостиницы на площади турнира и других городских домов или же в ближайшем монастыре, располагая их в известном порядке, по знатности рыцарей: выше всех — гербы знатнейших лиц и крупных феодалов, ниже — гербы рыцарей-баннеретов и, наконец, внизу — простых рыцарей. Такая выставка гербов называлась во Франции *faire fenêtre*, а в Германии — *Wappenschau*. Своим разнообразием и красивой яркостью гербовых цветов она привлекала всеобщее внимание и любопытство и являлась как бы программой предстоявшего празднества. Но она имела и другое значение: герольды высказывали при этом свои суждения относительно подлинности выставленных гербов. Лицам

Рис. 1. С л е в а : *Австрийский герольд* времен императоров Фердинанда II (1578– 1637) и Леопольда I (1658–1705). Костюм его составляет длинная черная одежда с широкими рукавами, усаженная спереди, сверху донизу, пуговицами с петлицами. Сверх нее епанча, доходящая до колен, тоже шелковая, сшитая из двух половин: *правая* (геральдически) из красного шелка с поперечным поясом из серебряной парчи (*герб Австрии*), а *левая* – синяя с золотыми одноглавыми орлами, расположенными по два (*герб Лотарингии*). Шляпа треугольная, с белыми и красными перьями; на ногах – башмаки с пряжками и в правой руке герольда серебряный скипетр, увенчанный золотым орлом на шаре.

С п р а в а . *Герольд герцогства Гельдерн* (в Голландии). Костюм его голубой, на нем обращенный вправо золотой лев, с красной короной на голове; такие же львы и на рукавах костюма. (*Bernd. Wappenwissenschaft, II, p. 17*).

нерыцарского происхождения выставление герба было строго воспрещено, и виновные в том подвергались штрафу и отобранию коня и вооружения в пользу герольдов. Иногда пажи и варлеты, находившиеся при гербовых щитах своих рыцарей, бывали одеты в различные фантастические костюмы, например, диких людей, львов, медведей и других воинственных животных. Этот странный обычай, появившийся впервые на турнирах,

дал повод, по словам *Ménéstrier*, ввести в геральдике так называемых *щитодержателей* (*tenants*) при многих гербах. На такую выставку, для которой отводились часто и особые помещения, собирались толпами, чтобы рассматривать гербы, баннеры и шлемы, узнавать по ним того или другого рыцаря и получать от персевантов и герольдов объяснения таких гербов и девизов, о которых ранее не имелось сведений. Доказательство наследственной принадлежности гербового щита и шлемного украшения служило в то же время и доказательством рыцарского происхождения, дававшего доступ к турниру.

Не всегда, впрочем, имена рыцарей, участвовавших в турнире, объявлялись во всеобщее сведение. Иногда дозволялось скрывать свои имена лицам, получившим незадолго перед тем рыцарское достоинство, которые, являясь на турнир для доказательства своей храбрости, не имели полной уверенности в своем успехе. Бывали также случаи, что какие-либо неприязненные отношения к хозяину турнира заставляли прибывшего до времени скрывать свое имя. Наконец, на некоторых турнирах рыцари появлялись в фантастических вооружениях, заимствованных от каких-либо исторических или легендарных личностей прошлого. Так, например в Англии нередко целая группа рыцарей олицетворяла на турнире короля Артура[8] с его легендарными рыцарями «Круглого стола», а другая, противная сторона,— Карла Великого с его паладинами[9]. Это являлось блестящим способом воскрешать рыцарские легенды в действительности. Можно привести также пример весьма неуместного заимствования подобного рода, когда король кастильский дозволил себе кощунство явиться на турнир в Валладолиде в 1428 году в сопровождении 12 рыцарей, олицетворявших 12 апостолов.

---

[8] Артур — легендарный король бриттов, он и его рыцари «Круглого стола» воплощали нравственные идеалы рыцарства.

[9] Паладины — в средневековой западноевропейской литературе название сподвижников Карла Великого, позднее паладинами стали называть рыцарей, преданных своему государю или даме.

Местом турнира было так называемое турнирное поле (*turnierhof*, франц. *lices*. англ. *lists*) — широкое пространство, которое было обнесено оградой в один или два ряда или же веревкой. Иногда поле разделялось деревянным барьером, препятствовавшим коням противников устремляться друг на друга. Первоначально поле бывало круглым, а впоследствии получило продолговатое, овальное очертание, оно украшалось с пышностью, присущей феодальному быту. Барьеры расписывались обыкновенно золотом и красками с геральдическими эмблемами и девизами. Вокруг турнирного поля устраивались ложи для присутствовавших знатных гостей, судей турнира и представительниц прекрасного пола, ложи эти также украшались богатыми тканями и коврами, на которых были различные изображения (*historiés*).

Дамы являлись высшими судьями на турнирах, и если заявлялась жалоба против рыцаря, то они безапелляционно решали спор. В большинстве случаев, впрочем, дамы передоверяли свое решающее право одному из рыцарей, по своему избранию, который в знак такого отличия назывался почетным рыцарем (*chevalier d'honneur, knight of honour*). При этом он украшал конец своего копья лентой или другим полученным от дам знаком их благоволения (*merci des dames*). Этим символом власти он приводил самых пылких борцов из рыцарей турнира к порядку и повиновению.

Герольды прочитывали рыцарям правила турнира и объявляли, в чем будет заключаться приз предстоящего состязания. Дамы и девицы часто жертвовали от себя различные драгоценности в виде награды за проявленную на турнире доблесть. Но иногда такая почетная награда имела более военный характер: так, на известном турнире, происходившем во Флоренции в 1468 году, Лоренцо де Медичи[10] получил приз, состоявший из серебряного шлема, украшенного сверху фигурой Марса. На

[10] Медичи, Лоренцо (1449–1492) — правитель Флоренции с 1469 г., поэт.

турнирах принят был также обычай, что побежденный рыцарь предоставлял свое вооружение и коня победителю.

Отличительной чертой рыцарских времен являлась особенная, изысканная учтивость (*courtoisie, gallantry*). На одном турнире, происходившем в Смитфильде, в Англии при Ричарде II, королевой назначена была в награду лучшему борцу золотая корона, если он будет из числа иноземных гостей, и богатый браслет, если он окажется англичанином. Подобное же учтивое предпочтение иностранным гостям, являвшимся на турниры, оказывалось и со стороны английского рыцарства.

Накануне дня, назначенного для турнира, в так называемое навечерие (*vigiliae, turnierabend*), юные оруженосцы обыкновенно производили между собой пробные состязания на турнирном поле с более легким и безопасным оружием, нежели то, которым боролись рыцари. Такие предварительные состязания, на которых также присутствовали иногда дамы, назывались у французов *éprouves, vêpres du tournoi, éscrémies*. Случалось, что некоторые из особенно отличившихся при этом оруженосцев тут же удостаивались возведения в рыцарство и получали позволение принять участие в предстоящем турнире.

В самый день турнира, с утра рыцари выезжали блестящей кавалькадой к турнирному полю, во главе их находились владетельные особы, благородные дамы и девицы — одним словом, весь цвет рыцарства и женской красоты, на конях, богато изукрашенных свешивающимися почти до земли попонами. Иные дамы при этом вели за собой коней своих избранных рыцарей на серебряных цепях. Самый костюм дам соответствовал случаю и украшался золотыми или серебряными поясами, на которых висели небольшие легкие мечи.

По прибытии рыцарей на турнирное поле вооружение их здесь осматривалось особо назначенным приставом (*constable*), и при этом оружие, не соответствовавшее по своей форме и изделию правильному турнирному образцу, отвергалось. Копья были безопасны, так как имели тупые концы или же с надетыми на них широкими наконечниками из дерева (*rockets*).

По учтивому выражению того времени такие копья назывались *glaives courtois.*[11] Турнирные мечи, как мы уже говорили, были тупые и укороченные, иногда они делались из китовой кости, обтянутой кожей.

Впрочем, нередко замечалось стремление превращать турниры в настоящие битвы. Национальное соперничество иногда прорывалось, вопреки стеснениям, налагавшимся рыцарской обходительностью. Соревнование в воинской доблести или из-за любви женщины находило здесь случаи выказать весь свой пыл, и поэтому, несмотря на авторитет короля герольдов, строго преследовавшего употребление боевого оружия, бывали примеры, что таковое все же проникало на турниры путем подкупа или через открытое насилие.

Известен случай, что на турнире в Нейссе, близ Кёльна, происходившем в 1240 году, пало более 60 рыцарей, хотя на нем было разрешено только турнирное оружие. Подобные случаи превращения красивого турнирного состязания в смертоносное столкновение вызвало требование от рыцарей клятвенного обещания, что они будут являться на турниры с одной лишь целью усовершенствоваться в военном искусстве, а отнюдь не для кровопролития. В Англии законом, изданным к концу XIII столетия, единственным оружием, разрешенным при турнире для рыцаря и сквайра[12], был уширенный меч, употребление же отпущенного меча, острого кинжала, боевой булавы или пернача[13] строго воспрещались. Этим же законом из оборонительного оружия при турнире дозволялось только надевать шлем с забралом, наножники (*cuishes*) и наплечники (*shoulderplates*). Зрителям вовсе запрещалось всякое вооружение, а герольды и менестрели могли иметь при себе лишь неотпущенные мечи[14].

---

[11] Учтивые мечи (*франц.*).

[12] Сквайр (эсквайр) — в раннее средневековье оруженосец рыцаря.

[13] Пернач (пернат) — разновидность булавы.

[14] Мечи — соответственно сделанные из закаленного(отпущенные) и незакаленного (неотпущенные) металла.

После того как оружие рыцарей было подробно осмотрено, герольды громко провозглашали призыв: «*À l'ostelle, à l'ostelle!*»[15],— по каковому рыцари удалялись в свои шатры, чтобы вооружиться к бою. По второму клику герольдов «*Issez hors, chevaliers, issez hors!*»[16],— они садились на коней и выезжали на турнирное поле, где становились у своих значков. Вооружение рыцарей при этом обыкновенно украшалось подарками дам, ожерельями, шарфами или цветными лентами, называвшимися *faveurs*. Перед началом турнира особо назначенные лица — *officiers d'armes* — осматривали правильность седлания коней.

После того как дамы и почетные гости успевали занять свои места в ложах, а простонародье также размешалось, где было назначено, по распоряжению герольдов все замолкало. Тогда почетный рыцарь подавал знак для турнира и герольды возглашали: «*Laissez aller!*»[17]. По этому сигналу веревки, разделявшие обе партии рыцарей, тотчас опускались, и они устремлялись друг другу навстречу при звуке труб, игравших рыцарский призыв: «Каждому исполнить свой долг». За каждым рыцарем следовали его оруженосцы, число которых в Англии, по древнему турнирному статуту, ограничивалось тремя. Они подавали своему рыцарю оружие, поправляли на нем вооружение и поднимали его с земли, если противник выбивал его из седла.

Одна первая встреча противников редко решала судьбу турнира, так как рыцари были весьма основательно снаряжены к состязанию. Ломались копья, рыцари и кони опрокидывались, и победа переходила то на одну, то на другую сторону турнирного поля. Воздух оглашался именами дам, и боевые кличи заменялись более мирными призывами. При всяком удачном обороте боя персеванты возглашали: «Честь сынам храбрых!» Менестрели громко играли свою воинственную музыку, а рыцари отвечали, возглашая: «*Loyauté aux dames!*»[18]

---

[15] В шатры, в шатры! (*франц.*).
[16] Выходите вон, рыцари, выходите вон! (*франц.*).
[17] Начинайте движение! (*франц.*).
[18] Верность дамам! (*франц.*).

Зоркие и привычные в наблюдении глаза герольдов замечали все обстоятельства, происходившего военного состязания. Переломить копье между седлом и шлемом противника признавалось первой степенью успеха. Чем выше оно бывало при этом направлено, тем больше было в этом отличия, и высшей степенью успеха считалось сломать копье, ударив им в шлем (что оценивалось 10-ю пунктами). Выбить противника из седла и лишить его возможности участвовать в следующем натиске оценивалось тремя пунктами. По этому поводу возник однажды любопытный вопрос на одном турнире, имевшем место в Неаполе. Рыцарь ударил своего противника с такой силой, что лишил его щита, шлема и лат, но сам при этом упал с коня. Судьи турнира затруднялись определить, кто из обоих заслуживал меньшего порицания, наконец было решено, сообразуясь с рыцарскими правилами, что упавший с коня был более обесчещен, ибо хорошее управление конем считалось первым боевым качеством рыцаря.

Поэтому на турнире почиталось менее постыдным упасть вместе со своим конем, нежели вылететь из седла. Тот, кто нес свое копье твердо и красиво, заслуживал большей похвалы, хотя и не ломал его, чем тот, который, ломая копье, плохо управлял конем. Вообще метить высоко свой удар и сидеть твердо в седле, давая коню выдержанный и мерный ход, заслуживало высшей похвалы.

Когда все рыцари успевали в полной мере проявить свою храбрость и военное искусство, то хозяин турнира опускал свой жезл (*bâton de tournoi*, англ. *warder*) или подавал какой-либо знак герольдам. Последние возглашали тогда: «*Ployez vos bannières*»[19], и по этому сигналу банниеры свивались, и военное состязание кончалось.

Почетные гости и зрители спускались тогда со своих мест и направлялись к месту пиршества, следовавшего за турниром.

Здесь рыцари, участники турнира, вступали в палату пира при громком звуке труб, облаченные в яркие одежды, и занима-

[19] Сверните ваши знамена (*франц.*).

ли места под шелковыми стягами с их гербами, свидетельствовавшими о древней славе их рода. Наиболее храбрым и отличившимся на турнире рыцарям отводились самые почетные места. В самый разгар пиршества герольды представляли дамам отличившихся. При этом та из дам, которая с общего согласия признавалась *царицей красоты и любви — la Reine de la Beaulté et des Amours*,— раздавала призы коленопреклоненным рыцарям, обращаясь к каждому из них с похвальной речью. За пиршеством следовали различные увеселения.

Турнир не всегда ограничивался одним днем. Часто на следующий день рыцари предоставляли турнирное поле своим оруженосцам, которые состязались на конях и в вооружении своих господ. На утро третьего дня происходил общий бой — *mêlée* — рыцарей и оруженосцев, и снова дамы решали окончательно вопрос о победителях,

Таковы были в общих чертах обычаи и законы турниров в дни процветания рыцарства. Из всего сказанного становится ясным, до какой степени эти рыцарские игры должны были влиять на развитие и распространение геральдического искусства и науки. Можно по справедливости сказать, что турниры были *геральдикой в действии*.

Подробностями о турнирах мы наиболее обязаны замечательному сочинению по этому вопросу, которое написано было в XV столетии королем *Рене Анжуйским* (1408—1480), известным под именем «доброго короля Рене». Он лишь номинально считался некоторое время королем Неаполя, который был отнят у него Альфонсом Арагонским, и провел большую часть своей жизни в своем наследственном владении, Провансе, в южной Франции. Будучи поклонником поэзии и искусства и вместе с тем страстным любителем турниров и других рыцарских развлечений, король Рене написал между прочим весьма обстоятельное сочинение о рыцарстве, которое собственноручно украсил изящными миниатюрами, изображающими различные сцены из жизни рыцарей с необыкновенной живостью. Эта интересная рукопись XV столетия дошла до нас,

составляя одно из лучших украшений Национальной библиотеки в Париже (она известна под названием «*Tournois du roi René*»). В этом сочинении Рене описывает блестящий турнир, на котором он сам имел председательство. В живом рассказе турнирного состязания между герцогами Бретанским и Бурбонским автор знакомит нас до мельчайших подробностей с ходом большого придворного турнира, с обычным при этом церемониалом и вооружением рыцарей. Описание турниров короля Рене тем интереснее для нас, что вскоре после него этот рыцарский обычай, достигший тогда своего полного блеска, начал приходить в упадок.

Турниры неоднократно вызывали против себя противодействие со стороны духовных и светских властей, что имело причиной частые бывавшие при них смертные случаи. Папа Иннокентий III в 1140 году и Евгений III на Латеранском соборе в 1313 году восставали против турниров и даже произносили отлучения [от церкви] против принимавших в них участие. Но это не могло остановить этого глубоко укоренившегося обычая. Турниры надолго пережили свою первоначальную цель и сохранялись как национальные развлечения и в последующие времена, когда употребление огнестрельного оружия и артиллерии на войне начинало уже вытеснять прежнюю рыцарскую доблесть с полей сражения. Во Франции турниры еще продолжались при Карле VI и Франциске I, старавшихся воскресить старое рыцарство, и только в 1559 году, когда на турнире в Париже король Генрих II был смертельно ранен рыцарем де Лоржем (графом Монгомери) ударом копья в глаз, от чего король этот умер через 11 дней, турниры подверглись окончательному запрещению. Их заменили впоследствии более безопасные карусели.

В заключение нам остается сказать несколько слов о другого рода военных играх рыцарской эпохи, о так называемых *joutes* (англ. — *joust*, немецк. — *Gestech*) или поединках между двумя противниками. Но эти поединки не могли, конечно, заменять турниров, так как при них не бывало ни пышной обстановки последних, ни раздачи наград дамами.

Существовало два рода *joutes: joute à l'outrance*, т. е. боевая, и *joute á plaisance*, т. е. мирная. Первая представляла поединок между двумя рыцарями, которые обыкновенно бывали разных национальностей. К этому же роду *joutes* можно причислить в строгом смысле и судебный поединок и всякую дуэль, как законную, так и незаконную. Но к таким поединкам рыцарство прямого отношения не имело.

Лекция VII

Эпоха расцвета рыцарской геральдики в Западной Европе и распространение геральдического вкуса в искусстве и быте. Влияние геральдики на костюм. Геральдические эмблемы корпораций, цехов и пр. Распространение гербовых печатей и окончательно выработавшийся тип наследственного герба. Домовые знаки (Hausemarken). Гербы на монетах и жетонах. Усиленное распространение гербов во Франции в XVII веке. Применение геральдики в зодчестве и других прикладных искусствах. Геральдические украшения надгробных памятников. Обычай «погребения герба» на Западе. Значение геральдики при изучении истории и других ее вспомогательных дисциплин. Важность знания геральдики для прикладного искусства.

С половины XIII столетия влияние турниров на распространение рыцарских гербов становится особенно заметным. Как мы сказали раньше, через турниры вошел в употребление новый тип рыцарского шлема, так называемый турнирный или решетчатый шлем (*Turnier- oder Spangenhelm*), который украшался гербовыми эмблемами и вместе с гербовым щитом служил признаком «*турнироспособности*» (*Turnierfähigkeit*), т. е. рыцарского происхождения носившего их. Можно сказать, что в те времена рыцарь и его герб, турнироспособность и дворянство являлись почти однозначащими понятиями, особенно если вспомним, что гербовые щиты и шлемы были тогда тем действительным оружием, которое носилось их владельцами в бою и на турнире, а не только лишь символическим, как это было впоследствии.

Конец XIII и весь XIV век представляют самую интересную и блестящую эпоху развития рыцарской геральдики. Книжная образованность была в то время еще мало распространена, и поэтому общепонятный язык памятников искусства имел особое значение, а здесь мы встречаем на каждом шагу геральдические эмблемы и украшения, которые вполне соответствовали вкусу и потребностям той эпохи. Этот же геральдический вкус отразился и в письменности. Французский король Иоанн II Храбрый (1350–1364)[1] много содействовал его

[1] Иоанн II (1319–1364) – король с 1350 г., имел прозвище не Храбрый, а Добрый.

распространению через турниры и другие рыцарские обычаи, которые сам весьма любил. При вступлении на престол он учредил первый во Франции рыцарский орден Звезды. Современные хроники Фруассара, Монстрелэ и Оливье де ла Марш изобилуют в своих описаниях событий геральдическими подробностями.

Геральдика постепенно становится *образным языком* той эпохи, на котором все умеют говорить, понимая значение ее знаков. Поэтому неудивительно, что она наложила свой отпечаток на весь быт Средних веков, во всех его своеобразных проявлениях.

Во-первых, геральдика отразилась на *костюме* того времени. В эпоху крестовых походов рыцарство Западной Европы, подражая роскошным восточным одеждам, стало тоже носить, как в военное, так и в мирное время, при всевозможных церемониях и торжественных случаях длинные туники с узкими рукавами (*cotte*), сверх которых надевался так называемый *surcot* или *cotte-hardie* (нечто вроде супервеста)[2]. Знатные лица носили таковые тех цветов, которые соответствовали их гербу, украшая их вышитыми гербовыми фигурами и девизами. Обыкновенные дворяне получали такие геральдические одежды (*livrées*) от королей или от своих сеньоров, причем также носили их гербовые цвета. Жуенвиль в жизнеописании Людовика IX Святого[3] рассказывает, что на одном празднестве, данном в честь короля, множество оруженосцев и почетной стражи имело одежды с гербом хозяина праздника герцога Пуатье. В описании другого празднества, устроенного графом де Намюр в 1187 году, упоминается, что представители Фландрии и Брабанта были в красных одеждах, усеянных золотыми леопардами, а прибывшие из Вермандуа — в зеленых, с золотыми орлами.

С конца царствования Людовика IX женщины благородного происхождения во Франции начали носить платья с изображением

[2] Супервест — кафтан без рукавов.

[3] Людовик IX Святой (1214–1270) — французский король с 1226 г., возглавил седьмой (1248) и восьмой (1270) крестовые походы.

гербов: справа — герба мужа, а слева — своего. Обычай этот распространился и на другие страны. При этом гербы или отдельные гербовые фигуры вышивались ими на удлиненном супервесте или на самом платье. Так например, на одном старинном изображении XIV века мы видим даму в таком супервесте, состоящем из двух частей: верхняя — из горностая, с пересекающим ее золотым геральдическим поясом, а нижняя — из серебряной парчи с вышитыми на ней изображениями льва и трех звезд красного цвета.

При Карле V[4] во Франции вошли в моду костюмы наполовину одного, наполовину другого цвета (*mi-parti*), которые сначала носились дворянством и его оруженосцами, но вскоре распространились и на лиц городских сословий. При торжественном въезде в Париж Карла VI в 1377 году 500 горожан встречали короля в праздничных одеждах пополам белого и лилового цвета. Сам король облечен был в тунику красного цвета, а поверх ее — в синюю королевскую мантию, усеянную золотыми лилиями Франции.

Впоследствии двухцветные одежды были заменены гербовыми (*habits armoriés*), которые носились во Франции до времен Людовика XIII. Позднее у дворянства вошло в обычай одевать своих слуг в гербовые ливреи и помещать гербы на экипажах, а именно на дверцах карет. Конские уборы, ошейники собак и шапочки охотничьих соколов издавна украшались также гербами. Наконец, дворянства различных провинций Франции носили при торжественных случаях шарфы присвоенных им цветов.

Но не только лица благородного происхождения, но также и различные общины, аббатства, городские гильдии и ремесленные цехи с течением времени пожелали иметь свои отличительные эмблемы, которым и придавали, следуя общей моде, форму гербов. Ремесленные цехи во Франции (*communautés de métiers*) еще в XIV столетии получили правильную организацию и

[4] Карл V Мудрый (1338–1380) — французский король с 1364 г.

различные привилегии от королей, в том числе им дано было право на особые костюмы или ливреи, и на гербы, которые при торжественных случаях носились ими на цеховых значках, или банниерах. Так, например, цех золотых дел мастеров г. Парижа получил от короля Филиппа[5] Валуа герб, заключавший в себе королевские лилии в соединении с золотым крестом и эмблемами их ремесла: золотыми священными сосудами и коронами, с девизом: «*In sacra inque coronas*» (т. е. священные сосуды и короны — наше изделие). Подобные же гербы, так называемые *armes parlantes*[6], переводящие на геральдический язык название ремесла или занятия, имели и другие цехи, например, аптекари — весы и ланцет, гвоздари — молоток и гвозди, колесники — колеса, фабриканты игральных карт — фигуры четырех мастей и т. п. Нередко в гербах ремесленных цехов изображались также святые, почитавшиеся покровителями известного ремесла. Иногда несколько цехов одного города, при их немногочисленности, соединялись вместе и имели тогда один общий герб и значок, заключавшие их отдельные эмблемы.

Купеческое сословие во Франции также впоследствии получило гербы. Людовик XIII, желая поднять значение купечества, в 1629 году пожаловал шести купеческим гильдиям г. Парижа гербы, в которых преобладающей эмблемой был корабль парижского городского герба в соединении с знаками ремесел и с соответствующими девизами. Между богатыми горожанами, в подражание дворянству, давно уже распространился тогда обычай употреблять фамильные знаки наподобие гербов, хотя они и не были узаконены до времен Людовика XIV. В это время французское правительство, сильно нуждавшееся в деньгах, воспользовалось общим пристрастием к гербам и за право иметь таковой стало взимать налог, который введен был в 1696 году и дал тогда правительству громадный доход. Но это значительно уронило во Франции значение гербов и составлявшийся в то время гербовым судьею *d'Hozier* официальный гербовник (*Armorial de*

[5] Филипп VI (1293–1350) — французский король с 1328 г.

[6] Гласные гербы (*франц.*).

France) переполнился гербами самого сомнительного происхождения, число которых достигло тогда неимоверной цифры.

Такое всеобщее стремление употреблять гербы помимо их первоначального, чисто военного значения, начавшееся в Западной Европе с весьма давних пор, имело основанием практические потребности мирного времени. Во-первых, гербы служили украшением, которое вполне соответствовало вкусу той эпохи, а во-вторых, являлись общепонятным признаком владения, принадлежности известному лицу, сообществу или учреждению. Отсюда и произошло то характерное явление, которое один немецкий писатель весьма остроумно назвал «*вездесущим герба*».

В этой мирной области самым распространенным и важным применением гербов было *сфрагистическое*, т. е. на печатях. Мы уже упоминали раньше, что первые печати геральдического характера появляются в Западной Европе начиная с XI века. Заслуживает внимания, что на этих ранних печатях мы уже встречаем изображения гербового щита, иногда в руках какой-либо рыцарской фигуры, а иногда и в отдельности. При этом самая форма печати, начиная с XII века, нередко принимает очертание современного ей боевого щита. Так, древнейшие печати такого рода (т. е. щитовидные), имеют форму норманнского щита. Когда же в начале XIII века вошли в моду треугольные щиты, то и печати приняли эту форму. Впоследствии последние снова возвращаются к круглой форме, но с изображением на них того же гербового щита. Из сказанного явствует, что в Западной Европе первоначальным носителем герба был рыцарский щит, а уже впоследствии гербы переходят и на печати, тогда как у нас, в России, наблюдается обратное явление. Многие эмблемы наших древнейших княжеских и городских печатей впоследствии перешли в гербы княжеских и дворянских фамилий, а также и городов.

На Западе гербовые печати сначала употреблялись лишь владетельными особами и представителями знатнейших фамилий, во всеобщее же употребление они вошли лишь со времени введения наследственности гербов, и это имело большое влияние на

развитие гербового дела вообще. Употребление гербовых печатей положило прочное основание выработавшемуся тогда, в особенности в Германии, понятию о значении наследственного родового герба, а также установило *геральдическую связь щита и шлема в гербе* и орнаментальное развитие шлемного намёта.

Другим применением гербов в той же мирной области было *нумизматическое*, т. е. на монетах. Первые французские монеты с изображением на них королевского герба, геральдических лилий, восходят к XII веку. Некоторые авторы предполагали, что король Людовик VII избрал эту гербовую эмблему как «*armes parlantes*», по созвучию названия лилии — *lis* со своим именем (*Louis*). Но как бы то ни было, все преемники этого короля стали помещать лилии на своих монетах, иногда в виде отдельной фигуры или украшений, а иногда на гербовом щите, причем различие замечается лишь в количестве лилий. Так, на золотом флорине Людовика IX Святого их шесть, на так называемом *écu* Филиппа VI Валуа все поле щита усеяно лилиями, и, наконец, с Карла V число их окончательно устанавливается на трех.

Феодальная эпоха в Западной Европе вообще изобилует монетами с изображением гербов. Как известно, многие феодальные владетели получали от императоров и королей право чеканить свою монету, на которой и помещали свои гербы, которые нередко вместе с тем становились и гербами владеемых ими провинций, городов и других населенных мест. Отсюда понятно, какое значение приобретают гербы при изучении истории различных государств Западной Европы, территориальный состав которых часто изменялся.

Упомянем здесь также о многочисленных *жетонах* ремесленных цехов и различных корпораций, раздававшихся их членам, а также в награду за известные заслуги (*méreaux*), которые появляются во Франции со времен Филиппа Валуа, они также украшались изображениями гербов.

Перейдем теперь к применениям геральдических украшений в более обширной области *архитектурных* памятников и различных предметов домашнего быта. Изображения гербов стали

весьма обычными в средневековом зодчестве, появляясь в виде скульптурных или живописных украшений на зданиях, как в замках богатых и знатных лиц, так и в более скромных жилищах низшего дворянства и горожан. Мы уже упоминали о том, что города имели свои гербы, которыми они пользовались на своих печатях и знаменах, а также помещали таковые на общественных зданиях и городских воротах. Но помимо этого, и дома частных лиц в городах нередко украшались гербами их владельцев, и притом не только дома именитых горожан или патрициев, но и простых купцов и ремесленников. Этот обычай особенно распространен был в Германии. Такие изображения гербов на щитах, помещавшиеся обыкновенно над входами домов, служили последним отличительными признаками и назывались домовыми щитами (*Hausschilde*), от них часто получала свое название и улица старинного немецкого города. Этот обычай различать дома по гербам весьма долго удерживался в некоторых древних городах и имеет близкое отношение к весьма распространенным в средневековой Германии и некоторых соседних странах так называемым *домовым знакам*, или *маркам* (*Hausmarken*). Эти домовые марки, заключавшиеся обыкновенно в каком-нибудь незамысловатом знаке (нечто вроде тамги или буквы), реже в изображении предмета из домашнего обихода или ремесла, в древнейшие времена были во всеобщем употреблении и всегда были связаны с каким-нибудь владением, имея преимущественно личный характер. Такие марки имели и многие рыцарские фамилии Германии, которые сохранили их и в позднейшее время в своих наследственных гербах; здесь эти знаки, смысл которых часто оставался загадочным, получили значение геральдических фигур. Но у высшего сословия эти домовые марки совершенно вытеснены были наследственными гербами, и они удержались в своем прежнем значении только у городских сословий и у поселян, владевших недвижимой собственностью. У горожан эти знаки нередко геральдизировались и помещались ими на домовых щитах. Отсюда произошли в большинстве случаев в городах Германии гербы бюргеров (*bürgerliche Wappen*), которые впоследствии

санкционировались высшей властью особыми грамотами, подобно дворянским (с XVI века). В Средние века потребность в гербах для городов вызывалась их торговыми сношениями и войнами, в которые они нередко вовлекались.

Кроме упомянутых домовых марок, мы встречаем в Германии еще особые знаки отличия, которые давались в виде награды горнозаводским цехам (*Steinmetzzeichen*), также имевшие характер гербов. Как те, так и другие появляются на печатях начиная с XIV столетия.

Но возвратимся к применению гербов в древнем зодчестве.

Общественные здания, церкви, замки и дома владетельных и знатных лиц в Средние века вообще изобиловали геральдическими украшениями. В то время существовал обычай помещать таковые на расписных стеклах окон, ставнях, дверях, карнизах и других архитектурных украшениях. Немало подобных памятников средневековой геральдики сохранилось до нашего времени. Так. например, в замке Амбрас, наследственном владении австрийского царствующего дома, мы видим доныне яркокрасный щит с белым поясом габсбургского фамильного герба; на древнем здании рыцарского капитула немецкого ордена близ Ботцена (в Тироле) — черный крест тевтонцев в белом поле; на общественном здании в Альтдорфе, в кантоне Ури (в Швейцарии), виднеются на далекое расстояние ворота желтого цвета, на которых изображен герб кантона — громадная бычья голова. В Богемии, в древнем аамке Карлштейн, сохранилась старинная входная дверь, которая прибитыми к ней железными полосами разделяется на ромбы, в каждом из них, попеременно на золотом и красном поле, изображены черные орлы и белые львы гербов Германской империи и Богемского королевства.

Нередко в замках владетельных лиц на стенах главного зала изображались гербы родственных им фамилий, а также вассалов и союзников. Обычай этот в Германии восходит к XIII веку. Так, например, ландграф Вильгельм Гессенский украсил зал своего Ротенбургского замка гербами вассалов и подвластных ему городов. В городской ратуше г. Вимпфена в XVI веке

написаны были стенной живописью гербы городских судей и именитых граждан.

В конце XVI столетия построен был в Тироле кардиналом-епископом Триентским роскошный замок Вельтурн, в отделке которого приняли участие все известные в то время мастера Германии. Герб строителя, епископа, виднеется здесь всюду: на воротах, дверях, окнах, печах, потолках, мебели и даже на флюгерах башен и дымовых труб. Особенно замечательна своими изящными геральдическими украшениями майоликовая печь работы *Пичдорфера* в приемном зале епископа. Но подобных примеров применения геральдики в архитектуре можно было бы привести еще множество, вся Западная Европа изобилует ими.

Гербами украшались также дверные ручки и затворы. Еще многочисленнее, конечно, геральдические украшения на предметах домашнего обихода: на мебели, коврах, ларцах, кубках, ценной посуде и переплетах книг. Нельзя также не упомянуть здесь об одном специальном применении гербов, на так называемых библиотечных знаках или *ex-libris*, которые вклеивались в книги как знак принадлежности известному лицу или учреждению. Древнейшие из таких *ex-libris* в Германии относятся к XV веку и заключают в себя изображения гербов, воспроизведенных гравюрой на дереве. Так, например, библиотечный знак картезианского монаха Бранденбурга из Вюртемберга (1470) изображает ангела, держащего гербовый щит, на котором серебряный бык в голубом поле; часто также встречаются говорящие эмблемы (*armes parlantes*) и отдельные геральдические фигуры и девизы. Вообще гербы на библиотечных знаках встречаются чаще всего. Говоря о книгах, будет кстати упомянуть также о водяных знаках на старинной бумаге, которые часто изображали геральдические эмблемы: короны, кресты, звезды, змеи, львы, голова быка и т. п. Они встречаются на бумаге с конца XIV века и служили для различения ее сортов и назначения. В рукописных памятниках: хрониках, духовных завещаниях, дипломах на дворянство и других актах государственного и частного быта — гербы встречаются во множестве, иногда в

изящной миниатюре, а иногда в художественном соединении с заглавными буквами рукописи.

Любопытное применение художественной геральдики в Средние века и последующее время представляют игральные карты. Они проникли, как известно, в Европу с Востока в эпоху крестовых походов под названием *naibi* и первое время, до XV века, еще сохраняли свой восточный отпечаток, так, например полумесяц заменял на них бубен, а треф имел арабскую четырехконечную форму. С XV века карты, первоначально называвшиеся *tarots*, получили всеобщее распространение в Западной Европе, особенно после того, как они вошли в моду при дворе французского короля Карла VI, впавшего в слабоумие.

В эту эпоху на игральных картах появляются художественные изображения фигур игры в виде исторических личностей с их действительными или фантастическими гербами, каковы Готфрид Бульонский, рыцарь Дюнуа, король Альфред, Карл Великий, Александр Македонский, Юлий Цезарь и т. п. Сами знаки мастей превращались иногда в геральдические фигуры: так, например, трефы изображали листья на геральдическом дереве герба известной Агнессы Сорель, представлявшейся в виде трефовой дамы на картах времени Карла VII[7]. На картах изображались также отдельно гербы изобретателей той или другой игры, и чаще всего с гербовыми щитами в руках изображались валеты. Вообще карты разных эпох и стран везде воспроизводят характер костюмов и стиля соответствующего времени. Так, например, в Германии на картах XVI века мы видим ландскнехтов в их характерном костюме, а во Франции XVII века — костюмы эпохи Людовика XIV.

Нам остается упомянуть о применениях гербов в церквях и на надгробных памятниках. На Западе иногда гербы умерших вешались в церквях с обозначением дат смерти и титулов их владельцев, что служило для генеалогических целей, сохраняя сведения о роде. Гербы помещались также на различных

[7] Карл VII (1403–1461) – французский король с 1422 г.

предметах церковной утвари для увековечения памяти церковных строителей и жертвователей. С XV века гербы начинают встречаться и на церковных колоколах. Но особенно большое применение гербы имели на надгробных памятниках.

В Средние века гробницы очень часто украшались скульптурными изображениями умерших. Такие памятники встречаются с XIV столетия и весьма многочисленны во Франции, Германии, Италии и в особенности в Англии, где мы встречаем их даже в простых сельских церквях. Они воздвигались не только лицам рыцарского сословия, но также и духовного, богатым горожанам и купцам. Иногда они имели форму надгробных плит, украшавшихся скульптурными изображениями фигур и гербов, которые расписывались красками, но для лиц более знатных из духовенства и высшего дворянства сооружались обыкновенно в церквях более пышные памятники, наподобие саркофага, над которым возвышался балдахин. На подобных памятниках мы видим высеченные из камня рыцарские фигуры в вооружении и в различных положениях, то лежащими, то коленопреклоненными; иногда по две фигуры вместе, отца с сыном, мужа с женой.

Памятники эти представляют особенный интерес для изучения костюма и вооружения тех времен, а с нашей точки зрения заслуживают внимания украшающие их гербы и геральдические эмблемы. Один из замечательнейших образцов таких памятников в Англии представляет гробница знаменитого Черного Принца, сына короля Эдуарда III, находящаяся в Кентерберийском соборе. На саркофаге, украшенном по бокам исключительно гербовыми щитами, покоится воинственная фигура этого героя рыцарских времен в полном позолоченном вооружении, строгое лицо его тесно обрамлено кольчужной бармицей[8], а голова, с надетым боевым шлемом с небольшой короной, покоится на турнирном шлеме, который служит ей как бы изголовьем. Шлемное украшение последнего составляет фигура коронованного леопарда, стоящего на четырех лапах, с

[8] Бармица — в доспехе, металлическое оплечье, к которому крепились шлем и латы.

открытым зевом. Наконец, гербовая туника, покрывающая широкую грудь и спускающаяся до бедер, показывает гербы Англии и Франции: леопардов в красном поле и лилии в голубом, расположенные накрест. Только эти гербы и драгоценные камни на короне были раскрашены, все же остальное вызолочено. Памятник этот замечателен по своей художественности и тщательности отделки во всех его подробностях.

Два древних геральдиста: *Favyn* в сочинении «*Théatre d'honneur*» и *La Colombière*, своей «*Science héroique*»,— дают любопытное толкование тех различных типов, которые представляют рыцарские изображения на таких гробницах. По их объяснению, различные положения фигур и подробности вооружения на надгробиях соответствовали роду смерти изображенного на них лица. Так, если рыцарь умирал в бою, то изображался в полном вооружении, со шлемом на голове и коленопреклоненным, умерший во время войны от раны или болезни изображался лежащим в боевом вооружении, но только без шлема и боевых рукавиц, которые помещались возле него. Наконец, умиравший мирной смертью в своем замке изображался лежащим в своей гербовой тунике и парадном доспехе, имея шлем и шпоры в ногах и опираясь последними на изображения домовых собак. Иногда под ногами рыцарских фигур помещались символические животные: львы, собаки, драконы, грифы и т. п., означавшие его победу над врагами или олицетворявшие его качества. Эти символические животные встречаются на гробницах начиная с XIII века и назывались во Франции *cagnets*. Гербы помещались обыкновенно на особых щитках над головой рыцаря, покоившейся на турнирном шлеме, по бокам этого последнего[9]. Прибавим, что средневековые гробницы не всегда следуют этим обычным типам, представляя немало вариантов. Памятники зодчества и скульптуры

[9] В начале средневековой эпохи на гробницах помещался обыкновенно на плите только один герб, впоследствии стали помещаться также материнский и, наконец, вошло в обычай помещать по четыре и более гербов предков умершего, которые располагались в известном порядке (*Прим. Ю.В. Арсеньев*).

надгробий достигают апогея своего совершенства в XV веке, к этому времени относятся великолепные гробницы герцогов Бургундских и Беррийских в г. Бурже во Франции.

В Средние века мы встречаем замечательный обычай, который показывает, насколько герб тесно связан был с живой личностью. Когда какой-либо рыцарский род угасал в лице последнего своего представителя, то, при погребении, гербовый щит и шлем его сокрушали и вместе с телом умершего опускали в могилу. Обычай этот весьма напоминает подобный же, существовавший у римлян и от них перешедший к франкам — погребать вместе с умершим его печать и перстень. В некоторых местностях Германии обычай погребения герба угасшего рода удержался еще до наших дней.

В прежнее время геральдике отводилось почетное место среди наук, преподававшихся дворянству Западной Европы. Но в то время также и лица других сословий, как мы видели, встречали в ней надобность. В эпоху процветания геральдики гербы изображались везде и на всем, отсюда ясно, что для художников, граверов, ваятелей, зодчих, ткачей и других многочисленных представителей прикладных искусств знакомство с главнейшими геральдическими правилами являлось совершенно необходимым.

В 1789 году французская революция, казалось, навсегда упразднила геральдику в этой стране, но уже очень скоро затем она снова возродилась во Франции, хотя и на несколько иных началах, созданных Наполеоном I.

* * *

После всего сказанного уже не будет затруднительным определить то место, которое принадлежит *геральдике* в общей системе наук и искусств.

Мы уже говорили в начале наших чтений о значении ее в области культурной истории, и все сказанное нами после того служит подтверждением этого взгляда.

Являясь затем вспомогательной дисциплиной для генеалогии, геральдика приобретает значение таковой и для истории вообще.

Гербы, как мы видели, встречаются на печатях, монетах, гробницах и множестве других памятников истории и искусства, без знания геральдики таковые остаются малопонятными, а иногда и совершенно необъяснимыми. Отсюда очевидно, как важна геральдика при изучении сфрагистики, нумизматики и археологии. Дипломатика и палеография[10] также не могут быть с успехом изучаемы без геральдики: гербы беспрестанно встречаются на актах, как государственных, так и частных. Но геральдика является не только научной дисциплиной, но также и *искусством*, ибо имеет, кроме того, предметом своим действительное изображение герба на основании известных правил. Всякое изображение стремится достигнуть известной красоты, красивым же признается то, что удовлетворяет чувству изящности и вместе с тем является целесообразным. Соответственно с этими требованиями и в геральдике были издавна установлены определенные правила. Поэтому в геральдике красивым признается то, что *геральдически правильно*, а некрасивым — что *геральдически неправильно*.

Что геральдика есть действительно искусство, видно уже из того, что для воспроизведения гербов ей необходимо прибегать к посредству одного из прикладных искусств: живописи, ваяния или зодчества. Первоклассные художники прежних времен, каковы Альберт Дюрер, Ганс Баль-дунг, оба Фишеры и другие не пренебрегали в своем искусстве геральдикой, о чем свидетельствуют изящные изображения гербов, которые мы видим на их рисунках и гравюрах. В новейшее же время незнакомство художников с геральдикой приводило их нередко к прискорбным промахам, чему можно было бы привести немало примеров. Так, на одной исторической скульптуре новейшего времени, изображающей эпизод из эпохи Реформации, известный Тетцель, продававший папские индульгенции в Германии, представлен с церковным знаменем, на котором, вместо герба

[10] Палеография — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая историю письменных памятников.

папы Льва X из фамилии Медичи, художник поместил герб папы Пия IX[11]. На исторической картине фон Вернера «Лютер на сейме в Вормсе» сень над троном императора Карла V украшена нынешним гербом Австрийской империи,

Что же касается до подобных анахронизмов при театральной постановке исторических пьес, то их и не перечтешь. Известный геральдист XVII века *Ménéstrier*, которого мы уже не раз упоминали, в своем сочинении «*L' art du blason*» старается определить ту обширную область разнообразных знаний, которую, по его мнению, геральдика должна включать в себе. Геральдика, по его словам, есть нечто сходное с энциклопедией. Она имеет свою особую теологию, объясняющую ее таинственные символы; свою философию, рассматривающую свойства ее фигур; свою юриспруденцию, определяющую права на пользование гербом, особыми отличительными знаками и титулами. Ее геометрия рассматривает геральдические фигуры и их расположение на гербовом щите; ее арифметика — их число; история — их происхождение и причины; география — те страны и местности, откуда известные фамилии ведут свое начало, где живут и куда распространились отдельные их отрасли. Наконец, ее грамматика дает объяснение всех принятых в ней специальных терминов и раскрывает их начала.

Конечно, с того времени, когда писал *Ménéstrier*, взгляд на геральдику и научная ее постановка несколько изменились. Сделавшее в наше время значительные успехи научное изучение исторических актов, печатей, монет, родословий и археологических памятников требует от геральдики более строгого и критического отношения к ее материалу. «Вся совокупность геральдических познаний, собиравшаяся герольдами,— говорит *Bernd*, — оставалась почти до нашего времени сухим перечнем одних только внешних особенностей гербов, имевшим целью

---

[11] Эта скульптура, работы *Calandrelli* украшает фасад здания ратуши в Берлине (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Лев X (1475–1521) – римский папа с 1513 г.; Пий IX (1792–1878) – римский папа с 1846 г.

служить лишь прикладному искусству. Хотя при этом в старинных геральдиках и шла речь о толкованиях гербов, основанных на их символизме и часто совершенно произвольных, а равно излагались и правила, принятые в гербовом деле, однако все эти сведения приводились безо всякой внутренней связи и без указаний на важнейшее и наиболее существенное. В них недоставало также исторической обоснованности и цельности, которые придавали бы этому знанию строго научный характер».

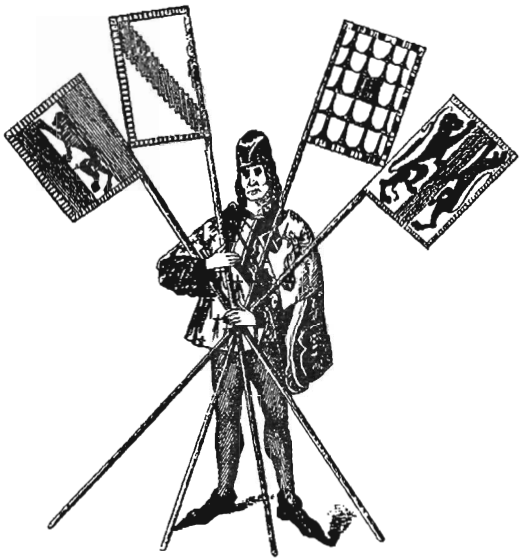
Только в последнее время специальные труды по геральдике *Бернда*, *Гефнера*, *Зейлера*, *Сакена* и других поставили ее на правильный путь и подняли на должную научную высоту.

В некоторых странах, как, например, во Франции, геральдика пережила дворянство, которое ее создало и вызывало ее необходимость. Тем не менее она продолжает существовать и здесь, утратив свое прежнее значение, но представляя художественный и изящный памятник прошлого и интересный пережиток Средних веков.

Геральдика, по выражению одного современного французского писателя (*Gérard de Nerval*), представляет ключ к истории Франции, и это весьма верное замечание может быть приложено в большей или меньшей мере и к другим европейским странам, в которых она получила историческое развитие.

Геральдика есть также своего рода символический международный язык, так как во всех странах, где она существует, мы встречаем в ней одни и те же фигуры и эмблемы, передающие из рода в род высокие понятия религии, рыцарской чести и любви к родине.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГЕРАЛЬДИКА



Лекция VIII

Определение понятия о гербе и составных частях его. Подразделение гербов по их принадлежности и по некоторым особым признакам. Научное подразделение геральдики. Понятие о специальной литературе ее в различных странах Европы. Источники для изучения геральдики по ее памятникам. Разделение истории геральдики на периоды.

Окончив наш обзор геральдики в ее историческом развитии, перейдем теперь к изучению ее *теории*. Прежде всего мы остановимся на определении понятия о гербе и покажем, каких родов таковые бывают. Затем перейдем к определению предмета геральдики как науки и к ознакомлению с ее источниками.

Гербами называются особые фигуры или символические изображения, представленные на основании известных, точно определенных правил и служащие постоянными отличительными знаками отдельному лицу, роду, сообществу или учреждению, а также городу, области или целому государству.

Подобные гербовые изображения, как мы уже видели, первоначально помещались на оружии, преимущественно на щите и шлеме. Отсюда и название герба почти на всех европейских языках произошло от слова, обозначающего *оружие*, а именно, по-немецки — *Wappen* от *Waffen*, по-французски — *armoiries*, *armes*, на английском — *arms*, на итальянском — *arma*, на шведском — *vapen* (по-латыни герб переводится через *arma* и *armorum insignia*, т. е. отличительные знаки оружия)[1].

Понятие о гербе, заключающем в себе *щит*, и *шлем* как нечто объединенное, целое встречается не ранее конца XIII века. До тех пор отличительные фигуры и украшения шлема и щита рассматривались как две совершенно самостоятельные эмблемы.

[1] Объяснение слова герб дано было нами выше, в лекции III (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Такие изображения, даже в том случае, когда они служат отличительными знаками, например, для военачальников, еще не соответствуют отсюда тому, что мы разумеем под словом *герб*, таковым отличительный признак становится лишь в том случае, если он утвержден за известным лицом, фамилией, сообществом и т. д. высшей государственной властью как постоянный и неизменный, т. е. когда пользование таковым является известным исключительным правом. В таком смысле гербы вошли в обычай приблизительно с 1400 года,

По общепринятому правилу, герб утверждается и жалуется главой государства как исключительное право того, который получает его, и поэтому находился и доныне находится под особым государственным контролем.

Гербы всегда имели значение особого отличительного знака и давались именно как таковые. Гербом, пожалованным определенному лицу (фамилии и т. д.), никто иной не мог пользоваться, если не получал на это дозволения владельца герба, и лишь не иначе, как на известных, предусмотренных законом основаниях или же только с разрешения высшей государственной власти, и в тех лишь случаях, когда на этом основывалось известное законное притязание. Такие основания для пользования гербом имеют силу и в настоящее время. Если случалось, что гербы, принятые двумя различными фамилиями, оказывались совершенно сходными, то имели применение известные различительные способы, состоявшие в изменении гербовых цветов или в добавлении известного *дополнительного знака* (*Beizeichen, brisure*). Таким образом образовалось то бесчисленное количество различающихся между собой гербов, каковых известно по меньшей мере до 200 тысяч.

На пользование гербом имеют право как отдельные лица, так и корпорации, общины, города и страны. Поэтому можно подразделить гербы на следующие роды:

1. Гербы *государственные* (*Herrschaftswappen, armes de domaine*), представляющие геральдические эмблемы земель, вошедших в состав государства. Гербы эти часто служат вместе и гербами коронованных особ, стоящих во главе государства.

2. Гербы *местные* (*Länderwappen*), присвоенные городам, областям. губерниям, епископствам и т. д.

3. Гербы *сообществ* (*Cesellschaftswappen, armes de communauté*), принадлежащие различным корпорациям, духовным и светским, цехам, ученым учреждениям и т. п.

4. Гербы *фамильные* или *родовые* (*Ceschlechtswappen, armes de famille*), переходящие по наследству лицам одного рода. В Западной Европе различаются, кроме того, *личные* гербы (*Personalwappen, armes personelles*), к каковым относятся гербы епископов и других духовных сановников.

На основании некоторых особых признаков, относящихся к происхождению и назначению гербов, в западной геральдике принято еще различать между ними следующие:

Союзные или *брачные гербы* (*Allianz- oder Heiratswappen*), состоящие из соединенных гербов лиц, вступивших в брачный союз. Такого рода гербы в старину увековечивали в известной фамилии брак с какой-либо знатной особой и встречаются особенно часто в Италии и Австрии. Так, например, в герб князей *Piccolomini* включен как брачный герб королевства Арагонского, по случаю брака одного из представителей названного рода с арагонской принцессой. В Англии и в настоящее время наследница известного знатного дома (*heiress*) присоединяет свой герб к гербу мужа в качестве брачного.

Наследственно-владельческие гербы (*Erbschaftswappen, armes de succession*), которые принимаются вместе с унаследованием известного родового владения. Так, например, в гербе князей *Lamberg* в Австрии, состоящем из трех отдельных щитов, один из них заключает присоединенный через наследство герб фамилии *Scala*. Иногда присоединяется весь герб наследователя, а иногда только некоторые эмблемы из него.

Гербы притязания (*Anspruchswappen, armes de prétention*), показывающие притязание на какое-либо спорное или прежде существовавшее владение. Например, когда король датский Христиан II в 1520 году сделался одновременно и королем шведским, то принял в свой герб дополнительно и герб Швеции:

три золотые короны в голубом поле; когда же Швеция вскоре опять отделилась от Дании, последняя сохранила, однако, в своем гербе шведские эмблемы как герб притязания. Подобным же образом короли Англии до 1800 года присоединяли к своему гербу французский королевский герб: три золотые лилии в голубом поле, хотя издавна утратили свои прежние владения во Франции. Точно так же испанские короли присоединяли к своему герб Португалии и Иерусалимского королевства, короли Сардинии — герб Кипра и т. д. Когда такие гербы не выражают более действительного притязания, то называются иногда гербами *воспоминания* (*Gedächtnisswappen, armes de souvenir*).

Гербы покровительства или *пожалования* (*Schutz- und gnadenwappen, armes de patronage et de concession*), которые жаловались каким-либо государем как знак покровительства или особого отличия и заключались по большей части в соизволении помещать в гербе рода, известного города или корпорации герб самого государя. В Западной Европе подобные гербы весьма многочисленны и связаны обыкновенно с историческими воспоминаниями. Так, например, фамилия *d'Estaing* во Франции имеет в верхней части (главе) своего герба пожалованные ей королевские лилии в память того, что один из рыцарских предков этой фамилии спас жизнь королю Филиппу-Августу в битве при Бувине (1214). Первоначальный герб королевства Арагонии состоял из золотого щита без всякий фигуры на нем, но император Карл Лысый[2], будучи свидетелем геройских подвигов Готфрида Арагонского в битве с норманнами, омочил четыре пальца в крови, истекавшей из ран этого принца, и привел ими сверху вниз по его щиту, с того времени короли Арагонии стали употреблять герб: в золотом поле четыре червленые столба (pals), от них он перешел и в гербы графов Барселоны и Прованса.

Интересен также весьма выразительный герб, пожалованный королем Фердинандом и королевой Изабеллой Испанскими знаменитому *Христофору Колумбу* за воздаяние его заслуг,

[2] Карл II Лысый (823–877) — король Западного Франкского государства с 840 г., император франков с 875 г.

вместе с титулом вице-короля новооткрытых им стран. Герб этот заключал в верхней половине четырехчастного щита королевские эмблемы Кастилии (замок) и Леона (льва), а в нижней в правой части, в зеленом поле, изображающем море, пять серебряных островов, а в левой, в голубом,— пять золотых якорей. Герб увенчивался шлемом, украшение которого изображало земной шар и над ним крест; девиз с лаконической простотой гласил: «*Por Castilla, y por Leon, nuevo mundo hallo Colon*», т. е. «Для королевств Кастилии и Леона Колумб открыл новый свет».

Приведем еще один пример интересного исторического герба, дарованного в XIV веке шотландской фамилии *Douglas*. Король Шотландии Роберт Брюс в 1329 году на своем смертном одре поручил храброму рыцарю Дугласу Черному, в исполнение данного им обета, перенести в Святую Землю часть его останков, а именно, его сердце. После кончины короля Дугласу было вверено королевское сердце, и он отправился в Палестину, неся его на своей груди в серебряном ковчежце. Но ему не суждено было достигнуть Святой Земли. В Андалузии, где он присоединился со своим отрядом к испанцам, их встретило сильное войско мавров, и он погиб в жестокой сече, держа в руках до последней минуты сердце своего короля. С этих пор род Дугласов имеет в своем гербе червленое сердце, увенчанное королевской короной, и девиз: «*Исполнить или умереть*» («*Do or die*»).

У нас в России гербы пожалования встречаются как при возведении в дворянство и утверждении в таковом, когда раньше у фамилии не имелось герба, так и при даровании титула, причем или составляется новый герб, или же к существующему гербу придаются некоторые эмблемы (двуглавый орел, вензель государя, императорская корона и т. п.). В русской геральдике существует особый разряд таких пожалованных гербов, под названием *лейб-кампанских*. Они дарованы были императрицей Елизаветой Петровной всем, служившим при восшествии ее на престол в лейб-кампаниях, оказавших тогда особенную верность государыне. Эти гербы отличаются помещенной на них лейб-кампанской (гренадерской) шапкой со страусовыми перьями, по

сторонам которой видны два черных орлиных крыла, и на каждом из них по три серебряных звезды. В самом же гербе помещено золотое стропило, на коем три горящих гранаты, сопровождаемое тремя серебряными звездами. Эти эмблемы у лейб-камнанцев, имевших уже ранее гербы, присоединялись к прежним.

Гербы покровительства на Западе существуют и доныне. Римские кардиналы нередко помещают в качестве таковых в свои гербы геральдические эмблемы папы, возведшего их в этот сан. В Средние века различались еще так называемые *armes de dévotion* (гербы благочестия), которые давались за особые заслуги на пользу церкви и религии. Один из французских рыцарей, сопровождавших Людовика Святого в крестовом походе, из фамилии *Maupoix-Baudran*, получил от короля поручение доставить в парижский собор Богоматери терновый венец Спасителя. В награду за этот религиозный подвиг названной фамилии пожалован был тогда герб, изображающий в серебряном поле пять терновых венцов черного цвета.

В Англии *гербы покровительства* (*arms of patronage*) имеют несколько иное значение. Здесь знатные лица, управлявшие областями, пожалованными имениями и замками, прибавляли к фамильным своим гербам различные эмблемы как знаки своих преимуществ, прав и достоинств.

Гербы *должностные* (*Amts- oder Standeswappen, armes de dignité*), составляющие особый вид предыдущего рода гербов на Западе. Таковые присваивались известной почетной должности или званию и переходили иногда как наследственные к знатным фамилиям. В Германии наследственные почетные должности Священной римской империи увековечены таким образом в гербах отдельных государств: пфальцграфство Баварское имеет в гербе своем державное яблоко как знак имперского стольника (*Erztruchsess*); Вюртемберг — государственный стяг — от должности наследственного имперского знаменосца (*Erbpannerherr*); Саксония — перекрещенные мечи — от наследственного имперского маршальства (*Erbmarshall*).

В древней Франции до революции всем государственным должностям присваивались особые геральдические отличия, помещавшиеся или в самом гербе, или же, чаще всего, в виде внешних атрибутов гербового щита, каковы, например, два обнаженных меча у коннетабля Франции, два жезла — у маршала, два якоря — у адмирала и т. д. Так как в те времена государственные должности были по большей части наследственными, то и такие должностные гербы часто сохранялись наследственно в известной фамилии. При Наполеоне I была сделана попытка возобновить их во Франции в несколько измененном виде[3].

По своему происхождению гербы могут быть разделены на исконные (*Urwappen*), появившиеся в древнее время, с самого возникновения обычая употреблять гербы, а впоследствии узаконенные через молчаливое признание их действительности, и на гербы *пожалованные по грамоте* (*Briefwappen*), начиная с XIV века, которые были даваемы главой государства или, в Германии, особо уполномоченным от государя лицом, обыкновенно так называемым *comes Palatinus*, посредством установленного на то документа. Эти уполномоченные лица в Германии принадлежали к высшему дворянству, но встречались между ними часто и ученые правоведы. Они образовали в то время два так называемых *комитива*, большой и малый. Первый имел полномочие ежегодно возводить в потомственное дворянство по нескольку лиц и утверждать за ними гербы, второму же предоставлено было лишь право причислять в *наследственные общинники герба* (*erbliche Wappengenossen*) некоторых лиц, но, однако, без возведения таковых в дворянское достоинство. Такими общниками герба или гербовыми гражданами (*Wappenbürger*) признаются в Германии такие лица или фамилии, которые, не принадлежа к дворянству, пользуются однако правом употреблять наследственные гербы. Иногда, впрочем, под этим названием разумелись и те фамилии, которые пользовались общим гербом или имели вообще право на герб.

[3] Заметим здесь, что многие гербы, в особенности сложные, могут соединять в себе признаки различных родов, указанных здесь, и поэтому принадлежат одновременно к нескольким (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Если эмблема герба прямо указывает на фамилию владельца, название города, местности и т. д., которым принадлежит герб, то таковой называется *гласным*, или *именным*[4] (*redende Wappen, Namenwappen, armes parlantes*). В подобных гербах, произнося название гербовой эмблемы, вместе с тем называют и фамилию или известное имя, и часто такое соответствие основывается на одном лишь созвучии и является поэтому совершенно случайным. Поэтому такие гербы справедливо сравнивали с ребусами. Заметим, что в подобных именных гербах иногда гласит щит (эмблема или же цвет его), иногда шлем, а иногда и щитодержатели. Притом в некоторых из них смысл их совершенно понятен, например, в гербе *князей Орловых* — орел, *князей Долгоруких* — рука со стрелой, выходящая из облаков, *Топорских* — топор, испанской фамилии *Torres* — башня, немецкой *Eichmann* — человек, держащий дуб и т. п.; в других же значение герба более прикровенное, и это встречается чаще в древних гербах, любивших применять в таких изображениях правило «*Pars pro toto*»[5]. Таков, например, герб старинной фамилии *фон Дахенгаузен*, представляющий шахматное поле (черное с серебром), имеющее верхнюю часть (так называемую *главу* щита) красную. В нем гласят фигуры щита: красная верхняя часть его означает крышу (*Dach*), а остальная, шахматная,— дом (*Haus*). В гербе княжества Монако гласят щитодержатели, фигуры августинских монахов, стоящие по обеим сторонам княжеского герба. Нередко гласные гербы совершенно ошибочно указывают на то или другое происхождение названия, основывая таковое, как мы сказали, на одном лишь случайном созвучии. Так, например, известный гласный герб королевства Леон в Испании изображал льва, хотя название *Leon* произошло вовсе не от льва, а от латинского слова *legio*[6]. Город *Landshut* в Германии получил гласным гербом шляпу (*Hut*), хотя название его произошло от однозвучного слова, имеющего совершенно другое значение (*Hut* — сторожа).

[4] Их называют также выразительными (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[5] Часть вместо целого (*лат.*).

[6] Легион (*лат.*)

Во всех европейских странах встречается множество таких гласных гербов, как фамильных, так и местных. Они не составляют какого-либо особого рода гербов, но заслуживают внимание в особенности потому, что для их распознавания и понимания необходимо бывает знакомство с языком той страны, которой принадлежит такой гласный герб[7].

Приведем еще несколько примеров из древней французской геральдики, которая нередко не гнушалась самыми обыденными и простыми предметами из природы и домашнего быта и вводила их в гербы, когда они по своему значению или созвучию подходили к известному фамильному названию. Таким образом появились три хлебные кадки (*boisseaux*) в гербе фамилии *Bouesseau*; три рыбы (речные бычки — *chabots*) у *Chabot*; вишневое дерево (*créquier*) — фамилии *Créqui*; испуганная кошка (*chat effrayé*) — в гербе *Auchat*: три ежика (*hérissons*) — у *Héricé*: три головы бекасов — у *Begassoux* и т. п. Заимствовались предметы также из военного и морского быта, например, герб *Mailly* — три зеленых палицы (*maillets*), герб *Dumas* — золотая мачта и т. д.

Кроме того, существуют и так называемые полугласные гербы (*halbredende Wappen*), т. е. дающие лишь отдаленное указание или намек на фамильное имя, например, в Германии герб фамилии *Taxis* — барсук (*Dachs*); шахматная доска — герб фамилии *Spiller* (*Spiel* — игра) и т. д.

Некоторые геральдисты считали гласные гербы самыми древними из существующих. Такого взгляда держался, например, английский герольд *Byssaeus*, однако, по исследованиям *Зейлера*, гласные гербы в Германии ранее XIV века почти не встречаются.

---

[7] Иногда требуется знакомство и с древними, *исчезнувшими* средневековыми словами и выражениями для объяснения именного, или гласного, герба. Например, немецкая фамилия *von Olvenstedl* в Магдебурге имеет с XIII века в гербе верблюда, который в Средние века назывался «*Olbent*». Отсюда герб этот является гласным, о чем по современному немецкому названию верблюда (*Kamel*) догадаться нельзя. Подобные же исчезнувшие названия *совы* (*Auf*) и *коршуна* (*Sprinz*) объясняют именные гербы древних фамилий *von Aufenstein* и *von Sprinzenstein* в Германии (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Весьма изобилует также гласными гербами польская геральдика, откуда они перешли и к нам в Россию. Нам остается упомянуть еще один особый род гербов, который также может быть отнесен к гласным и носить в геральдике название *загадочных гербов* (*Rätzelwappen, armes à enquerre*). Это такие гербы, в которых допущено бросающееся в глаза нарушение какого-либо геральдического правила, например, запрещающего помещать финифть на финифть или металл на металл и т. п. Подобное нарушение делалось намеренно, с целью вызывать вопрос, по какой именно причине таковое было допущено в гербе, что и называлось в старину — *enquérir*. Этим способом увековечивалось какое-либо достопамятное событие, подвиг или особое отличие в истории рода или города и страны. Во многих случаях, впрочем, такие предания с течением времени были забыты, и смысл таких гербов тогда затерян[8]. В гербах новейшего времени, в которых старинные геральдические правила беспрестанно нарушаются, подобные отступления, конечно, не могут уже иметь такого особого значения, как это было в старину. Приведем несколько примеров загадочных гербов. Готфрид Бульонский после взятия Иерусалима крестоносцами получил от них в знак благодарности подобный герб, а именно золотой, так называемый *выступной крест* (*croix potencée*). сопровождаемый четырьмя такими же крестиками, в серебряном поле, он должен был всегда напоминать потомству о его доблести. Крест этот доныне носит название *иерусалимского*. Другим подобным примером может служить первоначальный герб древнего французского рода герцогов *Montmorency*: родоначальник его был, по преданию, первым знатным лицом в языческой Галлии, принявшим христианство. Об этом напоминает герб этой знаменитой фамилии[9]: серебряный крест в золотом поле

[8] Новейшие немецкие геральдисты *Seyler*, *Gritzner* и др. совершенно отрицают так называемые *загадочные гербы*, объясняя их происхождение простой случайностью, а именно изменением, под влиянием времени, металла или финифти щита, например, серебра — на синий цвет, золота — на красный и т. д. Но подобное объяснение, весьма допустимое во многих случаях, едва ли, однако, приложимо ко всем, без исключения, загадочным гербам (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

(металл на металле, как и в предыдущем примере), и о том же гласит ее девиз: «*Dieu ayde au premier baron chrétien*»[10].

К какому бы из вышеозначенных разрядов герб ни принадлежал, он может быть или *полный* (*armoirie pleine*) или *видоизмененный* (*brisée*). Вполне, без прибавки и убавки, герб переходил к старшему в роду и в этом виде сохранялся всегда в старшем поколении, а видоизменения в фигурах или красках означают гербы младших членов рода, равно как незаконнорожденных, наконец, лиц, обесславивших себя поступками неблагородными (*armes diffamées*). Как честь рыцаря отражалась на его щите, верном спутнике его подвигов, так щит же свидетельствовал об утрате чести. За важнейшие проступки рыцарь лишался этого звания, а за менее важные его щит и фигуры лишались только своей полноты и красоты, так у рыцаря, проявившего трусость, срезывали правый угол щита, а у того, кто бы убил военнопленного, укорачивали нижнюю часть щита. Приметы эти были в те времена общеизвестны, а потому являлись выразительными и позорными. Точно также и фигуры, будучи помещены в щите так или иначе, могли иметь совсем иной смысл, другое значение. Между убавкой в гербе и проступком того, чей герб подвергался видоизменению, существовало соответствие. Так, например, Людовик Святой повелел, чтобы *Жан д'Авен*, оскорбивший свою мать, сохраняя в гербе изображение льва, впредь носил его, в виде наказания за свой проступок, без высунутого языка и когтей.

* * *

Геральдика есть познание правил изображения гербов и пользования ими. Та часть ее, которая рассматривает составление и описание герба, называется *гербоведением* (*Wappenkunde*) или

---

[9] Впоследствии несколько измененный: серебряный крест в память боевого подвига Матвея Монморанси в битве при Бувине, королем Филиппом-Августом изменен на червленый и сопровождается с каждой стороны четырьмя так называемыми *alerions*, небольшими орлами синего цвета, в память взятых им неприятельских знамен (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[10] Бог помогает первому христианскому барону (*франц.*).

теоретической геральдикой, другая же, занимающаяся применением этих правил к действительному изображению гербов, носит название *геральдического искусства* (*Wappenkunst*), или *практической геральдики*.

В Средние века, как мы видели, герольды применяли свое искусство лишь практически, на основании устных преданий, которые сохранялись ими в тайне. Но мало-помалу из этого сложилась своя особая наука, правила которой собирались и излагались письменно. Самые ранние и наиболее многочисленные учебные руководства по геральдике появлялись в Англии и во Франции. В первой из них, начиная с древнейшего геральдического сочинения монахини *Juliana Barnes* (1468), известного под названием «*Book of S't Albans*» и составляющего величайшую библиографическую редкость, появлялись одно за другим сочинения *Leigh* (1568), *Guillim* (1610), *Byssaeus* (1654), *Nisbet* (1722), *Porny* (1765), *Clark* (1775), *Edmondson* (1780) и других, из которых руководство Кларка было самым распространенным, а сочинение Эдмондсона самым обширным и подробным.

Во Франции древнейшими писателями по геральдики считаются *Clément Prinsault* (1416) и упоминавшийся нами герольд *Sicile* (1495). За ними следовали *de Bara* (1579), *Scohier* (1597), *Favyn* (1620), *Monet* (1631), *Gélyot* (1635), *de Varennes* (1640), *Ségoing* (1648) и, наконец, иезуит *Ménéstrier* (1650), создавший своими геральдическими исследованиями эпоху в этой науке. Из его сочинений особенно известны «*Discours sur l'origine des armoiries*» (1659), «*Origine des ornements des armoiries*» (1680) и другие, которые заключают весьма подробные изыскания по различным геральдическим вопросам, а потому более ценны в научном отношении, нежели учебные руководства того же автора, изложенные в краткой катехизической форме («*Le véritable art du blason*», «*L'art du blason justifié*»). После него можно указать во французской геральдике труды *Le Cellyer* (1669), *Le Laboureur* (1684), *La Roque* (1673), *Foncemagne, Durey de Noinville* (1757) и в новейшее время *Pautet* («*Nouveau manuel du blason*». 1894), *de Magny* («*Science des armoiries*», 2 v., 1856), *Ad.*

de Beaumont («*Recherches sur l'origine du blason*», 1853), *Gourdon de Genouilac* («*L'art héraldique*»), *Maigne* («*Abrégé méthodique de la science des armoiries*», 1885), *Bachelin Deflorenne* (1880) и немало других. Заметим, что бóльшая часть новейших сочинений по геральдике во Франции довольно поверхностна.

Более серьезно разрабатывается геральдика, особенно за последнее время, в Германии. Здесь она имела также свой древнейший, так сказать, героический период, к которому принадлежат: *Bartholomaeus Cassaneus*, автор сочинения «*Catalogus gloriae mundi*», изданный на латинском языке в Венеции в 1571 году, *Cyriacus Spangenberg*, написавший в 1591 году свое сочинение «*Adelspiegel*», позднее *Harsdörfer* (1641) и *Höpingk* (1642). Основателем научной геральдики в Германии был знаменитый богослов и вместе геральдист *Philipp Jakob Spener*, современник *Ménéstrier*, с которым он имел ученые сношения. Ему принадлежит полнейший и ученейший труд под заглавием «*Jusignium theoria, seu operis heraldici pars generalis*», *in-folio* с 23 гравир. таблицами. Это капитальное сочинение легло в основание целой ученой школы геральдистов в Германии, между которыми могут быть указаны *Schumacher* (1694), *Weber* (1696), *Rudolphi* (1698), *Trier* (1714), *Schmeizel* (1723) и, наконец, более известный у нас *Gatterer*, профессор геральдики в Геттингенском университете (1763). Его учебное руководство «*Abriss der Heraldik*» переведено и издано было на русском языке Глебом Мальгиным в 1805 году. К этой же научной школе принадлежал в новейшее время профессор геральдики и сфрагистики Боннского университета *Christian Bernd* (ум. 1854), оставивший несколько капитальных сочинений («*Hauptstücke der Wappenwissenschaft*», Bonn, 1849, 2 v., «*Handbuch der Wappen*», *Leipzig*, 1856. Он же издал общую библиографию по геральдике в 4-х ч., Бонн, 1830–1841). В Германии геральдика разрабатывалась вообще гораздо подробнее, чем в других странах, чему немало способствовало то, что она введена была как учебный предмет в курс университетов и других высших учебных заведений. Мы уже упоминали о том, что сын известного Шпенера был первым

преподавателем геральдики в берлинской *Rilteracademie*[11]; впоследствии она имела кафедры в университетах Лейпцига, Йены, Эрлангена, Геттингена, Вены и Бонна. В новейшее время в Германии на смену старого направления в геральдике, представителями которого являлись Гаттерер и Бернд, выступило новое, оно отличается от прежнего тем, что обращает больше внимания на значение геральдики в истории культуры и искусства, а также успешнее разрабатывает ее в археологическом отношении, в тесной связи с сфрагистикой. Во главе этой новой школы стоят *Mayer von Mayerfels* («*Heraldisches ABC-Buch*». 1857) и *von Hefner*; последний в 1861 году издал свой «*Handbuch der Heraldik*», *München*. Им же предпринято было новое и совершенно переработанное издание известного немецкого гербовника *Siebmacher*'а (1-е издание 1657 год, 2-е – 1772–1776), в котором приняли участие выдающиеся ученые геральдисты Германии. Из них *Gustav Seyler* издал в качестве исторического введения к этому гербовнику свою «*Geschichte der Heraldik*», *Nürnberg*, 1885–1889, а *M. Gritzner* – геральдическую терминологию, содержащую вместе с тем основания геральдического искусства с многочисленными таблицами (1890). К этой же новейшей геральдической школе принадлежат *Warnecke* («*Heraldisches Handbuch*», 1880), *Sacken* («*Grundzüge der Wappenkunde*», 1899), *Hildebrandt*, автор многочисленных изданий по художественной геральдике, между которыми можно указать его «*Heraldisches Musterbuch*», *Berlin*. 1897, с 48 таблицами рисунков, *Ströhl* и другие. Так называемые гербовники, которые содержат собрание гербов в изображениях, кроме названного Зибмахера, издавали в Германии *Schrot* (1551), *Solis* (1551), *Tyroff*, *Dorsf* и другие.

Между весьма немногочисленными учебными руководствами и сочинениями геральдического характера в других странах Западной Европы заслуживают упоминания в Голландии – *Christyn* (1668), *de Rouk* (1673), в Италии – *Petrasancta* (1628),

[11] Дворянская академия (*нем.*).

Ginanni (1756); в Испании — *Lopez de Haro* (1622) и *Aviles* (1725); в Швеции — *Uggla* (1748).

Польская геральдика, представлявшая в старину много своеобразного, довольно богата специальной литературой. Древнейшим источником для польской геральдики считается историк конца XV века *Иоанн Длугош* (ум. 1480), сочинение которого «*Historia Polonica*» издано было лишь в XVII столетии. Затем следует по времени важнейший геральдический труд *Папроцкого* «*Herby rycerstwa Polskiego*», изданный в Кракове в 1584 году и в новом издании 1845 года. У нас, в России, было более распространено сочинение *Окольского* «*Orbis Polonus*» (Краков, 1641, 3 т.), написанное на латинском языке. Назовем далее *Potocki* «*Poczet herbów*» (1696); *Niesiecki* «*Korona Polska*» (1728–1743, 4 т.), новое издание дано было Бобровичем в 1839–1848 (Лейпциг, в 10 томах); *Kuropatnicki* «*Wiadomosc o herbach domów szlacheckich*» (Варшава, 1789); *Dunczewski* «*Herbarz kor. Polskiej*» (Львов, 1757, fol. 2 т.); *Wieladka* «*Heraldyka*» (1794, 5 т.); *Jablonowsky* «*Heraldika*» (1742); *Malachowski* «*Zbior naswisk szlachty z opisem herbyw*» (1805); *Stupnicki* «*Herbarz Polski*» (Львов, 1855–1861. 3 т.); *Malinowsky* «*Heraldyka*» (1841) и новейшие геральдические исследования *Кояловича*, *Шайнохи* и *Пекосинского* и др. Укажем также официальный «*Гербовник дворянских родов царства Польского*», изданный в 1853 году в Варшаве, 2 т. на русском и польском языках.

Заканчивая наш обзор русской геральдической литературой, мы, к сожалению, встречаем здесь большую скудость. Если не считать вышеупомянутого русского перевода *Гаттерера*, изданного *Мальгиным* и другого, переводного же сборника символических изображений *Максимовича-Амбодика* (1811) «*Избранные эмблемы и символы*», то единственным законченным и серьезным сочинением по русской геральдике может быть назван труд *Лакиера* «*Русская геральдика*», изданный в 1853 году, сделавшийся библиографической редкостью. Здесь мы встречаем талантливую попытку изложить историю русских гербов в связи с русской сфрагистикой. Начавшая издаваться в

1894 году «*Русская геральдика*» *фон Винклера* уже на 3-м выпуске прекратилась, и дает только общие основные понятия по этой науке, и притом в довольно поверхностном изложении. Точно так же не повезло русской геральдике и в отношении гербовника русского дворянства. У нас имеется, как известно, «*Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи*», первая часть которого Высочайше утверждена 1 января 1798 года, а последняя, 10-я, поступившая в продажу, утверждена в 1836 году. Кроме того, 6 частей находятся еще в рукописи, было, правда, приступлено к печатанию 11-й части, но затем издание прекращено за неимением средств. Но еще менее утешительно то, что представляет это издание в научном отношении, по отзыву нашего ученого-генеалога *Л. М. Савелова*. «Казалось бы, — говорит он, — что «*Общий гербовник*» как издание официальное должен был бы быть вполне достоверным историческим источником, на деле же мы видим совершенно другое. К сожалению, он наполнен от начала до конца, за редким исключением, вымыслами и легендами, особенно если дело касается до родов, выдвинувшихся в течение XVIII века. Вследствие этого он по внутреннему своему содержанию почти не имеет никакой цены и должен быть отнесен к балласту в нашей небогатой генеалогической литературе». В геральдическом отношении он также оставляет желать весьма многого. Более счастливыми оказались наши окраины. Прибалтийские губернии, имеющие свои прекрасно изданные гербовники, как, например, *Klingspor* «*Baltisches Wappenbuch*» (1882) и другие, и Финляндия — «*Wappen for de adelige Finlands*»[12].

* * *

[12] Вопросу геральдического изучения русского государственного герба посвящено несколько специальных исследований. Кроме Лакиера можно указать: *фон Винклера* — «*Государственный орел*» в т. IX «Энциклопедического словаря» Брокгауза, изд. 1893 года, *Е. Воронца* — «*Четырехсотлетие российского государственного герба*», Харьков, 1895; *A. Grenser* — «*Das Russische Reichswappen, historisch-heraldische Skizze*» («*Slavische Blätter*», 1865, вып. 17 и 18) (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Как на источники при изучении геральдики следует указать:

1) Печати и монеты. Они представляют, как таковые, то важное преимущество, что заключают по большей части имена владельцев, что дает возможность с точностью определить время их происхождения.

2) Памятники, могильные плиты, надгробные щиты, которые вешаются в церквях-усыпальницах и т. п.

3) Дворянские грамоты (дипломы), ленные записи (*Lehnbriefe*) и описания турниров, всегда заключающие описание гербов.

4) Изображения, гербовые столбцы (*Wappenrollen*), как например, известный «*Цюрихский гербовый столбец*», относящийся к XIV веку. Этот драгоценный памятник средневековой геральдики стал известен только с XVIII века и представляет длинную полосу из пергамена (длиной 400 см и шириной 12 см), сшитую из нескольких частей, на которой в красках изображены в два ряда гербы, всего около 600. Точное воспроизведение этого геральдического памятника дано было Цюрихским обществом антикваріев в 25 таблицах (1860). К этой же эпохе (XIV век) относятся важные для геральдики рукописные памятники так называемый «*Вейнгартский сборник песен*» («*Weingartner Lieder-Handschrift*»), заключающий гербы авторов-рыцарей, слагавших эти песни, так называемый «*Balduineum*», который содержит описание похода императора Генриха VII в Рим, с многочисленными лицевыми изображениями сражений, турниров и т. п. Здесь гербы встречаются во множестве. Подобным же памятником являются также гербовые книги (*Wappenbücher, armoriaux*), каковы например, «*S. Christophorus-Arlberg-Bruderschaftsbuch*» и «*Грюнебергский гербовник*» (1483), содержащий 1980 гербов. Далее упомянем древние родословные книги (*Stammbücher*).

5) Подлинное древнее оружие и древние щиты с изображениями гербов.

6) Исторических писателей и поэтов, которые в своих сочинениях дают описания гербов и указания, имеющие историческую ценность, как, например, поэтическое сочинение *Ульриха*

фон Лихтенштейна «Frauendienst», богатое геральдическими данными, хроники *Фруассара*, *Жуенвиля* и др., *«История Польши» Длугоша* и т. п.

Историю геральдики, на основании сказанного нами ранее, можно разделить на *три периода*:

1. Время, когда исключительно лишь *один щит* с находившимся на нем изображением представлял собой герб — с XI до XIII века — это геральдика щита и эпоха ее первоначального развития.

2. Период, когда к щиту как носителю герба присоединился *шлем* со своим украшением, и гербовое искусство достигло своего высшего, живого (практического) развития. Это время процветания геральдики, продолжавшееся с XIII до конца XV века. В этом периоде действительно употреблявшийся в бою щит совпадает, т. е. тождествен с геральдическим щитом, т. е. расписанный красками гербовый щит и шлем с его украшением действительно носятся владельцем герба.

3. Время, когда геральдический щит превращается в нечто совершенно отвлеченное и в действительности уже более не носится. С этих пор начинает появляться в гербах множество несущественных *привесок и добавлений*, которые не имеют основания в существе дела. Старинные геральдические правила начинают постепенно забываться и исчезать, и, при недостатке правильного понимания, в геральдику вторгается произвольность. Это время упадка живой геральдики — начиная с XVI века и до нынешнего времени. В этой последовательности мы и будем рассматривать отдельные геральдические элементы герба.

Лекция IX

Геральдический щит. Формы щита у различных народов древности. Средневековые щиты. Геральдические формы щитов и сохранившиеся их образцы.

Носителем всякого герба является *щит*. Вместе со шлемом он составляет существенную часть полного герба, но при этом щит есть важнейшая и необходимая часть последнего, тогда как шлем не безусловно необходим в гербе, как мы это уже видели.

Не всякий щит, хотя бы на нем и находилось изображение, может быть назван *геральдическим*. Таковым считается лишь тот, который имеет очертание, более или менее близкое (нарисованное, вырезанное, скульптурное и т. п.) к действительному щиту, и притом является удобным для помещения на нем гербового изображения.

Формы щита в разные времена и у различных народов представляют большое разнообразие. В классической древности преобладающими формами были круглая и четырехугольная, из которых произошли и все остальные. У греков мы встречаем несколько видов щита: круглый, овальный, удлиненно-круглый, с выемками по сторонам (так называемый *беотийский*) и *азиатский*, в виде полумесяца, приписываемый обыкновенно в памятниках древности амазонкам. Этруски употребляли круглый греческий щит, который впоследствии заимствован был у них римлянами. Но вскоре он предоставлен был лишь некоторым родам войска, а во всеобщее употребление вошел у римлян так называемый *сабинский* щит, или *scutum*[1]. Со времен Сервия

[1] Это латинские название щита производят от греческого — σχυτοζ, которое означает щит и кожу, указывая таким образом на материал, из которого изготовлялись такие щиты. От *sculum* произошло французское — *écu, écusson* и английское — *escutcheon* (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Туллия[2] последний введен был во всех легионах, отличаясь внешней стороной, окрашивавшейся в различные цвета и с разнородными, по легионам, эмблемами. Скутум был выпуклый, четырехугольной формы (до 1,2 м вышины и 0,8 м ширины), он делался из легкого дерева, покрытого кожей и скрепленного металлическим ободом. Легкая пехота (*велиты*) имела щиты, меньшей величины и круглой формы, они делались ивовые и покрывались воловьей кожей, так называемые *parma*. Кроме того, у римлян употреблялся еще так называемый *самнитский* щит, имевший форму прямоугольника, закругленного с нижней стороны. Как неразлучный спутник воина щит в древности становился иногда даже предметом особого почитания. Таковыми были, например, священные щиты (*ancilia*) у римлян, не употреблявшиеся на войне, но сохранявшиеся в храме Марса.

Между сарматскими и гуннскими племенами, которые в IV веке наводнили Западную Европу, употребление щитов не было в обычае, эти варварские племена на войне сражались исключительно конными и быстрыми движениями заменяли то, чего не доставало им в смысле боевого вооружения. Впоследствии те племена, которые сделались оседлыми в Германии, постепенно усвоили себе многое из военных обычаев римлян, но, тем не менее, вооружение их оставалось еще самым элементарным, и они употребляли щиты из ивовых прутьев, обтянутых воловьими кожами. Щиты германцев были такого же типа, они покрывались мехом, обыкновенно волчьим. Подобный обычай обтягивать щиты шкурами различных животных сохранялся в Западной Европе до самого XIII века, и отсюда выработался в Средние века, как мы увидим, так называемый *геральдический мех* (*Feh, Pelzwerk*).

Во времена Карла Великого щиты по большей части делают еще из дерева, обтянутого кожей и скрепленного железными полосами, на крепких шипах, а не из металла. Всадник того време-

[2] Сервий Туллий — согласно античному преданию, шестой царь Древнего Рима в 578–533/534 г. до н. э.

ни употреблял легкий деревянный круглый или заостренный книзу щит, который не мешал ему управлять конем, давая необходимую оборону. Круглые щиты (*rondache*) имели в середине выпуклое украшение или, вернее, шип. Носился он на левой руке, на широком ремне, другой же, более короткий ремень служил для того, чтобы брать его в руку. Пеший воин носил в бою большой миндалевидный щит, сильно выгнутый и также деревянный, с таким же скреплением из полос и гвоздей, в бою этот щит опирался своим нижним концом в землю. По-видимому уже с IX века появился обычай ставить в бою такие высокие щиты, вышиной несколько более одного метра, тесно в ряд, и за образовавшейся таким образом стеной помещать, под их защитой, стрелков из лука. В эту эпоху мы встречаем длинные, заостренные и приближающиеся к треугольной форме щиты, преимущественно у германских и славянских племен, а круглые и овальные — у народностей юга и юго-востока Европы. Наши древние русские щиты X и XI веков по форме своей приближались к треугольным удлиненным, хотя и были несколько укорочены снизу. Такими мы встречаем их изображения в древней харатейной рукописи[3] «*Жития Св. Бориса и Глеба*». Особенным цветом для окраски древнерусских щитов был багряно-красный, о чем упоминает и «*Слово о полку Игореве*»: «Русичи великая поля черленым щиты прегородиша». Легендарный щит Олега, повешенный им на вратах Царьграда, мог принадлежать к типу норманнских удлиненных щитов. В Византии в VIII веке встречаются круглые щиты столь малого размера, что они могут быть причислены к разряду так называемых кулачных щитов (*Faustschilde*), употреблявшихся при бое на мечах.

Древнейшие изображения различных форм средневекового щита встречаются в одной рукописи творений Вергилия в Ватиканской библиотеке, относящейся к V веку, щиты Представлены здесь круглыми, с тупыми кеглевидными шипами. В так называемой «*Золотой псалтыри*» («*Psalterium aureum*») в

[3] Харатейная рукопись, написанная на пергамене.

С.-Галлене (конца VIII века) мы видим изображения воинов, конных и пеших, вооруженных одним только родом щита, а именно круглым, романской формы. Размер его — в половину человеческого роста, он сильно выгнут и имеет посередине заостренный шип (*Schildnabel*). Эти щиты были сделаны, как и подобные из эпохи Меровингов, из дерева, обтянутого кожей, и скреплены на гвоздях металлическими полосами, сходящимися в виде радиусов. Совершенно сходной формы мы встречаем их также в одной «Библии» IX века, сохраняющейся в церкви *S. Paolo fuori le mura* в Риме.

Постепенное изменение римского вооружения, усвоенного германскими племенами, происходило весьма медленно, в связи с исчезновением античных традиций, так, мы продолжаем встречать круглый римский щит рядом с германским в течение всего раннего периода Средних веков. Между знатными же лицами еще многие века позднее удерживался обычай следовать римским образцам, и еще первые немецкие короли изображаются на своих печатях вооруженными круглым римским щитом. В Италии античные формы щита сохраняются еще дольше, что вполне объяснимо, на мозаиках собора Св. Марка в Венеции (XII века) венецианские воины изображены с круглыми же щитами. Также и в одной рукописи, содержащей легенду папы Александра III, в музее *Correr*, относящейся к XIV веку, щиты венецианских солдат еще сохраняют ту же излюбленную форму.

На Байёсском ковре мы, правда, встречаем по большей части удлиненный романский щит, но рядом с ним еще и круглые. В изображении битвы при Гастингсе в английских войсках представлены также и широкие бретонские щиты, почти квадратной формы с закруглениями, они делались часто из бронзы.

Уже с VI века имеются исторические известия, что щиты служили у знатных лиц любимым предметом для драгоценных украшений. Григорий Турский упоминает в своей хронике о богато изукрашенном щите с золотом и драгоценными камнями, который прислан был в дар королю испанскому Брунгильдой.

Заслуживает внимания, что в XI веке, во времена Гаральда III Норвежского появляются первые примеры расписывания щитов различными устрашающими и легендарными изображениями. Эти грубые зачатки первобытной геральдики дают указание на их восточное происхождение. Норманнский щит из дерева с меловой загрунтовкой, узкий, сверху закругленный и заостренный книзу, может рассматриваться как древнейший прототип всех позднейших форм средневекового щита. Для геральдики он приобретает особое значение, так как на нем впервые встречаются гербовые изображения.

Размер этого нового по форме щита норманнских всадников находился в полном соответствии с первоначальным типом брони. Так как последняя в то время, при своем несовершенстве, не могла еще представлять достаточной защиты от ударного оружия, то являлся необходимым щит, закрывающий всадника от ног до плеч. Щиты XI и XII веков имели поэтому также значительную длину и как у всадников, так и у пеших воинов были одной меры. С этого времени, как мы уже говорили, броня получила существенное усовершенствование, что явилось прямым последствием боевого опыта крестовых походов. Этот важный успех не замедлил отразиться и на форме рыцарского щита, который в течение XIII века стал делаться постепенно короче, так что теперь он доходил от луки седла лишь до подбородка всадника. Боковые края его, сильно загнутые, сходятся книзу острием, но зато верхний край делается более прямым, ибо лицо рыцаря уже достаточно защищено теперь, при новой форме шлема.

Около 1300 года устройство брони получает дальнейшее, уже заметное усовершенствование, и через это рыцарский щит еще раз подвергается изменению, теперь он превращается в небольшой *треугольный тарч* (*Tartsche, petit écu*), формой почти равнобедренного треугольника, по бокам несколько выгнутый и покрывающий немного более половины груди и левое плечо[4]. Название *tartsche*, впервые появляющееся в Европе в это время,

[4] Он имел приблизительно 76 см в вышину и 60 см в ширину (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

происходит от арабского *dàrake*, откуда произошло итальянское *targa*. Этим названием первоначально обозначался малый круглый щит[5].

С конца XIII века в боевом вооружении французских и бургундских всадников применялись также некоторое время кроме ручных щитов еще *особого рода плечевые щиты* (*Achselschilde, ailettes*). Они представляли небольшие прямоугольные доски из железа, носились на самом плече, в наклонном положении и защищали от ударов шею рыцаря. Эти плечевые щиты, применение которых кончается уже около 1348 года, так же, как и тарчи, украшались гербом владельца. Во французском дворянстве и те, и другие составляли в то время отличительный признак рыцарского достоинства, к кольчуге они прикреплялись посредством ремня, надевавшегося на шею[6].

К концу XIV века и в XV форма тарча испытывает изменения, которые уже не имеют исключительно военное, а более стилистическое значение. Он делается снизу полукруглым, а иногда, как в Англии и северной Франции, четырехугольным, почти квадратным. При турнирах употреблялись особого рода тарчи, имевшие вырезку с правой стороны, через которую просовывалось копье, так называемые *Stechschilde*, и с сильно выгнутыми краями.

В XVI веке броневые доспехи достигают полного своего развития, и рыцарский щит, служивший в течение пяти веков

---

[5] Приложенные нами на рис. 1, 2 изображения, заимствованные из лицевой рукописи XIV в. «*Balduineum*», воспроизводят формы этих треугольных тарчей, представляющих первый тип вполне *геральдического щита* (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[6] В эту же эпоху (XIV в.) стремление дать и пешему войску действительное средство для самозащиты вызвало появление в Западной Европе большого, так называемого *стоячего щита* (*Setzschild*), или *большого павеза*. Он имел форму параллелограмма с закругленной вершиной, вырезы для зрения и железные острия для утверждения в землю. На этом щите, происхождение которого, вероятно, итальянское (pavois, pavese – от г. Павии), также рисовались обыкновенно разные эмблемы с надписями религиозного, а иногда каббалистического характера (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Рис. 1

Рис. 2

столь важным оборонительным оружием, теряет теперь свое значение и с этих пор сохраняется лишь как отвлеченный геральдический символ. В эпоху возрождения классического искусства в XVI веке, когда гербовые щиты в действительности

уже более не носились, им стали придавать произвольные формы, овальную или с различными изгибами, вырезами и завитками по краям, каковые в XVII и XVIII веках становились все более изысканными и сложными. Получая совершенно неподходящие приделки и украшения, подобные щиты все более удалялись от действительно употребительных.

В прежнее время в геральдике принято было называть овальные щиты — *итальянскими*, прямые, заостренные к низу — *французскими*, тарчи (с вырезкой) — *немецкими* и прямолинейные, с уширенной верхней частью и острием внизу — *английскими*. Но подобные названия не имеют за собой достаточного основания, так как в одну и ту же эпоху у всех названных наций встречается приблизительно одна и та же форма щита.

Итальянцы действительно имеют своеобразную форму гербового щита, каковая сохранилась у них почти неизменной с весьма ранних времен и доныне, она произошла от стоячего тарча (*Setztartsche*) и, оставаясь в общем своем очертании всегда одинаковой, только незначительными придатками и украшениями приспособлялась ко вкусу той или другой эпохи. Форма этого щита такова: высокий, в верхней своей половине расширяющийся, внизу же — суживающийся. Вершина и подошва его обыкновенно с украшениями. Хотя в Италии встречаются и другие формы щитов, как, например, в эпоху Возрождения — овальная, обрамленная, наподобие архитектурного картуша (форма эта особенно употребительна для духовных лиц), но, тем не менее, вышеописанная форма представляет для Италии характеристичную геральдическую ее особенность.

Самыми удобными и целесообразными формами для помещения гербов следует признать: для составных, с несколькими гербовыми полями 1) прямой щит, закругленный снизу (так называемый *испанский*), 2) прямой с небольшим заострением внизу, а иногда и с закругленными нижними углами (так называемый *французский*). Первый весьма употребителен в испанских гербах, один из лучших испанских геральдистов, *Авилец*, поясняет, что форма эта была принята как наименее

поддающаяся вольностям, которые позволяют себе граверы и художники, прибавляя к гербам различные произвольные украшения. Второй, так называемый французский, в настоящее время самый употребительный, между прочим, и в наших русских гербах. Он появился в геральдике лишь с XVI века и не может быть признан ни изящным, ни правдивым, так как щиты такой формы в действительности никогда не употреблялись в военном деле.

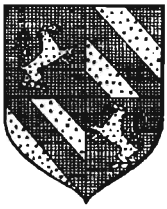


Рис. 3

Для гербов, заключающих простые, и в особенности суживающиеся книзу, фигуры, удобными формами щита признаются также треугольный щит и так называемый немецкий тарч. Круглые щиты, а также с различными украшениями в виде завитков вообще неудобны для помещения герба и не всегда могут быть применяемы, хотя имеются примеры и таких, которые могут служить образцами.

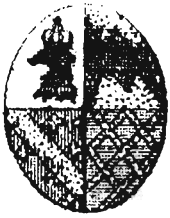


Рис. 4

Для гербов лиц женского пола применялись с давнего времени и встречаются весьма часто на Западе щиты в форме ромба (*rautenformiges Schild*), хотя они представляют большие неудобства для помещения в них гербовых фигур.

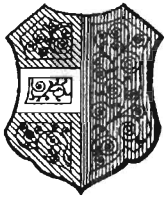


Рис. 5

Общим правилом при выборе той или другой формы щита может быть признано соответствие такового со стилем, в котором герб должен быть изображен, применяясь к месту, где его хотят поместить. Так, например, на

Рис. 6

[7] Главнейшие формы щитов, употреблявшихся в геральдике, показаны на рис. 3–8 (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

зании, сооружаемом в стиле позднего Ренессанса (так называемом стиле *барокко*), не следует помещать треугольного щита, соответствующего готическому стилю, на здании же в раннеготическом стиле неуместен щит в виде картуша, богато украшенного завитками, в стиле рококо.

В эпоху так называемой живой геральдики действительно употреблявшиеся тогда щиты изготовлялись по большей части из дерева, обтянутого кожей или пергаменом, и расписывались красками. Гербовые фигуры часто при этом делались из выпуклой тисненой кожи (так называемой *кожаной пластикой*) или из холста, напитанного составом из мела и клея (так называемая *холщовая пластика*), или, наконец, фигуры на щите делались из составных кусков различных материй и мехов (*Stückung*).

Щиты в старину часто бывали обиты металлическими скобами (*Spangen*) и, как мы видели, украшались даже драгоценными камнями, отсюда произошли в гербах некоторые особые геральдические фигуры, а также разноцветные, состоящие из кусков, окаймления щитов. Несколько подлинных средневековых щитов, по счастливой случайности, сохранились до нашего времени, что позволяет нам ближе ознакомиться с техникой их изготовления. Самым древним из таковых является щит, найденный в погребальном склепе Зеедорфского монастыря в кантоне Ури в Швейцарии. Он представляет переходную форму от норманнского щита к треугольному и должен быть отнесен

ко второй половине XII века. Щит этот сделан из елового дерева и покрыт с наружной стороны пергаменом, а с внутренней — кожей. Мы видим на нем изображение серебряного льва, несколько выпуклое, в поле, выкрашенном голубой меловой краской,

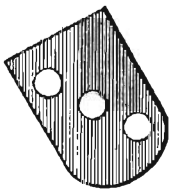


Рис. 11

Весьма замечательны также оригиналы треугольных щитов XIII века, сохраняющиеся в древней церкви Св. Елизаветы в Марбурге. Один из них принадлежал ландграфу Конраду Тюрингенскому. Он сделан из липового дерева и обтянут с обеих сторон пергаменной кожей, которая покрыта голубой меловой краской. На этом фоне укреплена на гвоздях вырезанная из двойной толстой кожи фигура льва, который был раскрашен полосами красного и белого цвета. Глаз его был сделан из драгоценного камня, вставленного в щит, а зубы также представлены были пластически из кусочков дерева. Корона, по всему вероятию, была из золоченой жести. Между задними лапами льва мы видим герб небольшого размера, очевидно позднейшего происхождения, на котором изображен черный крест тевтонского ордена в белом поле[8]. Другой щит, находящийся также в Марбурге и принадлежавший ландграфу Генриху Гессенскому, несколько меньшего размера (78 см вышины и 60 см ширины). Он также обтянут пергаменом, который сохраняет следы тщательной позолоты. Фигуры льва, окружающие

[8] Размер этого щита 90 см вышины, 74 см ширины и 10—12 см толщины (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

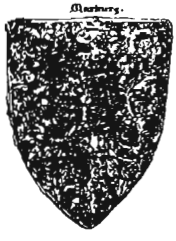


Рис. 15

его мелкие изображения баснословных животных и другие украшения этого щита представляют интересный образец так называемой холщовой пластики, которая дополнялась яркой окраской фигур в различные цвета и вставленными в корону льва, из кожи, цветными камнями. Третий марбургский щит, который мы воспроизводим, относится к половине XV века и представляет образец боевого тарча этой эпохи, техника его изготовления сходствует с предыдущими[9].

Щиты в марбургской церкви представляют целый ряд замечательнейших геральдических образцов XIII, XIV и XV столетий и сохранились так хорошо благодаря обычаю, о котором мы уже упоминали,— вешать таковые внутри церквей для увековечения памяти их владельцев.

[9] Изображения этих щитов мы даем на рис. 12–15 (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Лекция X

Геральдические цвета (или финифти) и металлы. Символика их. Различные системы обозначения геральдических цветов и металлов посредством штриховки. Геральдические меха и их происхождение.

С понятием о гербе неизбежно связано представление об известной окраске щита, ибо последний уже сам по себе имеет тот или другой естественный цвет, который свойствен или материалу, из которого сделан щит, или же придан ему через окраску, позолочение, обивку и т. п. Поэтому щит уже сам по себе, иногда без всякой особой гербовой эмблемы, мог служить отличительным знаком или гербом. Действительно, и в древние, и в новейшие времена мы встречаем такие гербы, которые заключают в себе лишь один какой-либо цвет или металл, или мех. Так, например, герб немецкой фамилии *Боссенштейн* представляет золотой щит, польской фамилии *Биельских* — серебряный, испанской фамилии *Прадо* — зеленый, французских фамилий *Gounay* — черный, *de Barge* — синий и т. д., без всяких фигур.

Геральдика первоначально знала только четыре цвета: *красный*, *синий*, *белый* и *черный*. Эти цвета упоминают как геральдические автор древнего трактата «*L'arbre des batailles*», времен французского короля Карла V, и другие писатели XIV века. При появившейся вскоре потребности в большем количестве различительных цветов в гербах, к упомянутым четырем прибавились еще составные цвета: *зеленый*, *желтый*, или *золотой* (*aureus*), и *пурпуровый*, а в английских гербах появился, кроме того, и *оранжевый* (*tenné*).

Обычай украшать щиты благородными металлами, золотом и серебром, присоединил к вышеупомянутым геральдическим цветам различествующие от последних названные два металла,

при этом соответствующий золоту — желтый и серебру — белый цвет стали заменять эти металлы в гербах, не употребляясь более как самостоятельные цвета. Такое различение геральдических цветов или *тинктур* от *металлов* мы встречаем в первый раз в одной рукописи о составлении красок 1400 года, и оно с этих пор становится общепринятым, хотя, впрочем, во французской и испанской геральдике как металл, так и цвета продолжают обозначаться общим названием геральдических эмалей (*émaux, esmaldas*).

Употребление основных цветов в средневековой геральдике некоторые ученые ставили в связь с применением таковых же у римлян, в играх цирка, при которых борющиеся разделялись на партии, различавшиеся цветами одежд. Подобное же различение партий цирка по цветам перешло, как известно, и в Византию и могло, конечно, распространиться и на римские провинции Галлию, Германию и другие, где такие игры также вошли в обычай. Несомненно, что то же самое мы встречаем впоследствии и при рыцарских турнирах Средних веков.

В старинной геральдике много говорилось о так называемой *символике цветов* и отсюда окраске щита приписывалось символическое значение. Хотя новейшие геральдисты и не разделяют подобного взгляда, но допускают, однако, что иногда цвет рыцарской одежды и щита получал то или другое условное значение. В старину, как известно, признавали особую таинственную связь между металлами, драгоценными камнями и планетами, а отсюда и соответствующим им цветам любили давать особое толкование. Об этом писал знаменитый средневековой ученый *Cardanus* (ум. 1576). Впоследствии *Pierre d'Arles* посвятил особое сочинение тому же вопросу под заглавием «*Sympathia septem metallorum et septem selectorum lapidum ad planetas*». Следы таких взглядов отразились и на геральдике. В Англии и доныне геральдические металлы и тинктуры носят по несколько различных наименований, смотря по тому, к какому разряду дворянства принадлежит герб известного лица. Так, золото в гербах принцев называется — *Soleil* (солнце), в гербах пэров — *topaze* (название

драгоценного камня), а во всех других — *or*, серебро, в таком же соответствии, называется: то *lune*, то *perle* (жемчуг), то *argent*; красный цвет — *Mars* (планета), *rubis*, *gueules*; синий — *Jupiter*, *saphir*, *azur*; пурпуровый — *Mercure*, *améthiste*, *pourpre*; зеленый — *Venus*, *émeraude*, *sinople*; черный — *Saturne*, *diamant*, *sable*.

Существовало и другое, символическое объяснение геральдических цветов, по которому они соответствовали различным свойствам и нравственным качествам. Подобным толкованиям цветов в старинных геральдических сочинениях Коломбьера, Варенна, Ансельма и других посвящены целые главы. Достаточно будет привести здесь следующее толкование геральдиста Ансельма (*Le P. Anselme «Palais d'honneur», Paris*, 1686). «Золото, — говорит он, — означает христианские добродетели: веру, справедливость, милосердие и смирение и мирские качества: могущество, знатность, постоянство, а также богатство. Серебро из добродетелей означает: чистоту, надежду, правдивость и невинность, а из мирских свойств — благородство, откровенность, белизну. Красный цвет соответствует любви, мужеству, смелости и великодушию; черный — осторожности, мудрости и постоянству в испытаниях; синий — целомудрию, честности, верности и безупречности. Зеленый — надежде, изобилию, свободе и радости. Пурпур означает благочестие, умеренность, щедрость и верховное господство. Наконец, горностай, в виде геральдического меха, издавна служит символом чистоты».

Кроме того, цвета в гербах получали особое фигуральное значение, так, например, красное поле изображало кровь, пролитую за церковь или государя, синее поле — небо, зеленое — луговую траву, черное — мрак (печаль)[1].

Во французской геральдике, которой следует и наша русская, употребляется два металла (золото и серебро) и всего пять цветов, или финифтей (*émaux*), а именно; 1) красная, или червлень (*gueules*), изображаемая смесью сурика и киновари, 2) синяя,

[1] Более подробные сведения о символике цветов можно найти в сочинении *Frederic Portal «Des couleurs symboliques». Paris.* 1837, а также *Friedreich «Die Symbolik und Mythologie der Natur»*, 1859 (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

или лазурь (*azur*) — смесь кобальта и ультрамарина, 3) зелень (*sinople*) — смесь хрома и растительной зелени, 4) чернь (*sable*) — сажа, или слоновая кость. Заметим, что французское название этой финифти — *sable* произошло не от черного цвета земли, как объясняли его некоторые авторы, а от слова *zable* или *zible*, *zibeline*, означающего по-французски черного соболя, по-немецки — *zobel*. Корень этого слова арабский, на котором слово *zibet* также означает соболя, мех последнего, как известно, издавна весьма распространен был на Востоке и оттуда проник и в Западную Европу в эпоху крестовых походов. 5) Пурпур — весьма редко употребляемый в гербах, к тому же цвет этот в геральдике не был точно определен, он изображался то лиловым, то лилово-красным, то темно-синим и других оттенков. Такое различие происходило главным образом оттого, что настоящий, естественный цвет пурпура, добывавшегося в древности из двух различного рода раковин, встречающихся в Средиземном море, действительно был двоякий: так называемый *аметист* — более тёмный, фиолетового оттенка, и *Тирский пурпур* — огненно-красного цвета.

Древние геральдисты, и в том числе *Ménéstrier*, вовсе не допускали пурпура в гербах, а другие, как, например, *Colombiére*, признавали его двойственным (*emphibie*), т. е. принадлежащим одновременно и к металлам, и к цветам. Как цвет гербового поля, пурпур встречается почти исключительно лишь в испанской геральдике.

В немецкой геральдике основными тинктурами считаются четыре: красная, синяя, черная и зеленая (последняя крайне редко употребляемая в немецких гербах), но кроме того, с более позднего времени вошли в употребление еще несколько второстепенных и составных цветов, а именно: *железно-серая* (*eisengrau*), *пепельная* (*auschfarb*), *земляная* (*erdumberfarb*), *коричневая* (*braun*), *водянолубая*, или *стальная* (*wasserfarb*, *stahlblau*), и, наконец, заимствованная из английской геральдики *оранжевая* (*rothgelb*). Помимо всех названных тинктур, которые встречаются в гербах как цвета щитового поля, для

гербовых фигур применяют еще так называемый *натуральный* или *телесный цвет* (*naturfleischfarb, couleur naturelle*). Следует заметить, что вышеупомянутые второстепенные цвета, строго говоря, негеральдичны и к тому же почти излишни. Названных четырех или пяти основных тинктур и двух металлов для геральдиста вполне достаточно, если он в точности следует правилам геральдики, к так называемым натуральным цветам он прибегает лишь в тех случаях, когда это вызывается действительной необходимостью, например, когда, по особому указанию в гербе, следует изобразить какое-либо животное: оленя, лисицу, быка, известное растение, часть человеческого тела и т. п. — тем цветом, который им свойствен в природе: бурого, рыжего, серого, розового, телесного и др.

В древнем геральдическом искусстве подобное применение натуральных цветов встречается вообще крайне редко, и лишь в новейшее время эти естественные цвета стали входить в геральдике во всеобщее употребление. Старые геральдисты применяли вместо таковых, по старинному правилу, ближайшие подходящие к ним по характеру цвета геральдические тинктуры. Так, например, олени, собаки, быки изображались обыкновенно в гербах черными или красными, львы — золотыми или красными, части человеческого тела — красными или серебряными, впрочем, эти последние нередко изображались в старину и натурального (телесного) цвета.

Относительно сочетаний цветов и металлов существует в геральдике общее и основное правило, что цвет не может быть положен на цвет, а также — металл на металл, но лишь цвет на металл и обратно. Так, например, красный лев не должен быть помещаем на синем или зеленом поле, но только лишь на золотом, или серебряном; или, обратно, золотой орел не должен помещаться на серебряном поле, но только на цветном. Само собой разумеется, что желтый и белый цвета, заменяющие при упрощенном изображении металлов золото и серебро, признаются здесь за таковые.

Впрочем, существуют многочисленные примеры из лучшего периода геральдики, в которых указанное здесь правило не

соблюдено, такие примеры, как мы видели, относятся или к так называемым загадочным гербам, или же произошли от простой ошибки, вследствие того, что золото от времени краснело, а серебро становилось синим или черным.

В настоящее время это практическое правило по большей части еще соблюдается, впрочем, уклонения, хотя таковые в художественном отношении и не особенно удачны, не признаются, однако, за геральдически недопустимую ошибку.

В немецкой геральдике при более значительной пустующей поверхности герба, т. е не занятой никакой фигурой, таковая иногда покрывается особого рода рисунком, называемым *дамаскировкой*[2]. Он представляет узор в виде арабески, в старину применялся также рисунок, состоящий из перекрещенных черточек, точек, розеток и т. п.

При помощи вышеуказанных цветов могут быть изображены без всякого затруднения всевозможные гербы. Но в тех случаях, когда последние нужно воспроизвести посредством металла, дерева, камня или через гравюру и литографию, без применения действительных красок, приходится прибегать к иным способам для различения геральдических тинктур. Потребность в этом впервые начала сказываться в XVI столетии, когда искусство гравюры на дереве и меди стало развиваться и достигло большого совершенства. С этого времени стали появляться печатные гербовники, между которыми заслуживают внимания изданный в Нюрнберге *Вергилием Солисом* (1555), позднее — гербовники *Брентеля* (1584) и *Зимбахера* (1605), *Фюрста* (1655) и др. В этих печатных гербовниках впервые применены были новые условные способы обозначения геральдических цветов и металлов. Сначала для этой цели употреблялись объяснительные надписи, обозначавшие тинктуры и металлы, а затем, в сокращении,— буквы, этому способу следовали упомянутые *Солис*, а за ним *Мартин Шрот* (1576), *Христиан Урстис* (1580) и

[2] Такой рисунок встречается впрочем и во французской геральдике, но чаще как украшение геральдической фигуры, и обозначается термином *diapré* (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

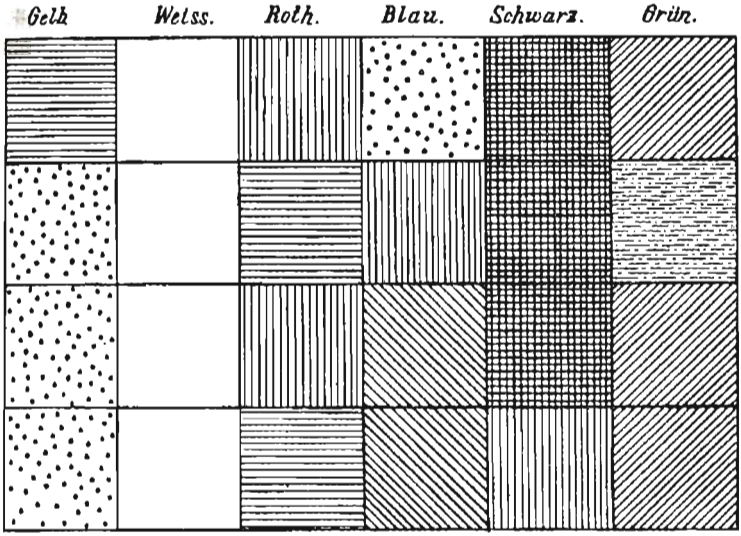


Рис. 1

Зимбахер. Они обозначали цвета и металлы начальными буквами немецкого (а иногда латинского) алфавита соответствовавших им названий: так, например, *R* (*roth*) — красный, *B* (*blau*) — синий, *Sch.* (*schwarz*) — черный, *Pp* — пурпур, *G* (*gold*) — золото, *S* (*silber*) — серебро и т. д.

В 1654 году Генрих Спильман применил для изображения финифтей и металлов астрономические знаки планет: знак ☉ солнца изображал золото; ☽ луны — серебро; ♂ Марса — червлень; ♃ Юпитера — лазурь; ♀ Венеры — зелень; ♄ Сатурна — чернь и ☿ Меркурия — пурпур. Но упомянутые способы представляли большие неудобства: они оказались совершенно непригодными при изображении гербов с мелкими и многочисленными фигурами, в особенности же при сложных гербах и в небольшом масштабе, и это вызвало введение более целесообразного способа обозначения геральдических тинктур и металлов посредством черт и точек, которыми покрывается поле щита, соответственно их условному значению. Первый опыт применения подобного способа был сделан *Яковом Франкартом*, он издал в 1623 году в Брюсселе описание

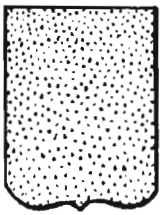


Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

погребения эрцгерцога Альберта Австрийского, украшенное гравюрами на меди, к которому приложил объяснительную таблицу штрихов для различения на изображенных гербах финифтей и металлов. Золото он предложил изображать горизонтальными штрихами, серебро — оставляя чистое место, червлень — вертикальными, зелень — диагональными чертами слева, чернь - взаимно пересекающимися диагональными, лазурь — точками. Такой графический способ оказался самым целесообразным и удобным и вскоре вошел во всеобщее употребление, хотя и подвергся впоследствии некоторым изменениям[3]. В настоящее время общепринятый метод изображения гербов, без действительного применения красок и металлов, посредством штриховки, следующий (рис. 2–17). Красный цвет (червлень) изображается через вертикальные штрихи; лазурь — через горизонтальные; зеленый — диагональными чертами, проведенными из геральдически правой стороны щита к левой; черный — вертикальными и горизонтальными пересекающимися чертами; золото — через пунктир (усеяние поля или фигур точками); серебро — остается белым, т. е. без черт и точек; пурпур — диагональными чертами, проведенными от левой стороны к правой (противоположно зеленому).

---

[3] Различные предлагавшиеся способы обозначения геральдических тинктур показаны на табличке красок (рис. 1). Первый (верхний) ряд дает систему *Франкарта*, второй – *Карамуэля Лобковица*, третий – *де Рука* и четвертый – *Гелениуса* (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Натуральный цвет не получает, обыкновенно, никакого особого обозначения, чтобы отличить предметы натурального цвета от серебряных, их слегка оттеняют (художественной тенью или штриховкой). Этот последний указанный нами метод обозначения геральдических тинктур предложен был ученым иезуитом *Petra Sancta* в его сочинении «*Tesserae gentilitiae*» (изд. в Риме в 1638 году), а затем был принят повсюду, благодаря французскому геральдисту *Vulson de la Colombière*, который изложил ее в более законченной форме в сочинении «*Nouvelle méthode de cognoistre les métaux et les couleurs sur la taille douce*» (Paris, 1639). Другие системы штриховки, предлагавшиеся в XVII веке испанцем *Caramuel Lobkovitz*, нидерландцем *Фомой фон Руком* и в Германии — *Геленiусом*, оказались менее удобными и распространения не получили. Прибавившиеся впоследствии второстепенные геральдические цвета также обозначаются графическим способом (что видно на рис. 2—17)[4].

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

[4] Пурпур обозначается диагональными штрихами слева (рис. 9); *кровяной* цвет (*blutroth*, *kirschroth*) — горизонтальными, пересеченными косвенными справа (рис. 10); *оранжевый* — маленькими вертикальными черточками с разделяющими их точками (рис. 11); *коричневый* (*braun*) — вертикальными линиями, пересеченными косвенными слева (рис. 12); *земляной* (*erdfarb*) — вертикальными и горизонтальными линями, пересеченными косвенными справа (рис. 13); *железный* (*eisenfarb*) — диагональными, пересеченными линиями справа и слева (рис. 14), *пепельный* (*aschfarb*) — переменными черточками, горизонтальными и вертикальными (рис. 15); *водяной* (*wasserfarb*) — короткими,

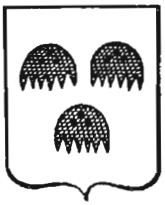


Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Обозначение геральдических цветов через штриховку при пластическом (*en relief*) изображении гербов в более древнее время не применялось вовсе, и при этом различие цветов узнавалось через выпуклость или углубление, в новейшее же время штриховку очень часто применяют на печатях, монетах и на различных рельефах, особенно для обозначения фона (т. е. щитового поля), гербовые же фигуры при этом обыкновенно даются без штриховки. Впрочем, этот практикующийся прием нельзя особенно рекомендовать, и художникам следовало бы соблюдать в точности геральдическую штриховку также и на пластических изображениях гербов.

Следует особенно заметить, что штриховка должна всегда согласоваться с направлением гербового щита, т. е. его диаметров, а именно перпендикулярные штрихи, обозначающие червлень, должны быть параллельными продольному диаметру щита (сверху вниз), а горизонтальные штрихи (обозначающие лазурь) — параллельны поперечному

горизонтальными черточками (рис. 16); *натуральный* (*naturfarb*) — тонкими черточками, наподобие зигзагов (рис. 17).

В немецкой геральдике допускается еще условно так называемый *теневой цвет* (*Schattenfarb*), при котором цвет щитового поля, так сказать, *просвечивает* через фигуру, как на рис. 8, где фигура льва имеет подобный *теневой* цвет. Такое обозначение допускается для отличия от более распространенных так называемых переменных фигур, которые при двух различно окрашенных частях поля, финифтяной и металлической, принимают переменную окраску, т. е. на металле — финифти, а на финифти — металла (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

диаметру (оси) щита. Итак, следует проводить штрихи не параллельно краям листа бумаги, на котором изображен герб, а параллельно краям этого последнего[3].

Рис. 14

Как мы уже видели, в древнейшие времена боевые щиты у германцев покрывались мехами. Этот обычай мы встречаем и в Средние века, а также и в непосредственно следующую за ними эпоху, но уже по другой причине, а именно под влиянием постепенно развивавшегося в рыцарской среде вкуса к роскоши.

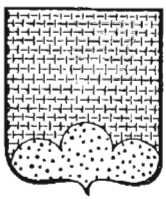


Рис. 15

Редкие меха очень ценились в то время, составляя излюбленное украшение знатных лиц. Мы видим, что чрезмерное их распространение вызвало даже со стороны королей Филиппа II и Ричарда III запрещение сопровождавшим их в крестовом походе 1190 года рыцарям носить меха соболя, горностая и других ценных животных. В одной современной хронике упоминается о богатых одеждах, украшенных драгоценными мехами, в которых Готфрид Бульонский и другие французские рыцари явились к греческому императору Алексею Комнину.

Рис. 16

Несомненно, что применение мехов к украшению рыцарских щитов предшествовало употреблению гербов. На одном изображении около 1100 года, встречается щит, покрытый узором из меха в виде так называемой в геральдике *облачной* линии, по

Рис. 17

[3] Так например, рис. 8 (*на стр. 148*) красный цвет на щите обозначен правильно, а на рис. 11 (*на стр. 149*) тот же цвет — неправильно (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Рис. 18

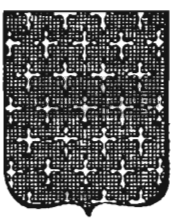


Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

значение гербовых фигур. Такие применения мехов на щитах получают лишь к концу XII столетия. Они представляли действительно большое удобство в этом отношении: из меха весьма легко вырезывалась та или другая геральдическая фигура, каковая и прибивалась затем к щиту гвоздями.

В Средние века из мехов преимущественно употреблялись для украшения щитов *горностай* (*Hermelin. hermine*) и *беличий мех* (*Grauwerk, Fehwammen, Kürsch*; франц. *vair*). Иногда в те времена вместо черного цвета употреблялся соболий мех (*Zobel, zibeline*). Мы уже указали выше, что отсюда произошло и геральдическое название черного цвета — *sable*. Так, например, рыцарь *Ульрих фон Лихтенштейн* имел щит, обтянутый горностаевым мехом, который пересекался двумя поясами, вырезанным из черного соболя. В гербе царственного дома Гогенцоллернов черные поля в щите также в древнейшее время описываются как сделанные из собольего меха. В XII и XIII столетиях употреблялся еще на щитах мех, искусственно окрашенный в красный цвет, так называемый *Kelen*, некоторые считали его за мех красной белки или же куницы.

В настоящее время в геральдике имеют применение в гербах только два меха: *горностаевый* и *беличий*.

Горностай есть белый мех, на котором нашиты черные оконечности хвостов того же животного, сообразно с этим, мех этот изображается геральдически черед расположенные рядами (обыкновенно шесть рядов,

по три и четыре хвостика в ряд) черные пятнышки, схожие с крестиками и кончающиеся к низу тремя острыми кончиками, на белом (серебряном) поле (рис. 18). Иногда, впрочем, горностаевый мех изображался в геральдике иначе, а именно черные концы хвостов рисовались выходящими из пятнышка, чаще всего желтого цвета. Такое изображение, происходя от действительно употреблявшегося меха, объясняется тем, что хвост горностая имеет на самом деле выше своего черного конца желтую окраску.

Рис. 22

Когда хвостики горностая изображаются белыми (серебряными) на черном поле, то это получает название *противогорностая* (*Gegenhermelin, contre-hermine*), рис. 19. Кроме того, в западноевропейской геральдике встречается еще *горностай в золотом поле* вместо серебряного (*Goldhermelin*), рис. 20, также в поле из чешуек или кусочков меха (*Schuppenhermelin*), рис. 21, и, наконец, с совершенно неестественным изображением хвостиков (рис. 22).

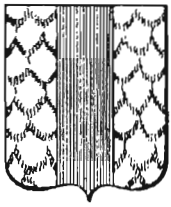


Рис. 23

Рис. 24

Горностаевый мех всегда служил отличительным признаком власти, господства и кроме, щитового украшения, издавна употреблялся также для подбивки мантий государей, герцогов, князей и других владетельных лиц.

Беличий мех, применяемый в геральдике, состоит из шкурок белых и голубо-серых, расположенных попеременно, откуда произошло его французское название *vair*, образовавшееся из латинского *varius* (различный, меняющийся). Такое название соответствовало меху белки, который имеет

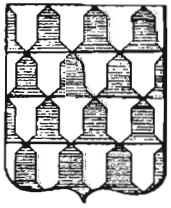


Рис. 25

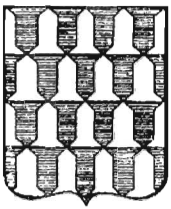


Рис. 26

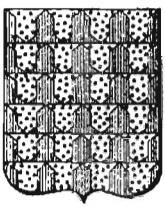


Рис. 27

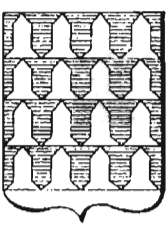


Рис. 28

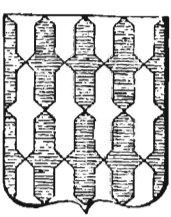


Рис. 29

различную окраску спины и брюшка, и, кроме того, изменяет свой цвет по временам года. Он изображается в геральдике иногда в естественном виде, т. е. в виде меха (рис. 23, 24), но гораздо чаще посредством волнообразных линий или в виде так называемых *железных шапочек* (*Eisenhüt*), образующих своеобразный стильный узор в гербовом щите. Новейшие исследования о геральдических мехах, в особенности специальный труд *князя Гогенлоэ*, посвященный этому вопросу, доказали, что эти так называемые железные шапочки суть не что иное, как составной мех, что, впрочем, не исключает и того, что во многих случаях мех для дешевизны заменялся вырезками из материи, наподобие шашек, ромбов, фестонов и т. п.

Так называемые железные шапочки (*Eisenhutlein*) произошли в XIV веке из подобной каймы в виде угловатой облачной линии, которая, как было сказано, вырезывалась из меха, а иногда из сукна[6]. В гербах эти железные шапочки по большей части бывают расположены рядами и, по правилу, должны

[6] Подобные каймы, вырезанные наподобие облачного рисунка или железных шапочек, мы встречаем и на средневековых одеждах, в особенности на рыцарских турнирах (так называемые *Lendner*), причем заслуживает внимания, что эти последние особенно часто были *синими*, а находившиеся под ними латы рыцаря имели *металлический блеск*, что воспроизводило в живой действительности геральдический рисунок железных шапочек (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

быть синими в серебряном поле (вернее, синими и серебряными, чередуясь). Как это доказывается некоторыми старинными гербами, которые в XIII веке содержали рисунок в виде облачной линии, а в XIV — железные шапочки, эти последние произошли, несомненно, от облачной линии через заострение ее очертания под влиянием готического стиля. В те же времена они прозваны были так герольдами, вероятно, по причине своего сходства с встречавшимися тогда подобными боевыми шапками.

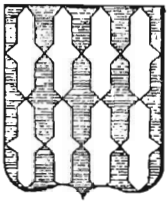


Рис. 30

Железные шапочки в гербах имеют следующие разновидности:

1) *Обыкновенный беличий мех* (правильного цвета) — синие железные шапочки в серебряном поле, расположенные рядами, поперек щита (*Feh, vair*), рис. 25.

Рис. 31

2) *Опрокинутый беличий мех* (*Sturzfeh*), рис. 26, причем синие шапочки опрокинутые, а белые — стоячие.

3) *Поставленный в столбе* (*Pfahlfeh*), рис. 27, причем шапочки расположены одна под другой, так что вершина нижней опирается в основание верхней.

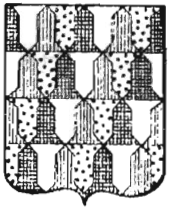


Рис. 32

4) *Поставленный в столб и опрокинутый* (*Sturzpfahlfeh*), рис. 28.

5) *Противобеличий* (*Gegenfeh, contre vair*), рис. 29, причем один ряд шапочек стоячий, а следующий опрокинутый, так что шапочки сходятся основаниями.

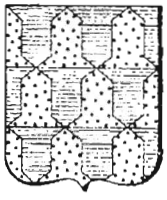


Рис. 33

6) *Противобеличий опрокинутый* (*Sturzgegenfeh*), рис. 30, когда опрокинутым является первый ряд, а стоячим — второй и т.д.

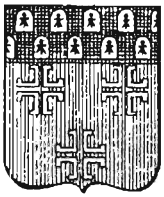


Рис. 34

7) Беличий мех *с разноцветными шапочками* (неправильных цветов) (*Buntfeh*), рис. 31, 32, 33.

8) Беличий мех *с горностаевыми шапочками* (*Hermelinfeh*), рис. 34.

9) Беличий мех с *крюковидными шапочками* (*Krückenfeh, potent*), рис. 35, встречается лишь в английской геральдике.

10) Беличий мех с *переменными крюковидными шапочками* (*Wechselkrückenfeh*), рис. 36.

Наконец, единичные, отдельно стоящие в щите железные шапочки считаются за обыкновенные фигуры и описываются как таковые[7].

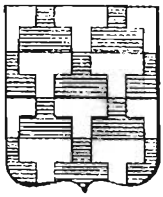


Рис. 35

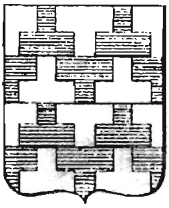


Рис. 36

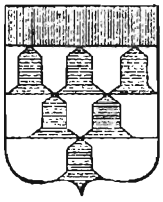


Рис. 37

[7] Число железных шапочек в рядах бывает различно. Обыкновенно принятое число их не более двух с половиной в каждом ряду, как на рис. 26, когда их больше, то это называется *уменьшенным* беличьим мехом (*Kleinfeh*), в обратном случае, как на рис. 34 — *увеличенным* (*Grossfeh*). Во французской геральдике делается еще различие по числу рядов, когда таковых в щите больше четырех, то это называется *menu-vair*, когда же меньше, то называется *beffroy*. Каждый ряд шапочек называется *tire* (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Лекция XI

Гербовые фигуры, их разделение на геральдические и обыкновенные. Различие геральдических фигур от делений или сечений. Деление геральдического щита. Геральдическое обозначение сторон, правой и левой. Фигуры деления и их разновидности.

Поверхность гербового щита, называемая *полем*, имеет или один только цвет (финифть), или же несколько правильно разграниченных линиями цветов. Крайне редко щит бывает пустым[1], т. е. без каких-либо изображений, обыкновенно же в нем помещаются гербовые фигуры.

Гербовой фигурой может быть все, что возможно представить в виде изображения или цвета (финифти, металла, меха). Одни лишь цвета, как один, так и несколько, распределенные по различным полям (местам) правильно разделенного щита и образующие таким образом фигуру из разных цветов, достаточны для образования законченного герба.

Такие гербовые фигуры из цветов, представляющие полные гербы, называются *геральдическими фигурами* по той причине, что они свойственны исключительно только геральдике и имеют в ней условное значение, будучи изобретены или по крайней мере определены герольдами. Их называют также *почетными фигурами* (*Ehrenstücke, pièces honorables*), хотя

[1] Когда подобные незанятые щиты предназначались их владельцами для помещения в них впоследствии какой-либо гербовой фигуры, то они получали наименование *выжидательных* щитов (*Wartschilde*). Такие щиты встречаются редко. Так, например, пфальцская ветвь владетельного дома Виттельсбахов, утративших курфюрстское достоинство свое в 1623 году, сохраняла красный щит, в котором до тех пор имелось изображение государственной державы, *незанятым* до 1758 года. Встречаются также гербовые щиты, имеющие в своем поле лишь один мех, без фигур (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

последнее название в настоящее время почти оставлено. Все же прочие изображения, употребляемые в гербах, представляющие какие-либо предметы из природы, искусства и даже из области фантазии, называют, в простое отличие от предыдущих, а также потому, что они изображают обыкновенно общеизвестные предметы из обыденной жизни, *обыкновенными* или *простыми* гербовыми фигурами (также *негеральдическими*). Здесь следует заметить, что не существует никакого преимущества геральдических фигур перед простыми по достоинству, а равно и между различными цветами. С древнейших времен фигуры из обеих этих категорий встречаются совместно, без всякого различия подобного рода. Но названные геральдические фигуры, состоящие из цветов, существенно различествуют между собой, смотря по тому, образованы ли они линиями, проведенными через поле щита вдоль (отвесно), поперек (горизонтально) или вкось (диагонально) от одного бока к другому, или из одного угла в другой, противоположный, причем получаются или 1) одинакового размера поля (места), из которых каждое имеет свой собственный цвет, причем каждое поле занимает половину всего щита, или 2) два места неравной величины, а именно меньшее место определенного (точно установленного) размера и большее, занимающее всю остальную часть щитового поля, причем последнее имеет и другой цвет. В этом случае меньшее место прилегает к большему, находясь или у края щита, или посредине его, или же простираясь через щит вдоль, поперек или вкось. Такое меньшее место, заимствующее свое название от того или другого очертания, которое оно получает, и выступающее на большем поле (или месте) в виде отдельного изображения, и есть так называемая *геральдическая фигура* в теснейшем смысле. Ее следует отличать от тех фигур, которые представляют собственно лишь *деления* (*Theilung*) щита на два и более одинаковых по размеру поля, того и другого цвета и которые поэтому называются *фигурами делений* (*Theilungsbilder, partitions*), а иногда, менее удачно,— *тинктурами* или *сечениями* (*Sectionen*).

В одном гербовом щите могут быть соединяемы фигуры обоего рода, т. е. геральдические и обыкновенные, причем каждая геральдическая фигура может *быть обременена* обыкновенной, т. е. включать в себе последнюю.

Рис. 1

В геральдике издавна принято за основное правило, что обозначение правой и левой стороны относится к носителю щита. Поэтому при описании герба следует вообразить себя на месте щитоносца, как бы стоящим за щитом, держа его перед грудью. Отсюда все, что зрителю щита представляется на правой его стороне, для щитоносца, или геральдически, будет находиться на левой и потому называться левой, и обратно. Так, например, на рис 12: *AG* — правая, *CI* — левая сторона щита.

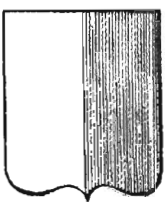


Рис. 2

Представляя себе рыцаря держащим щит перед собой, выводятся отсюда следующие обозначения частей последнего (рис. 1).

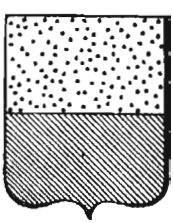


Рис. 3

AC есть верхний, или головной край (*Oberrand, Hauptrand*).

GI — нижний край, или подножие (*Fussrand*), оконечность.

Эти названия соответствуют до некоторой степени частям тела, которые прикрывались щитом.

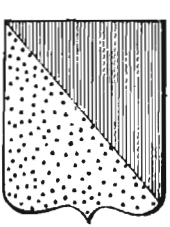


Рис. 4

AG — правый, или передний боковой край (*rechter, oder vorderer Seitenrand*).

CI — левый, или задний боковой край (*linker, oder hinterer Seitenrand).*

Место *A* — в щите называется правым верхним углом, или правой стороной главы (*rechtes Obereck,* франц. *canton, dextre du chef*).

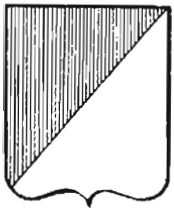


Рис. 5

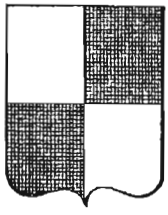


Рис. 6

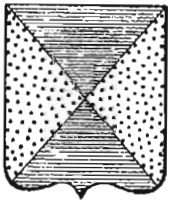


Рис. 7

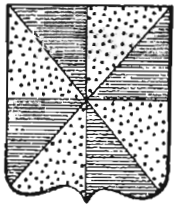


Рис. 8

Место *C* — называется левым верхним углом, или левой стороной главы (*linkes Obereck, canton sénestre du chef*).

Место *G* — называется правым нижним углом (*rechtes Untereck, canton dextre de la pointe*).

Место *I* — называется левым нижним углом (*linkes Untereck, canton sénestre de la pointe*).

Место *E* — называется сердцем щита (*Herz, coeur, abime*).

Место *D* — называется правой, а место *F* — левой сторонами сердца (*flanc dextre, flanc sénestre*).

Места *A, D, G* — составляют правую, или переднюю сторону щита.

Места *C, F, I* — левую или заднюю сторону щита.

Места *B, E, F* — составляют так называемое место столба (*Pfahlstelle, pal*).

Места *D, E, F* — середину щита (*Mittelstelle, milieu*).

Малый щиток, помещенный в сердце гербового щита, называется средним или *сердцевидным щитом* (*Mittel- oder Herzschild, écu sur le tout, écusson en coeur*). Когда же сердцевой щит имеет в своей середине еще другой, меньший щиток, то первый из них получает название *среднего*, а второй — сердцевого щита (*écu sur le tout du tout*).

Во французской геральдике, а также и в других, кроме немецкой, все геральдические фигуры должны быть обращены передней частью *в правую сторону*, иначе они будут *обращенные*. В немецкой же геральдике все

фигуры безразлично обозначаются, смотря по их направлению, обращенными вправо или влево. Фигура, простирающаяся от оконечности щита к главе, называется обращенной вверх, в обратном же направлении — книзу обращенной, *опрокинутой* (*gestürzt, renversé*).

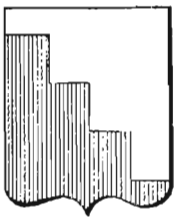


Рис. 9

Верхняя и правая стороны щита суть более *почетные*. Главным, почетнейшим местом считается верхний правый угол. Вообще, при описании, или блазонировании, герба прежде всего называют то, что стоит вправо и вверху. Точно также находящееся в правой части щита называют стоящим *впереди*, а что в левой — *позади*.

Рис. 10

Все деление сложного, т е. разделенного щита приведены западной геральдикой к известным нормам: им даны названия, освященные долговременной практикой и теорией, усвоенной всеми государствами. У нас, в России, хотя существуют те же деления, но вместо технических названий употребляются описательные выражения; геральдический язык у нас еще не выработался вполне. При рассмотрении делений щита и геральдических фигур мы будем следовать преимущественно немецкой геральдике как наиболее разработанной, причем будем приводить технические термины немецкой и французской геральдики, переводя их на русский язык, что иногда представляет некоторые затруднения ввиду многочисленности и условного значения иных терминов. Главных делений щита четыре:

Рис. 11

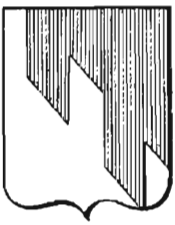


Рис. 12

1) по *вертикальной* линии, опущенной из середины верхнего края на нижний (рис. 2),

Рис. 13

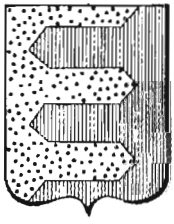


Рис. 14

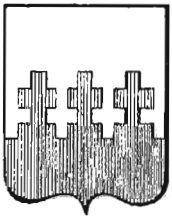


Рис. 15

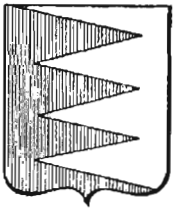


Рис. 16

это так называемое *рассечение* (*Längsschnitt. écu parti*),

2) по продольной, *горизонтальной* линии, соединяющей середины боковых сторон щита (рис. 3) — так называемое *пересечение* (*Querschnitt, écu coupé*),

3) по диагонали, проведенной из правого верхнего угла щита к левому нижнему (рис. 4) — так называемое *скошение справа* (*Schrägschnitt, écu tranché*),

4) по диагонали из левого верхнего угла к правому нижнему (рис. 5) — так называемое *скошение слева* (*Gehrschnitt, écu taillé*).

В сочетании первого и второго делений получаем щит, разделенный на четыре равные четверти (*gevierter Schild, écu écartelé*) — деление *четвероугольное*, или *четверочастное* (рис. 6). Деление третье и четвертое в соединении разбивают щит на четыре треугольника, вершины которых сходятся в сердце щита, а основаниями служат его края. Это деление (*Schragen, écartelé en sautoir*) в виде *андреевского креста* (рис. 7). Если, наконец, все эти четыре деления соединяются, то щит распадается на восемь треугольников, сходящихся вершиной в сердце щита — это так называемое *восьмиугольное* деление (*Ständerung, écu gironné*), рис. 8.

Но означенные сочетания линий деления, пересекающих щит вдоль, поперек и наискось, далеко не исчерпывают всевозможных иных, образующих бесчисленное количество так называемых *фигур деления*. Ввиду их значения в геральдике, как при изображении, так и при описании гербов,

мы укажем здесь главнейшие их разновидности.

Отдельная линия (из вышеуказанных), разделяющая щит вдоль, поперек и т. д. и притом только *на две равные половины*, проходит через поле щита в кратчайшем направлении. Но для большего разнообразия и для того, чтобы получить большее количество фигур при этом простейшем делении, означенной делящей линии придаются различные уклонения, но притом равномерно в обе стороны, в виде *уступов* (*Absätze*) или *ступеней* (*Stufen*), *зубцов* (*Zinnen*), *заострений* (*Spitzsen*), *волн* (*Wellen*) и т. д.; подобные деления при этом всегда должны давать равное число ступеней, зубцов и т. д. каждого цвета, складывая вместе половинчатые, расположенные в углах. Таковы фигуры, образуемые при вышеуказанных четырех главных делениях щита через изменение характера делящей линии, а именно:

— *ступенчатое* (*Stufenschnitt*, рис.9);

— *зубчатое* (*Zinnenschnitt*, рис 10);

— *двойное зубчатое* (*Doppelzinnenschnitt*, рис. 11);

— *скошенное зубчатое* (*Schrägzinnenschnitt*, рис. 12);

— *уширенно-зубчатое* (*Breitzinnenschnitt*, рис. 13);

— *заостренно-зубчатое* (*Spitzzinnenschnitt*, рис. 14);

— *крестовидно-зубчатое* (*Kreuzzinnenschnitt*, рис. 15);

— *заостренное* (*Spitzenschnitt*, рис. 16), которое может быть также *изогнуто-*

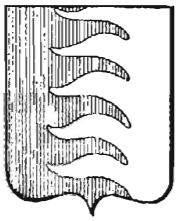


Рис. 17

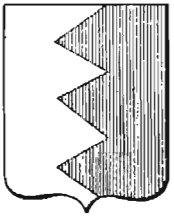


Рис. 18

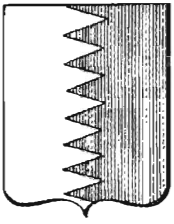


Рис. 19

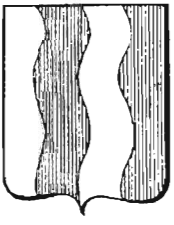


Рис. 20

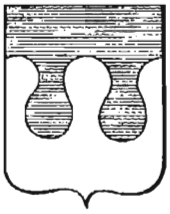


Рис. 21

Рис. 22

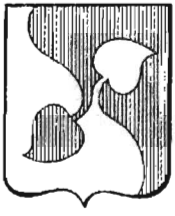


Рис. 23

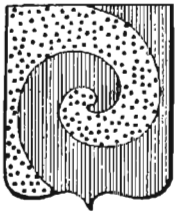


Рис. 24

заостренным или *пламеневидным* (*Krummspitzenschnitt oder Flammenschnitt*, рис. 17);

— *зубовидное* (*Zahnschnitt*, рис. 18);

— *зазубренное* (*Zähnelschnitt oder Kerbschnitt*, рис. 19);

— *волнистое* (*Wellenschnitt* рис. 20);

— *облачное* (*Wolkenschnitt*, рис. 21);

— *облаковидное* (*Wölkenschnitt*, рис 22).

Все означенные фигуры делений могут быть применяемы во всех направлениях, т. е. вдоль, поперек, вкось справа и слева. К более редко встречающимся делениям принадлежат так называемое *листовидное* (*Blattschnitt*, рис. 23), дающее очертание листа, похожего на липовый или же трилистника, или, наконец, геральдической лилии; *улиткообразное* (*Schneckenschnitt*, рис. 24, 25), образованное завиткообразной линией, проведенной от края щита к средней его точке. Так называемое *зевообразное* деление (*Rachenschnitt*, рис. 26) встречается лишь в двух гербах, фамилий *Helchner* и *Drake*, в последнем с рогами на носу изображенных зверей.

Кроме вышеупомянутых делений, применяются еще в гербах *закругленно-зубчатое* (*Rundzinnenschnitt*, рис. 27), которое сходно с сильно загнутым волнистым и, имея сходство со змеевидными изгибами, называется также *змеевидным* (*Schlangenschnitt*), *вызубренно-зубчатое* (*Kerbzinnenschnitt*, рис. 28) и *крюковидное* (*Krückenschintt*, рис. 29). Так называемое *ветвистое*, или *пнистое*, деление (*Astschnitt*, рис. 30) есть собственно то же, что скошенно-зубчатое, но проведенное попеременно в ту и другую сторону

прямой линии, оно встречается чаще в виде геральдической фигуры, чем деления.

Все фигуры делений, образованные одной делящей линией в одном из вышеуказанных четырех направлений, суть *простые деления*, все же прочие, весьма многочисленные, образованные *несколькими* линиями деления, или однородными (по направлению), или смешанными, суть составные деления. Эти последние следуют общему правилу, что однородные линии проводятся в равном расстоянии одна от другой, вертикальные и горизонтальные, кроме того, в равном расстоянии от краев щита, а диагональные — от углов.

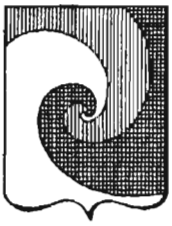


Рис. 25

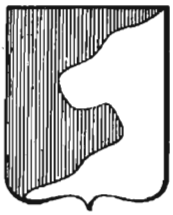


Рис. 26

Из всех простых и составных делений те, в которых от каждого примененного в них цвета имеется равное число полей, называются *истинными делениями* (*echte Theilungsbilder*). В таковых места каждого цвета при *простом* делении равны одно другому; при *составном* же, если имеются два цвета, то поля каждого цвета, сложенные вместе, образуют ровно половину щитового поля; при трех или четырех цветах равное число равномерных полей каждого цвета образуют одну треть или одну четверть щита и т. д.

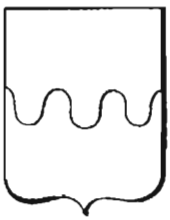


Рис. 27

Неистинными же (*unechte Theilungsbilder*) называются все те деления, при которых делящая линия уклоняется только в одну сторону от своего прямого направления и через это одно поле занимает в щите большее пространство, чем другое, следовательно, делящая линия не образует равных полей. Это бывает при делениях:

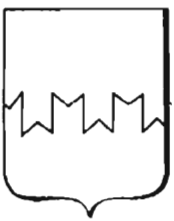


Рис. 28

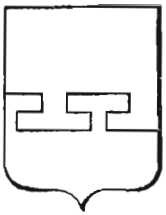


Рис. 29

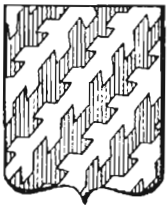


Рис. 30

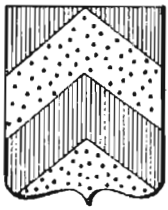


Рис. 31

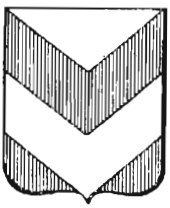


Рис. 32

Рис. 33

Рис. 34

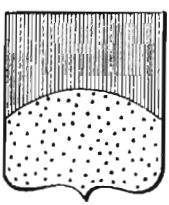


Рис. 35

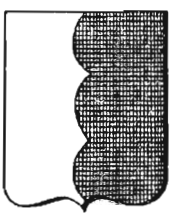


Рис. 36

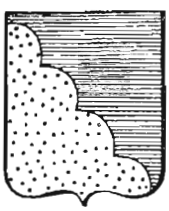


Рис. 37

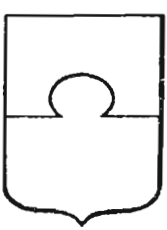


Рис. 38

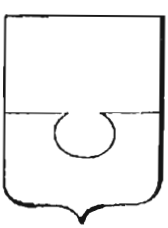


Рис. 39

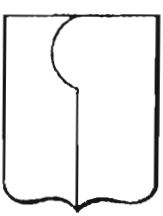


Рис. 40

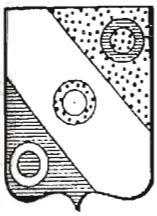


Рис. 41

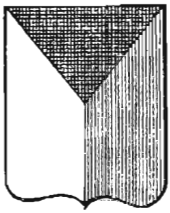


Рис. 42

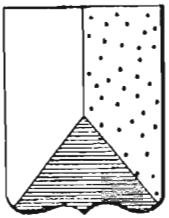


Рис. 43

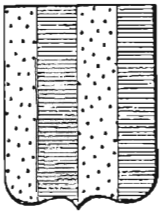


Рис. 44

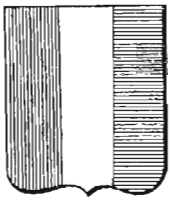


Рис. 45

Рис. 46

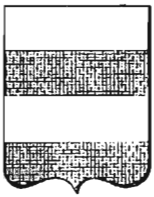


Рис. 47

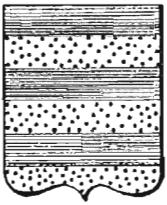


Рис. 48

Рис. 49

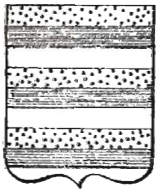


Рис. 50

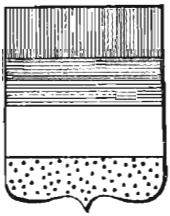


Рис. 51

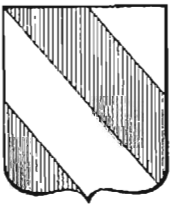


Рис. 52

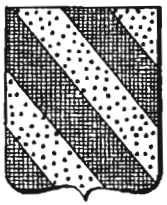


Рис. 53

— *стропильном* (*Sparrenschnitt*, рис. 31, 32);

— *ступенчатом* (*Treppenschnitt*, рис. 33, 34);

— с восходящими и нисходящими ступенями, *дугообразном* (*Bogenschnitt*, рис. 35);

— *чешуевидным*, большом и малом (*Schuppenschnitt*, рис. 36, 37);

— более редкими и почти неупотребительными в гербах являются: так называемое *втулкообразное* деление (*Pfropfschnitt*. рис. 38, 39), обращенное кверху и книзу, и *серповидное*, обращенное вправо и влево (*Sichelschnitt*, рис. 40).

Рис. 54

Из составных делений, кроме того, неистинными считаются и те, у которых хотя имеется равное число полей каждого цвета, но таковые не равномерны, не имея попарно равномерных полей. К неистинным причисляются, наконец, и те деления, при которых имеются равномерные поля, из коих каждое имеет свой цвет, как например, на рис. 41. Так называемое *вилообразное* деление (*Gabelschnitt, Schächerkreuzschnitt*) образуется половинами трех делящих линий: вертикальной, проведенной из середины нижнего края щита, и двух диагональных, проведенных из двух верхних углов, которые сходятся в сердце щита, оно бывает также *опрокинутым* (*gestürzt*), т. е. когда диагонали проведены из нижних углов, а перпендикуляр опущен сверху. Это деление образует три неравных поля, из которых каждое имеет свой цвет (рис. 42, 43).

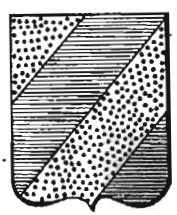


Рис. 55

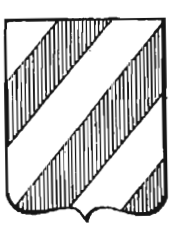


Рис. 56

Прямые делящие линии указанных четырех направлений могут повторяться в щите несколько раз, и таким образом получается несколько полей, и притом равное число каждого цвета, будет ли таковых два или более, как это видно на рис. 44–57,

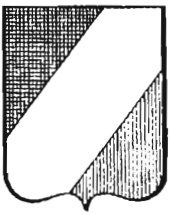


Рис. 57

Составные деления, образованные через соединение линий различного направления, могут быть двух родов:

1) такие деления, в которых к главной делящей линии, если таковая есть *перпендикуляр*, из нижних углов щита проведены наклонные, сходящиеся с перпендикуляром в середине верхнего края щита или же, обратно, на нижнем (рис. 58, 59); если главная делящая линия *горизонтальная*, то наклонные линии, проведенные из правых углов, сходятся с ней в середине левой (задней) стороны щита или обратно (рис. 60, 61). К этому же роду относятся деления, образованные главной делящей линией (вертикальной или горизонтальной), к которой из точек деления на боковых сторонах щита проведено несколько наклонных линий справа и слева (рис. 62). При нескольких вертикальных линиях это может повторяться и несколько раз (рис. 63);

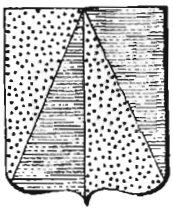


Рис. 58

Рис. 59

2) такого рода деления, где делящие линии каждого направления пересекаются и перекрещиваются всевозможными способами. Из этих последних делений простейшими являются четверочастные (рис. 6, 64–66), а при увеличивающемся числе пересекающихся вертикальных и горизонтальных линий — так называемые *шахматные* (*geschacht*) — рис. 67–71. При этой фигуре деления поля

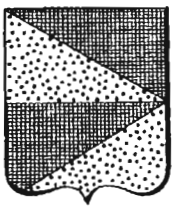


Рис. 60

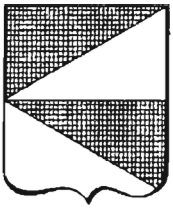


Рис. 61

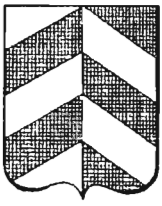


Рис. 62

Рис. 62

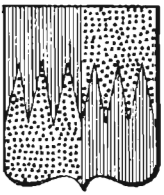


Рис. 64

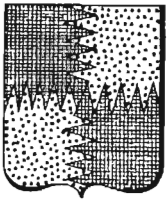


Рис. 65

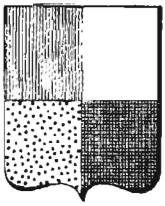


Рис. 66

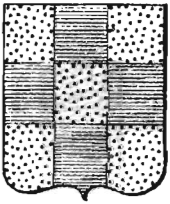


Рис. 67

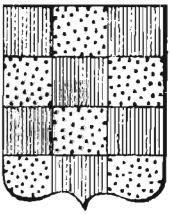


Рис. 68

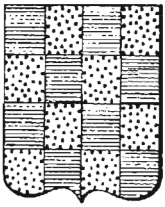


Рис.69

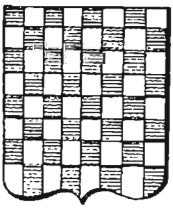


Рис. 70

Рис. 71

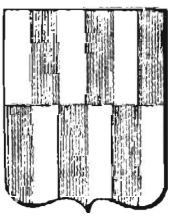


Рис. 72

Рис. 73

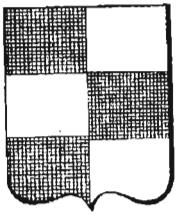


Рис. 74

Рис. 75

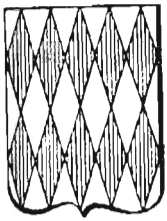


Рис. 76

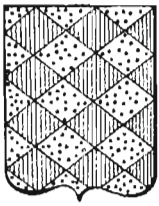


Рис. 77

Рис. 78

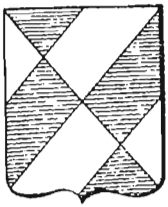


Рис. 79

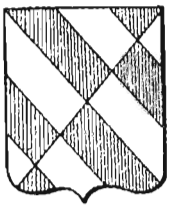


Рис. 80

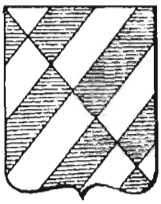


Рис. 81

Рис. 82

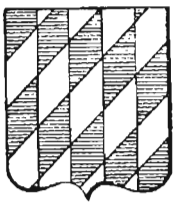


Рис. 83

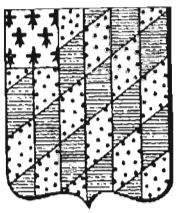


Рис. 84

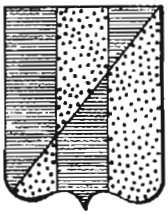


Рис. 85

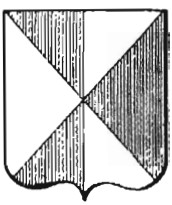


Рис. 86

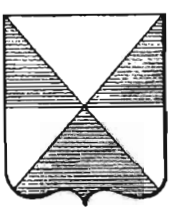


Рис. 87

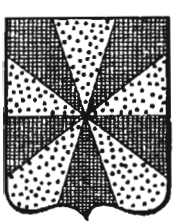


Рис. 88

равносторонни или почти равносторонни, что вообще получается при равном числе вертикальных и горизонтальных линий деления. При увеличивающемся же числе вертикальных и уменьшающемся горизонтальных линий, поля становятся постепенно выше и уже (рис. 90), а в обратном случае — все шире и ниже (рис. 89). Подобным образом шахматное деление переходит при удлиняющихся двух сторонах полей в так называемое *гонтовидное* (*geschindelt*, рис. 72, 73). Но так как трудно установить точную границу между названными двумя делениями, то при описании подобных делений в гербе принято обозначать число вертикальных и горизонтальных линий или же число мест в одном ряду, умноженное на число рядов, например на рис. 74 деление обозначается так: щит рассеченный и дважды пересеченный, черный и серебряный.

При перекрещении диагональных (скошенных) линий справа и слева фигуры делений представляют еще более разнообразия. Одинаковое число таких линий, проведенных справа и слева, образует так называемое *ромбовидное деление* (*gerautet*), которое в зависимости от числа линий получает различные очертания (рис. 75—77) подобно шахматному.

К этому же роду делений принадлежат фигуры, образованные диагональю, пересекаемой под прямыми углами несколькими линиями, проведенными от краев щита, как на рис. 78, 79.

Особый вид делений дают также пересечения вертикальных линий с пересекающими их

наклонными, причем получаются поля, приближающиеся к ромбам, (рис. 80, 81) или совершенно неправильных очертаний (рис. 82)

Наконец, соединение диагональных линий с вертикальной или горизонтальной, или с обеими вместе, дает еще целый ряд делений в виде треугольников. Из этих делений мы уже упоминали выше наиболее правильное, разделяющее щит на восемь равных частей. По сходству с одной из геральдических фигур второго порядка, а именно *клина*, о котором будет сказано ниже, деление это называется *клинчатым* (*Ständerung, geständert*). Различные виды этого деления показаны на рис. 8, 86–89. Нередко встречается также подобное деление посредством дугообразных линий, образующих по три и четыре поля каждого цвета, как на рис. 90, 91.

Заканчивая наш обзор столь многочисленных *фигур делений*, упомянем еще о двух делениях, также образующих поля в виде треугольников. Одно из них, представленное на рис. 92–95, образуется несколькими горизонтальными линиями, которые пересекаются диагоналями справа и слева, другое же получается при вертикальных и горизонтальных линиях, также пересекаемых диагоналями справа или же слева (рис. 96)[2].

* * *

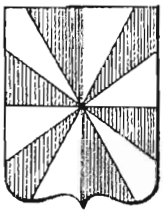


Рис. 89

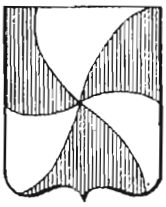


Рис. 90

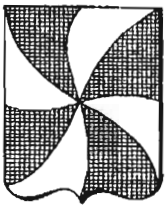


Рис. 91

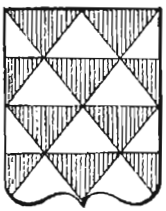


Рис. 92

[2] К фигурам делений относятся также так называемые *подложенные* (*unter-legte*), как на рис. 97, 98, встречающиеся во многих гербах. Они имеют видимую часть лишь по краям щита, в виде бордюра; чтобы получить полную фигуру деления, следует продлить делящие линии через весь щит (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

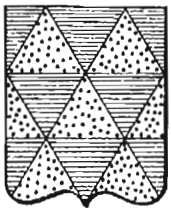


Рис. 93

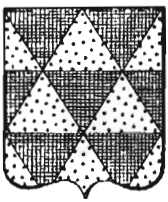


Рис. 94

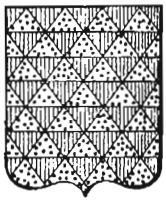


Рис. 95

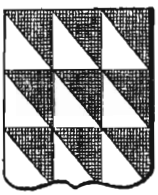


Рис. 96

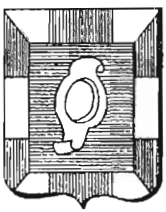


Рис. 97

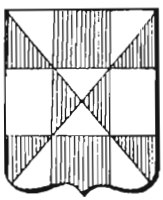


Рис. 98

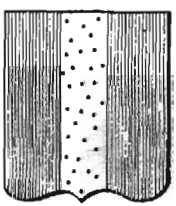


Рис. 99

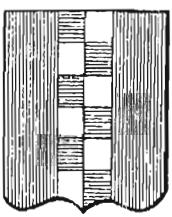


Рис. 100

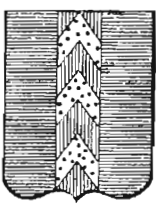


Рис. 101

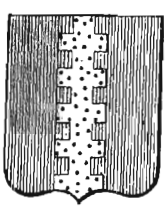


Рис. 102

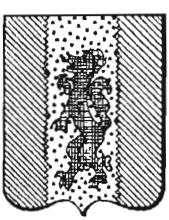


Рис. 103

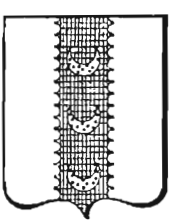


Рис. 104

Рис. 105

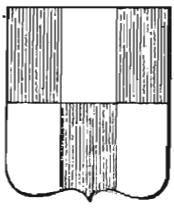


Рис. 106

Рис. 107

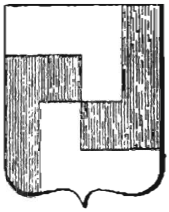


Рис. 108

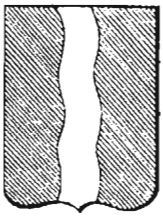


Рис. 109

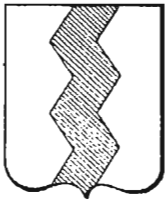


Рис. 110

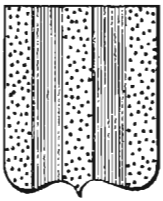


Рис. 111

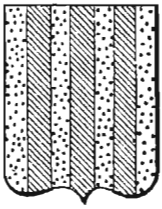


Рис. 112

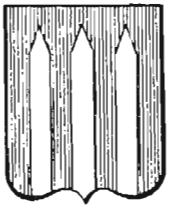


Рис. 113

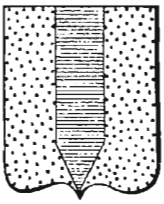


Рис. 114

Рис. 115

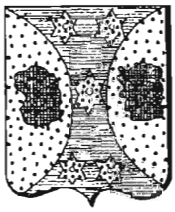


Рис. 116

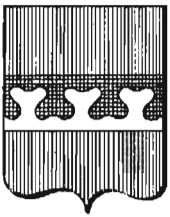


Рис. 117

Рис. 118

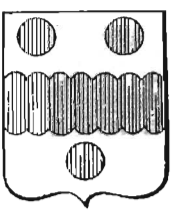


Рис. 119

Рис. 120

Геральдическая фигура в точном значении этого термина, каждая в своем роде, есть одноцветное *меньшее место* в гербовом щите, имеющее определенную ширину и простирающееся по направлению линий деления (или же заменяя собой таковые линии), перпендикулярно, горизонтально или вкось через щит, от одного края или угла его к противоположному. При этом такая фигура всегда выделяется на щитовом поле, имеющем другой цвет (или металл), и представляет нечто отдельное от него.

Таковые геральдические фигуры, когда они следуют направлению *простых* линий деления, суть также простые фигуры и получают названия, сообразно направлению означенных линий, а именно: по вертикальной линии: | *столб* (рис. 99–104, 109–116), по горизонтальной: — *пояс* (рис. 117–135); по скошенной справа: \ *перевязь справа* (рис. 136–150) и по скошенной слева: / *перевязь слева* (рис. 151–161).

Геральдические фигуры, которые следуют направлению *составных* линий деления, суть также составные. Таким образом, получаются следующие фигуры: по направлению скошенных линий, идущих из правого и левого нижних углов и сходящихся острием на середине верхнего края щита и заключающих угол /\ — *стропило*; через скрещение горизонтальных и вертикальных линий + — *крест*; по направлению пересекающихся скошенных линий (диагоналей) справа и слева **X** — *андреевский* (скошенный) *крест*; наконец, по направлению

вилообразного деления, сходного с буквой **Y** – *вилообразный крест*. Эти вышеупомянутые геральдические фигуры называются фигурами *первого порядка* (*Heroldbilder erster Ordnung, pièces de premier ordre*); такое название дано им лишь для различия от других, а не потому, чтобы они имели какое-либо преимущество. К ним причисляют обыкновенно также фигуру, сходную с геральдическим столбом, но примыкающую к правой или левой стороне щита. Это так называемый *боковой столб*, правый или левый (рис. 162, 163)[3], а равно сходное с поясом место в щите, прилежащее к верхнему или нижнему краю его, почему оно в первом случае называется *главой* (его следовало бы назвать головным поясом), а во втором — *оконечностью*; наконец, сюда же причисляют и так называемую *кайму*, образованную двумя столбами и двумя поясами, придвинутыми к краям щита, в виде окаймления.

К геральдическим фигурам *второго порядка* (*Heroldbilder zweiter Ordnung, pièces de second ordre*) относятся фигуры преимущественно меньшего размера, которые не простираются через все щитовое поле в определенной ширине. Таковые фигуры суть: *пирамида, острие, свободный четвероугольник, клин, скошенная глава* и *скошенная оконечность*. Совершенно несоответственно с

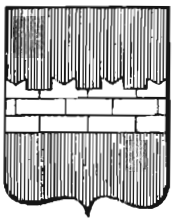


Рис. 121

Рис. 122

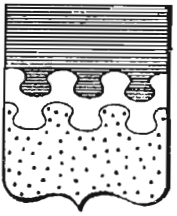


Рис. 123

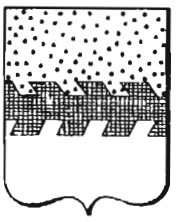


Рис. 124

[3] Во французской геральдике такие боковые положения фигур выражаются терминами *adextré* (при правом) и *senestré* (при левом) (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

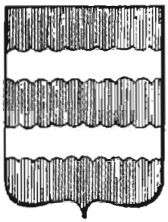


Рис. 125

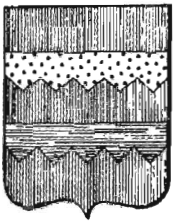


Рис. 126

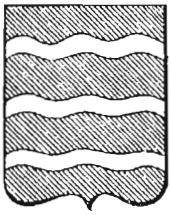


Рис. 127

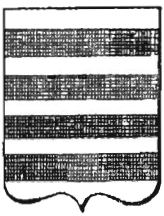


Рис. 128

Рис. 129

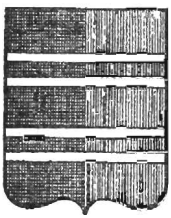


Рис. 130

Рис. 131

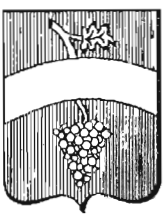


Рис. 132

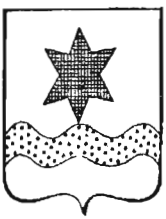


Рис. 133

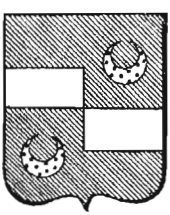


Рис. 134

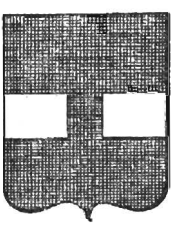


Рис. 135

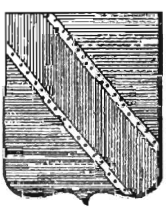


Рис. 136

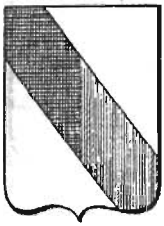


Рис. 137

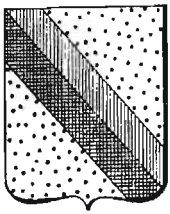


Рис. 138

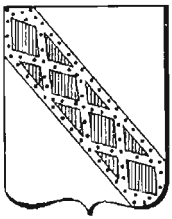


Рис. 139

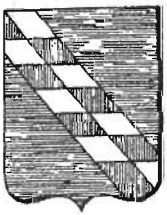


Рис. 140

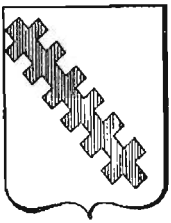


Рис. 141

Рис. 142

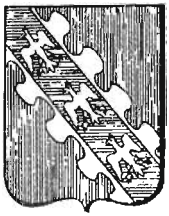


Рис. 143

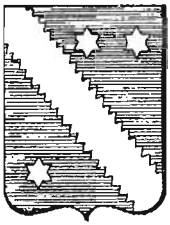


Рис. 144

Рис. 145

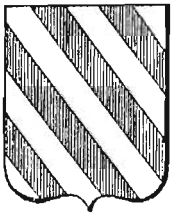


Рис. 146

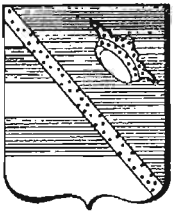


Рис. 147

Рис. 148

Рис. 149

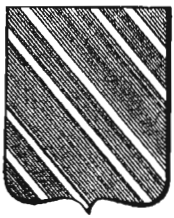


Рис. 150

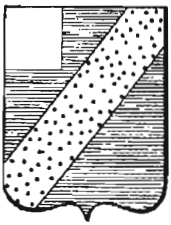


Рис. 151

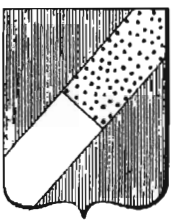


Рис. 152

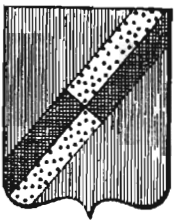


Рис. 153

Рис. 154

Рис. 155

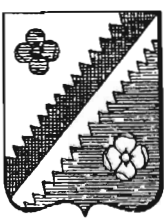


Рис. 156

Рис. 157

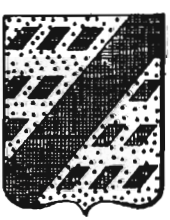


Рис. 158

Рис. 159

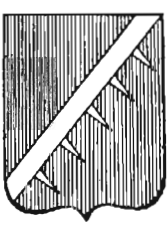


Рис. 160

понятием о геральдической фигуре еще и до настоящего времени причисляют к таковым, хотя и неправильно, ромбы (поставленные на один из углов четвероугольники); так называемые *початки*, вытянутые узкие ромбы; *гонты* — узкие продолговатые прямоугольники; *кольца*, *шары* и *кружки* и т. п., хотя все таковые фигуры должны быть отнесены к *обыкновенным* геральдическим фигурам.

Рис. 161

Геральдическим фигурам первого порядка всего удобнее давать размером ширины их $^{2}/_{7}$ ширины всего щита[4]; при такой ширине их труднее смешивать с обыкновенными фигурами делений. Иногда эту ширину еще убавляют, когда нужно уместить в щите несколько столбов, поясов и т. д., а иногда и независимо от этой причины. Такие фигуры с уменьшенной шириной различают в немецкой геральдике, сообразно степени такого уменьшения, посредством прибавления слова *штаб* — при уменьшении на $^{1}/_{2}$ и слова *штрих* — при более значительном уменьшении. Различать между таковыми фигурами еще несколько степеней уменьшения их ширины, как это делают французы, англичане и более или менее следующие

Рис. 162

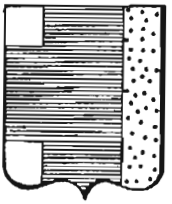


Рис. 163

Рис. 164

[4] Установленный размер самого щита: восемь в вышину и семь в ширину. Принятый многими геральдистами размер в $^{1}/_{3}$ щита для геральдических фигур первого порядка совершенно нецелесообразен, так как при таком размере эти фигуры могли бы смешиваться с *третьим полем* разделенного щита, когда два поля щита имеют разные цвета, например, столб или пояс ограничиваются полями разных цветов (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

им в геральдике испанцы и итальянцы, и давать им, сообразно с этим, особые наименования на практике совершенно излишне и трудно применимо.

Ограничительные линии геральдических фигур, подобно тому, как мы это видели при фигурах деления относительно делящих линий, могут также образовать зубцы, заострения и т. п., откуда и самые фигуры получают названия зубчатых, вызубренных и т. д. Но при этом самые фигуры (столбы, пояса и пр.) не должны, однако, превышать своей установленной ширины в $^{2}/_{7}$ ширины щита. Они могут также включать в себя фигуру деления, как например, на рис. 118, 140, геральдическую фигуру — рис. 101, 148, или обыкновенную — рис. 103, 104, 142, 164; в последнем случае это есть уже не простая геральдическая фигура, а особого рода герб, которому придана форма такой фигуры.

Герб Альбрехта Дюрера

1

2

3

1. *Сражение между немецкими и итальянскими рыцарями. XIV в.*

2. *Минизингер графа Рудольфа фон Нойенбурга с его гербовым щитом*
3. *Французский герб. XVI в.*

Изображения шлемов из книги гербов Конрада Грюненберга. Конец XV в.

Гербы граждан Швейцарии из книги гербов города Шаффхаузена. 1819

Одеяния герольдов. XVIII–XIX вв.

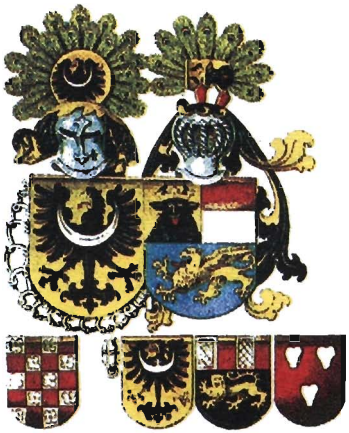
1

2

3

4

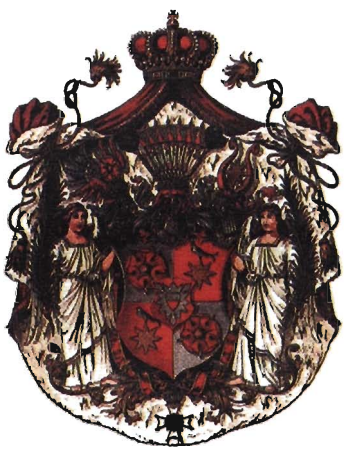
1. *Девиз и герб короля Фридриха IV. 1446*
2. *Герб мальтийского рыцаря Петера фон Енгельберга. Герб Мальтийского ордена помещен над рыцарским*
3. *Гербы из книги Брудершафт-бух. Германия. Около 1400*
4. *Гербовая эмблема одной из политических группировок в Падуе. 1435*



1

3

2



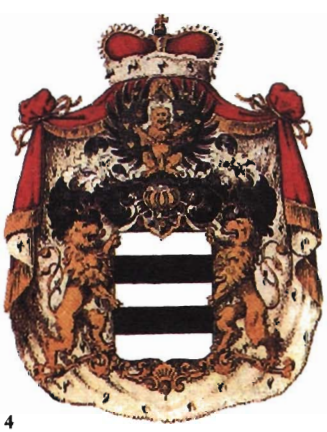
4

1. *Из книги гербов Конрада Грюненберга с гербами герцогов Шлезена и Макленбурга. Конец XV в.*
2. *Герб объединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии*
3. *Герб Уильяма Флитвуда. Англия. Около 1570*
4. *Герб князей Шаумбург-Липпе. Германия. 1890*

1

2

3



4

1. *Герб князя фон Сайн-Витгенштейн-Хоенштайн. Германия. XIX в.*
2. *Герб барона Рендела. Англия. XIX в.*
3. *Герб английского дворянина*
4. *Герб князей фон Изенбург-Бюдинген. Германия. Около 1840*

Титульный лист XI тома «Всеобщего гербовника»

1

4

2

5

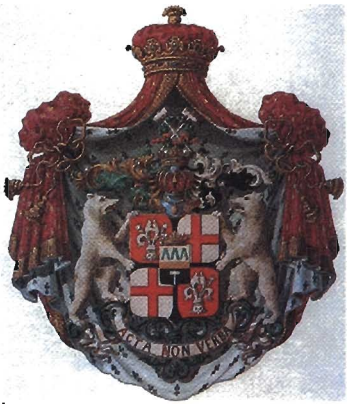
3

1. *Герб графа Литке*
2. *Герб Боде-Колычевых*
3. *Герб князей Суворовых-Рымниковских*
4. *Герб графов Шереметевых*
5. *Герб графа Милорадовича*

1

2

3



4

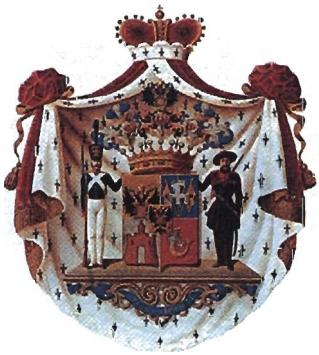
5

1. *Герб князей Барклая-де-Толли*
2. *Герб графов Орловых*
3. *Герб Соловьевых*
4. *Герб Демидовых — князей Сан-Донато*
5. *Лейб-кампанский герб*

1

4

2



5

3

1. *Герб Салтыковых*
2. *Герб Блудовых*
3. *Герб Капнистов*
4. *Герб Мордвиновых*
5. *Герб Паскевичей-Эриванских*

1

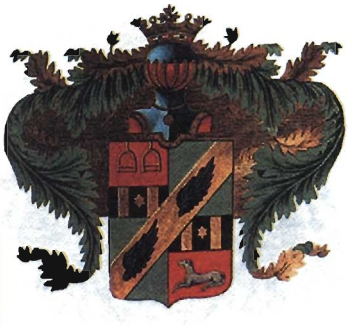
4

2

5

3

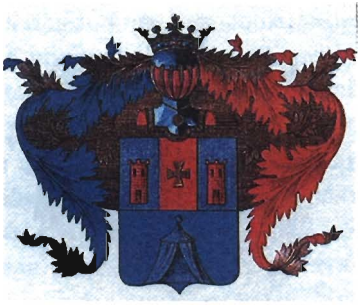
1. *Герб Римских-Корсаковых*
2. *Герб Коцебу*
3. *Герб Сухово-Кобылиных*
4. *Герб Менделеевых*
5. *Герб Брюсов*



1

4

2

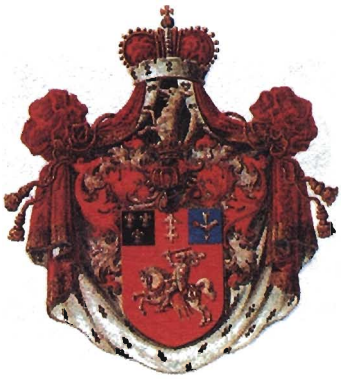


5

3

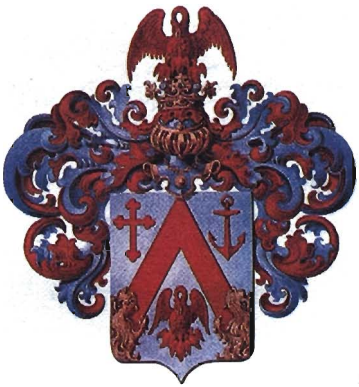
1. Герб Балакиревых
2. Герб Потемкиных
3. Герб Ададуровых
4. Герб Пущиных
5. Герб Брусиловых

1

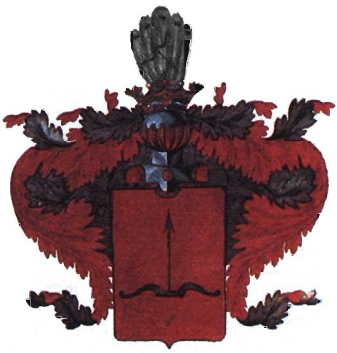


4

2



5



3

1. *Герб Лорис-Меликова*
2. *Герб Епанчиных*
3. *Герб Дурасовых*
4. *Герб Сапеги*
5. *Герб Мережковских*

Лекция XII

Разделение геральдических фигур на фигуры 1-го и 2-го порядка. Описание этих фигур.

В соответствии с различными особенностями геральдических фигур и их положений в щите (независимо от их цвета), а также по отношению к так называемым обыкновенным фигурам, которые также могут находиться в нем, бывают необходимы для обозначения всех подобных признаков и особенностей *специальные выражения* или *термины*. Последние, при всей своей краткости, должны быть достаточно выразительными, чтобы удовлетворять условиям правильного описания, или блазонирования, гербов, не требуя особых дополнительных объяснений. Западная геральдика, в особенности французская и немецкая, издавна, как мы видели, выработала через практику герольдов подобный специальный технический язык. Эти термины, первоначально условные, теперь же общеизвестные, чрезвычайно облегчают на Западе способ описания гербов. Хотя в нашей юной русской геральдике подобных терминов весьма немного, но это не исключает возможности выработки и у нас с течением времени более полной геральдической терминологии, которая являлась бы весьма неизлишней уже потому, что между нашими гербами встречается немало таких, которые перешли в Россию с Запада вместе с их владельцами, и, следовательно, не могут быть правильно описаны без общепринятых геральдических терминов. Ввиду этого мы считаем неизлишним указать здесь некоторые термины, принятые при описании геральдических и других гербовых фигур в немецкой и французской геральдике.

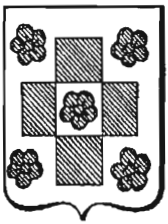


Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Укороченной (*abgeledigt*, франц. *alésé*) называется фигура, как, например, столб, перевязь, пояс, крест, стропило и т. д., лишенные концов и поэтому не касающиеся краев щита. Таковы, например, перевязи на рис. 157 (*на стр. 194*), кресты (рис. 1, 2).

Прерванной (*an- oder aufgekantet, déjointe et accollée de pointe*) называется фигура, перерезанная и приставленная одной частью к другой узлами, например, столб на рис. 115 (*на стр. 185*).

Сквозной (*ausgebrochen, vidé*) — лишенная своей середины, т. е. с отверстием, по большей части имеющим очертание всей фигуры, например, ромб с отверстием в виде ромба же, но иногда и в виде круга или четырехугольника, каковы, например, укороченные кресты (рис. 1, 2).

Вырезанной (*ausgeschnitten, rompu*) — лишенная связи через вырезку части фигуры посредством прямых линий, например, пояс (рис. 135 *на стр. 188*).

Вызубренной — в виде чешуи (*ausgeschuppt, engrêlé*) по наружному краю, как, например, пояса на рис. 125 *на стр. 188*.

Изогнутой (*ausgeschweift, ployé*) — как, например, опрокинутые стропила на рис. 3.

Сопровождаемой (*begleitet, accompagné*) — когда при главной фигуре, геральдической или обыкновенной, находятся в щите еще другие фигуры меньшего размера, не касаясь главной, что может быть выражено короче словом «между» (рис. 156 *на стр. 194*).

Обремененной, обложенной (*beladen, belegt, chargé*) — когда на одну фигуру, часто

геральдическую, наложена одна или несколько других, умещающихся вполне на первой, как рис. 4; когда же края каждой фигуры значительно выступают, то это называется прикрытой фигурой (*überlegt*) (рис. 5).

Рис. 5

Окаймленной (*besäumt, bordiert, bordé, rempli*) — с каймой другого цвета, по одной или обеим сторонам фигуры (рис. 6); когда же кайма обходит ее кругом, то фигура называется окраенной (*umsäumt*).

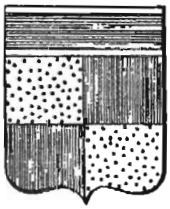


Рис. 6

Сопровождаемой по сторонам (*beseitet, accosté*, реже *flanqué*) — когда фигура имеет по обе стороны одну или несколько фигур меньшего размера, в последнем случае в одинаковом числе (рис. 158 *на стр. 190*).

Увершонной (*besetzt, surmonté*) — когда на верхнем краю фигуры, геральдической или простой, помещена другая, как например, пониженный пояс со звездой над ним (рис. 133 *на стр. 188*).

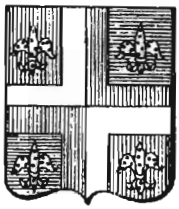


Рис. 7

Усаженной (*besteckt, pavillonné*) — когда что-либо всажено или воткнуто сверху фигуры, например, изображение крепости с воткнутым на ней флагом.

Сопровождаемой по углам (*bewinkelt, cantonné*) — когда пустые пространства между концами креста заняты меньшими фигурами, например, рис. 1, 4, 7.

Уширенной (*breitendig, patté*) — когда концы фигуры столба, креста и т. д. имеют расширение, как на рис. 116 (*на стр. 185*), 8.

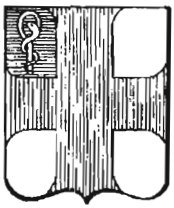


Рис. 8

Выгнутой (*eingeboget, arrondi*) — ограниченная с одного края дугообразной линией, как глава на рис. 9.

Рис. 9

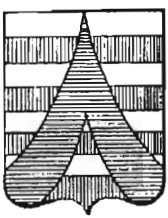


Рис. 10

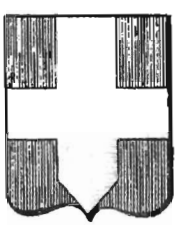


Рис. 11

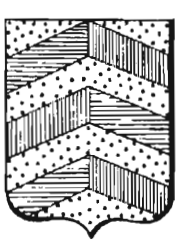


Рис. 12

Вогнутой (*eingebogen, courbé*) — когда края образуют вогнутые дуги, как например, стропило на рис. 10.

Заостренной (*endgespitzt, alguisé*) или остроконечной — когда один или оба конца представляют острия; при этом различается заострение вниз (рис. 11, 114 *на стр. 185*), и заострение вверх (рис. 91 *на стр. 183*).

Усеченной, лишенной вершины (*entgipfelt, coupé en chef*) — с урезанной вершиной или острием, применяется к фигуре стропило.

Повышенной (*erhöhet, haussé*) — находящаяся выше своего установленного положения в щите, как, например, пояс (рис. 132 *на стр. 188*), стропила (рис. 12), в обратном случае — *пониженной* (*erniedert, abaissé*), например, рис. 13–15, тоже относительно столба, когда он не доходит до верхнего края щита (*raccourci*).

Ветвистой (сучковатой), также *пнистой* (*geästet, ébranché*) — имеющая по обоим краям, в одном и том же направлении, выступы, наподобие сучков или обрубленных ветвей, как, например, пояс (рис. 124 *на стр. 187*), крест (рис. 16).

Двойной, удвоенной (*gekoppelt, jumellé*) — говорится о двух одинаковых фигурах, связанных в одну, например, о поясах, стропилах, перевязях и андреевских крестах, например, стропила на рис. 14.

Укороченной (*gekürzl*) — относится к фигуре столба, не достигающего до нижнего края щита (рис. 114 *на стр. 184*).

Вышитой, узорчатой (*gestickt, diapré*) — когда фигура покрыта вышивкой или узором переменных цветов (рис. 139 *на стр. 189*).

Составной (*gestückt, componé*) — составленная из кусков одинаковой величины различных тинктур (финифть и металл попеременно) — рис. 17, 18.

Неполной (*gestümmelt*) — лишенная одной или нескольких существенных своих частей, например, кресты на рис. 19, 20.

Опрокинутой (*gestürzt, versé, renversé*) — обращенная вниз к нижнему краю, вместо верхнего, например, стропило (рис. 17), вилообразный крест (рис. 21), острие (рис. 22).

Рассеченной (*getheilt, parti*) — это говорится как относительно всего щита, так и относительно отдельной геральдической фигуры, так, например, перевязь слева на рис. 153 *на стр. 190* есть рассеченная в длину и ширину посредством линий, пересекающихся под прямым углом, можно назвать ее также *четверочастной* (*geviert, écartelé*).

Волнистой (*gevellet, ondé*), т. е. ограниченная волнообразными линиями — как например, столб (рис. 119 *на стр. 186*), полоса (рис. 127 *на стр. 192*), наложенная штриховая перевязь слева (рис. 154 *на стр. 190*).

Облачной (*gewölkt, enté, nébulé*) — ограниченная так называемыми облачными, одиночными или двойными линиями, например, глава (рис. 23), также деление такими линиями (рис. 123 *на стр. 187*).

Змеевидной (*schlangenweise gezogen, tortillé*) — в виде змеевидной перевязи (рис. 161 *на стр. 191*) или пояса.

Острозубчатой (*gezackt, dentelé*) — представляющая ряд больших острых зубцов, например, глава (рис. 13).

Рис. 13

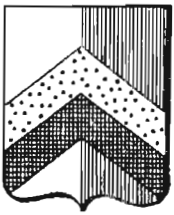


Рис. 14

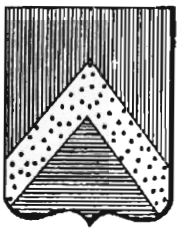


Рис. 15

Рис. 16

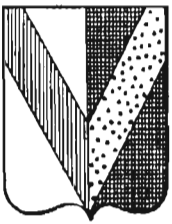


Рис. 17

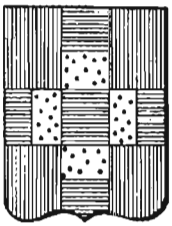


Рис. 18

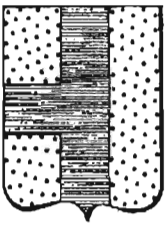


Рис. 19

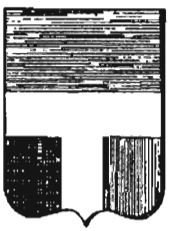


Рис. 20

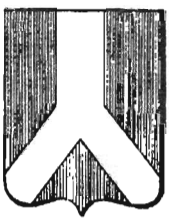


Рис. 21

Рис. 22

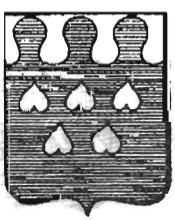


Рис. 23

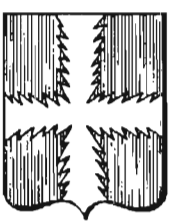


Рис. 24

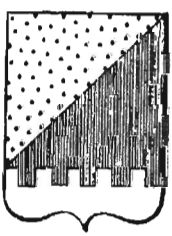


Рис. 25

Рис. 26

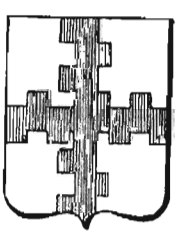


Рис. 27

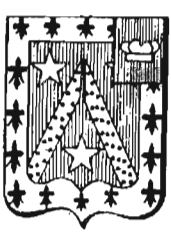


Рис. 28

Рис. 29

Рис. 30

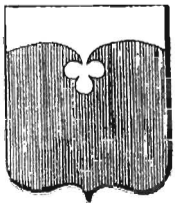


Рис. 31

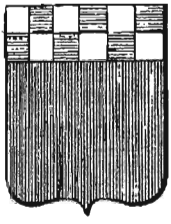


Рис. 32

Рис. 33

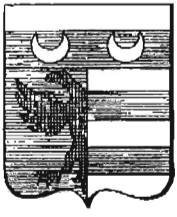


Рис. 34

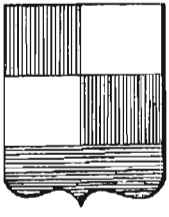


Рис. 35

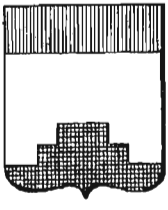


Рис. 36

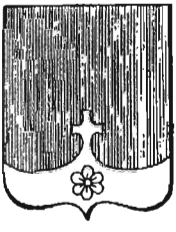


Рис. 37

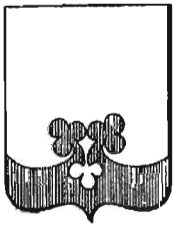


Рис. 38

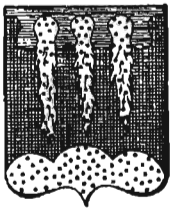


Рис. 39

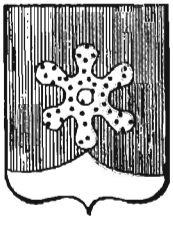


Рис. 40

Рис. 41

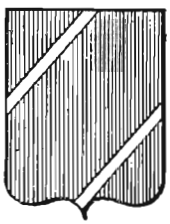


Рис. 42

Рис. 43

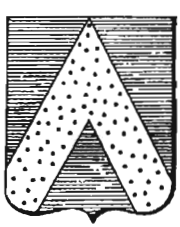


Рис. 44

Мелкозубчатой (*gezähnelt*) — со средними и мелкими зубцами, например, пояса (рис. 126 *на стр. 188*), перевязь слева (рис. 156 *на стр. 190*), крест (рис. 17).

Стенозубчатой (*gezinnet, crenelé*) — говорится о стенах, башнях, замках и т. п. и вообще о фигурах, ограниченных стенными зубцами, например, оконечность (рис. 25), стропило (рис. 26), крест (рис. 27).

Расколотой, разомкнутой (*klaffend, gebrochen, brisé*) — например, стропило (рис. 28), вершина которого вырезана сверху вниз; когда вырез этот квадратной формы, то во французской геральдике употребляется термин *failli*.

Граненой (*kantig*) — когда фигура изображена не плоской, а с боковыми сторонами как четырехсторонняя.

* * *

Перейдем к более подробному обозрению геральдических фигур, начиная с фигур первого порядка.

Столб (*Pfahl, pal*) есть фигура, или место, имеющее $^2/_7$ ширины щита и особый от щитового поля цвет, он простирается вертикально от верхнего края до нижнего, как показывают это рис. 99—104 *на стр. 184*, 109, 110 *на стр. 185*, и может повторяться в одном щите, причем столбы в таком случае, соответственно, становятся более узкими и должны равняться по ширине заключающим их полям щита, например, два столба (рис. 111 *на стр. 185*), три *штриховые* столба (называемые *столбиками*), рис. 112 *на стр. 185*,

пониженные и заостренные кверху (рис. 113 *на стр. 185*), заостренные вниз (рис. 114 *на стр. 185*), удвоенный (рис. 115 *на стр. 185*). Когда концы столба уширены и простираются до углов щита, то столб получает название *углового* (*Winkelpfahl*), рис. 116[1] *на стр. 185*. Столб, примкнутый к правому щитовому краю, называется *правым* (*Rechtpfahl*), рис. 162 *на стр. 191*, к левому краю — *левым* столбом (*Linkpfahl*), рис. 163 *на стр. 191*.

Пояс (*Balken Quer-balken, fasce*) — фигура, простирающаяся в горизонтальном направлении от середины правого края щита к левому. Она встречается в гербах чаще и в большем разнообразии, чем столб и другие геральдические фигуры. Пояса встречаются по два, по три, по четыре (рис. 125–128 *на стр. 188*), до шести, с постепенно уменьшающейся шириной, ради поместительности. Когда подобные узкие пояса встречаются в гербе единичными или же сопровождающими широкий пояс (правильной ширины в $^2/_7$ щита), то получают название *узких* (*штабовых и штриховых*) поясов, например, рис. 129 *на стр. 188*. Пояс иногда бывает *повышенным* (рис. 132 *на стр. 188*) или *пониженным* (рис. 133 *на стр. 188*). Два узких

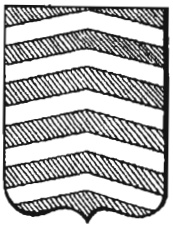


Рис. 45

Рис. 46

Рис. 47

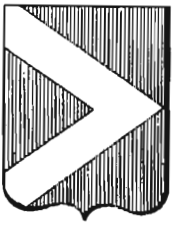


Рис. 48

[1] В английской геральдике, вопреки общепринятому понятию о геральдической фигуре как о *меньшем месте* в большем (поле), признают здесь (рис. 116 *на стр 185*) золотые поля за геральдическую фигуру и называют таковую *flaunches*. Кроме того, англичане признают за геральдическую фигуру также и два подобных поля (места) с более плоскими краями дугообразных линий при уменьшающейся ширине концов столба (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

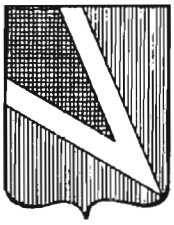


Рис. 49

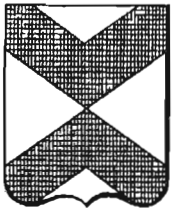


Рис. 50

Рис. 51

Рис. 52

(*штриховых*) пояса, проведенные на таком расстоянии один от другого, что они вместе с разделяющим их полем составляют $^2/_7$ щита, т. е. нормальную ширину фигуры пояса, принято называть *парными* или *двойными поясами* (*Zwilligsbalken, jumelles*), рис. 130 *на стр. 188*, подобным же образом бывают и *тройные* (рис. 131 *на стр. 188*).

В русской геральдике волнистый пояс называется иногда *рекой*, а зубчатый — *стеной*.

Глава (*Schildhaupt, chef*) есть также пояс, но только примкнутый к верхнему краю щита, соответствующему главе рыцаря (рис. 164 *на стр. 191*, 6, 9, 13, 23, 29–32). Эта фигура встречается, подобно другим, с различно очерченным краем, а также подобно фигуре оконечности, вогнутой (рис. 9), или образующей посередине *трилистник* (рис. 31). Если между главой и остальным полем щита имеется узкое место, в виде пояса же, но другого цвета, как рис. 33, то такая глава называется *подпертой*, *поддержанной* (*unterstützt, soutenu*), когда же подобный узкий пояс отделяет главу от верхнего края щита, то глава называется *завершенной* (*uberstiegen, surmonté*), рис. 34. Когда глава наполовину уже своей нормальной ширины, то называется вершиной (*Gipfel, comble*).

Оконечность (*Schildfuss, champagne*) есть фигура, противоположная главе, т. е. также пояс, но примкнутый к нижнему краю щита (рис. 25, 35–41). Иногда она образует лестницу с восходящими и нисходящими ступенями (рис. 36), или же изогнутую линию, образующую посредине

крест или трилистник (рис. 37, 38); или, наконец, возвышается в виде трех дугообразных линий, из которых средняя дуга бывает несколько выше двух остальных. Последняя фигура встречается во многих гербах и называется *тройной горой* (*Dreiberg, montagne*), рис. 39. Иногда оконечность, простираясь далее своей нормальной вышины, образует действительное изображение горы, напротив, при уменьшенной ширине (как штриховая или штабовая) такая узкая оконечность может изображать в гербе почву, грунт (*Boden, Grund, plaine, terrasse*) или так называемую *окраину*.

Перевязь, простирается в щите диагонально, имея $^2/_7$ его ширины, и может иметь, как мы уже сказали, два направления: из правого верхнего угла — *перевязь справа* (*Rechtbalken, bande*), рис. 136–150 *на стр. 188–190*, или из левого верхнего угла — *перевязь слева* (*Linkbalken, barre*), рис. 151–161 *на стр. 190*, 42, 43. Обе эти фигуры вообще весьма части встречаются в гербах, но в английской геральдике перевязь слева (*bend sinister*) встречается весьма редко, вероятно, по той причине, что в уменьшенном и укороченном виде такая левая перевязь, находясь в гербе, считалась и считается доныне признаком незаконнорожденности. Менее редко такая перевязь встречается во французских гербах, в немецких же — во множестве, и притом столь же часто и в таком же разнообразии, как перевязь справа. Довольно редки в гербах узкие перевязи определенной ширины, каковы *штабовые* (рис. 148–161 *на стр.*

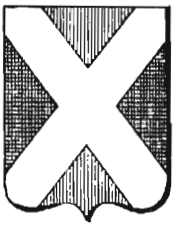


Рис. 53

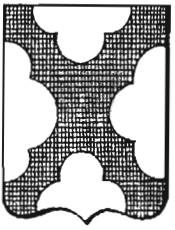


Рис. 54

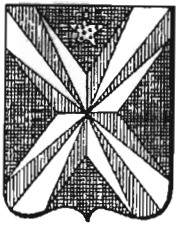


Рис. 55

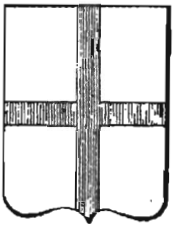


Рис. 56

Рис. 57

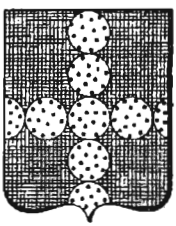


Рис. 58

Рис. 59

Рис. 60

189–191, 42), и *штриховые* (рис. 150 *на стр. 190*), или с *облачным* (рис. 149 *на стр. 190*), и *змеевидным* (рис. 161 *на стр. 191*), очертаниями; еще реже встречаются они *парными* (*jumelles, Zwillingsbalken*), как в гербе (рис. 150 *на стр. 194*), или же *тройными* (*Tierces, Drillingsbalken*), как на рис. 43. Двух указанных различий в ширине перевязей вполне достаточно, и большее количество терминов, принятых во французской и английской геральдике для различения узких перевязей (каковы: *cotice, bande en devise, filet*), является совершенно излишним, и притом весьма сбивчивым. Перевязи с немного уменьшенной шириной могут легко помещаться в щите по несколько, как на рис. 146 *на стр. 189*, и принимаются в этом случае за полные, таковые встречаются также в сопровождении множества небольших по размеру обыкновенных гербовых фигур.

Стропило (*Sparren, chevron*) есть фигура, образованная двумя перевязями, правой и левой, соединяющимися у середины верхнего края щита (рис. 44), и следующие, она имеет форму наугольника или раскрытого циркуля. Нормальная ширина ее в $^2/_7$ щита сохраняется и при двух стропилах, когда же их бывает в гербе большее число, то они становятся уже, а углы, образуемые ими — более тупыми (рис. 12, 45). Так называемое двойное стропило (рис. 14) встречается редко. Когда вершина стропила не достигает противоположного верхнего края щита или же бокового — при ином его положении, то оно называется *пониженным* или *низким*

(*erniedert*), при этом, если вершина его доходит лишь до половины щита, то оно получает название *прижатого* (*gedrückt*), рис. 14, 15. *Повышенным* же (*erhöhet*) оно называется тогда, когда его стороны упираются в боковые края щита (рис. 46). Стропило также может иметь различные положения и направления, смотря по месту, которое занимает в щите его вершина: *опрокинутым* (*gestürzt*), рис. 17, *правым*, когда вершина направлена вправо (рис. 47), *левым* (рис. 48), *скошенным влево* (рис. 22), *опрокинутым и скошенным влево* (рис. 49). Могут также иметь место в одном щите несколько стропил в противоположных направлениях, как рис. 50, 51.

Рис. 61

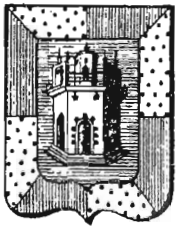


Рис. 62

Крест прямой в отличие от других (*Kreuz, croix*) представляет соединение столба с поясом, пересекающихся под прямым углом, фигура эта также имеет $^2/_7$ ширины щита (рис. 52). Таким же образом составлен из двух перевязей, справа и слева, так называемый *скошенный* или *андреевский крест* (*Schrägkreus, Andreaskreuz, Sautoir*), рис. 53, 54. Обе эти геральдические фигуры встречаются весьма часто и употребляются в разнообразных формах, как, например, *четверочастный крест* (*geviert, ecartelé*), рис. 7, *клинчатый андреевский крест* (*geständert, gironné*), рис. 55. Кресты сопровождаются часто по углам малыми обыкновенными геральдическими фигурами. Не имеется также недостатка и в узких крестах (*штабовых*), рис. 56, а чтобы дать место множеству малых фигур, ширина крестов может быть

Рис. 63

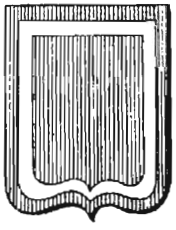


Рис. 64

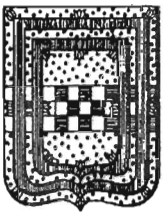


Рис. 65

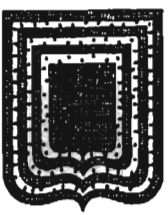


Рис. 66

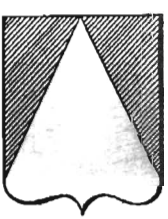


Рис. 67

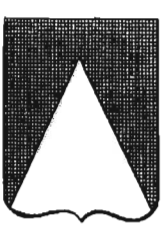


Рис. 68

уменьшаема и до размера *штриховых*. Кресты, составленные из шаров, монет, ромбов и т. п., не следовало бы, строго говоря, причислять к геральдическим фигурам, однако их считают за таковые, когда касающиеся между собой части их или звенья составляют одно неразрывное целое, и притом крайние части примыкают к сторонам щита, как на рис. 57, крест из ромбов или из монет (рис. 59). (Прочие же кресты, не касающиеся хотя бы с двух сторон краев щита, относятся к *обыкновенным фигурам* и будут нами рассмотрены в своем месте.) Несколько узких, штабовых крестов, стоящих рядом, образуют так называемую *решетку* (*Gitter, frettes*). К крестам причисляют и так называемый *вилообразный крест* (*Gabel Schächerkreuz, le Pairle*), образованный через соединение половины столба с половинами двух перевязей: одной справа, а другой слева, сходящихся в середине щита, отсюда получается фигура в виде буквы **Y** (рис. 59), которая встречается также и *опрокинутой* (рис. 21). Когда верхний треугольник одинакового цвета с этой фигурой или, так сказать, заполнен, то получается так называемый *полый вилообразный крест* (*volles Schächerkreuz, le Gousset*).

Кайма (*Bord, bordure*) также состоит из столба и пояса, разделенных и примкнутых к краям щита (рис. 60), т. е. имеет $^2/_7$ щитовой ширины, каковая, впрочем, часто бывает увеличиваема, когда кайма должна содержать в себе обыкновенные гербовые фигуры, как например, в королевском испанском гербе, где повторяются несколько раз в кайме

эмблемы Кастилии — замки и Леона — львы. Подобные каймы жаловались как почетные добавления к гербу. Кайма во многих случаях может быть рассматриваема как видимая выступающая часть нижнего щита или герба с его фигурами, на который наложен другой, как, например, рис. 61, 62. Довольно часто встречаются и две каймы, из которых каждая может иметь по $^1/_7$ ширины щита, причем, следовательно, для остального пространства гербового щита получается ширина в $^3/_7$, что возможно при простом гербе, как, например, на рис. 5. Но это не имеет уже места при таком гербе, как на рис. 63, где еще должны уместиться золотые ободки, и поэтому здесь применяются узкие (*штабовые*) каймы в $^1/_4$ ширины щита.

Во Франции и Англии в прежней время кайма, или бордюр, служила для различения младших сыновей, причем ей придавались с этой целью различные цвета и дополнительные фигуры, а у англичан, сообразно с этим, и различные названия.

Здесь следует упомянуть также о так называемой *внутренней кайме* (*Inbord, orle*), т. е. внутреннем окаймлении, каковую, вопреки основному понятию о геральдической фигуре, причисляют к таковым, хотя она нигде не касается краев щита. При образовании этой фигуры воображают кайму как бы разделенной пополам, причем половина, прилегающая к краю щита, отпадает, получая цвет щитового поля, а остается лишь внутренняя половина, как на рис. 64. Отсюда следует, что внутренняя кайма имеет лишь $^1/_{14}$ ширины щита.

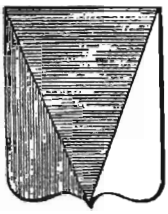


Рис. 69

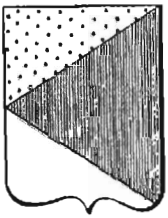


Рис. 70

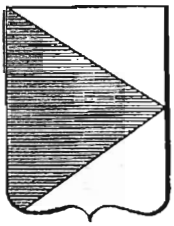


Рис. 71

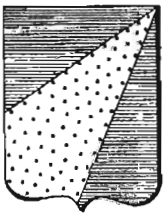


Рис. 72

Рис. 73

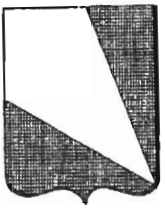


Рис. 74

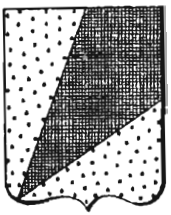


Рис. 75

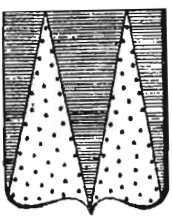


Рис. 76

Рис. 77

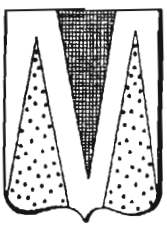


Рис. 78

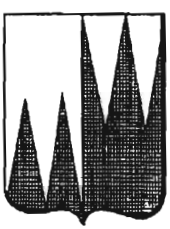


Рис. 79

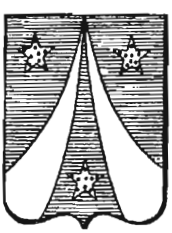


Рис. 80

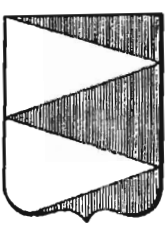


Рис. 81

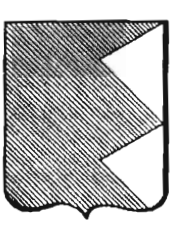


Рис. 82

Рис. 83

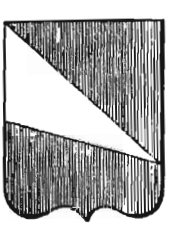


Рис. 84

Вообще эта фигура встречается редко, но две и даже по три внутренних каймы попадаются в английских и в особенности в шотландских гербах[2]. Так например, в королевском шотландском гербе красный лев окружен двойной золотой внутренней каймой, усаженной при этом лилиями, расположенными, чередуясь, по углам и посередине обоих окаймлений. В подобном же виде внутренняя кайма встречается часто как особое отличительное украшение герба, дарованное за какие-либо заслуги, как, например, на рис. 65 – в гербе шотландских графов *Bute* (Бьют) и на рис. 66 – испанской фамилии *Kalahart*.

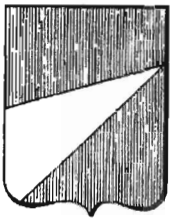


Рис. 85

Рис. 86

Перейдем теперь к обзору геральдических фигур *второго порядка*. Общий признак этих фигур тот, что они принадлежат к так называемым *неистинным* (*см. стр. 175*) и, простираясь от одного края щита к противоположному, расположены, однако, больше в одном из углов и притом неравномерны. Таковые фигуры суть: *пирамида* (*Keil*), острие (*Spitze, pointe*), *скошенная глава* (*Schräghaupt*), *скошенная оконечность* (*Schrägfuss*), *свободный четвероугольник* (*Vierung, franc-quartier*) и *клин* (*Ständer, le Giron*).

Рис. 87

Пирамида есть фигура, или место, занимающая своим основанием весь нижний край щита, две другие ее стороны образованы

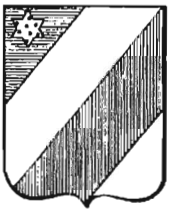


Рис. 88

[2] *Узкая внутренняя кайма*, которая бывает единичная, двойная и тройная и при этом ближе подходит к краям щита, получает во французской геральдике особое наименование *trescheur* (от англ. *treasure* – сокровище) или *essonier* (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

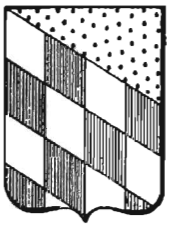


Рис. 89

Рис. 90

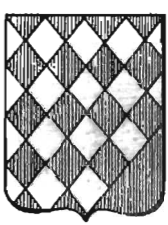


Рис. 91

Рис. 92

прямыми линиями, проведенными из нижних углов к середине верхнего края, у которого они образуют вершину. Иногда, впрочем, эти линии могут уклоняться от этого направления в ту или другую сторону. Фигура имеет всегда свой особый, различествующий от щита цвет (рис. 67). В полном своем размере пирамида должна занимать ровно половину щитового поля, причем другую составляют занимающие ее два места другого цвета. Пирамида, подобно стропилу, может быть *пониженной* (рис. 68), *опрокинутой* (рис. 69), *правой* (рис 70), *левой* (рис. 71), *скошенной влево* (рис. 72), *скошенной вправо* (рис. 73), *опрокинуто-скошенной влево* или *вправо* (рис. 74, 75). При таких скошенных положениях она занимает один угол и ограничивается прямыми линиями, выходящими из середины краев, заключающих этот угол, и сходящимися в противоположном углу щита. Заметим, что во французской геральдике пирамида в таком полномерном очертании считается не за геральдическую фигуру в точном смысле, а за фигуру деления (*sécante, partition*) и обозначается термином *chappé*, когда вершина пирамиды у верхнего края щита, и *chaussé*, когда она опрокинута, *mantelé* — когда вершина доходит лишь до половины щита. Когда же две пониженные пирамиды, сходясь своими основаниями, касаются вершинами верхнего и нижнего краев, то такая фигура получает название *chappé-chaussé*.

Острие есть фигура совершенно сходная с пирамидой, но только вдвое уже последней,

следовательно, занимающая лишь половину нижнего края щита. Поэтому в одноцветном щите могут поместиться одно возле другого два острия (рис. 76), точно так же на рис. 77, в рассеченном щите, серебряном и черном, два опрокинутых острия с переменными цветами. На рис. 78, *два узких* (*geschmälerte*) пониженных острия и между ними одно опрокинутое. На рис. 79, в рассеченном щите, в передней части два пониженных, а в задней — два таковых же опрокинутых, на рис. 80 — два выходящих из нижних углов и вогнутых, на рис. 81 — два правых, на рис. 82 — два пониженных левых. На рис. 83, в щите, скошенном слева, два пониженных острия, из коих одно опрокинутое с переменными цветами. Наконец, на рис. 85, 85 — острия, скошенные справа. На рис. 76, 77, 86, впрочем, можно принимать изображения и за фигуры делений, и за геральдические, последними будут при этом одноцветные места, находящиеся в меньшем числе. Встречаются острия также с изогнутыми очертаниями, так называемые *пламеневидные* (*geflammt*), рис. 87. Во французской геральдике острие (*la pointe*) признается за геральдическую фигуру, в опрокинутом виде она получает особое название *la pile*, причем встречается весьма часто в виде трех более узких фигур, сходящихся своими концами, обращенными вниз.

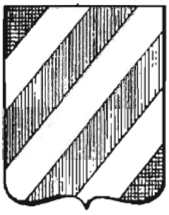


Рис. 93

Рис. 94

Рис. 95

Рис. 96

Два рода фигур в обоих углах у верхнего края щита, образуемых прямыми линиями, идущими от середины верхнего края к середине же правого или левого щитового края,

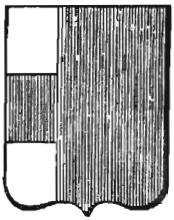


Рис. 97

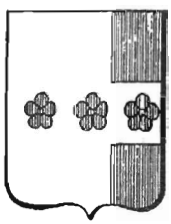


Рис. 98

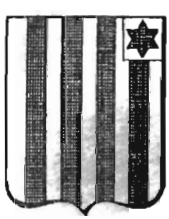


Рис. 99

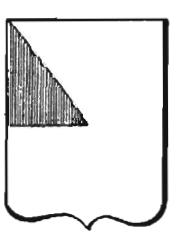


Рис. 100

а равно и подобные фигуры, образуемые в обоих нижних углах щита такими же линиями, рассматриваются в геральдике как *глава* и *оконечность*, сдвинутые к правому или левому прилежащему углу щита. Отсюда они получают названия: первые — *скошенной главы* (*Schräghaupt*), правой или левой, а вторые *скошенном оконечности* (*Schrägfuss*), также правой или левой (рис. 88, 89–92)[1].

Когда ограничительная линия, образующая эти фигуры, отступает ближе к углам, то они получают название *отступающих* (*zurückgezogen*), каковы, например, на рис. 93, скошенные глава и оконечность. Исключение из правила представляет скошенная глава, захватывающая весь верхний край щита (рис. 89), встречающаяся редко. Некоторые немецкие геральдисты различают еще в этих фигурах так называемые *скошенные углы* (*Schrägeck*), французская же геральдика вовсе не различает этих геральдических фигур от простых делений, образуемых скошенными линиями справа (*bandé*) или слева (*barré*).

Четвероугольник (*ledige Vierung* или *Freiviertel, le franc-quartier*), иногда называемый у нас также вольной частью, образуется посредством проведенных из середины двух смежных сторон щита линий, отвесной

[1] Короче сказать, эти фигуры суть *отрезки одной трети* (приблизительно) щитового поля посредством скошенной линии, проведенной от середины верхнего края к середине одного из боковых краев (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

и горизонтальной, которые встречаются в середине щита. Таким образом, он занимает четвертую часть щита, как на рис. 94 (где четвероугольник окаймлен и обложен фигурой Меча). Он находится, по правилу, в правом верхнем углу, и это положение при описании герба особо не указывается. Но он может помещаться и в каждом другом углу щита, что должно быть оговорено, так рис. 95 представляет левый четвероугольник, рис. 96 — правый нижний. Когда эта фигура занимает полную четверть щита, то это есть так называемый *большой четвероугольник*. Но в таком размере он не всегда является удобным в применении к гербам, ибо, будучи наложен на герб, закрывал бы слишком значительную его часть и делал бы герб неузнаваемым. По этой причине ему дают обыкновенно уменьшенный размер, а именно, ширину и высоту, равные $^1/_3$ ширины и высоты щита. Такой размер не получает при описании герба особого обозначения. Когда же четвероугольник становится еще меньше, то называется малым, каковых также встречается, два *правых*, верхний и нижний (рис. 97), и два *левых*, подобных же (рис. 98). Наконец, он может быть уменьшенным до $^1/_4$ размера большого четвероугольника, как рис. 99[4].

Эта фигура свободного (вольного) четвероугольника получила у нас большое

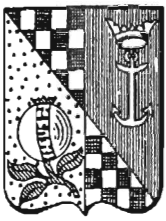


Рис. 101

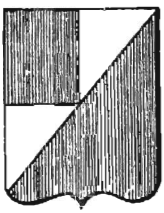


Рис. 102

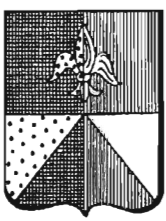


Рис. 103

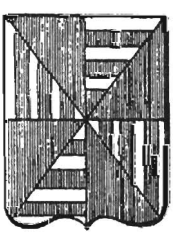


Рис. 104

[4] Во французской геральдике уменьшенный в три раза свободный четвероугольник получает название *canton* и считается особой геральдической фигурой (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Рис. 105

Рис. 106

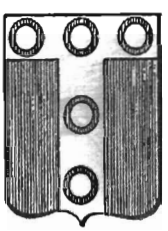


Рис. 107

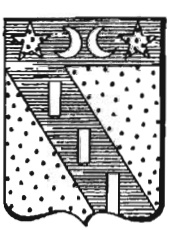


Рис. 108

применение в гербах городов, в ней обыкновенно помещается герб губернии, к которой принадлежит уездный город. Во Франции, когда император Наполеон I создавал новое дворянство, то он ввел в гербах особые отличия, сообразно должности, занимаемой в империи владельцем герба. Отличия эти заключались в геральдических фигурах *главы* (*chef*) или *вольной части* (*franc quartier*), в каковых помещались при этом различные обыкновенные фигуры. Так, например, *графы империи* имели вольную часть в правом углу герба (*à dextre*) с голубым полем, заключавшим различные эмблемы (например, *министры* — золотую оторванную львиную голову и т. п.), *бароны империи* имели вольную часть в левом углу герба (*à senestre*) с червленым полем и с подобными же помещенными в ней эмблемами, например, лица ученой профессии — с серебряной пальмовой ветвью и т. п.

Когда свободный четвероугольник помещен у самой середины верхнего щитового края, то он получает в немецкой геральдике особое название *das Orth*[5].

Клин есть фигура, образуемая половиной скошенной линии, выходящей из щитового

[5] Во французской геральдике не совсем правильно к геральдическим фигурам 2-го порядка причисляется еще так называемый *щиток* (*écusson en coeur*), помещаемый в сердце щита (не касаясь его стороны) в размере $^1/_3$ или меньше. Другие же фигуры, также ошибочно причисляемые к геральдическим, будут нами упомянуты при обзоре обыкновенных фигур (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

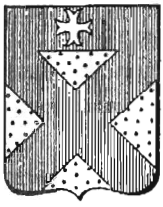


Рис. 109

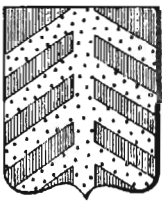


Рис. 110

Рис. 111

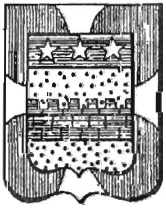


Рис. 112

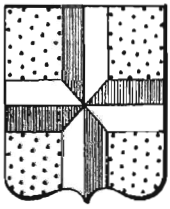


Рис. 113

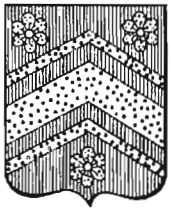


Рис. 114

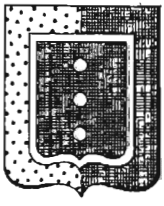


Рис. 115

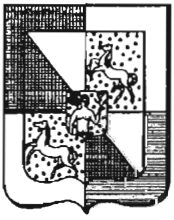


Рис. 116

угла, и половиной горизонтальной, проведенной навстречу первой из середины смежного бокового края щита. Таким образом получается прямоугольный треугольник, занимающий $^1/_8$ щита. Клин помещается обыкновенно в правом верхнем углу его (рис. 100), но встречается также и в других углах, примыкая к смежной стороне щита, откуда получает название: правого верхнего и

левого нижнего (рис. 101), левого верхнего и нижнего правостороннего (рис. 102), нижнего право- и левостороннего (рис. 103), и, наконец, на рис. 104, у правой и левой сторон щита мы видим два клина, право- и левосторонних, с тремя столбами на них, и там же верхний и нижний клин с тремя поясами.

Заканчивая наш обзор *геральдических фигур*, нам остается сказать, что несколько различных фигур этого рода, как, например, глава и оконечность, могут находиться вместе в одном гербе, и такие сочетания фигур весьма обычны. Более редко случается, что две непосредственно соприкасающиеся между собой геральдические фигуры имеют один и тот же цвет, как, например, на рис. 105, левый столб с оконечностью — серебряные или на рис. 106, три верхние скошенные справа перевязи с поясом — золотые, или глава со столбом — серебряные (рис. 107); глава с перевязью справа — голубые (рис. 108); глава с андреевским крестом — красные (рис. 109). Наконец, на рис. 110 — столб с четырьмя стропилами — золотые.

Лекция XIII

Обыкновенные (негеральдические) фигуры. Подразделение их на естественные и искусственные. Описание главнейших типов естественных фигур.

Окончив рассмотрение так называемых геральдических фигур, перейдем теперь к *негеральдическим*, или *обыкновенным* (*gemeine Wappenbilder*). Таковыми могут быть всевозможные изображения предметов из области природы (*естественные*), а также созданные человеческим трудом (искусством, ремеслом — *искусственные*) и, наконец, из области фантазии, как, например, изображения различных несуществующих, созданных воображением (фантастических) фигур и животных. Затем к разряду обыкновенных фигур принадлежат и все те, которые не могут рассматриваться как геральдические, причем они отличаются от этих последних тем, что не соприкасаются с краями щита, но, по крайней мере, с двух сторон свободно расположены в щитовом поле.

Обыкновенные фигуры, встречаясь как в единственном, так и во множественном числе, и изображая отдельные предметы или же части таковых, наконец, изменяясь цветом, положением, направлением и различными соединениями, могут образовать бесчисленное множество самых разнообразных гербов. Для удобства обозрения обыкновенные, или негеральдические, фигуры подразделяют на три класса.

1. *Естественные* (*natürliche, figures naturelles*), которые изображают какой-нибудь предмет из царства животных или растительного, а также земные или небесные тела.

2. *Вымышленные* (*erdichtete, figures chimériques*) — различные чудовища и фантастические животные.

3. *Искусственные* (*künstliche, figures artificielles*), к каковым относятся все предметы искусства, мануфактуры и ремесла.

Все эти фигуры (в особенности естественные) должны, по геральдическому правилу, быть изображаемыми не вполне согласно с их природным видом, но получать некоторый своеобразный стиль и характер и изображаться орнаментально, отсюда они получают особый отпечаток, который принято называть *геральдическим типом*, или *стилем*. Этот стиль трудно объяснить или изложить в определенных правилах, он составляет принадлежность особого художественного чутья и может вырабатываться лишь через рассматривание многочисленных изображений гербов, относящихся к лучшей эпохе геральдики. Этот геральдический стиль, или тип, в разные времена и в разных странах различен и находится в соответствии с преобладающим в каждую эпоху стилем искусства, а именно зодчества, и носит отпечаток этого последнего. Поэтому каждая эпоха геральдики отличается своеобразным украшением и стилем гербовых фигур. Так, в Германии в XII веке и в начале XIII века преобладают более грубые, закругленные очертания, а во второй половине XIII и в XIV веках (в эпоху процветания готического стиля в архитектуре) их заменяют узкие, заостренные и угловатые, которые в XV веке еще более принимают вычурный, орнаментальный стиль[1]. К этому присоединяется также с течением времени большее приближение геральдического стиля изображений к действительным их формам в природе. Чем позднее, тем более утрачивается в гербах этот своеобразный геральдический стиль обыкновенных фигур, и в настоящее время уже стали изображать эти фигуры совершенно неподходящим образом, в точности схожими с природой, т. е. в естественном их виде. При этом они совершенно теряют свой своеобразный характер гербовой фигуры. Самые изящные и правильные геральдические формы фигур, заслуживающие внимания и изучения как образцы, принадлежат к XIV, XV и началу XVI веков.

[1] Образцы различных геральдических стилей показаны на рис. 7,8 *на стр. 296*, 9–12 *на стр. 298*, 13–16 *на стр. 301*, 17 *на стр. 304*, 1–4 *на стр. 309*. (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Герб на Западе всегда имел значение рыцарского отличительного знака и как таковой принадлежит по существу своему к средневековой эпохе, поэтому ему свойственно и прилично сохранять признаки такового своего происхождения. При этом традиционная форма щита и шлема, соединенно составляющих герб, должна быть соблюдена и во всех мелких подробностях его. Отсюда ясно, что к средневековому рыцарскому шлему вовсе не подходила бы гербовая фигура в щите, изображенная современным пошибом. На Западе такой архаизм в изображении гербов, как дворянских фамилий, так и целых стран и городов, тем более им приличествует, что гербы эти перешли к ним от древних времен и от предков и представляют историческую достопамятность и наследие старины.

При изображении гербов следует обращать особенное внимание на то, чтобы различные стили не смешивались, поэтому, изображая, например, герб в треугольном щите XIV века, следует и помещаемую в нем гербовую фигуру изображать в стиле той же эпохи, а не более ранней или поздней.

Относительно обыкновенных фигур существуют следующие общие правила:

1. Фигура применяется к полю щита, должна сообразоваться с ним и, по возможности, его заполнять.

2. Всякая фигура, не только в цельном своем виде, но и в отдельных своих частях, а также в виде отрезка, может являться как гербовое изображение[2], а равно и в сочетании с другими подобными же или в сочетании с геральдическими фигурами.

* * *

Перейдем теперь к обозрению первого рода обыкновенных фигур, так называемых *естественных*, заимствованных из существующей природы.

[2] Для обозначения таких неполных фигур существуют особые геральдические термины, а именно: *возникающей* (*hervorbrechend, naissant*) называется фигура животного, от которого из края щита или из-за другой фигуры выдается или виднеется одна лишь голова и шея, например, с частью лапы и хвоста; *возрастающей* (*wachsend, issant*), когда выступает приблизительно половина фигуры животного (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Рис. 1

Рис. 2

Остановимся прежде всего на *человеческих фигурах*. Геральдическое искусство изображает людей в различных положениях, одеждах и с признаками различных занятий, как мужчин, так и женщин всевозможных состояний, в особенности же рыцарей, королей, монахов, мавров (негров), шутов, дев, диких людей (последних обнаженными и волосатыми с длинными жезлами и опоясанных венком из дубовых листьев). Далее — различных святых, в позднейшие времена также турок и языческих богов (с XVI столетия). Фигуры эти изображаются обыкновенно обращенными вперед и смотрящими из щита.

Весьма часто встречаются также лишь отдельные части человеческих фигур, например, полуфигуры или только туловище, без рук, затем отдельные головы, руки или одни кисти рук, также ноги. Головы изображаются со всевозможными коронами, шапками, шляпами, венками. Рука получает название *правой* или *левой*, смотря по тому, входит ли она в щитовое поле с правой или левой (геральдически) стороны. В древней геральдике часто встречается облеченная в одежду рука, пальцы которой держат кольцо (рис. 1). Но особенно употребительна в гербах рука, закованная в латы, держащая обнаженный меч или другое оружие, иногда встречаются и две подобные руки, держащие кольцо и т. п. В немецкой геральдике рукой (просто), без особого обозначения, называют правую руку, изображенную поднятой вверх, плашмя, во французской же

геральдике правая рука называется *dextroc hère*, а левая — *senestroc hère*. Рука с вытянутыми указательным и средним пальцами называется *клянущейся* (*Schwurhand*), в том же положении, но притом спускающаяся из облаков или окруженная нимбом, она получает название *благословляющей десницы* (*Segenhand*), причем разумеется в таковом изображении обыкновенно Божия десница. Две руки, вложенные одна в другую, называются *руками верности* (*Treuhände*, по-французски это обозначается термином *foi*). Изображение это вошло в употребление с древних времен (рис. 2).

Ноги изображаются иногда обнаженными, а иногда облеченными в одежду или броню. Встречается также изображение трех ног, соединенных посреди щитового поля в треугольник (*Beine im Dreipass, jambes réunes au coeur de l'écu*), причем они соприкасаются бедрами и расходятся ступнями. Эта эмблема, называемая по-латыни (а также в итальянской геральдике) *triquetra*, составляет древний герб Сицилии, она встречается также в немецкой и польской геральдике, например, польский герб *Drogomier* — три ноги в броне со шпорами. Эмблему эту относят к XI веку и объясняют именем витязя Драгомира, которому такой герб пожалован был королем Болеславом Кривоустым.

Наконец, встречаются в гербах, хотя и весьма редко, отдельные человеческие кости, мертвые головы или даже мертвые тела (например, две скрещенные бедренные *кости* в гербе итальянской фамилии *Gattinari*), гораздо чаще *сердца*, иногда *воспламененные* (*emflammé*), пронзенные стрелой или крылатые, а также *глаза* («Божье око», изображаемое всегда в треугольнике с сиянием). Последние изображаются всегда смотрящими вперед, иногда в большом числе, усеивающими поле щита или фигуру.

Изображение всевозможных *животных* (зверей, птиц, пресмыкающихся, рыб и насекомых) в гербах особенно многочисленны и разнообразны. Таковые встречаются, как по одному, так и по нескольку вместе, рассеченными и в виде отдельных частей: головы, ног, лап и т. д. Эти части бывают или *оторванными* (*abgerissen, arraché*) с висящими на них по оторванному

краю клочьями кожи, или *отрезанными* (*abgeschnitten, coupé*). Кроме того, животные изображаются иногда без языка, клюва, клыков, зубов, когтей, рогов, копыт и т. п. Такие неполные фигуры называются *безоружными* (*mornées*), причем вышеупомянутые принадлежности животных получают название *вооружения* (*Waffen*) и в гербах обыкновенно имеют другую окраску, т. е. финифть или металл, чем остальное туловище. Французские геральдисты употребляют в этом случае особые термины: *arme* — о когтях (реже — *onglé*), *lampassé* (реже *langué*) — о языке, *becqué* — о клюве, *denté* — о зубах (оките говорится *fiertée*), *crêté* — о гребне (например, петуха) и т. п. Если фигура животного лишена хвоста, то называется *diffamé* (в буквальном смысле опозоренной). Передняя сторона головы животного называется *личиной*, а одна верхняя часть ее — *лбом*. Животные часто изображаются *коронованными* (*couronné*), также снабженными *шейной короной*, т. е. надетой на шею (*Halskrone, colleté*) или *шейной повязкой* (*Halsband*). Домашние животные, изображенные с надетым на шею их колокольчиком (имеющим особую окраску от фигуры), называются в немецкой геральдике *beglocket, beschallet*, во французской — *clarinés*.

Мы остановимся здесь лишь на важнейших, чаще всего встречающихся в гербах фигурах животных, избирая преимущественно такие, которые в этих изображениях существенно отклоняются от своего естественного вида и получают своеобразный *геральдический* тип. Так как окраска этих фигур животного царства может зависеть от выбора, то в этом отношении существует большое разнообразие, но, как мы уже сказали, обыкновенно употребляется геральдический цвет, наиболее подходящий к естественному цвету животного. Что же касается *положения* изображаемых зверей, то для четвероногих самыми обыкновенными являются следующие: *поднимающееся* (*steigend, aufrecht, rampant, saillant*) или *восстающее*, положение имеют звери, стоящие на задних лапах, с одной задней ногой, выставленной вперед, и с передними неодинаково приподнятыми, так что видны все четыре ноги; *идущее*, или *шествующее* (*schreitend,

passant),— с приподнятой передней ногой; *бегущее* (*laufend, courant*) — обыкновенно с одинаково вытянутыми ногами, которые поэтому представляются как бы сходящимися; далее: *скачущее* (*springend, sautant*), *лазающее* (*kletternd, grimpant, gravissant*), *стоящее* (*stehend, posé*), при которых ноги зверя не подняты, наконец, *сидящее* (*sitzend, assis*), когда животные сидят на задних лапах, и реже *лежащее* (*lagernd, couché*). При этом всегда подразумевается, что звери обращены в профиль и притом в правую (геральдическую) сторону, если определенно не указано какого-либо другого положения. Подобное нормальное положение фигуры при блазонировании герба особо не указывается, вполне достаточно поэтому блазонировать так: в золотом поле черный лев (рис. 3). Для изображения *птиц* самое употребительное положение *влетающее* (*auffliegend*), т. е. готовящееся взлететь, с распростертыми крыльями, или же *сидящее* (*sitzend*).

Рис. 3

Рис. 4

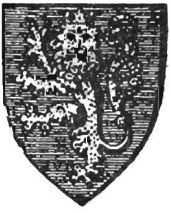


Рис. 5

Из геральдических животных всего чаще встречаются в геральдике всех стран *лев* и *орел*.

Нормальное положение *льва* есть *восстающее*, т. е. стоящее на задних лапах, также изображается он готовящимся к нападению или *яростным* (*furiux*), как выражались древние геральдисты. Голова льва изображалась в древнейший период геральдики несколько заостренной, впоследствии же — более округленной и близкой к природе, зев — то наполовину, то вполне разинутым, обыкновенно с значительно высунутым языком, в

Рис. 6

виде извивающейся, загнутой кверху узкой полосы, и показывающимися зубами (*вооруженным*), глаз — свирепо взирающим. Туловище льва всегда изображалось очень длинным и худым, особенно утонченным снизу. В древнейшее время, в XIV веке, он является в более прямом положении, так что фигура его совпадает с вертикальной осью щита (рис. 3). Позднее, в XV веке, она принимает более изогнутое, извивающееся очертание, образуя как бы змееобразную линию (рис. 4). Притом лев первоначально изображался совершенно косматым, позднее — лишь с длинной гривой, ниспадающей до половины туловища и сильно курчавой (в виде колец), и с мохнатыми ногами. Передние лапы в древнейшее время имели очертание в виде трех закруглений, с выступающими когтями, с задним пальцем, обращенным вниз и также снабженным когтем. Впоследствии пальцы ног стали изображаться более разделенными и вытянутыми. Хвост — почти от самого основания вытянутым кверху и направленным вдоль туловища, в старину его изображали совершенно мохнатым, позднее — с отдельными пучками волос, обращенных внаружу, причем кисть на конце хвоста ниспадает к туловищу льва. С XV века хвост стал также изображаться *раздвоенным* — это так называемый *двойной хвост* (*Doppelschweif, queue fourché*), при этом обе его части скручены наподобие веревки, и каждая имеет на конце по кисти волос.

Как уже упоминалось выше, обычными цветами для льва считаются в геральдике золотой и червленый, реже черный, еще реже синий. Вооружения его получают обыкновенно другую окраску, резко отличную от цвета фигуры, а именно: когда лев имеет металлическую тинктуру, то вооружения получают червленую или синюю, когда же он имеет финифть — то золотую или серебряную, но всегда различающуюся от цвета щитового поля. Зубы и глаза, по правилу, должны быть серебряные, и лишь когда поле щита имеет эту тинктуру, то цветные. Впрочем, могут существовать и различные окраски фигуры льва, в целом и частях (например, лев в *гессенском* гербе полосатый; серебряный и красный, лев в верхней части золотой, в нижней серебряный — в гербе *Саксен-Альтенбурга*).

Так называемый *леопард* или *леопардовый лев* (*leopardierter Löwe, lion léopardé*), бывает представлен как *шествующий* через щит лев, но с личиной, обращенной прямо к зрителю, в этом положении он имеет одну из передних ног поднятой, а заднюю (внутреннюю) — несколько выставленной вперед. Голова изображается всегда *en face*, а хвост — прижатым вдоль спины, во всем остальном он не отличается от обыкновенного льва (рис. 5). Леопарда (с обращенной прямо личиной), и принтом *восстающего* (*steigend, rampant*), некоторые геральдисты называют *львиным леопардом* (*gelöwter Leopard, leopard lionné*). Некоторые, впрочем, усматривают отличительный признак леопарда не в направлении личины его, но в положении всей фигуры и на этом последнем основании называют восстающего льва *леопардовым*, а шествующего — *львиным леопардом*.

В древней геральдике подобных различий не существовало, так как и лев и леопард изображают одно и тоже животное, только в разных положениях. Когда нужно поместить в одном и том же гербе несколько львиных фигур, как, например, в гербах Англии, Дании, Каринтии и др., то их изображают шествующими и помещают одного над другим (рис. 6). Изображение *льва* весьма часто встречается в Средние века, как в гербах, так и на монетах и печатях, например, Венеции и других итальянских городов. Из других древних типов геральдического льва можно указать на изображения его в гербах и печатях графов Фландрии, например, Вильгельма Фландрского (1234), а также Англии и Шотландии. Далее мы встречаем львиные фигуры в гербах и печатях германских государей и в гербе Чехии. Они имеются также в польских и венгерских печатях XIV века и отсюда переходят и в Червонную Русь. Так называемый «*русский лев*» был представлен на монетах, вычеканенных при Казимире Великом, а также встречается в гербе города Львова и на печатях Галицко-владимирских князей XIV века. Лев встречается, наконец, у нас на Руси на древних печатях князей смоленских XIII века и на печати Великого Новгорода XV века. Мы видим его также в XVII веке

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

на нашей государственной печати, в гербе Владимирского великого княжества, где обращенный влево коронованный лев изображен держащим в передних лапах удлиненный четырехконечный крест.

Геральдический *орел* имеет очень мало сходства с действительным и изображается всегда в орнаментальном стиле: взлетающим, готовящимся к нападению, с полураспущенными крыльями. Он изображается с лица, с головой, обращенной в сторону, обыкновенно вправо, с расставленными когтями (рис. 7). На туловище перья расположены правильно, наподобие заостренной чешуи. На древнейших изображениях орла имеются два тонких пера, отделяющихся от шеи в стороны (так называемые *нити — Faden*). В позднейшее же время появляется в верхней части шеи ряд стоячих перьев (рис. 8). Крылья с обеих сторон правильно распущены, образуя в общем своем очертании (схематически) дугу, они имеют небольшое число (от 3-х до 12-ти) длинных перьев, расположенных симметрично и несколько выгнутых кверху. Перья, расположенные в нижней части крыльев, обыкновенно становятся длиннее, не согласуясь в атом со строением крыльев у действительного орла, между ними часто изображаются еще тонкие, острые перья в виде нитей. Кости, составляющие основу крыльев, узловаты и усажены короткими перьями. Хвост орла также изображается в стиле орнамента, с завитками, расположенными симметрично, причем одно заостренное перо направлено вниз. Голова, всегда обращенная в сторону, в древних

гербах изображалась иногда повернутой вверх, глаз — с хищным, огненным выражением, клюв — сильно изогнутым вниз, обыкновенно открытым, с высунутым языком. Ноги орла по большей части бывают представлены несоответственно большими, обнаженными в нижней своей части от перьев, когти — сильно загнутыми. Хотя орел в гербах встречается всевозможных цветов (он бывает иногда *шахматным — geschucht*, например, в гербе *Моравии*), однако преобладающими являются черный, красный и серебряный (белый). Вооружения, т. е. когти, лапы, по правилу, отличаются цветом, обыкновенно золотые, даже при золотом же поле щита. Иногда через туловище и крылья проходит металлический *серп* (*Sichel*) с концами, обращенными вверх, концы эти заканчиваются иногда в виде *трилистника* (например, в гербе *Тироля, Познани, Бранденбурга* и др.). Этот серп в гербах произошел, вероятно, от металлической скобы, служившей для прикрепления выпуклых (пластических) или вырезанных фигур орла к щиту. Геральдический орел всегда изображается вышеописанным образом или более или менее сходно с ним; орлы естественного вида, а также летящие и так называемые *римские* орлы негеральдичны.

Если в щите изображается несколько орлов без клювов и с опущенными крыльями, то они называются во французской геральдике *alérions*, в отличие от орлов малого размера, но в полном виде, встречающихся по несколько и называемых *aiglettes, орликами*.

Из отдельных частей орла в гербах встречаются головы, лапы, но чаще всего крылья, причем эти последние являются по одному или парами. Два крыла получают название лёта (*Flug, vol*), рис. 9. Они бывают или распущенными в противоположные стороны, или же как бы положенными одно на другое, так что почти покрывают друг друга, и нижнее крыло лишь немного выступает из-под верхнего.

В первом случае это так называемый *открытый лёт* (*offener Flug*), а во втором — *закрытый лёт* (*geschlossener Flug*). Одно крыло, представленное в отдельности, называется *половиной лёта* (*halber Flug, demi-vol*) или просто крылом.

Из четвероногих животных встречаются как гербовые фигуры преимущественно следующие:

1. *Олень* (*Hirsch, cerf*) — бегущий (*elancé*), скачущий (*sailant*) или мерно шествующий (*passant*), он всегда изображается в профиль, иногда с опущенной головой (*äsend*), смотрящим вперед — настороже (*auf der Hut*), реже — отдыхающим, в лежачем положении (*en repos*). Встречаются также весьма часто в отдельности оленьи рога, иногда с обращенными лишь в одну сторону концами, например, в королевском гербе *Вюртемберга*. Оленьи рога встречаются часто и в польских гербах (например, гербы *Dzialosza, Biberstein* и другие).

Месту соединения рогов, которое в немецкой геральдике называется розой, придается очертание трилистника. В русской геральдике олень встречается в древних гербах городов *Ростова* (серебряный олень) и *Нижнего Новгорода* (красный), происшедших, вероятно, от древних княжеских печатей, и отсюда также в гербах князей *ростовских*: *Лобановых и Касаткиных*. В польской геральдике белый олень с короной на шее в гербе *Brochwicz* — немецкого происхождения.

2. *Вепрь* (*Eber, sanglier*) изображается всегда в профиль, в положении готового к нападению, с опущенной головой для нанесения удара клыками, с упирающимися в землю ногами и поднявшейся щетиной на спине. Обыкновенный цвет его — черный, причем щетина на спине, клыки и концы ног имеют особую окраску. Когда он изображен с вцепившейся ему в ухо собакой, то обозначается во французской геральдике термином *coiffé*.

3. *Медведь* (*Bär, ours*) бывает представлен в профиль, шествующим или восстающим, иногда сидящим. Цвет его обыкновенно черный, вооружения золотые или красные. В «*Царском Титулярнике*», составленным по приказу царя Алексея Михайловича в начале 70-х годов XVII века, в гербах русских областей, вошедших в большую государственную печать, мы встречаем несколько изображений медведей, сохранившихся и впоследствии в гербах губерний. Так, в *новгородском* гербе XVII века мы видим двух черных медведей, стоящих на задних лапах, по обе

стороны золотых кресел, в *пермском* гербе — белого медведя, идущего влево, с Евангелием и крестом на спине, наконец, в *ярославском* — стоящего черного медведя, обращенного влево и держащего рогатину или бердыш. Это последнее изображение медведя перешло также в гербы *ярославских* князей: *Шаховских*, *Львовых*, *Солнцевых-Засекиных*, *Шехонских* и др. Медведь встречается также в гербах *стародубских* князей: *Хилковых*, *Гагариных*, *Ромодановских*, *Гундоровых* и др.

4. *Козерог*, или каменный баран (*Steinbock, bouc*), рис. 10, обыкновенно изображается скачущим, иногда идущим (польский герб *Wieruszowa*) и с большими хрящеватыми рогами, которые, так же как и копыта, имеют отличающийся цвет. В геральдике козел отождествляется с козерогом. Часто встречаются также одни лишь рога его.

5. *Лисица* (*Fuchs, renard*) и *волк* (*Wolf, loup*) — первая, по правилу, восстающая, с опущенным хвостом и закрытой пастью, обыкновенно червлена; последний, подобно льву, готовый к нападению, с открытым зевом, показывая зубы, и с поднятым хвостом. Цвет его — черный, красный или серебряный. Подобным же образом изображается и *бобр* (*Biber, castor*), который узнается по утолщенному хвосту своеобразного очертания. Бобровый хвост в гербах бывает обыкновенно *шахматной* окраски и изображается иногда и отдельно.

6. *Собака* (*Hund, chien*) изображается большей частью черной или серебряной, с ошейником, снабженным кольцом; в немецкой геральдике различаются три различных вида ее, а именно: *домашняя* (*Bracke*), *вислоухая* (рис. 11), *гончая* (*Windhund*), с худым туловищем и длинными стоячими, несколько загнутыми ушами и, наконец, большой корноухий *кобель* (*Rüde*), обыкновенно червленого цвета. Нередко изображается одна лишь голова собаки. Положение ее в гербах — шествующее, скачущее, бегущее и сидящее, притом иногда лающее.

7. *Конь* (*Ross, cheval*) — скачущий, с развевающейся гривой, в профиль. Когда он представлен *неоседланным*, на свободе, то называется *свободным*, *играющим* (*ledig, gai*), реже изображается с

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

уздой и седлом; когда вздымается на дыбы, то для его обозначения во французской геральдике применяются термины *acculé, cabré, effaré, effrayé.*

8. *Бык* (*Stier, boeuf, taureau*), также *дикий бык* или *буйвол* (*Auer*) и *зубр* (*Auerochs*) изображаются в профиль, первый — с рогами в виде полумесяца, а вторые — с дважды изогнутыми рогами, все они часто бывают с опущенной, как бы для бодания, головой, шествующими, стоящими или восстающими. Нередко изображается и отдельно *бычья голова* с лица, с высунутым языком или с продетым через ноздри кольцом (рис. 9 *на стр. 148*), например, польские гербы *Wieniawa, Mohyla* и *Glowa-Bawola.* Иногда встречается в гербах фигура *коровы*, реже *бычка* (например, в польском гербе *Ciolek*). *Буйволовые рога*, которые так часто встречаются в виде украшений гербовых шлемов, особенно немецких, некоторыми геральдистами совершенно ошибочно принимаются за *охотничьи рога*, а французскими даже за *слоновые хоботы* (*proboscides*).

9. *Слон* (*Elephant, Helf*), по правилу, бывает серебряный, с ушами, вызубренными наподобие веера, со свернутым в кольцо или опущенным хоботом, он изображается стоящим или шествующим, клыки обыкновенно другого цвета. В датских гербах слоны часто встречаются как щитодержатели, даже стоящими на задних ногах.

Перечисление других, весьма многочисленных зверей, встречающихся в гербах,

завело бы нас слишком далеко. Упомянем здесь еще между таковыми свойственного русской геральдике *соболя*. Он встречается на древних печатях сибирских острогов XVII века и отсюда перешел и в гербы Сибирского царства в «Титулярник» царя Алексея Михайловича, а впоследствии и в гербы многих сибирских городов. Соболь изображается всегда в профиль, черного цвета и обыкновенно стоящим на задних лапах. В гербе Сибирского царства мы видим двух стоящих соболей, которые передними лапами держат корону и лук с двумя перекрещивающимися стрелами.

Перейдем к геральдическим *птицам*, они изображаются взлетающими или обращенными в сторону, сидящими, реже поникшими, т.е. с опущенной головой, хвост их имеет часто особый цвет (что обозначается в немецкой геральдике особым термином *geschwänzt*).

Особое геральдическое изображение имеют, кроме орла, еще следующие птицы:

1. *Журавль* (*Kranich, grue*), *аист* (*Storch, cigogne*) и *цапля* (*Reiher, héron*). Первый изображается обыкновенно стоящим на одной ноге, а другой — держащим камень, символ бдительности (франц. *vigilance*), аист — с втянутой шеей, цапля — с хохлом сзади головы, во всем остальном они довольно сходны между собой. Когда их изображают коронованными, то они имеют корону, надетую на шею.

2. *Страус* (*Strauss, autruche*) обыкновенно держит в клюве подкову.

3. *Петух* (*Hahn, coq*), рис. 12, изображается готовым к бою, с резко очерченным гребнем и с поднятой ногой (*hardi*), хвост с немногими, но сильно загнутыми перьями.

4. *Павлин* (*Pfau, paon*) — с распущенным хвостом (*schweifspiegelnd, rouant*).

5. *Мерлетты* (*merlettes*), встречающиеся в особенности во французских гербах, суть маленькие, обрубленные (лишенные клюва и ног), уткоподобные птицы. Их не следует смешивать с *орликами* (*alérions*), о которых говорилось выше.

6. *Пеликан*, изображается обыкновенно в профиль, сидящим на гнезде и терзающим клювом свою грудь, чтобы дать пищу своим птенцам, которые изображаются в числе трех. Выступающие из раны капли его крови обозначают во французской геральдике термином *piété*. Цвет его обыкновенно серебряный (например, в польском гербе *Pelikan*).

7. *Лебедь*, обыкновенно серебряный, сидящий или плавающий (например, в польском гербе *Paparona*, который итальянского происхождения).

Рыбы в геральдике изображаются *плавающими* в горизонтальном направлении, также *поднимающимися* (*steigend*), согнутыми в дугу или в прямом положении. Плавательные перья (*Flossen, nageoires*) у них часто изображаются в орнаментальном стиле, т. е. заостренными или сильно вызубренными, они получают обыкновенно другую окраску (*beflosst, lorré*). Если отличающийся цвет дается хвосту, то это обозначается французским термином *peautré*, если гребню — *crêté*, если глазу — *allumé*. Из рыб в гербах Западной Европы встречаются чаще всего:

Две поднимающиеся к верху и отворачивающиеся одна от другой рыбы из породы барвена или чебак (*Barbe, Bartfisch, bar, barbeau*), рис. 13.

Дельфин (*Delphin, dauphin*) имеет своеобразное геральдическое изображение, с гребневидными спинными перьями (рис. 14), он изображается обыкновенно в профиль и согнутым, с головой и хвостом, обращенными в одну сторону. Голубой дельфин с *закрытым зевом* , так называемый *живой* (*vif*), в золотом поле, составляет бывший гласный герб провинции *Dauphiné* во Франции. Старшие сыновья французских королей носили в старину титул *дофина* и пользовались вышеописанным гербом со времени присоединения этой провинции к короне.

Форель (*Forelle, truite*) изображается согнутой в дугу и усеянной красными точками (*marquetée*).

В русской геральдике рыбы весьма употребительны и обыкновенно изображаются без определения породы, хотя можно различать между ними стерлядей, карпов, щук, форелей и т. п.

Впрочем, бóльшая часть подобных изображений принадлежит новейшему времени, более древними являются лишь изображения двух рыб, плывущих навстречу одна другой, в *новгородском* гербе, и двух скрещенных рыб, головами кверху, в гербе *Белоозера*, встречающихся в «Титулярнике» XVII века, они перешли отсюда и в княжеские гербы князей *Белосельских-Белозерских*, *Ухтомских* и *Вадбольских*. Рыбы встречаются и в польской геральдике, например, в гербе *Glaubiez* (плывущая рыба), *Korzbok* (три карпа), *Golobok* (половины рыбы-лося) и др., где они принадлежат к весьма древним (последний герб — XII века),

Заканчивая обзор главнейших геральдических типов животного царства, упомянем еще особенно часто встречающихся:

1. *Змея* (*Schlange, serpent, bisse, givre*) — обыкновенные цвета ее: синий, зеленый, серебряный, изображается восстающей (готовой к нападению), извивающейся в ширину щита или свернувшейся в кольцо. Змея, закусывающая свой хвост, символизирует вечность. Иногда ее изображают держащей в пасти человеческую фигуру (например, в древнем гербе города *Милана*).

2. *Морская раковина* (*Meermuschsl, coquille*) (рис. 15) изображается в немецкой геральдике витой, наподобие рога дикой козы, с меняющимися цветами, обыкновенно червленой и золотой. Более обычна форма так называемой *пилигримской раковины* (вееробразная), когда она большого размера, то называется раковиной *Св. Иакова*, а таковая же малого размера называется раковиной *Св. Михаила*. Раковины, в которых видна внутренняя сторона, получают во французской геральдике название *vannets*.

3. *Рак* (*Krebs, écrevisse*) изображается червленым (как вареный) с вытянутым хвостом и ногами, часто встречается также в гербах отдельно раковая клешня. В польской геральдике рак встречается, например, в гербе *Warnia*.

Перейдем далее к фигурам, заимствованным из царства растительного, которые особенно часто применялись в геральдическом искусстве.

Деревья изображаются в гербах вырастающими из почвы или вырванными (*ausgerissen, arraché*), когда видны корни их,

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

обыкновенно с тонким стволом, несколькими симметрично расположенными ветвями и несообразно большими листьями, цветами и плодами, которые и составляют характерное различие той или другой древесной породы. Цвет листьев преимущественно зеленый, ствол же другого цвета. Чаще всего встречаются;

Липа (*Linde*), рис. 16, с сердцевидными листьями (в немецкой геральдике).

Дуб (*Eicile, chêne*), часто с вырванными корнями, с желудями или без них (рис. 17). Например, польский герб *Dab* изображает дуб золотого цвета с тремя желудями и двумя листьями.

Береза (*Birke*), в немецкой геральдике обыкновенно в виде зеленого или золотого кустообразного дерева с серебряным стволом.

Ель (*Tanne, pin*), в виде дерева с конусообразным расположением ветвей.

Сосна, например, с тремя ветвями и пятью корнями в древнем польском гербе *Godziemba* (XI века).

У фруктовых деревьев, между которыми особенно обычна яблоня (рис. 18), плоды изображаются весьма крупными, для большей ясности. Во французской геральдике существует своеобразное изображение *дикой вишни* (*créquier*), напоминающее своим очертанием фигуру семисвечника.

Встречаются также в гербах *лавр, маслина, виноградная лоза, тополь, клен* и др.

Древесные ветви и сучья изображаются или в виде обрезанных палок, или же усаженными листьями и с плодами на них. Встречаются иногда и сухие или обгорелые,

с пламенем (*Brände*). Весьма часты также в гербах отдельные листья и плоды.

Из цветов встречаются чаще всего *роза* и *лилия*, получающие особые геральдические формы.

Роза изображается в виде вполне распустившегося цветка, состоящего почти всегда из пяти лепестков сердцевидной формы (рис. 19), часто с загнутыми краями, в середине его имеется золотая семенная капсула и тычинки, а между лепестками выступают заостренные зеленые листики цветочной чашечки. Геральдический цвет розы — червленый (а не естественный розово-красный), иногда золотой и серебряный. В описанном типе (но обыкновенно с четырьмя лепестками) роза встречается в виде орнамента еще на греческих и римских памятниках искусства. В гербах, впрочем, попадаются и махровые розы с двумя и более рядами лепестков, реже встречается изображение розы со стеблем и листьями (*Stielrose, rose tigée et feuillée*).

Роза являлась особенно распространенной гербовой эмблемой в Средние века и встречается в многочисленных гербах древних фамилий Западной Европы часто как гласный герб (например, фамилий *Rosenberg, Rosenheim, Rosières* и т. п.).

Розы в своих гербах имеют также в Германии княжества *Липпе* и *Саксен-Альтенбург* и город *Магдебург*, во Франции — город *Гренобль* и др. Известно, что в Англии алая и белая розы являлись гербовыми эмблемами долго враждовавших между собой королевских домов, *Ланкастер* и *Йорк*. Вспомним здесь также символическую золотую розу, которую римские папы по древнему обычаю, начавшемуся с XII века, ежегодно посылают в дар одному из католических государей в знак благоволения[3].

Лилия в гербах является чаще всего в виде своеобразного геральдического орнамента, известного под названием *Francica* или *Francisca*. Он состоит из трех листьев, из которых средний к верху

[3] О символике розы существует весьма обстоятельное исследование *Шлейдена «Die Rose, Geschichte und Symbolic, Leipzig,* 1873 (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

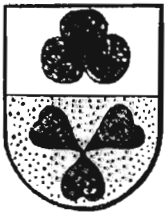


Рис. 22

и к низу заострен, а оба боковые верхними концами отогнуты вниз, все три листа притом соединены вместе перевязью и к низу образуют такую же фигуру из трех частей, но только в уменьшенном виде. На рис. 20 показано обыкновенное изображение геральдической лилии. Лилия без нижней части, т. е., так сказать, половина таковой (рис. 21), называется в немецкой геральдике *Cleve* (франц. *fleur de lis au pied nourri*). Лилия представляет весьма древний орнамент и встречается на Востоке уже в XI веке в виде узора на одеждах. Отсюда она, по всему вероятию, проникла в Западную Европу, а именно во французскую, а затем и в немецкую геральдику. Мы уже упоминали раньше о происхождении древнего французского герба, где золотые лилии появились впервые с 1179 года, при короле Людовике VII, этим объясняется название лилии — *Francica*. Кроме геральдического ее применения лилия в виде орнамента весьма обычна в Средние века на материях, а также пластически, в виде наконечников, у скипетров, крестов и на коронах в виде зубцов. Существует также тип алебарды XVI века (так называемый *spontons* — эспонтон), весьма сходный по форме совни с лилией, откуда произошло ошибочное мнение, будто геральдическое изображение последней получило свое начало от этого оружия. Восточное происхождение геральдической лилии не подлежит сомнению, некоторые исследователи указывали на сходство ее с особенным видом лилии (или ириса), встречающегося в Палестине.

В Европе она появляется на одеждах, скипетрах и коронах со времен Карла Великого, и притом, несомненно, через Византию и арабов, а в Испании — через мавров. В Италии лилия на печатях начинает встречаться с IX века. Как известно, червленая лилия несколько своеобразной формы, так называемая *расцветшая* (*épanouie*), в серебряном поле, составляет весьма древний гласный герб г. *Флоренции*, с девизом: «*Florida florenti floret Florentia flore*»[4]. По преданию, не вполне достоверному впрочем, герб этот дарован был городу Карлом Великим в виде царственной его эмблемы[5]. В гербах встречается иногда изображение *естественной* садовой лилии (*lis des jardin, au naturel*) с листьями и стеблем, совершенно сходной с природой. Геральдическая лилия встречается часто и в польской геральдике (гербы *Gosdawa, Gulcz, Wierzbna*).

Из отдельных *листьев*, изображаемых в гербах, самыми обычными являются следующие:

1. *Трилистник*, состоящий из трех закругленных лепестков (*Dreipass, trèfle*). Когда он изображается в естественном виде, то вполне соответствует листу клевера (рис. 22). Обычный цвет его зеленый, по правилу, он должен иметь небольшой стебелек (*queue ondoyante*) и без такового получает название *tierce-feuille*. Встречается также во французских и английских гербах *четырех-* и *пятилистники* (*quaterfoil, cinquefoil*), последние с круглым отверстием посередине фигуры. Весьма редки *шести-* и *восьмилистники*.

2. *Липовый лист* (*Lindenblatt*) встречается в немецкой геральдике (рис, 23), иногда изображается с корнями, часто служит гласным гербом.

3 *Лист водоросли* (*Seeblatt*) — сердцевидный, иногда покрытый геральдической дамаскировкой, по большей части с

[4] Цветущая цветком процветает Флоренция (*лат.*).

[5] Весьма подробное и обстоятельное исследование о *геральдической лилии* можно найти в сочинении французского геральдиста *Adalbert de Beaumont «Recherches sur l'origine du blason et en particulier sur la fleur de lis», Paris,* 1853, с многочисленными изображениями различного типа лилий (*Прим. Ю. В. Арсеньевна*).

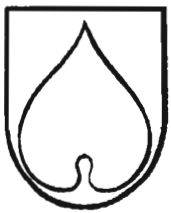


Рис. 23

Рис. 24

Рис. 25

Рис. 26

вырезкой, наподобие трилистника, причем лист получает очертание, сходное с оленьими рогами (рис. 24). Некоторые немецкие геральдисты считают его лишь вариантом липового листа. Встречаются также изображения, где этот лист имеет естественную форму водоросли, совершенно круглую (например, в гербе *Фрисландии*, где эта эмблема является весьма древней).

Из плодов встречается в гербах: *виноградная лоза* (*Weintraube, Wrebe, cep de vigne*) изображается с очень крупными ягодами, густо увешивающими лозу, и с листьями. *Яблоко*, чаще всего *гранатное* (*Granatapfel, Margramapfel*), золотое, имеющее сверху короновидную чашечку, растреснутое, так что видны красные зерна (рис. 101 *на стр. 213*). Оно встречается часто в испанских гербах, представляя древнюю эмблему королевства *Гранады*, *груша* (*Birne, poire*); *репа* (*Rübe*) в немецкой геральдике с пучком листьев вверху (рис. 25), наконец, *орех*, изображаемый или поодиночке, или же по три, соединенных вместе в одной оболочке, как они встречаются в природе (франц. *coquerelles*). Орех, имеющий своеобразное очертание, схожее с еловой шишкой, составляет древнейшую гербовую эмблему города *Аугсбурга* и называется «*Stadtpyr*».

Перейдем теперь к рассмотрению геральдических изображений *небесных светил* и других фигур из земного мира.

Солнце (*Sonne, soleil*) изображается как полный диск, имеющий черты человеческого

лица, обращенного вперед, оно окружено лучами, число которых обыкновенно 16 (впрочем это число изменяется по желанию), причем последние изображаются попеременно, прямыми и извилистыми, в виде пламени (рис. 26), цвет — золотой, реже червленый, синий или серебряный. Солнце называется *восходящим* (*levant*), когда оно изображено поднимающимся из правого нижнего угла; *заходящим* (*couchant*) — из левого нижнего угла; *полуденным* (*soleil du midi*) — в середине щитовой главы; наконец, *угасающим* (*mourant*), когда оно представлено в одном из верхних углов щита[6].

Рис. 27

Солнце, изображенное без человеческого лица или имеющее неестественный цвет (т. е. не золотой) во французской геральдике называется иногда *тенью солнца* (*ombre de soleil*).

В русской геральдике солнце встречается в древнем гербе (XVII века) *подольском*, где оно окружено нимбом, и над ним изображен крест. Герб этот польского происхождения.

Луна (*Mond, lune*) — серебряный серп, обращенный вправо или влево, лежащий (с рогами кверху) или опрокинутый (с рогами вниз). Часто имеет на внутренней стороне серпа человеческое лицо в профиль (рис. 27).

Звезды (*Sterr, astre*) бывают представлены с 5-ю, 6-ю и 8-ю острыми, по большей части граненными и окаймленными лучами. У французов, итальянцев и англичан звезды

---

[6] Иногда *восходящим* и *заходящим* называются также изображения солнца в *верхних углах* щита. Но эти термины вообще устарели (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

в гербах преимущественно пятиугольные, в немецкой же геральдике, напротив, почти исключительно шестиугольные, реже — с 8-ю концами. При изображении *комет* хвост их имеет обыкновенно другую тинктуру.

В русской геральдике *луна* и *звезды* или одни, или в сочетании с другими фигурами — *крестом, подковой, оружием* и т. д., служат отличительными эмблемами дворянских фамилий *татарского происхождения*, как, например, в гербах *Арсеньевых, Давыдовых, Мосоловых* и др.

Земля изображается как шар с обозначением экватора и кругов широты и долготы. Впрочем, в древней геральдике она почти не встречается, зато *радуга*, изображаемая в виде дугообразной полосы червленого, золотого и синего цветов, есть довольно древняя гербовая фигура.

Облака (*Wolken, nuages*) изображаются по большей части геральдически (о чем мы уже говорили раньше). В более позднее время появляются в гербах и естественные облака (с художественным очертанием), изображаемые в особенности с выходящими из них руками (благословляющей десницей, руками верности и т. п.). Они обыкновенно бывают синие или серебряные.

Молния (*Blitz, foudre*) изображается в геральдике не в виде зигзага, но пылающей, подобно солнечным лучам, и спускающейся в отвесном направлении (рис. 39 *на стр. 199*). Во французских гербах она встречается иногда *крылатой* (*foudre ailé*, мужского рода в геральдике).

Огонь (*Feuer, feu*) является в гербах в виде *пламени* (*Flammen, flammes*), *факелов* (*Fackel, flambeau*), *горящих головней* или *углей* (*Brände, bûchers, charbons*).

Весьма редки изображения *ветров*, в виде дующей с силой детской головы, встречается лишь *северный ветер* (*Aquilon*).

Из фигур земного мира имеют применение в гербах:

Реки (*Strom, Bach, riviére*) изображаются в виде извилистых поясов синего или серебряного цвета, *море* (*Meer*) — через короткие, дугообразные линии, обозначающие волны, эта фигура занимает обыкновенно четвертую нижнюю часть щита (оконечность).

Капли (*Tropfen, gouttes*) в геральдике иногда изображают *слезы* (*Thränen, larmes*), синие или серебряные, иногда *капли крови* (червленые) или *смоляные* (черные). Щитовое поле, усеянное такими каплями, называется *goutté*.

Горы — в виде *тройных возвышений* (*Dreiberge, montagnes, troismonts*), причем среднее выше остальных, встречаются горы и с шестью вершинами, расположенными пирамидально (три, два и одно), последние чаще всего в итальянской геральдике, наконец, *скалы* (*Felsen, rochers*) в виде зазубренных острых конусов, обыкновенно выходящих из моря.

Альбрехт Дюрер. Герб Иоганна Стабия — придворного астронома и историографа Максимилиана I. (версия 1512–1517)

Лекция XIV

Описание главнейших типов искусственных фигур.

Наиболее оригинальными по своему типу и особенно свойственными геральдике являются *фантастические фигуры*, или *чудовища* (*monstra*), к рассмотрению которых мы теперь переходим.

Всевозможные легенды о драконах, сиренах или морских женщинах, василисках, о птице-грифе, единороге и т. п., начала которых следует искать главным образом на Востоке, подали основание подобным изображениям в гербах. Чтобы вполне уяснить себе значение и символику этих фигур, следует принять в соображение, что в них нередко находили отражение существовавшие в Средние века понятия о действительной природе, в которых имелась значительная примесь элемента чудесного. Геральдика воплощала эти понятия в своих образах, заимствуя их из различных героических сказаний, христианских легенд о святых и, наконец, из так называемого *звериного эпоса* (*Thiersage*). Все эти памятники средневековой словесности изобиловали описаниями различных чудовищ и баснословных существ, доставляя богатую пищу народной фантазии. В удовлетворение этой потребности находить в окружающей природе черты чудесного и давать им известное мистическое значение получили большое распространение в средневековой Европе сборники, известные под названием «*Физиолог*» («*Physiologus*»). Сборники эти представляют популярно-богословские произведения, которые в аллегорическо-символической форме описывали действительные и мнимые свойства животных, предлагая таковые в виде поучительных образцов для подражания и назидания. «Физиолог»

первоначально выработался на христианском Востоке и лишь впоследствии перешел на Запад, где описание чудесных животных явилось желанным приобретением для восприимчивой фантазии Средних веков, а мистические толкования подходили как нельзя более к умственно-религиозному настроению этой эпохи. Имея широкое распространение в литературе Востока и Запада[1], начиная с древнейших времен христианской эры и кончая Средними веками, «Физиолог» представляет большой интерес по своему широкому влиянию на искусство вообще, а в особенности на средневековую живопись и зодчество. Мы уже указывали раньше на тесную связь, существовавшую между этими искусствами и средневековой геральдикой, и поэтому склонны думать, что то же влияние распространялось и на древние эмблемы в гербах. И действительно, средневековая геральдика представляет множество баснословных животных и всевозможные сочетания звериных и человеческих фигур. Таковы, например, единороги, саламандры, крылатые львы, люди с головами зверей или птиц и обратно, различные животные с человеческими головами, львы с рыбьими хвостами и т. п. Встречаются, впрочем, в средневековых гербах и чисто мифологические фигуры, как, например, пегас, цербер, кентавр, голова Медузы и т. п., представляющие как бы пережиток языческих понятий в христианскую эпоху.

Не подлежит сомнению, что выбор всех подобных фантастических или отвлеченных эмблем и фигур в гербах имел в те времена не случайный характер, а связан был с известным представлением или идеей, смысл которых, к сожалению, остается для нас часто загадочным, вследствие недостаточного

[1] См. *Lauchert Fr.* «*Geschichte des Physiologus*», *Strassburs.* 1889. Существовали и *славянские* «*Физиологи*», имевшие распространение у нас, на Руси, и влияние их заметно во многих произведениях нашей древней письменности; хронографах, палеях, житиях Святых и других сочинениях. Не без их влияния остались и наши устные народные произведения, здесь сказания «Физиолога» о животных и птицах имеются или целиком, или в виде заимствованных типов и образов. Можно предполагать, что и древняя русская сфрагистика не осталась без влияния этих сказаний (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

знакомства нашего как с мировоззрением, так и с самым языком этой ранней эпохи европейской культуры.

Высказав эти общие соображения, перейдем к рассмотрению некоторых геральдических фигур из области фантазии.

1. *Крылатый лев* Венеции, символическое изображение евангелиста Марка, покровителя этой древней республики. Оно заимствовано из библейского видения пророка Иезекииля. Лев Св. Марка, золотой в голубом поле, изображается лежащим, иногда стоящим с открытой книгой между передних лап, причем в правой он держит серебряный меч. В книге начертаны слова: «*Pax tibi Marce evangelista meust*»[2]. Лев стоит на почве червленого цвета, и голова его окружена золотым нимбом.

2. *Двойной, или двуглавый, орел* (*Doppeladler, aigle a deux têtes, ou eployé*) — герб Священной Римской империи. Он представляет фигуру из двух соединенных в одно целое (монограмматически) орлов, которые поэтому являются как бы одним орлом с двумя головами, повернутыми в противоположные стороны (рис 1).

Эта фигура, ошибочно принимавшаяся за символ Восточной и Западной Римской империй, известна была на древнем Востоке с отдаленнейших времен. Мы встречаем ее на египетских (на сфинксе) и древнеассирийских памятниках, в Малой Азии, в древнем Птерие (в Каппадокии), в Богазкёе и Эйюке, среди целого ряда высеченных на скалах каменных рельефов, древность которых относят к VII веку до Р. Х., находятся также два изображения двуглавых орлов.

К позднейшей эпохе относится мраморный рельеф с двуглавым орлом, найденный на Афоне, в основании монастыря Симеону, построенного императрицей Пульхерией в V веке, мы встречаем их также на целом ряде памятников арабских и византийских. Так, например, имеется изображение двуглавых орлов на арабских монетах Зенгидов и Ортохидов[3] с XII по XIV века, позднее они встречаются на византийских монетах

---

[2] Мир тебе, евангелист Марк (*лат.*).

[3] Зенгиды и Орхоиды — иранские династии.

Мануила III Комнина (1390–1417), чеканенных в Трапезунде. К концу XIV века двуглавый орел появляется и на наших русских монетах как воспроизведение восточной эмблемы, заимствованной с джучидских монет[4]. Появление у нас на Руси, двуглавого орла с характером государственного герба, унаследованного от Византии, принято приурочивать к 1497 году, со слов Карамзина, и ставить в непосредственную связь с браком Иоанна III с Софией Палеолог. Основанием этой дате послужила меновная грамота 1497 года Иоанна III с его племянниками, волоцкими князьями Федором и Иоанном, к которой привешена двухсторонняя печать Иоанна III с изображением двуглавого орла с одной и всадника с другой стороны. Однако факт существования на Руси двуглавого орла ранее 1497 года установлен исследованиями в области русской нумизматики *А. В. Орешникова*. Им издана была деньга великого князя Михаила Борисовича Тверского (чеканенная до 1486 года) с изображением двуглавого орла, принятым, вероятно, этим великим князем в подражание Иоанну III. Отсюда он заключает, что введение двуглавого орла в Московском великом княжестве Иоанном III последовало вскоре после его женитьбы на Софии Палеолог в 1472 году[5], т. е. ранее 1497 года. Как известно, греческая царевна привезла с собой в Москву в дар

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

[4] Джучиды – династия монгольских ханов, происходящая от старшего сына Чингисхана Джучи (?-ок. 1227), хана Джучи улуса (с 1224).

Иоанну III резной трон из слоновой кости (по-видимому западного происхождения), украшенный изображением византийского двуглавого орла. Трон этот сохраняется в Московской Оружейной палате и доныне употребляется при священных коронованиях. Вообще почетную царственную эмблему двуглавого орла принимали в Европе государства, считавшие себя преемниками Рима (например, Австрия), а также фамилии, происшедшие от греческих императоров или соединенные узами брака с принцессами из царственных домов Ангелов, Комнинов, Ласкарисов и Палеологов[6]. На этом основании и цари сербские, которые с XII века неоднократно вступали в браки с греческими царевнами, усвоили себе двуглавого орла, он перешел и в нынешний герб королевства Сербии: серебряный двуглавый орел в червленом поле. В Западной Европе мы встречаем в XIII и XIV веках двуглавого орла в гербах бургграфов Вюрцбургских, графов Савойи, Слатты, Цюриха и др. Как герб Священной Римской империи он стал употребляться немецкими императорами лишь в начале XV века, при императоре Сигизмунде, хотя встречается и ранее, на монете Людвига Баварца около 1330 года. Ранее орел германских императоров был одноглавым. Появление эмблемы двуглавого орла на Западе, где он вошел также во многие рыцарские гербы (например, в герб знаменитого рыцаря Бертрана дю Геклэна, коннетабля Франции, в 1371 году), ставят в связь с крестовыми походами, крестоносны могли заимствовать эту эмблему как из Византии, так и от восточных народностей Малой Азии, с которыми входили в соприкосновение. Только в позднейшие времена двуглавый орел стал изображаться в гербах коронованным, при-

[5] См. статью А. В. Орешникова «Древнейшее русское изображение двуглавого орла», во II томе Трудов Московского Нумизматического Общества [М., 1898, Т. II. Вып. 1. С. 11–14] (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[6] В Крыму, близ Инкермана сохранялся камень с греческой надписью 1427 года и изображением *византийского двуглавого орла*, увековечивавшими имя строителя храма, князя Мапкупского Алексея, из рода *Комнинов*, от которого произошли русские дворянские фамилии *Ховриных* и *Головиных* (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

чем ему приданы были в правую лапу скипетр и меч (у австрийского орла, у российского — скипетр), а в левую — держава. К двуглавому орлу нашего государственного герба мы еще возвратимся впоследствии.

3. *Гриф* (*Creif, griffon*) — он имеет верхнюю часть туловища орлиную, а остальную, нижнюю — львиную, т. е. голова его и крылья как у орла, с прибавлением стоячих ушей, с шеей, покрытой перьями. На передних ногах, обыкновенно поднятых, имеются когти. Брюхо, задние ноги и хвост у него, как у льва. Изображается он всегда в профиль, обыкновенно стоящим (рис. 2), реже шествующим, с хвостом, то поднятым, то подтянутым под брюхо. Иногда верхняя часть его получает другой цвет, чем нижняя[7]. В родовом гербе царствующего дома *Романовых* гриф является древней гербовой эмблемой. В описях царской Оружейной казны второй половины XVII века упоминается между прочим следующий *прапор гербовой* боярина Никиты Ивановича Романова (дяди царя Алексея Михайловича): «Прапор, средина тафта белая вшит *гриф*, тафта *желтая*, с мечом, в левой лапе держит клеймо (круглый щит), повыше клейма писан *орлик черный*, опушка вшита в червчатую тафту, тафта *желтая*, откоски — объярь[8] *черная*, писаны *главы львовы, золотом* и *серебром*». Впоследствии, при геральдизации этого герба, гриф стал изображаться *червленым*, а число оторванных львиных голов на черной кайме щита определилось восемью, из которых четыре золотых и четыре серебряных, чередуясь. В польской геральдике древний герб *Гриф* (или *Свобода*), где он изображается серебряным в червленом поле, относят к X веку. Родоначальником фамилии этого герба считают Яксу, сына короля Лешка III.

---

[7] Грифы почитались *хранителями сокровищ*. Так, например, читаем в одном древнерусском «*Хронографе*» XVII века: «Люди Аримаспи живут в дальних землях татарских, имеют по одному оку и *воюются с грифы за жемчуг и злато*» (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[8] Объярь — шелковая ткань с золотой или серебряной нитью, также шелковый муар.

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

4. *Дракон* (*Drache, dragon*) — пресмыкающееся, но вместе и крылатое животное, с большой заостренной головой и разверстой пастью, из которой, а равно и ноздрей, часто изображается выходящее пламя. Он имеет также выпущенный язык и большие зубы, крылья его подобно тому, как у летучей мыши, имеют на конце костей когти. Передние ноги его подобны львиным или орлиным, вместо задних он имеет толстый кольчатый хвост (рис. 3). Он изображается в профиль, различного цвета, причем вооружения его имеют обыкновенно другую окраску (*armé, lampassé*), иногда коронованным, редко с человеческой головой (например, герб французской фамилии *Montdragon*). Если у него голова львиная, то он называется *драконообразным львом*. В гербах часто встречается изображение Св. Георгия Победоносца на коне или пешего, поражающего копьем дракона, например, *московский* герб, хотя такое объяснение, по мнению Лакиера, он получил у нас не ранее начала XVIII века.

Крылатый змей (*Lindwurm*) сходен с драконом, но отличается от последнего лишь тем, что имеет и задние ноги львиные.

Легендами о драконах особенно богаты различные сказания и жития святых, в особенности на Западе[9]. Отсюда изображения их заимствовались и церковной живописью, и геральдикой. В русской геральдике мы

[9] См исследование о драконах и др. чудовищных змеях в соч. *Salverte «Des sciences occultes, ou essai sur la magie, les prodiges et les miracles». Paris*, 1856, стр. 458–492 (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

встречаем черного коронованного дракона в древнем гербе *Казанского* царства, помещенного в большой государственной печати царя Иоанна Васильевича Грозного. В польской геральдике дракон с крестом над ним (называемый здесь грифом со змеиным хвостом), встречается в гербе рода *Ляцких* (*Lacki*), одного корня с Шереметевыми но перешедшего в Польшу.

5. *Пантера* (*Panther, Pantier* или *Pantel* в немецкой геральдике), рис. 4, не имеет никакого сходства с действительно существующей пантерой, но представляет помесь льва, орла и дракона. Она имеет туловище и стоячее положение геральдического льва, но при этом орлиные когти на лапах и голову как у коня или же дракона, иногда с рогами. Нередко она испускает из пасти и ноздрей пламень, хвост и лапы у нее также львиные.

Это фантастическое животное встречается в различных видоизменениях в гербах *Штейермарка* и немецких фамилий *Лозенштейн, Шеурл* и др. В славянском «Физиологе» XVI века встречаем следующее сказание «*о панфире*»: «Всяким скотом любезней есть, враг же змеи есть, дальнии и ближнии зверие послушают гласа его, от гласа же его всяко благоухание ароматом исходит».

6. *Единорог* (*Einhorn, Monoceros, licorne*) — скачущий, стоящий или сидящий конь с раздвоенными копытами, мохнатыми ногами, львиным хвостом и длинным, витым рогом, похожим на рог рыбы нарвала, или рыбы-единорога (*Monodon monoceras*), на лбу, иногда с козлиной бородой. Рог и копыта обыкновенно отличающегося цвета (*accornée, animée,* о глазах — *onglée*), рис 5. Единорог является особенно излюбленной эмблемой в средневековых легендах и сказаниях, на нем ездили волшебники, он убивал все, что ему попадалось навстречу, только чистая дева могла его укротить и сделать ручным. У древних христиан единорог служил символом не только силы, но и чистоты и целомудрия. В славянских физиологах и азбуковниках XVI и XVII веков единорог, или *инрог*, изображается так: «Зверь, подобен есть коню, страшен и непобедим, в роге имать всю силу». На малой печати царя Иоанна Васильевича Грозного имеется с одной стороны изображение

единорога, а с другой — двуглавого орла. Хотя единорог и не сделался тогда принадлежностью государственного герба, почему и не помещен на большой печати Иоанна Грозного, тем не менее, фигура эта встречается еще на некоторых печатях царей Бориса Годунова, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Единорог встречается также на должностной печати *приказа Большого дворца* в XVII веке. Историк Татищев утверждал, что единорог был собственным *гербом* Иоанна Грозного, но достоверно лишь то, что Грозный частную свою переписку печатал этой эмблемой. Следует заметить, что на многих памятниках русского искусства XVI и XVII веков мы встречаем фигуру двуглавого орла, окруженную изображениями символических животных: льва, единорога, дракона (или орла) и грифа. Так, например, на саадаке (налучье и колчане) царя Михаила Федоровича, изготовленного в Оружейном приказе[10] при участии иноземных мастеров, мы видим чеканные изображения, расцвеченные финифтью, двуглавого орла, а вокруг него изображения одноглавого орла, держащего венец, единорога — со скипетром, льва — с мечом и грифа — с державой. *Лакиер* и *Вельтман* дают этим эмблемам символическое объяснение, основанное на аналогии их с византийскими памятниками[11]. В западной геральдике единорог весьма часто встречается в гербах, особенно в английских, в виде щитодержателей (например, в английском государственном гербе). В польской геральдике мы встречаем серебряного единорога *бегущим* в гербе *Bóncza*, родоначальник этого герба выехал из Италии в 996 году.

[10] Саадак этот сохраняется в Оружейной палате под № 6331, в Оружейном зале (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[11] Над входом в каменные палаты старого *Московского печатного двора*, вполне отстроенные в половине XVII века, имелось рельефное изображение *льва и единорога, стоящих на задних лапах, друг к другу лицом, и под короной*. Это же изображение мы видим и на приказной печати Московского печатного двора. Оно встречается также у нас в XVII веке на некоторых *знаменах* и на *царских седлах*, сохраняющихся в Оружейной палате, на чеканных украшениях этих последних лев и единорог изображаются стоящими по обе стороны двуглавого орла. Встречается оно также в архитектурных украшениях *царского Терсмного дворца* в Кремле и на костяном троне Иоанна III (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

В некоторых польских гербах этого наименования единорог бывает пересечен золотым полумесяцем и сопровождается тремя золотыми звездами, он перешел отсюда и к некоторым русским фамилиям (например, *Тургеневых*).

7. *Мелузина*, или *морская женщина*, сирена (*Meerweib, Seejungfer, Melusine, sirène*), изображается в виде обнаженной женской фигуры, которая ниже груди заканчивается в два рыбьих хвоста. Она часто встречается в гербах коронованной, с длинными распущенными волосами, с руками или безрукой. Обыкновенно она держит оба поднятые к верху рыбьи хвоста в руках (рис. 6), часто изображается держащей зеркало в одной и гребень в другой руке[12]. Безрукая и бесхвостая эмблема — более древняя. Мелузина служила эмблемой города *Палермо* уже в XII веке, происхождение ее восточное.

8. *Гарпия*, или девоподобный орел (*Jungfrauadler, Harpie*), рис.7, представляет орла с коронованным женским бюстом, т. е. грудь, шея и голова — девичьи. Составные части этой фигуры изображаются различного цвета, причем орлиная большей частью черной (например, в гербе г. Нюрнберга[13]).

---

[12] Мы воспроизводим малый *прапор боярина Василия Семеновича Волынского* (№ 4202 Оружейная палата), сопровождавший его на посольские съезды с поляками в 1671–1672 гг. при заключении Андрусовского перемирия. На этом прапоре заслуживает внимания сочетание *византийской* эмблемы, так называемого «*Цареградского знамения*» (или *видения*): одноглавого орла, терзающего змия, с *западной геральдической эмблемой Мелузины* на сохранившемся откосе прапора, любопытно, что у этой фантастической фигуры мы видим здесь надетый на шею крестик (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[13] К разряду подобных баснословных птиц принадлежат в нашей русской древней рукописной литературе также легендарные *райские птицы сирин* и *алконост*, изображения которых сохранились на русских народных (лубочных) картинках (см. «Сборник» [*Д. А.*] *Ровинского*). Птицы эти изображаются с *женскими головами*, *коронованными* и с *павлиньими хвостами*, иногда распущенными. Они встречаются также в виде украшения в геральдическом стиле, *по обе стороны двуглавого орла*, на царских кованых седлах XVII века (в Московской Оружейной палате). Обе эти птицы, по легенде, отличались своим чудным райским пением. Встречается у нас также и своеобразное народное изображение *гарпии*, напоминающее более дракона, нежели птицу (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

9. *Кентавр* (*Hippocentaur, centaure*) — фигура, заимствованная из языческой мифологии, изображается как получеловек и полуконь. Встречается, между прочим, в польской геральдике в древнем гербе *Гиппоцентавр*, или *Довшпрун*, где он имеет геральдическую особенность, а именно: вместо хвоста у лошади — пасти дракона, которого поражает стрела, пущенная из лука руками самого же кентавра. С этим гербом связана легенда о происхождении литовских князей из Рима. В нашей древней апокрифической литературе кентавр слился с другой легендарной же фигурой китовраса (в апокрифическом «Сказании о Соломоне и Китоврасе»). На медных вратах, устроенных в 1336 году архиепископом Василием для новгородского Софийского собора, взятых потом Иоанном Грозным в Александровскую слободу, *китоврас* был изображен в виде кентавра, который держит в руках маленькую фигуру брата своего Соломона. В рукописном алфавите XVIII века *китоврас* истолкован словами *кентавр* или *онокентавр*. Итак, наш китоврас не что иное, как неумелая переделка греческого кентавра. Любопытно, что мы встречаем изображение китовраса на одном сохранившемся в Оружейной палате солдатском знамени конца XVII века (№ 4147), он представлен здесь в кругу алого цвета, пускающим стрелу из лука, фигура китовраса писана красками, над ним, в верхнем углу знамени,— восмиконечный крест (см. рис. 25 *на стр 353*). Иногда кентавр в наших гербах называется *стрельцом*.

10. *Гидра* (*Hydra, hydre*) изображается в профиль, со змеиным хвостом и семью головами, из которых шесть восстающих и одна висящая вниз. Цвет ее обыкновенно зеленый. Эта фигура, заимствованная из греческой мифологии (*Лернейская гидра*), встречается, между прочим, в гербе князей *Орловых*.

11. *Химера* (*Chimère*) — фантастическое существо, имеющее голову и грудь женщины, туловище и лапы львиные и хвост змеи. Встречается во французских, английских и итальянских гербах (например, фамилии *Chimera*).

12. *Василиск* (*Basilisk*) изображается в виде дракона с петушьей головой (в немецких гербах), а иногда в виде птицы,

напоминающей орла, с змеиным хвостом и крыльями летучей мыши, усеянных глазами.

13. *Саламандра* (*Salamander*) — так как думали, что она не горит в огне, то ее изображали обыкновенно среди пламени, например, в польском гербе *Salamandra*, который имеет, между прочим, русский дворянский род *Хрущевых*, выехавший из Польши и просивший в 1686 году царей Иоанна и Петра Алексеевичей об утверждении за ними этого герба. Любопытен ответ Посольского приказа, данный им в то время Родословной палате и взятый из книги *Окольского*: «Дана была *саламандра* в знак (Францышку первому, королю французскому для того, что посреди пламени нужд и бед победитель бывал... толь превысокого достоинства знак потом перешел в герб доброродных в Ческой земле *Хрущевых* для имянной на войнах храбрости, которую между пламенносерными огньми и воинскими нарядами показали суть... а герба их описаны таково: животное тонкое и малое, скорпии много подобное, не совершенно желтым цветом одеянное, живет огнем, который вся смертная снедает, в огни бо живет саламандра...» и т. д.

14. *Райская птица*, или *Гамаюн*,[14]— фигура, встречающаяся в русской геральдике, а именно в гербе *смоленском*, который помещен в «Титулярнике» царя Алексея Михайловича. Герб этот состоит из обращенной вправо пушки на лафете, на которой сидит *райская птица* (иногда называемая *гамаюном*) без ног, с длинным клювом и перьями в виде волос, обращенными назад и покрывающими все туловище (что дает птице сходство с ежом), два длинных пера в хвосте, в виде лиры, напоминают действительную райскую птицу. Герб этот, по-видимому, русского происхождения, так как под польским владычеством Смоленск имел другой герб (золотой посох на красной хоругви). Райская птица, сидящая на пушке, перешла и в гербы русских фамилий, происходящих от князей *смоленских*: князей *Вяземских*, *Козловских*, *Кропоткиных*, дворян *Татищевых* и

[14] Иногда, впрочем, в Древней Руси под *гамаюном* разумели, кажется, и попугая. Происхождение слова *гамаюн* — восточное (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

др., но в настоящее время она изображается более сходной с действительностью и стоящей на ногах.

Заимствованные из греческой мифологии фигуры *цербера*, *пегаса*, *феникса*, *сфинкса*, *минотавра* и др., также встречающиеся иногда в гербах, достаточно известны, почему мы и не будем здесь на них подробнее останавливаться. Упомянутые нами фантастические животные — наиболее характеристичные и чаще всего встречающиеся в геральдике, но в древних гербах, кроме того, появляется еще множество таких фигур, которые состоят из сочетаний различных животных или же человеческих фигур со звериными или птичьими.

* * *

Перейдем теперь к рассмотрению так называемых *искусственные фигур.*

В древнее время в гербах изображались всевозможного рода предметы из области искусства и ремесла, из которых есть много и таких, смысл которых с течением времени утрачен или, по крайней мере, не вполне понятен в настоящее время и сохранился лишь в некоторых местностях. Но в новых гербах, допуская в них подобные изображения из обыденной жизни, не следует, однако, идти в этом направлении слишком далеко, если желают сохранить особенности геральдического искусства и правил) установленных герольдами.

Предметы современной индустрии и новейших технических открытий являются в этом отношении совершенно неподходящими в гербах, так как эти последние должны всегда сохранять известный отпечаток древности, в противном случае гербовый щит уже слишком резко бы противоречил рыцарскому шлему, помещаемому над ним. Если же непременно желают выразить в гербе отношение к подобному предмету современной жизни, то правильнее будет избрать для его изображения символ такого предмета в геральдическом стиле. В таком выборе стиля искусственных фигур должен руководить художественный вкус, который приобретается лишь через знакомство

с подлинными образцами древнего искусства герольдов, например, изучением древних гербовников, каковы *Цюрихский, Грюнебергский* и т. д. или, например, из напечатанных, особенно изящного в художественном отношении гербовника *Юста Аммана* XVI века (*Jost Amman's «Wappen und Stammbuch», Frankfurt am Main*, 1589). Определенные правила в этом отношении установить трудно, но вообще в рисунке гербовой фигуры должно быть сохраняемо лишь одно существенное и притом с известным отпечатком старины, хотя бы с течением времени форма изображаемого предмета и подвергалась изменению. Многие предметы, изображенные в древних гербах, как мы уже сказали, трудно определимы в настоящее время, так как они совершенно вышли из употребления. Но при внимательном исследовании первоначального происхождения гербовых изображений и их геральдического развития открывается смысл многих загадочных фигур. Изучение средневековых печатей, надгробных плит, гербовников и т. п. может дать в этом отношении много разъяснений, а равно и знакомство с одеждами, обычаями, учреждениями, ремеслами и т. д. различных исторических эпох. Многое в гербовых эмблемах могут также объяснить происхождение, родина и название той или другой фамилии, так как гербовое изображение в большинстве случаев имеет отношение к фамильному прозвищу, а часто и к имени первоначального владельца герба.

Искусственные фигуры могут быть подразделены на:

1) *постройки* (*Bauwerke*); 2) *орудия ремесла* (*Werkzeuge*) и *утварь* (*Geräthschaften*); 3) *одежду* (*Kleidungsstücke*); 4) *оружие* (*Waffen*).

Фигуры эти могут быть изображаемы в полном виде или частями. Чаще всего встречаются следующие постройки:

1. *Башни* (*Thurm, tour*) — обыкновенно круглые, построенные из плит, имеющие сверху зубцы, с воротами и бойницами, причем последние несообразно большого размера, часто также с острой кровлей или с небольшими башенками по углам. Цвет большей частью серебряный, ворота, окна и т. п.

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

черные. Эмблема башни или крепости часто встречается в гербах наших княжеских фамилий, как, например, князей *Долгоруковых*, *Щербатовых*, *Хилковых*, *Гагариных* и др. Мы находим ее также в польском гербе *Grzymala* — в золотом поле три червленого цвета башни, в открытых воротах средней башни стоит вооруженный воин. Некоторые относят начало этого герба ко времени самого Леха I. Впрочем, этот последний тип скорее приближается к *замкам* (*Burg, château*), встречающимся в западной геральдике, они изображаются без перспективы, но лишь в очертаниях (в чертеже), рис. 9. Замок особенно часто встречается в испанской геральдике как герб *Кастилии*.

2. *Церкви* (*Kirchen*), изображаемые обыкновенно в общем типе той страны, которой принадлежит герб того или другого лица (на Западе — с башнями и высокими окнами, у нас — с куполами).

3. *Ворота* (*Pforte, porte*), с фронтоном или в стене, обыкновенно с открытыми настежь половинами (рис. 9), часто также с опускной решеткой и зубцами сверху.

Далее встречаются *тыны* (*Planken*) из заостренных к верху бревен или досок, *мосты* (*Brücke, pont*), *колодцы* (*Brunnen, puit*) — с лебедкой или насосом, отдельные *крыши* (*Dach, toil*), иногда на столбах, например, в одном из древнейших польских гербов *Bróg* или *Lezczyc*: в красном поле четыре серебряных столба, покрытых золотой крышей, древность его относят к XI веку.

Наконец, отдельные плиты, *гонты* (*Schindeln*), стоящие на узком краю называемыми *скошенными*.

Встречаются также *корабли* (*Schiff, navire*), рис. 10, например, в гербе *Парижа*, и отдельные мачты, паруса и якоря и т. п.

Изображения орудий ремесел и утвари в гербах отличаются, конечно, большим разнообразием. Особенно часто встречаются фигуры, имеющие отношение к рыцарскому быту: военному делу, охоте, играм, музыке и пиршествам, как, например, *охотничьи рога* (*Jagdhorn, cor de chasse*), согнутые в дугу (рис. 11)[15], *стрелы* (*Pfeil, flèche*), *самопалы*, так называемые *птичьи стрелы* (*Vogelbolzen*), с дугообразным наконечником, *волчьи капканы* (*Wolfsangel*) или зажимы из железа в форме серпа, с петлей посередине (рис. 12). Далее заимствованные от игр *игорные кости* (*Würfel, dés*), *шашки* (*Brettspielsteine, pièces de jeu*) и *шахматные фигуры*, а именно *конь* и *башня* (*тура — roc d'échiquier*), эта последняя часто изображается в виде геральдической лилии, но без среднего листа, на малом постаменте (рис. 13). Многочисленны также в гербах *музыкальные инструменты*: арфы, лютни, барабаны, лиры, гитары и т. п; затем всевозможные *сосуды*:

Рис. 12

Рис. 13

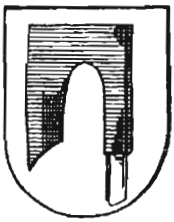


Рис. 14

Рис. 15

[15] *Три охотничьих рога* встречаются в древнем гербе знатной литовской фамилии *Радзивилов* (герб *Traby*), которым пользуются и некоторые русские фамилии литовского происхождения, например, *Волковы* (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Рис. 16

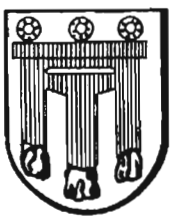


Рис. 17

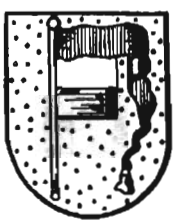


Рис. 18

Рис. 19

котлы[16], чаши, кружки, *ремесленные орудия*: молот, топор, нож (с лезвием, обыкновенно обращенным вправо, рис. 14), ножницы для стрижки овец и всевозможные *земледельческие орудия*. Из других предметов домашнего быта встречаются очень часто *уда*, *ключ*, последний с широкой, несколько раз вырезанной бородкой, *огниво* (*Feuerstahl*) своеобразной формы, показанной на рис. 15, столы и стулья, *римские* или *пилигримские жезлы* (*Römer- oder Pilgerstäb*) и, наконец, *крюки для вешания котла* (*Kesselhaken*), особенно распространенные в гербах северной Германии (рис. 16).

Между *знаменами*, изображаемыми в гербах, различаются:

1) *церковное знамя*, или *хоругвь* (рис. 17) — четвероугольное, разделяющееся внизу на три длинных косицы, оно имеет сверху кольца для укрепление шнуров, а снизу обшито бахромой;

2) *военное знамя*, или *прапор* (*Banner, bannière*), с одной или двумя косицами сбоку, развевающееся (рис. 18).

Изображенные на знамени фигуры должны быть обращены к древку его.

Наконец, к этому же разряду гербовых фигур принадлежат весьма часто встречающиеся

[16] В *испанской* геральдике *котлы* своеобразной формы с рукоятью, напоминающие корзину, представляют в гербах знатнейших фамилий (*ricos hombres*) весьма почетную эмблему, иногда в числе от 8—10 в гербовой кайме. Ей пользовались лишь те фамилии, которые имели свое «*особое знамя и котел*», т. е. свое войско (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

в гербах Западной Европы, в особенности французских (где они причисляются к *геральдическим фигурам 2-го разряда*): *ромбы* (*losanges*, нем. *Rauten*), *фузеи* (*fusées*, нем. *Wecken*), *сквозные ромбы* (*mâcles* и *rustres*, нем *Fensterrauten* первое с *ромбовым*, а второе с *круглым* отверстием), *бильеты* (*billettes*, нем *Längsschindeln*), помещаемые в поле щита рядами, небольшие продолговатые прямоугольники, которые иногда бывают сквозными. Их не следует смешивать с *квадратами* (*carreaux* нем. *Quadrate*), которые встречаются гораздо реже. Но особенно многочисленны в гербах, французских и английских, так называемые *безанты* (о происхождении которых мы говорили выше. на стр. 42), это маленькие золотые или серебряные кружки, на которых впрочем должен быть заметен след чеканки, так как они изображают *монеты*, или *византины*. Видоизменение их представляют имеющие другую окраску так называемые во французской геральдике *tourteaux*, эти последние всегда бывают с тинктурой или из меха и *besants-tourteaux* (или *tourteaux-besants*), которые наполовину металлические, а наполовину цветные. Известный герб знаменитой итальянской фамилии *Медичи* представляет: в золотом поле во главе *tourteau* голубого цвета с тремя лилиями Франции и пятью меньших, таковых же, кружков, червленого цвета, расположенных под ним в виде внутренней каймы (*en orle*). Встречаются также *кольца* (*Ringe, annelets*), *шары* (*Kugeln*) и, наконец, так называемые *гамеиды*, или бруски (*Hameides, Hamen, schwebende Balken*). Эта последняя фигура имеется также в польской геральдике в гербе *Корчак*: три серебряных уменьшающихся книзу в размере бруска (*гамеида*), расположенных горизонтально, один над другим, в червленом поле. Герб этот принадлежал сперва князьям Славонии, из нее перешел в Венгрию, а отсюда в XIII веке в Польшу. Он принят также некоторыми русскими фамилиями польского происхождения (*Римскими-Корсаковыми*, *Баратынскими* и др.).

Первоначальный способ сшивать щиты из кусков, обивать их металлическими скобами, украшать драгоценными камнями и, наконец, скреплять перекрещивающимися цепями во многих случаях

Рис. 20

Рис. 21

Рис. 22

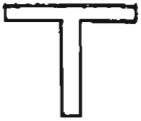


Рис. 23

является источником происхождения некоторых геральдических фигур. Сюда относится, например, так называемое *колесо из лилий* (*Lilienrad*), или, вернее, колесо из так называемых *клев* (*cleve*), т. е. неполных лилий. Древние геральдисты называли эту фигуру иногда колесом из карбункулов, также *Клевским колесом* (*Clevenrad*), так как оно составляло герб герцогства *Клевского* (рис. 19), в середине его помещен щиток или кольцо, который, в настоящем щите, украшался драгоценным камнем (карбункулом).

К *одеждам* и *предметами украшения*, помещаемым в гербах относятся:

Различные головные уборы, *шапки*, *шляпы*, иногда завороченные по краям и с окрашенной в другой цвет подкладкой (рис. 20); *сапоги* с заостренным носком, какие были в моде в XIV и XV столетиях; *пояса для меча* (*Schwertgurte*), различные пряжки, *короны* и *коронные обручи*, имеющие зубцы в виде трилистников, или лилий. Так называемый *рутовый венец* (*Rautenkranz*) в королевском гербе *Саксонии* представляет проходящий диагонально через щит, справа налево, коронный обруч зеленого цвета (рис. 21), происхождение его объясняется как изображение в стиле геральдического орнамента венка из живой зелени (из растения *руты*).

В гербах появляется также *рыцарское оружие* в полном его составе, а именно: меч, железный шлем, боевой чекан, палица, секира, панцирь, щит, стрелы и лук, болты (*Bolzen*). Далее — различные военные принадлежности, как, например, военные фуры

(*Rüstwagen*), шатры и т. п. Мы уже говорили выше о так называемых *домовых знаках* (*Hausmarken*), нередко переходивших в древние гербы. Многие из таковых получили свое начало от *торговых знаков, шифров и монограмм* (т. е. сокращенного изображения именных букв), каковые купцы имеют обыкновение изображать на кипах товара, они служили первоначально для обозначения собственности, а впоследствии переходили и в гербы (например, рис. 22). Их почти невозможно описать, так как они часто состоят из весьма сложных крючков и угловых линий. Подобными же малопонятными геральдическими знаками особенно богата польская геральдика, но здесь таковые имеет другое происхождение. В польских гербах они произошли от *родовых знаменных знаков* польского дворянства, прототипом которых ученый геральдист *Пекосинский* считает рунические письмена, перенесенные в Польшу в начале IX века.

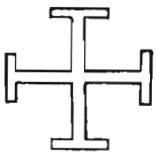


Рис. 24

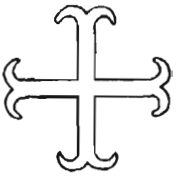


Рис. 25

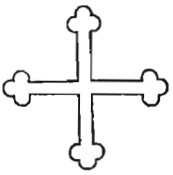


Рис. 26

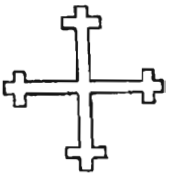


Рис. 27

К этому же разряду гербовых фигур относятся *кресты*, которых существует в геральдике бесчисленное множество различных форм. Главнейшие из них, *латинский крест*, или крест распятия (*Lateinisches oder Passionskreuz*), у которого поперечная часть короче, нежели продольная, и делит последнюю на две неравные половины, проходя ближе к верхнему концу. Когда верхнего конца креста недостает, то таковой называется крестом *Св. Антония* (*Taf*), (рис. 23); *выступным* (*Krückenkreuz, croix potencée*) называется такой, у

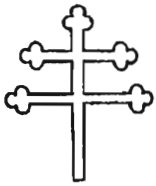


Рис. 28

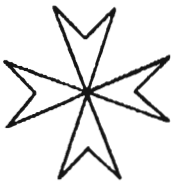


Рис. 29

Рис. 30

Рис. 31

которого концы образуют выступы, подобные антониевским крестам (рис. 24). Подобный выступной крест, сопровождаемый четырьмя малыми крестиками такой же формы, есть *иерусалимский крест*. Когда концы креста заканчиваются двумя загнутыми остриями, то он называется *якорным* (*Ankerkreus, croix ancrée*), рис. 25, когда же они кончаются в виде лилий — *лилейным* крестом (*Lilienkreus, croix florencée*), если в виде трилистника — *трилистным* (*Kleeblattkreuz, croix treflée*), рис. 26; в виде наконечника стрелы — *стрельчатым* (*Pfeilspitzkreuz*); в виде ромба — *ромбическим* (*Rautenkreuz*); в виде шаров — *шаровидным* (*Kugelkreuz, croix pommetée*); в виде малых крестиков — *перекрещенным* (*Wiederkreuz, croix recroisettée*), рис. 27.

Так называемый *водруженный крест* (*Steckkreuz*) имеет нижний конец заостренный, как бы для того, чтобы водружать его в землю. *Патриарший* крест имеет две поперечные части, причем нижняя длиннее верхней, и обе заканчиваются в виде трилистника (рис. 28). *Мальтийский* крест (рис. 29) состоит из четырех равносторонних треугольников с выемками в концах.

Крест с концами, загнутыми под прямыми углами, называется *головчатым* (*Hakenkreuz*), рис. 30; составленный из древесных стволов с обрубленными сучьями — *пнистым* (*Astkreuz*); подобный же, но в форме андреевского креста, есть так называемый *бургундский крест* (рис. 31).

В русских гербах употребляются также весьма часто православные *восьмиконечные кресты*, реже шестиконечные и с удлинением вниз.

Благодаря крестовым походам, как мы видели, крест сделался особенно любимой гербовой эмблемой и с течением времени стал различным образом украшаться. Крест четырехконечный с равными концами, принятый на Востоке, в геральдике получил название *греческого*, в отличие от латинского, или возвышенного (*Hochkreuz*). Относительно размеров креста при его изображении в гербе следует сообразоваться с щитовой поверхностью, соблюдая правильное отношение к последнему.

Весьма часто в одном гербе помещается несколько совершенно одинаковых фигур. Когда таковых имеется неопределенное число, причем некоторые из них не только касаются краев щита, но даже видны только отчасти, не помещаясь в щите вполне, то поле герба получает название *усеянного* или *усыпанного* (*bestreut, besäet, semé*), например, крестами, лилиями, львами, орликами и т. п. Но при этом все эти фигуры должны иметь совершенно одинаковый размер.

Фигуры бывают обращены в одну и ту же сторону или отвращены одна от другой, или обращены друг к другу, или, наконец, иметь голову обращенной назад относительно туловища. При этом следует всегда соблюдать правило, чтобы фигуры приноравливались к форме и положению щита и распределялись на нем симметрично и красиво.

Единичная фигура, по правилу, должна помещаться посередине щита. Две фигуры помещаются одна возле другой, этого не требуется особо обозначать, но бывает необходимо в том случае, когда одна фигура находится над другой,

При трех фигурах обычное расположение: две сверху и одна снизу $\overset{*}{*}\ *$(выражается так: 2. 1); необычное положение есть 1. 2, или все три рядом, или одна над другой. При четырех фигурах — 2. 2, т. е. по две в ряд, при пяти — 2. 2. 1 $\overset{*}{*}\ \overset{*}{*}\ *$ или 1. 3. 1, когда они расположены в виде креста, 2. 1. 2 — в виде андреевского

креста. При шести фигурах обычное расположение их 3. 2. 1, при семи – 3. 3. 1.

Когда фигуры расположены, следуя направлению какой-либо геральдической фигуры, то это указывается в виде сравнения, например, подобно столбу (*pfahlweise, en pal*), подобно поясу (*balcenweise, en fasce*), подобно перевязи справа (*en bande*), подобно перевязи слева (*en barre*) или крестообразно и т. п.

Лекция XV

Геральдический шлем. Различные формы средневековых шлемов. Геральдические формы шлема. Различные системы изображения шлемов для обозначения сана и достоинства.

Окончив рассмотрение геральдического щита с его многочисленными и разнообразными фигурами, перейдем теперь к другой составной части герба – *геральдическому шлему*.

Хотя в древнейшее время, уже с XII века, носителем герба являлся один лишь щит, тем не менее, рыцарский шлем с его геральдическим украшением в последующие времена, а также в эпоху процветания геральдики, получил почти такое же значение в гербе, как и щит. На средневековых печатях шлем встречается часто и один, без щита. При рыцарских турнирах, как мы уже видели, требовалось как доказательство рыцарского происхождения и права участия в турнире предъявлять вместе с гербовым щитом также и шлем, для так называемого «*осмотра шлема*» (*Helmschau*) герольдами.

Так как шлем носился самим рыцарем в виде боевой защиты головы, то он, строго говоря, уместен только в гербах дворянских фамилий в мужском поколении, различным же корпорациям и городам, а равно лицам духовного звания (на Западе) и женщинам шлем на гербе не приличествует, почему, по геральдическому правилу, таковые его и не имеют. Впрочем, некоторым городам и корпорациям в Западной Европе шлем жаловался иногда к гербу государями как знак особого отличия.

Не все шлемы, которые действительно употреблялись в старину, применяются для изображения геральдического шлема. Таковым служат преимущественно так называемые *турнирные*, отличавшиеся своеобразными украшениями, или клейнодами.

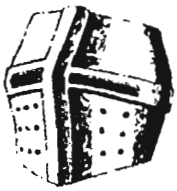


Рис. 1

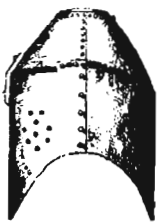


Рис. 2

эти последние получили особенное развитие в немецкой геральдике.

Шлем был в употреблении уже в глубокой древности, но до начала крестовых походов он был или медный, или состоял из металлических прутьев, затянутых кожей, иногда кожаный, покрытый металлическими бляхами и закрывавший только верхнюю часть головы, затылка и лба. Боевые встречи рыцарей с сарацинами на Востоке обнаружили всю непригодность такого головного прикрытия, поэтому форма шлема быстро меняется, его начинают делать железным, цилиндрическим или полушарообразным и покрывающим всю голову. Для зрения стали делать в нем глазные отверстия, а для допуска воздуха к голове пробивать многочисленные дыры. Подобный шлем имел форму горшка, а потому и получил название *горшковиднога шлема* (*Tapfhelm pot*). Он вошел в употребление в бою и на турнирах с половины XIII века (рис. 1). У французов и англичан он имел вершину конической формы, что давало ему форму сахарной головы. В XIV веке этот горшковидный шлем, который надевался сверх легкого или кольчатой сети, настолько увеличился в своем размере, что садился на плечи рыцаря, чем несколько облегчалась его тяжесть, это так называемый *кадочный шлем* (*Kübel oder Fasshelm*), рис. 2. В XIV и XV веках стали употребляться в соответствующих случаях и боевые, и особые турнирные шлемы. Первыми были так называемые *бацинеты* (*Beckenhaube, bacinet*), заостренной формы, снабженные наносником (*nasal*),

причем нижняя часть лица защищалась кольчугой, но вскоре оказалось, что такое прикрытие лица недостаточное, а потому к бацинету прибавили значительно выдающееся вперед забрало, это придало шлему некоторое сходство с собачьей головой, откуда и произошло их немецкое название *Hundsgugel* (*grand bacinet*). С конца XIV века бацинет мало-помалу утрачивает свою коническую форму, изменяя ее на шарообразную, и таким образом получается новая форма, так называемый *салад* (*Schallern, salade*). Эти шлемы появились почти одновременно двух типов: немецкие, имевшие забрало (*Visier*), и итальянские — без такового. Первые исчезли уже в начале XVI века, а вторые продержались долее и впоследствии были дополнены козырьком и боковыми частями, откуда произошла новая форма шлема — *бургиньот* (*Bourgignot, Sturmhaube*), они бывали открытые и закрытые.

Кроме того, в начале XVI века проникла в Европу через Испанию другая форма шлема, по-видимому заимствованная от мавров, это так называемый *морион* (*Morion,* исп. *morrion*). Она представляет высокую, слегка заостренную шапку; имеющую по вершине полукруглый гребень, а снизу широкие поля, приподнятые спереди и сзади. Наконец, с Востока проникла в Европу еще древняя форма восточного шлема, особенно распространившаяся в России, Польше и Венгрии. Отличительные признаки ее состояли в конической форме и выдвижном наноснике. У русских шлемов мы встречаем козырек, или полку, через которую пропускался наносник, а также для прикрытия ушей и затылка особые добавочные части из стальных пластинок. У некоторых русских шлемов сзади венца (т. е. нижней части) прикреплялись кольчужные сетки, или *бармицы*, а сверху они имели в навершии перо или еловец. Иногда шлемы имели украшение из золотой насечки, финифти и драгоценных камней (например, на шлеме, или ерихонской шапке, царя Михаила Федоровича, изображаемой над щитом русского государственного герба, этот шлем приписывают Великому князю Александру Невскому). Как мы уже сказали, геральдическими

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

шлемами признаются лишь турнирные, т. е. покрывавшие всю голову, все же остальные формы шлемов, упомянутые нами, т. е. открытые и с забралами (также римские), негеральдичны и могут изображаться только в виде гербовой фигуры в щите. На этом основании в немецкой, наиболее научно разработанной геральдике мы встречаем на гербах лишь три вида шлемов, а именно:

1) *горшковидный* и *кадочный* XIII и XIV века,

2) *копьевый* (*Stechhelm*), рис. 3, 4,

3) *решетчатый* (*Spangenhelm*), рис. 5.

Остановимся на рассмотрении этих геральдических форм шлема несколько подробнее.

Кадочный шлем состоял первоначально из двух, впоследствии из четырех склепанных бронзовых листов и одного замыкающего листа вверху. Древнейшая форма его — малого размера, сверху плоская (рис. 1), тесно охватывающая голову, позднейшая — достигающая до плеч и сверху выпуклая (рис. 2). Отверстие для глаз состоит из двух прорезов, которые иногда имели медную оправу, или же из открытой (зрительной) щели между верхней и нижней частью шлема, которая также оправлялась медью. С боковой стороны его имелось несколько малых отверстий для впуска воздуха и крестообразный прорез, служивший для прикрепления шлема к кольчуге.

Копьевый шлем представляет видоизменение кадочного, он имеет более изящную, закругленную форму и ближе прилегает к

голове и шее, чем предыдущий. Между обеими составными его частями находится зрительная щель, без решетки (рис. 3, 4). Нижняя часть шлема (*Kübel*) значительно выступает вперед, образуя заострение. Нижние края его доходят до груди и спины и привинчивались или пристегивались пряжками. Шлем этот часто украшался наподобие мелких желобков (так называемый *ложчатый*).

Решетчатый шлем, по преимуществу называемый *турнирным*, в общих чертах сходствует с копьевым, но не имеет выступающего вперед заострения, и притом в верхней части представляет правильное полушарие и еще более принимает очертание головы и шеи (рис. 5). Зрительный прорез у этого шлема расширен и представляет удлиненное отверстие, которое снабжено решеткой. Эта последняя состоит из выгнутых внаружу решетин или прутьев (числом от пяти до семи), которые прикреплены к шлему, иногда их дополняет еще поперечный прут, так что получается настоящая решетка (*Rost*, откуда название *Rosthelm*).

В геральдике горшковидные шлемы встречаются в XIII, кадочные – в XIV, а копьевые – в XV и XVI столетиях. Решетчатые же, которые стали употребляться при турнирах на палицах, начинают встречаться на гербах лишь около 1420 года и с тех пор становятся наиболее употребительными в геральдике. Их также называют *открытыми* (*offene*), в противоположность копьевым, *закрытым* (*geschlossene*) шлемам. При выборе того или другого шлема к известному гербу необходимо иметь в виду соблюсти *единство в стиле герба*, поэтому не следует соединять в одном гербе щит и шлем различных эпох. Кадочные шлемы вообще подходят к древнейшим треугольным щитам, копьевые могут быть помещены как на треугольных, так и на тарчах (имевших прорез для копья), наконец, решетчатые особенно подходят к закругленным формам гербового щита, особенно распространенным в позднейшей геральдике, хотя к, таковым применяется и копьевый шлем.

Для правильного изображения геральдического шлема следует давать ему размер от $^2/_3$ до $^1/_2$ гербового щита. Шейная

часть его должна быть всегда уширенной, так как все геральдические шлемы не открывались, а надевались сверху на голову закрытыми. По правилу, шлем имеет цвет полированной стали, иногда с украшениями из золота и серебра, чаще всего бывает вызолоченной решетка турнирного шлема. Встречаются также совершенно золотые шлемы (которые в древнее время могли иметь в гербах только государи и высшее дворянство) или серебряные Так называемый *шейный клейнод* (*Halskleinod*) есть привесок, в виде монеты или цветка (розетки), надетый на цепочке или ленте на шейную часть решетчатого шлема. Первоначально это был отличительный знак турнирных обществ или же личный знак почести, он носился турнирными старшинами на шее. Шейный клейнод появляется лишь с XV века и в старину встречается лишь на немногих шлемах.

Обычное положение шлема — над гербовым щитом, и притом на середине верхнего его края, когда щит изображен в прямом положении, когда же последний наклонен в сторону, то шлем помещается на расположенном выше углу его (при наклоненном вправо щите — на левом, вышестоящем углу щита и обратно).

По общему правилу, на щите должен помещаться лишь один шлем, так как рыцарь применял в бою лишь один щит и шлем. Но в виду того, что в одном щите могут быть соединяемы несколько гербов, для каждого из таковых допускается помещение на соединенном гербовом щите соответствующего ему особого шлема. В этом случае шлемы изображаются в уменьшенном размере, чтобы они все могли уместиться на верхнем краю щита, и соблюдаются следующие правила относительно размещения шлемов по достоинству. При двух шлемах более почетный (принадлежащий главному гербу в щите) должен стоять на щите справа (геральдически); при трех — главный шлем посередине; соответствующий достоинству второго герба — направо от него; а третий — налево. При нескольких шлемах такая же последовательность продолжается далее, так что после каждого шлема справа следует соответствующий левый, крайний правый и крайний левый суть последние. При особенно сложных, со-

ставных гербах, чтобы не увеличивать слишком числа шлемов, помещаются на щите только одни важнейшие, или же помещаемые шлемы соединяют на себе шлемовые украшения двух или трех гербов.

При одном шлеме в гербе он обыкновенно изображается обращенным прямо (*en face*), если щит имеет также прямое положение, если же щит наклонен, то шлем изображается в профиль, и притом обращенным в ту сторону, в которую щит имеет наклон. При двух шлемах их обращают в профиль один к другому при нескольких шлемах в четном числе одна половина их (все или частью) обращена вправо, другая половина влево; при нечетном же числе средний шлем прямо, остальные же по обе стороны — обращенными к нему, но при этом всегда согласуясь между собой в направлении.

Относительно права пользования тем или другим шлемом в различных странах Западной Европы существуют своеобразные правила, которые к тому же изменялись в различные эпохи.

Так, в новейшей французской геральдике существует собственная, не основанная на древнем геральдическом искусстве система относительно форм шлемов и положения их соответственно достоинству владельца герба. По этой системе, шлемы *королей и императоров* — золотые, с дамаскировкой, обращены прямо, с поднятым и совершенно открытым забралом и без решетки. *Принцы* и *владетельные князья* имеют подобные же шлемы, но только не вполне открытые. *Князья* и *герцоги невладетельные* и *маркизы* имеют серебряные, окаймленные золотом шлемы с одиннадцатью решетинами, или дужками; *графы*, *виконты* и *видамы* — с девятью, но шлем при этом обращен на $^1/_3$ вправо (*taré au hers*), также с золотыми окаймлениями; *бароны* — такой же, с семью решетинами и обращенный несколько более вправо (*taré a demi profil*); *старинные дворяне* (*gentilshommes, chevaliers*), нетитулованные, имеют стальной шлем, обращенный вправо, в профиль (*taré de profil*), с пятью, четырьмя или тремя решетинами, соответственно степени древности их происхождения.

Новопожалованные дворяне (*nouveaux anoblis*) имеют стальной же шлем, в профиль, но с опущенным забралом и вовсе без решетки. Наконец, *незаконнорожденные* имеют шлем, обращенный *влево* (*contourné*), также с опущенным забралом и без решетки.

Эти правила, впрочем, не всегда соблюдались, так, например, некоторые геральдисты давали маркизам только девять решетин, графам и виконтам — семь, баронам — пять и простым дворянам — три.

Англичане имеют сходную систему, а именно: для королей и герцогов — прямо поставленный решетчатый шлем, для пэров ниже герцога — таковой же в профиль, для рыцаря — шлем с забралом (*visier*) и притом поднятым и впрямь, для низшего дворянства (*esquires, gentlemen*) — закрытый шлем, в профиль.

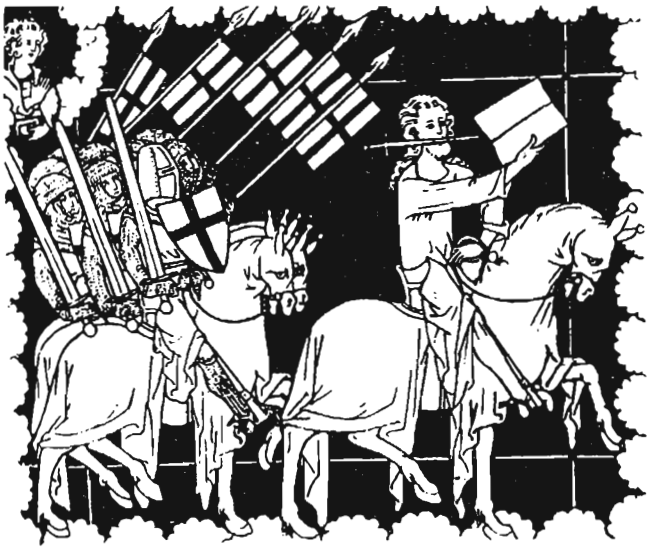
В Германии подобные искусственные и, в сущности, совершенно необоснованные геральдически системы никогда не получали распространения. Здесь с XVI века установилось практикой, что выставлявшийся при турнирах для осмотра (*zur Schau*) решетчатый шлем приличествует исключительно дворянству, тогда как в гербах горожан (*bürgerliche Wappen*) может применяться лишь копьевый, закрытый шлем (*geschlossener Stechhelm*). Этим последним по желанию могут пользоваться, впрочем, и дворяне.

Древнее немецкое дворянство пользовалось шлемами на гербах для означения числа феодальных владений и количества голосов, которым пользовался в собраниях владелец герба так, например, Брауншвейг-Вольфенбюттель имел пять шлемов на своем гербе, княжество Ангальт — семь, маркграфство Бранденбург — девять шлемов и т. д.

Рыцарские шлемы во Франции и Англии почти совершенно вышли из употребления, причем наполеоновская геральдика на их место ввела *береты* со страусовыми перьями или так называемые токи (*Barettes, toques*), удержавшиеся в гербах недолго. В Англии, взамен шлема, обыкновенно помещают над гербом свободно висящим так называемый *бурелет*, или *венчик*

(*bourrelet, tortil*, немецк. *Wulst*), с основной гербовой фигурой в виде нашлемного украшения.

В наших современных русских гербах употребляются лишь два рода шлемов: западноевропейский (турнирный) и древнеславянскнй. На последний имеют право только фамилии, принадлежащие к древнему русскому дворянству. В герба фамилий восточного происхождения помещается иногда восточный шишак. В нашей геральдике была сделана попытка лицам, получившим дворянство по чину или ордену, давать в гербе шлем, обращенный вправо, а решетины шлемов титулованных лиц украшать узором.



Лекция XVI

Нашлемник или шлемовый клейнод. Его происхождение. Главные формы клейнода и способ его изображения. Шлемовый намет и его развитие в гербах.

Нашлемником называется помещенная на шлеме (реже отдельно от него) пластически изображенная гербовая фигура, которая этим самым дает шлему признак гербового. Такое украшение шлема (*Helmschmuck*) в немецкой геральдике называется также *шлемовым клейнодом* (*Helmkleinod*) или, по месту, занимаемому им на шлеме, а именно на гребне его навершием (*Cimier*). Оно обыкновенно устанавливает геральдическую связь между шлемом и гербовой фигурой, находящейся в щите, и нередко служит к лучшему уяснению этой последней.

Уже с древнейших времен мы находим обычай у воинов всех стран украшать голову фантастическими предметами, чтобы казаться более страшными врагам, а также для придания себе более воинственного вида. Предание приписывает Геркулесу ношение в виде подобного головного украшения головы Немейского льва, которое переходило и к его потомкам Гераклидам. Александр Великий, провозгласивший себя сыном Юпитера Аммона, также носил на голове изображение льва, а Пирр, царь Эпира, избрал таким украшением два козлиных рога. Диодор Сицилийский сообщает в своей истории, что египетские цари носили нашлемники в виде головы льва, быка или дракона. Подобный же обычай существовал и в Средние века, когда рыцари стали украшать свои шлемы на турнирах всевозможными геральдическими эмблемами, в числе таковых употреблялись на шлемах перья, крылья птиц, фигуры животных и всевозможных чудовищ и т. п. Нашлемник в те времена часто

служил условным знаком между рыцарем и его дамой, по которому иногда только она одна могла узнавать его на турнире. Таким образом, они первоначально не были наследственными, а еще изменялись по желанию, впрочем, встречаются и в древнейший период геральдики нашлемники родовые, как, например, рога у герцогов Брстанских. Особенное распространение подобные украшения шлема получили в Германии, где они являются поэтому и наиболее геральдически разработанными. В немецкой геральдике принято, что всякий гербовый шлем должен непременно иметь нашлемник, который составляет существенную его принадлежность во всяком наследственном гербе.

Геральдический клейнод находится в большинстве случаев в соответствии со щитом и его фигурами, как в отношении тинктур, так и по своему очертанию, и с весьма ранней эпохи приобрел характер особого рыцарского знака отличия, сохранявшегося в роде.

Шлемовые украшения, или клейноды, появились одновременно с геральдическими шлемами (первоначально горшковидными) в XIII веке[1]. В прежнее время иногда самый шлем расписывался в красках гербовой фигурой, что должно почитаться началом клейнода, который впоследствии стал воспроизводиться пластически (из кожи, дерева или жести), представляя действительную фигуру, носимую на шлеме. Поэтому, клейнодами являются чаще всего обыкновенные фигуры, естественные или искусственные, представленные в гербовом щите. Когда же в гербе находятся геральдические фигуры, то таковые в клейноде повторяются на особых дощечках (*Bretter*) или на крыльях (*Flügel*) и т. п., помещаемых на шлеме; это так называемые *вспомогательные клейноды* (*Hilfskeinode*). Человеческие и звериные фигуры часто изображаются неполными, лишь

[1] Древнейшими шлемовыми украшениями немецких рыцарей были орлиные крылья, бычьи рога, ветви липы и т. п., каковые бывали и естественными, и искусственными. В Германии нашлемники лишь со второй половины XIV века становятся наследственными и одинаковыми в одной фамилии или же в одной ветви рода (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

наполовину, как бы вырастающими из шлема, но иногда и целыми, независимо от того, представлена ли та же фигура в гербовом щите полной или урезанной. Но цвет, положение и принадлежности фигуры в щите и на клейноде должны быть всегда совершенно одинаковыми. Впрочем, встречаются и самостоятельные клейноды, которые не повторяют щитовой фигуры, но, однако, в большинстве случаев, соответствуют ей по тинктурам.

Клейноды, по правилу, имеют главные цвета щита, положение же их согласуется со шлемом и должно быть изображаемо так, как оно было бы в действительности в те времена, когда шлем на самом деле носился со своим клейнодом рыцарями.

Главные употребительные формы самостоятельных и вспомогательных клейнодов суть следующие:

1) *рога* (*Hörner*),

2) *Крылья* (*Flüge, vols*),

3) *щитовые доски* (*Schirmbretter*),

4) *шляпы* (*Hüte*),

5) *перья, пучки перьев* (*Federköcher*) и *флаги*,

6) *человеческие и звериные фигуры*.

Рога всегда встречаются парами и выступающими по обе стороны шлема. Формой своей они или напоминают воловьи, имеющие один изгиб в форме полумесяца или же с двумя изгибами, т. е. искривленные, наподобие больших бычьих рогов. Древнейшая из этих форм первая, т. е. серпообразная, кончающаяся острием, подобно воловьим

рогам (рис. 1). К концу XIV века они становятся больше, с двумя изгибами, и притом отпиленными на концах (*abgesägt*), рис. 2, откуда в XV веке произошли так называемые *открытые рога* (*offene Hörner*), которые имеют расширяющееся устье кольцеобразной формы. Это дает им сходство с охотничьими рогами (*Blashörner*), снабженными мундштуком (рис. 3). Следует заметить, что рога дикого быка, или зубра, составляли весьма любимое головное украшение еще у древних германцев, через которые они старались придать себе воинственный, устрашающий вид.

Некоторыми геральдистами совершенно ошибочно заостренные рога считались за клыки кабанов или слонов, открытые рога, т. е. с отверстиями на конце (*Mindlöcher*), каковую форму они получают в эпоху упадка геральдики — *слоновыми хоботами* (*proboscides*), *дудками* (*chalumeaux*), *охотничьими рогами* (*cors de chasse*) или даже *рогами изобилия* (*Füllhorn*). Опровержение таковых ошибочных толкований можно видеть уже в том, что встречаются в старину рядом с бычьими рогами в нашлемнике также и уши этих животных. Впрочем, формы рогов, как заостренные и серповидные, так и изогнутые, открытые и т. п., все одинаково геральдичны.

Нередко такие рога в нашлемнике украшались всаженными в них так называемыми *листовыми стеблями*, иногда *трилистника* (*Blätter- oder Kleestengel*) — в виде концентрически воткнутых палочек с сердцевидным, липовым или клеверным листком на концах и увешанных небольшими бубенцами, которые при движении звенели (рис. 1). Павлиньи перья (иногда полные хвосты — *Pfauenspiegel*) также применялись в виде украшения рогов на шлеме с подобными же бубенцами. В отверстия открытых рогов нередко втыкались ветви, цветы, перья и т. п.

Рога клейнода получают обыкновенно, согласно упомянутому нами правилу, главные тинктуры щита, поэтому они встречаются то с поперечными полосками разных цветов, то с шахматным или ромбовидным рисунком, то покрытыми беличьим

мехом (*Feh*) и т. п. Когда пояса имеются в гербовом щите, тогда и рога клейнода получают таковые же (рис. 2) и являются, таким образом, вспомогательными клейнодами. Впрочем, вместе с рогами встречается в нашлемнике часто и обыкновенная фигура (повторяющаяся и в щите), подобный клейнод помещается между двумя рогами, например, сидящий лев или собака, охотничий рог и т. п. (рис. 3). Изображаются также иногда рога козла (*Steinbock*), оленя и единорога, хотя гораздо реже вышеупомянутых. Из них рог единорога встречается несколько изогнутым назад и зазубренным. Этот последний род рогов относится к *самостоятельным* клейнодам, на которых редко повторяются гербовые фигуры щита.

Геральдические крылья суть искусственно воспроизведенные (из кожи, жести, картона и т. п.), но не действительно существующие орлиные крылья, как парные, так называемый *лёт* (*Flug*), так и одиночные (крыло, или *полулёт* — *Halbflug*). В первом случае они или расположены по обе стороны шлема распростертыми (рис. 4), что называется *открытым лётом* (*offener Flug*) — положение при прямостоящем шлеме (*en face*), или же параллельно друг к другу, с острыми концами, обращенными назад (рис. 5). Это последнее положение встречается при шлеме, изображенном в профиль, такой лёт называется *закрытым* (*geschlossener Flug*). Крылья всегда укреплены на теменной части шлема, как бы вырастают из него, одно крыло, или полулёт, ставится также на верхнюю часть или гребень шлема (рис. 6). Разница между открытым и закрытым лётом является геральдически несущественной, так как зависит от положения шлема.

Форма крыльев более или менее близка к естественной. На древнейших, горшковидных, шлемах она изображалась в более строгом стиле (рис. 4), часто в виде усаженных отдельными перьями дощечек или брусков (*Leisten*), рис. 6, или же *рогов* иногда также в виде досок, имеющих очертание крыльев, которые впоследствии стали изображаться более сходными с природой (рис. 5. 7).

Крылья нашлемника обыкновенно получают окраску, соответствующую тинктурам щита, или же на них помещаются щитовые фигуры (рис. 5), они также, подобно рогам, украшаются листовыми стеблями, небольшими шарами (*Ballen*), павлиньими хвостами, страусовыми перьями и т. д., и между ними, кроме того, помещается часто также обыкновенная гербовая фигура в виде пластически представленного клейнода.

Рис. 5

Щитовые доски (*Schirmbretter*) суть круглые шайбы или угловатые (обыкновенно шестиугольные), вызубренные веерообразные доски, которые укрепляются на шлеме в стоячем положении. Это, в сущности, род вспомогательных клейнодов, на которых повторяются фигуры гербового щита, а иногда и весь щит. Края или углы этих досок обыкновенно бывают украшены шариками, бубенцами, кистями, павлиньими перьями и т. п., а иногда ставятся на особую подушку, покоящуюся на шлеме (рис. 8), они особенно удобны для изображения на них гербовых фигур.

Рис. 6

Рис. 7

Форма головных уборов (шляп), употребляющихся в виде нашлемников, бывает весьма различная. Древнейшая из таковых есть низкая, с широкими полями, боевая шапка (*Sturmhut*), обыкновенно с закругленной верхушкой (так называемая *Kappe*), позднее встречается обыкновенно шляпа с отворотами (*Stulphut*), она имеет высокую, острую форму и отвороты другого цвета. Эти последние часто заменяются короной из листьев (т. е. с листовидными зубцами), а верхушку шляпы украшают пучки перьев, шарики,

Рис. 8

Рис. 9

цветы, коронки, ленты и т. п. (рис. 9). В виде нашлемников встречаются также иногда епископские митры. Так как на подобного рода головных уборах весьма удобно помешать гербовые фигуры щита, то их можно также рассматривать как вспомогательные клейноды. Фигуры могут быть помещаемы как на самой шляпе, так и на отворотах ее, особенно часто встречаются отвороты, обложенные розами, фузеями и т. п. Совершенно своеобразный клейнод, употребляющийся исключительно как вспомогательный, представляет в немецких гербах так называемый *кошелеобразный нашлемник* (*Beutelstand*) — это есть надетый на верхнюю часть шлема стоячий колпак, кончающийся кверху двумя острыми концами, которые украшены кистями или перьями Этот клейнод встречается довольно редко, и притом лишь в древнейшее время в особенности на *эльзасских* гербах.

Рис. 10

Рис. 11

Перья употребляются как клейнод или в отдельности, или же в пучках, из них наиболее древними являются в нашлемниках петушиные и павлиньи перья, новее — страусовые. Первые изображаются в виде пучка перьев неравной длины, укрепленных на вершинах головных уборов или же вставленные в цилиндрические влагалища, или колчаны (*Köcher*). Павлиньи перья в виде распущенного веерообразно хвоста обыкновенно изображаются выходящими из короны, с несколькими рядами так называемых павлиньих глаз. Страусовые перья сверху загнуты, расположены симметрично веером или в виде венца, иногда выходят из колчана

Рис. 12

(рис. 10). Они получают, по правилу, тинктуры щита, притом, если имеется одно перо, то оно разделяется цветами или же получает металлическую тинктуру щита.

Колчаны, в которые вставлены перья нашлемника, имеют обыкновенно цилиндрическую форму и весьма удобны для изображения на них в красках гербовых фигур (рис. 10), они часто бывают весьма удлиненными и тонкими, напоминая своей формой столбы или жезлы. Изображать перья выходящими непосредственно из шлема неизящно, и в то же время не соответствует правилам геральдики. Если не применено такого колчана, то перья должны выходить, по крайней мере, из помещенной на шлеме короны.

Флаги на шлемах изображаются лишь в малом виде, подобно вымпелам или по одному, или же по нескольку вместе. В последнем случае их бывает обыкновенно поровну с каждой стороны, и в наклонном положении, вправо и влево по цвету флаги должны согласоватся с тинктурами щита, а изображенные на каждом из них фигуры — обращены в сторону древка.

Человеческие и *звериные фигуры* представляют весьма излюбленный и особенно красивый и оригинальный вид шлемового украшения. Они изображаются в виде пластических фигур на вершине шлема, как бы вырастающими из него, и притом одним из четырех следующих способов:

1) *Отдельными частями тела*, особенно головы: мужские, женские и звериные (рис. 11), также руки (рис. 12), кисти рук,

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

ноги (рис. 13), в особенности часто в более древних гербах.

2) *Туловищами* (*Rümpfe*) или *бюстами* (с конца XIV века), т. е. голова с верхней частью тела (причем шея и грудь изображаются иногда в преувеличенно удлиненном виде), но без рук или передних ног (у зверей), рис. 14—17. Такие неполные фигуры изображаются обыкновенно обращенными несколько вверх, с отогнутой назад шеей, мужские — обыкновенно бородатыми и во всевозможных головных уборах, женские — с сильно развитой грудью, красивыми плетениями волос и косами, которые часто бывают оттянуты назад в прямую линию (рис. 15). Эти бюсты бывают облачены или в шлемовый намет (*Helmdecke*), которые рисуют развевающимся внизу, или же в костюм эпохи, и притом с различными фантастическими и необычайными головными уборами. Так, например, встречаются человеческие головы с оленьими рогами, клювом аиста вместо носа, ослиными ушами и т. п. чудовищные образы. Из фигур животных особенно часто встречаются орел, лев, собака (рис. 17), лебедь, единорог, гриф. Подобные неполные фигуры служат также для повторения на них гербовых фигур щита (в особенности геральдических); иногда им придавали вместо рук другие фигуры, например, рога (рис. 16), крылья, розы (рис. 12). рыб и т. п., которые находились в соответствии с щитовыми.

3) *Вырастающими* (*wachsend*), т. е. видимыми до половины туловища или далее, в

виде полуфигур, с руками или передними ногами. Хотя таковые встречаются лишь в более позднее время, но они еще принадлежат к хорошей эпохе геральдики (рис. 18, 19). Украшения их сходствуют с предыдущими (туловищ), отличаясь от них только большей близостью к природе (естественностью), а также наличностью рук (или передних ног). Звериные фигуры нередко украшались орнаментом в виде фантастического гребня на спине, как, например, вырастающая пантера на рис. 19.

4) *Полными* человеческими или звериными фигурами, в различных положениях, соответственно тому, как они изображены в щите. Звериные фигуры изображаются на шлеме обыкновенно сидящими (рис. 3).

Кроме упомянутых, существует, конечно, еще бесчисленное множество клейнодов, или нашлемников, так как обыкновенные гербовые фигуры, как естественные, так и искусственные, весьма часто служат таковыми и помещаются на шлемах. Так, например, на шлемовом клейноде нюрнбергского патриция *Зебальда Гейера* мы видим поставленную на камнях ступку (*Mörser*), рис. 20. Но и в этом случае, подобно тому как при выборе гербовых фигур, следует соблюдать рыцарско-геральдический стиль, избегая слишком современных форм в изображаемых на шлеме эмблемах[2].

Геральдическая лилия, служившая также в древнее время шлемовым клейнодом, получала при этом форму двух неполных лилий, или клев, соединенных накрест. Когда подобная фигура помещалась на действительном шлеме, то устраивалась иногда подвижной, наподобие флюгера, и могла вертеться по ветру (рис. 21).

В заключений скажем несколько слов о геральдическом значении шлемового украшения, или клейнода.

Клейнод, как уже было сказано, не всегда является повторением гербовой фигуры щита и даже весьма часто не имеет вовсе

[2] До 50-ых годов прошлого столетия у нас, в России, существовал обычай в нашлемнике дворянских гербов помещать *три страусовых пера* (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Рис. 21

Рис. 22

никакого отношения и соответствия с последней. Но, тем не менее, основным правилом все же остается, что клейнод есть повторение гербовой фигуры в ее главнейших очертаниях и цветах.

Нередко в Германии помещали над гербовым щитом одной фамилии клейнодный шлем другого герба, когда этот последний приобретался через брачный союз, наследство или покупку земельной собственности, при этом щит одного герба соединялся с клейнодом другого в один герб. Случалось и так, что фамилия принимала новоприобретенный гербовый щит, сохраняя при нем свой прежний родовой клейнод. Также бывают случаи, что клейнод происходит от ранее употреблявшегося герба, тогда как гербовая фигура в щите была принята в позднейшее время, или же различные ветви одной фамилии, имеющие общий герб, принимают для различия разные клейноды. Наконец, нашлемник в виде клейнодной фигуры жаловался иногда как отличие, например, в наших гербах — императорский орел, а в немецких — орел Германский или Священной Римской империи. В Германии клейноды служили также иногда в прежнее время признаками известной должности или звания, так, например, голова собаки на шлеме обозначала судью по охотничьим тяжбам, павлин — турнирного короля, епископская митра — попечительство над духовными учреждениями и монастырями. Отсюда и произошли нашлемные фигуры, не повторяющиеся в соединенных с ними

гербовых щитах. В так называемых *гласных гербах* (*redende Wappen, armes parlantes*) нередко следует искать соответствия с именем владельца не в щите, а в клейноде.

Нередко бывает, что кленнод герба, приобретенного через брак, наследство или покупку имения, присоединяют к родовому, помещая оба на одном и том же шлеме, или же, когда два герба соединены в одном щите, то шлем украшается клейнодами обоих. В немецкой геральдике, по правилу, шлем и клейнод всегда бывают неразрывно связаны в одно целое и последний никогда не является свободно висящим или помещенном на венчике (*bourrelet*), как это часто имеет место в английских гербах. Встречаются случаи, где шлем совершенно покрыт нашлемником, наподобие чехла, причем шлемный намет совершенно отсутствует таков, например, древний герб фамилии *Лангшаден фон Штейнах*, помещенный в Цюрихском гербовнике, где изображения волосатой личины (так называемой *чертовой хари — Teufelsfratze*), совершенно покрывает собой шлем (рис 22).

Во времена живой геральдики нашлемники изготовлялись из кожи, дерева, картона, жести,плетения или из напитанного клеем, с примесью мела, холста, сукна (на шляпах) и т. п. Они укреплялись на шлемах или непосредственно посредством шнурков, винтов, ушек с просовывавшимися через них чеками (для чего на сохранившихся подлинных шлемах имеются отверстия) или же посредством особого венчика, обруча или повязки, плотно их прихватывавших к шлему. Подобного рода соединениями шлема с клейнодом, или подставками, служат обыкновенно:

1. *Шлемовые короны* (*Helmkronen*), каковые не следует смешивать с коронами различных достоинств дворянства, о которых речь будет ниже. Эти короны нашлемников суть малые венчики простейшей формы, по правилу, с четырьмя зубцами в виде листьев, трилистников или геральдических лилий. Они представляют как бы нижнее окаймление выходящего из них клейнода (рис. 7, 13, 19). Эти короны на дворянских шлемах

первоначально являлись знаком отличия, но впоследствии стали заурядным украшением шлема, хотя и не составляют вовсе необходимой его принадлежности.

2. *Венчики*, или *бурелеты* (*Wulste, bourrelets*), *буфы* (*Bauscher*) и *повязки* — из них первые подобны венкам или кольцам, скрученным из полос материй, имеющих тинктуры щита, иногда они бывают также свитыми из цельного головного покрывала и обвязаны цветными лентами с развевающимися концами (рис. 20).

3. *Подушки* (*Kissen*) четвероугольной формы, наложенные на шлем плашмя (рис. 8) и имеющие по углам кисти.

4. *Намёты* или шлемовые покровы (*Helmdecken*) — они являются самым обычным и распространенным в геральдике связующим звеном между шлемом и его клейнодом, а также и гербовым щитом. Поэтому мы остановимся на их рассмотрении несколько подробнее.

Намёт есть покрывающая шлем сверху ткань, свешивающаяся в виде небольшого плаща (*Mäntelchen, mantelet*). В различные эпохи геральдики намет получает разнообразные очертания. Мы уже говорили раньше (*стр. 37*) о первоначальном происхождении шлемового покрова, или намёта, имевшего целью умерять действие палящих лучей солнца, падавших на отчищенную сталь рыцарского шлема, а также на затылок и шею[3]. Впоследствии намёты стали также употребляться в виде украшения, и действительно, подобное, развевавшееся по ветру покрывало, накинутое сверх массивного и тяжелого шлема, могло представлять в конном бою и на турнире весьма красивую картину. Намёты появляются с XIV века одновременно с кадочным шлемом, при этом следует заметить, что тесьмы имеющиеся на нижней части горшковидных шлемов XIII века, служили, по-видимому, для привязывания таковых у подбородка и поэтому не могут рассматриваться как намёты (рис. 4). В XIV веке намёты появляются на шлемах уже в виде небольших плащиков,

[3] И в нынешнее время у военных с этой же целью применяются летом так называемые назатыльники (*Genicktücher*) (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

живописно и симметрично расположенных и образующих складки (рис. 2), или же с развевающимися концами (рис. 3). Подобные плащи, первоначально небольшого размера, а затем и более значительного, иногда тесно охватывали шлем (рис. 17), сливаясь с клейнодами в одну фигуру. В особенности при человеческих туловищах намёты представляют лишь нижний, свешивающийся край их одежд (рис. 14—18), край этот, подобно одеяниям тех времен, вырезывался обыкновенно в виде листьев, фестонов или зубцов (рис. 8, 13). Иногда таковые обшивались бахромой, кистями или бубенцами.

Мы уже упоминали (стр. 41) о том, откуда могли произойти намёты в виде узких клочьев или полос материи (*lambrequin*). В немецкой геральдике подобные намёты назывались *gezaddelte Decken*, и окончательная художественная их форма начинает вырабатываться в геральдике со второй половины XV века (рис. 7, 19). Из длинных листовидных лент они постепенно переходят в курчавые и заостренные в виде арабесок завитки, которые в самых причудливых очертаниях часто охватывают весь гербовый щит. В XVI веке в особенности намёты уже вполне изменяют свой первоначальный вид плащиков на подобный *листовидный орнамент* (*Laubornament*) наподобие листьев *аканта*, в котором отражается художественный вкус или стиль эпохи. Древние мастера (граверы и живописцы) в этом геральдическом орнаменте проявляли необыкновенное разнообразие форм, давая полный простор своей художественной фантазии. Стоит только заглянуть в один из гербовников XVI века, как, например, *Юста Аммана*, чтобы убедиться в этом: между бесчисленным множеством гербов едва ли найдется два совершенно сходных между собой по орнаменту.

Намёты в подобной стильной форме, которые действительно еще носились на турнирных шлемах XV и XVI столетий, также изготовлялись из кожи, твердого холста, жести и т. п. По геральдическому правилу, внешняя и внутренняя сторона (*подкладка — das Futter*) шлемового намёта должны быть различного цвета, и притом им обеим даются обыкновенно тинктуры щита, а так

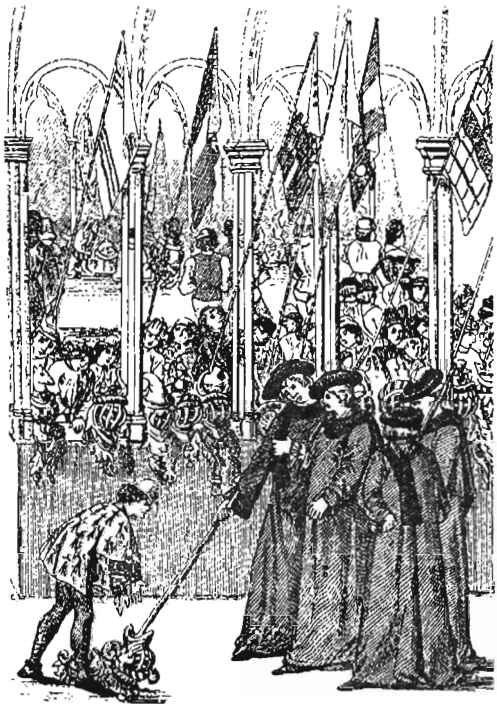
как на последнем финифть и металл чередуются, то и намёт получает финифть и металл, и притом обыкновенно металл внутри, а финифть снаружи (хотя последнее правило не постоянное). Когда гербовая фигура в щите имеет натуральный цвет, который, следовательно, не может быть применен к намёту, то для последнего избирается наиболее подходящий ее фигуре геральдический цвет. Когда нашлемник, или клейнод, непосредственно связан с намётом, то цвет первого распространяется и на намёт (рис. 17, 18). Намёты бывают также из горностаевого и беличьего мехов (рис. 6) или же покрываются иногда щитовыми фигурами посредством отдельных вшивок, как, например, ромбами, фузеями, шахматным делениям, железными шапочками, а иногда бывают усеяны таковыми (например, лилиями, липовыми листьями, звездами, сердцами). Впрочем, последний способ украшения намёта применяется чаще в английской геральдике.

Следует заметить здесь, что геральдике не известно правило, по которому тинктуры намёта должны быть согласованы с таковыми же в гербовом щите. Из лучшей эпохи древней геральдики мы знаем достаточно примеров, где это вовсе не имеет места. «Впервые, — говорит *Sacken*, — современная *канцелярская* геральдика присоединила к прочим своим, весьма сомнительным и не выдерживающим научной критики правилам и это — о согласовании тинктур щита и намёта».

При двух или более шлемах, помещенных на одном щите, каждый шлем должен иметь свой особый намет, и считается вообще недопустимым распространять один намет на несколько шлемов. Когда желают поместить на одном намёте четыре цвета одного или двух соединенных гербов, то разделяют намёт линией, опущенной от середины шлема вниз, на две половины и дают правой стороне намёта тинктуры более почетного щита (или полей), а левой — другого.

При изображении намёта следует согласовать таковой по стилю с помещенным на гербе шлемом, так, к кадочному шлему подходящим является намёт в виде небольшого плаща или покрывала, с простым или вырезанным зубцами краем. Вычурный

намёт в листовидном орнаментальном стиле подходит только к копьевому шлему или, еще лучше, к позднейшему турнирному решетчатому шлему, употреблявшемуся в те времена, когда орнаментальные наметы вошли в обычай[4].



[4] Во французской геральдике намёты (*lambrequins*) получают различные наименования. Они именуются *volets*, когда ткань изрезана и развевается по ветру, *capeline*, когда они имеют вид капюшона, *mantelet*, когда напоминают небольшой плащ, и *hachements*, когда они висят клочьями в виде лент. Их называют также *feuillards, acanthes, panaches, plumages* и т. д., по их сходству с листьями или с перьями. В *наполеоновской* геральдике намёты изображались исключительно металлических тинктур, т. е. золотыми или серебряными, что совершенно негеральдично (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Лекция XVII

Геральдические знаки достоинств и званий: короны, головные уборы, отличительные знаки званий и орденские знаки. Описание главнейших типов корон различных государств и степеней и дворянства

Короной называется головное украшение, служащее символом верховной власти и господства. С древнейших времен корона являлась признаком высшего священного сана и состояла из венца (обруча) или диадемы, сделанных из драгоценного металла, которые носились в виде головного убора первосвященниками. Подражая им, и цари древности носили короны, соединяя в своем лице нередко и духовную власть. Библия повествует, что первый еврейский царь Саул, носил корону, а за ним и его преемники. Подобный обычай существовал и у других народов древности. На древнеперсидских памятниках мы видим изображения царей с коронами в виде закрытых шапок на головах. У персов и царицы носили короны, как, например, сообщается об Эсфири в Библии. Гомер в «Илиаде» упоминает о коронах царей, участвовавших в Троянской войне, а Вергилий в «Энеиде» — о короне царя Латина. По словам Диодора Сицилийского, шлем Александра Македонского был украшен золотым венцом. В римскую эпоху мы встречаем на монетах несколько типов корон, которые носились римскими императорами, а именно в виде лаврового венка или же украшенную драгоценными камнями и жемчугом, или наподобие шапки, или, наконец, в виде обруча с острыми зубцами, расходящимися в виде радиусов. Византийские императоры приняли восточную форму короны, в виде закрытой сверху диадемы. Подобные же типы корон, имевших вид обруча или же закрытой шапки с навершием, встречаются и в Западной Европе в Средние века, например, у Меровингов.

Карл Великий носил закрытую корону, наподобие митры, с державным яблоком и крестом наверху. Впоследствии Капетинги во Франции стали носить открытую корону из золота в виде обруча с драгоценными камнями, которая со времени Филиппа Валуа получила украшения в виде лилий.

По примеру государей Западной Европы и представители герцогских, княжеских и других титулованных фамилий в феодальную эпоху стали носить в торжественных случаях головные украшения в виде корон. В древней геральдике, однако, мы вовсе не встречаем применения подобных отличительных знаков сана или достоинства, и таковые появляются лишь в новейшее время под влиянием усилившегося вкуса дополнять гербы всевозможными украшениями. Ближайшей целью этого нововведения, появившегося не ранее XVII века, было дать геральдическое выражение различным степеням дворянства, а также другим почетным званиям и отличиям в их гербах. Это достигалось через помещение на гербовом щите вместо шлема, короны или другого головного убора, или же через изображение особых знаков отличия, принадлежащих известному достоинству или званию, возле щита (позади или вокруг него). Отсюда получили применение в геральдике в первом случае: 1) *короны достоинств, или степеней,* 2) *шляпы и др. головные уборы*; а во втором: 3) *жезлы и т. п. эмблемы*, помещаемые обыкновенно позади щита, 4) *орденские знаки отличия.*

Так называемые *короны достоинства* (*Rangkronen, couronnes des degrès de noblesse*), помещаемые на головном щите вместо шлема, различаются между собой формой и украшениями, соответственно той или другой степени знатности. Корон этих не следует смешивать с упомянутыми нами выше шлемовыми коронами (*Helmkronen*), служащими соединением между шлемом и клейнодом, а также и с теми небольшими коронками, которые составляют лишь геральдическое украшение гербовых фигур щита и клейнода (например, человеческих фигур и животных). Оба эти последние вида корон не имеют в

гербах значения действительных головных уборов, в противоположность коронам достоинства.

Являясь эмблемой верховной власти, короны, строго говоря, приличествуют только лицам владетельных и княжеских родов или их потомкам, однако в настоящее время установился обычай помещать короны, взамен шлема, на всех вообще дворянских гербах. В наших русских гербах корона нетитулованного дворянства обыкновенно венчает шлем, но прежде утверждались дворянские гербы и без короны, или же корона помещалась свободно висящей над шлемом, что, впрочем, совершенно негеральдично. В наших графских и баронских гербах корона помещается на щите, кроме того, если имеется несколько шлемов, то средний также венчается такой же короной. Остальные шлемы покрываются дворянской и баронской коронами, если владелец герба имел раньше и этот титул. Княжеская шапка у нас обыкновенно помещается над мантией, но может также венчать щит или шлем. Но все эти особенности наших гербов не соответствуют основному правилу западноевропейской геральдики, по которому на щит следует помещать или шлем с его клейнодом, или же *одну только корону достоинства*, помещаемую всегда на верхнем краю гербового щита.

В геральдике между коронами достоинства выделяются в особый разряд такие, которые действительно носились или носятся и в настоящее время коронованными особами, а именно императорские, королевские и пр. (*couronnes de souveraineté*). Остановимся здесь на описании главнейших из них.

Императорская российская корона состоит из золотого венца (обруча), на котором возвышается раздвоенная сверху шарообразная шапка, также из золота, осыпанная бриллиантами, между которыми много (58) весьма крупных, и окаймленная по раздвоению двумя рядами крупных жемчужин. На раздвоении короны проходит спереди назад широкая, опирающаяся на венец дуга, на ней, вместо яблока, вверху большого размера рубин, окруженный крупными бриллиантами, а над последним — бриллиантовый же крест. Под этой дугой на венце помещены

соединенные пальмовая и лавровая ветви, листья которых распространяются по бокам короны и также осыпаны бриллиантами. Корона подбита красным бархатом она была изготовлена по заказу императрицы Екатерины II ювелиром Позье, а впоследствии увеличена для императора Павла I и с тех пор служит при всех священных коронованиях.

Императорская корона, хотя и несколько отличающегося от подлинника типа, изображается у нас в гербах губерний, из-за краев ее выступают ленты. В государственном гербе она увенчивает сень.

Кроме императорской короны, которой увенчивается Российский государственный герб, в этом последнем являются еще особого вида короны на следующих девяти гербовых щитах отдельных частей империи, помещаемых вокруг государственного герба:

1) *Шапка Мономахова*, по преданию, прислана была в 988 году византийскими императорами Василием и Константином Великому князю Владимиру. Она состоит из восьми золотых отделанных сканью (т. е. филиграном) пластинок, украшенных драгоценными камнями, и увенчана прорезным яблоком и крестом с жемчужинами на четырех концах, нижняя часть ее опушена соболем. Она изображается над щитом, заключающим соединенные гербы великих княжеств *Киевского*, *Владимирского* и *Новгородского*.

2) *Казанская шапка*, сделана была в Москве по указу царя Иоанна IV Грозного для последнего казанского хана Едигера, принявшего Св. крещение под именем Симеона. Она украшена прорезными золотыми с чернью пластинками и так называемыми «городками», с драгоценными камнями и жемчугом, и увенчивает гербовый щит *Казанского* царства.

3) *Астраханская корона* символизируется богатой по своей отделке, из финифти и драгоценных камней, *золотой шапкой первого наряда царя Михаила Федоровича*, изготовленной в Москве в 1627 году, она помещается на гербе царства *Астраханского*.

4) *Корона царства Сибирского* символизируется алтабасной (парчовой) *шапкой* (третьего наряда) *царя Иоанна Алексеевича*, украшенной нашитыми на ней драгоценными запонами. Она помещается на гербе царства *Сибирского*.

5) *Корона царства Таврического* символизируется шапкой Мономаховой *второго наряда*, изготовленной по образцу древней (но без сканной отделки дощечек) для *царя Петра Алексеевича*. Она помещается на гербе царства *Таврического*.

6) *Корона царства Польского* символизируется короной *императрицы Анны Иоанновны*, напоминающей своей формой большую государственную корону, с большим рубином (лалом) и алмазным крестом наверху. Она помещается на гербе царства *Польского*.

7) *Грузинская корона* — золотая с драгоценными каменьями, состоит из восьми дужек, сходящихся под яблоком с крестом, со времени императора Павла I представляет корону царства *Грузинского* и помещается на гербе его.

8) *Корона Великого княжества Финляндского*, в действительности несуществующая, но изображаемая по Высочайшему повелению на гербах *финляндских губерний* (с двуглавым орлом на обруче).

9) *Корона* (геральдическая) на родовом гербе царствующего *Дома Романовых*.

Первые семь корон, принадлежащие к императорским регалиям, сохраняются в коронном зале Московской Оружейной палаты.

Переходим к описанию тех иностранных корон, которые представляют особенный исторический интерес.

Германская императорская корона в древней геральдике изображалась в виде так называемой *листовидной короны* (*Blätterkrone*), с одной или несколькими высокими дужками (*Bügeln*), которые рисовались довольно различно. Заслуживает внимания, что подлинная корона германских императоров вовсе не встречается в древней геральдике, и ее везде заменяет в гербах упомянутая листовидная, а в позднейшее время — так

называемая *родовая* корона (*Hauskrone*), в настоящее время эта последняя есть *австрийская* императорская корона, представленная на рис. 1. Подлинная же корона Римско-Германской империи имеет совершенно своеобразное очертание: она состоит из восьми закругленных сверху щитков, украшенных изображениями из эмали, сверху ее проходит дуга с жемчугом, увенчанная крестом. Она приписывается Карлу Великому, но, по всему вероятию, происходит из Сицилии и можно предполагать в ней греческую работу XI века, дуга на ней является позднейшей приделкой императора Конрада IV в XIII веке. Корона эта сохраняется в Венской императорской сокровищнице (*Schatzkammer*) вместе с другими регалиями Священной Римско-Германской империи.

Рис. 1

Рис. 2

Современная корона объединенной Германской империи, которую носят государи из дома Гогенцоллернов, изображена на рис. 2, она в общих чертах напоминает вышеупомянутую древнюю корону Римско-Германской империи, хотя отличается от последней в подробностях. На рис. 3 представлена корона германской императрицы.

Рис. 3

Относительно королевских корон следует сказать, что до XV столетия они имели преобладающую форму в виде головного обруча, украшенного драгоценными камнями, по верхнему краю которого имелись небольшие зубцы в виде листьев, лилий или жемчужин. Кроме того, они имели часто пурпуровый подбой или, вернее, шапку, охваченную головным обручем. Уже позднее

Рис. 4

Рис. 5

они были дополнены несколькими скрещивающимися дужками, на пересечении которых находится увенчивающее корону яблоко с крестом. Подобные короны носят название *закрытых*, или *дугообразных* (*geschlossene oder Spangenkronen*).

Между таковыми выделяются своей оригинальной формой, отличающейся от обыкновенной, королевские короны *Англии* (рис. 4), *Венгрии* (рис. 5), *Богемии* (Чешская), рис. 6, и, наконец, совершенно своеобразная так называемая *железная Ломбардская* корона. Обычной же формой королевской короны, которой пользуются также в Германии великие герцоги, а иногда и князья, является корона с семью и восьмью дужками (из которых пять видимых), представленная на рис. 7.

Рис. 6

Рис. 7

Великобританская (английская) корона имеет четыре дужки накрест, и на каждой из них, при соединении с обручем, уширенный крест, а в промежутках между крестами, по обручу,— лилии.

Венгерская корона *Св. Стефана*, одна из древнейших, относится к X или XI веку и представляет диадему, украшенную по обручу нешлифованными драгоценными камнями, которые чередуются с древними финифтными изображениями (XI века). Над обручем возвышаются с передней стороны короны девять чередующихся полукруглых и заостренных щитков с финифтью и две плоских, изукрашенных ей же, дужки (X века).

Рис. 8

Чешская, так называемая корона *Св. Вячеслава*, отличается своими четырьмя весьма

крупными лилиями, помещенными на обруче, ее венчает крест, укрепленный на дужках. Корона эта относится к XIV веку.

Тосканская (великогерцогская *флорентийская*) корона состоит из остроконечных зубцов, имеющих на концах (через один) лилии. Спереди и сзади короны находится по большой раскрытой (*флорентийской*) лилии, она не имеет дужек и, следовательно, есть открытая корона.

Ломбардская, или так называемая *железная*, *корона* представляет украшенный эмалью и драгоценными камнями обруч из тонкого золота, без зубцов, внутри его вделан другой, железный обруч, по преданию, сделанный из гвоздя от животворящего креста Господня. Первоначально эта корона, относящаяся к VIII веку, не была предназначена для надевания на голову, но впоследствии ее стали носить ломбардские короли. Корона эта хранится издавна в соборе города Монцы, в северной Италии. В Средние века ей короновались императоры германские с принятием титула королей Италии, так же поступали и австрийские императоры, и Наполеон I, короновавшийся железной короной в Милане.

Во *Франции* короны королей несколько раз изменяли свою форму. Королевская корона, состоявшая из обруча с зубцами в виде лилий, была открытой до Карла VIII[1], который изменил ее в закрытую. Эта последняя форма установлена, впрочем, только при Генрихе II[2], она имела тогда восемь дужек, по числу лилий на обруче, и увенчивалась большой двойной лилией. На короне дофина (наследного принца) четыре дужки образованы были из фигур дельфинов, соединенных хвостами в одно навершие, у прочих принцев Франции короны не имели вовсе дужек.

Наполеоновская императорская корона имела на обруче одноглавых орлов, крылья которых подняты были кверху, между дужками ее, и увенчивалась яблоком с крестом.

Так называемые короны достоинства (*Rangkronen*), применяемые в современной геральдике для различия титулованного и

[1] Карл VIII (1470–1498) – французский король с 1483 г.
[2] Генрих II (1519–1559) – французский король с 1547 г.

простого дворянства, не принадлежат, конечно, к действительно существующим, а лишь к геральдическим. Они состоят из обручей, украшенных драгоценными камнями (обыкновенно на них чередуются рубины и изумруды в круглой и квадратной оправе) с листовидными и жемчужными зубцами. В различных государствах Европы формы их неодинаковы и не существует одной, общей для всех стран. В Германии в новейшее время принята следующая [система]:

Рис. 9

1) *Графы* имеют корону с девятью шариками или крупными жемчужинами (видимыми), рис. 8. Подобная же графская корона применяется также и во французской, и русской геральдике.

Рис. 10

2) *Фрейгерры* (потомственные бароны) имеют корону с семью жемчужинами (рис. 9). Во французской и следующей ей в этом русской геральдике баронская корона состоит из золотого обруча, обвитого шесть раз жемчужной нитью, реже употребляется корона с семью жемчужинами, как у немцев.

Рис. 11

3) *Рыцари* и *дворяне* имеют пять (видимых) жемчужин или три листовидных зубца, а между ними два зубца с жемчужинами (рис. 10). Таким образом дворянская корона изображается и у нас.

Рис. 12

Во французской геральдике существуют еще специальные короны для *маркизов*, *виконтов* и *видамов* (бывших вассалов духовных феодалов). Корона маркиза имеет три листовидных зубца, а между ними — по одному зубцу с насаженными на нем тремя жемчужинами, в виде трилистника,

на короне виконта три большие жемчужины и, наконец, *видамы* имеют вместо зубцов, три лапчатых креста.

Короны достоинства *английского* дворянства имеют своеобразные формы, все они не имеют сверху дужек, но отличаются выступающей сверх обруча шапкой с кистью наверху, а снизу опушены горностаем. Они действительно носятся высшим дворянством (пэрами) при некоторых особо торжественных придворных церемониях[3].

* * *

Перейдем теперь к другим головным уборам, применяемым в западно-европейской геральдике *шапкам* и *шляпам* разного рода. Они бывают или *светские*, которыми пользуются *курфюрсты*, *герцоги* и *князья*[4], или *духовные*, употребляемые высшим духовенством.

Герцогские и княжеские шапки первоначально были головными уборами из пурпура, подбитого горностаем, причем последний отворачивался кверху, образуя опушку, обрезанную в виде фестонов, полукруглых или заостренных (*Stulp*). Уже позднее над этой опушкой стали прикреплять украшенные жемчугом дужки, причем *шапка курфюрста* имела таковых пять (видимых) и на вершине, вместо первоначального горностаевого хвостика, державное яблоко (рис. 11).

---

[3] Так называемые *башенные*, или *городские*, *короны* — новейшего происхождения*. Они применяются в гербах городов и изображаются как бы сделанными из стен с зубцами или башнями. В наших городских гербах они введены с 1857 г. и бывают золотыми в гербах губернских городов и серебряными — [в] уездных (червленными — посадов). Они имеют *три* видимых зубца, в западноевропейской геральдике последних бывает четыре и пять, причем зубцы изображаются иногда в виде небольших башенок. Гербы крепостей и градоначальств у нас имеют особого рода корону, увенчанную государственным орлом (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

* В русских территориальных гербах после реформы Б. В. Кёне короны указывали на ранг, историческое значение и количество жителей города. (*Прим. ред.*)

[4] Впрочем, герцоги и князья в Германии и Австрии часто также пользуются *коронами* (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Княжеская шапка имеет над опушкой из горностая обыкновенно три (видимых) дужки (рис. 12). Герцоги имеют часто вместо горностаевой опушки коронный обруч с пятью видимыми листовидными украшениями и столькими же дужками.

Австрийская эрцгерцогская шапка, с вырезанной в виде заостренных фестонов горностаевой опушкой, имеет только одну дужку, проходящую спереди назад. Она сохраняется близ Вены в монастыре *Klosterneuburg*.

Шапка венецианского дожа (рис. 13) имела форму фригийского колпака из золотой парчи, выходящего из золотого короткого обруча и обвитого одной украшенной жемчугом перевязью.

В наших *русских* гербах еще встречаются:

Горлатная шапка, которую носили в старину бояре, она делалась из меха, обыкновенно собольего или куньего (из *горла* или *дýшек*) и отличалась своей вышиной, верх ее был бархатный или парчовый.

Лейб-кампанская шапка помещается в гербах лейб-компанцев и состоит из мягкой треугольной войлочной шляпы, отороченной галуном. На передней стороне ее помещен двуглавый орел.

Чалма употребляется в гербах лиц, происходящих от мусульманских владетельных князей.

Кирасирская каска встречается в одном лишь гербе фамилии *Киреевых*, где она венчает шлем.

Главные геральдические формы духовных головных уборов в Западной Европе следующие:

1. *Папская тиара* — высокая, белая, в средней своей части несколько более выпуклая шапка, или митра, с тремя коронами (с начала XIV века), а именно: одной внизу, другой в середине и третьей ближе к вершине, которую увенчивает державное яблоко с крестом, две ленты свешиваются по обеим ее сторонам (рис. 14). Тиара пап называется иногда *Regnum*.

2. *Епископская шапка* (*Bischofsmütze, Inful, Mitra*), носимая архиепископами, епископами и некоторыми старейшими аббатами католической церкви (также и епископами англиканской) как знак их сана представляет митру в виде ладьи (*schiffartig*),

образующей кверху два острых конца. В старину она имела более треугольную форму и была ниже, позднее стала выше и в середине несколько шире. Обыкновенно она окаймляется и богато украшена по бокам жемчугом и драгоценными камнями, имеет также две свешивающиеся вниз ленты (рис. 15).

Рис. 13

Шляпы духовных лиц, католической церкви имеют низкую форму с плоским полем, по обе стороны их продеты шнуры, которые переплетаются в виде петлей и увешаны кистями (*fiocchi*), эти последние расположены в симметричных рядах по обе стороны щита. Цвет шляпы и число кистей обозначают достоинство духовного лица. Приведем здесь лишь важнейшие из таковых:

Рис. 14

1. *Кардинал* имеет *красную* шляпу с такого же цвета 15-ю кистями по каждую сторону герба, расположенными в пять рядов, как показано на рис. 16.

Рис. 15

2. *Патриарх* (католический) — *зеленую* шляпу с 15-ю такими же *fiocchi*, как и кардинал, но только зелёными же.

3. *Архиепископ* (*Erzbischof, archevêque*) — также зеленую шляпу и кисти, но последних по десять с каждой стороны.

4. *Епископ* (*Bischof, evêque*) — также зеленую шляпу с кистями, по шести на каждой стороне.

5. *Папские протонотары*[3] имеют лиловую шляпу с тремя красными кистями на каждой стороне.

Рис. 16

[3] Протонотары — служащие высокого ранга в папской канцелярии.

Эти шляпы духовных сановников обыкновенно помещаются выше герба, на котором помещены княжеская шапка, графская или другая какая-либо корона, причем шляпы эти изображаются над этими последними. Впрочем шляпы эти и в действительности носятся в торжественных случаях духовными лицами, причем они свешиваются за спиной на обоих шнурах, которые прикреплены спереди на груди.

* * *

Кроме корон и различных головных уборов существуют, как мы уже сказали, еще другие отличительные знаки сана или разных почетных званий, как, например, жезлы, мечи, ключи и т. п. Знаки эти помещают обыкновенно позади щита, располагая их так, что они всегда выступают своими видимыми концами сверху и снизу его. Главнейшие из них следующие:

1. *Два ключа*, положенных друг на друга накрест, один, золотой,— *вяжущий* и другой, серебряный,— *разрешающий*. Они изображаются обыкновенно позади, а иногда сверху фамильных гербов римских пап (рис. 14). Когда папский престол бывает временно незамещен, за смертью папы, то временно правящий за него кардинал, кроме того, применяет в своем гербе так называемую *папскую хоругвь* (*bannière*), имеющую форму открытого зонтика, почему она и называется *ombrella*, ее изображают стоящей за гербовым щитом.

2. *Епископский жезл*, или *посох* (*Krummstab, Pastorale, Pedum*), кончающийся сверху изукрашенным крючком в виде завитка. Его имеют при своих гербах архиепископы, епископы и аббаты, изображая его позади щита в стоячем или наклонном положении. В прежнее время владетельные (суверенные) духовные имперские князья в Германии имели при гербе обнаженный меч (знак отлучающей власти), перекрещивающийся с посохом (рис. 15). Часто также епископские жезлы имели форму крестов с одной или двумя перекладинами. Приоры имеют обыкновенно за щитом посох пилигрима, а вокруг него — четки с крупными шариками.

3. *Скипетр* с изображением поднятой клянущейся руки на конце (*Schwurhand, main de justice*) имели в старину французские короли, а позднее императоры, помещая его позади щита.

4. *Маршальские жезлы* — цилиндрической формы, иногда богато разукрашенные. Они помещаются еще и в настоящее время накрест, позади четыре щита в гербах маршалов. Во Франции в прежнее время государственные сановники имели при своих гербах присвоенные их сану знаки, так, например, канцлер и хранитель печати империи — два скипетра с коронами на концах, обер-камергер — два ключа, маршал — два усеянных лилиями жезла, генерал-адмирал — два якоря и т. д. В Германии курфюрсты также имели свои отличительные знаки достоинства, соответствовавший их обязанности при императорских коронованиях, но эти знаки помещались в самом щите как гербы должностные (*Amtswappen*), о которых мы уже говорили раньше (см. стр. 130).

Наконец, еще один род отличительных знаков, украшающих в современной геральдике гербовый щит. составляют *орденские знаки отличия*. Между ними следует различать, во-первых, древние орденские знаки, учреждавшиеся с особой практической целью, каковы, например, рыцарские ордена (тамплиеры, иоанниты или мальтийцы и Тевтонский орден, о которых уже было нами говорено и, во-вторых, другие ордена, основывавшиеся государями разных стран для награждения заслуг отдельных выдающихся лиц. Этих последних орденов в Европе с 1500 года было учреждено более ста.

Само собой разумеется, что только лицо, награжденное орденом или принятое в состав орденского братства, имеет право украшать свой герб соответствующим отличительным знаком Учредители орденов и их владетельные потомки, жалующие таковые, носят их наследственно, последнее право жаловалось иногда в Западной Европе государями как особое преимущество также и некоторым знатным фамилиям, а иногда за особые выдающиеся заслуги. Так, например, пожалован был знаменитому Суворову сардинским королем орден *Аннунциаты* как наследственный за его боевые подвиги в Италии.

Рис. 17

Относительно того, где должны быть помещаемы орденские знаки при гербах, не существует какого-либо определенного, точно установленного правила, и это обыкновенно предоставляется желанию владельца герба. Впрочем, более обычные способы суть следующие.

В древнейшее время их помещали в *самом щите*, который орденским крестом (мальтийским или тевтонским) разделялся на четверочастный, или же герб в первом и четвертом своем поле имел таковой крест ордена, а в остальных двух полях — родовой герб владельца.

В XV веке мы часто встречаем орденский знак *возле герба*, изображенный в соединении со щитом последнего или же отдельно от него. Подобное изображение мы видим на рис. 17, где орденский щиток как бы привешен к гербовому цепочкой, пропущенной через отверстие в верхнем углу щита. Наконец, иногда *накладывали щит герба* на орденский крест, изображенный самостоятельно, или же на тот же крест, изображенный в щите, так что четыре конца орденского креста виднелись из-за гербового щита, этот последний способ был особенно обычен у мальтийских и тевтонских рыцарей.

Что же касается *орденов отличия*, жалуемых в награду владетельными особами, то таковые чаще всего изображаются привешенными вокруг щита на присвоенной им орденской цепи (например, орден Св. Андрея Первозванного, Золотого Руна и т. п.),

или же ордена помещаются ниже щита, причем орденские цепи или ленты концами своими скрываются за нижним щитовым краем, что, впрочем, мало соответствует характеру древнего искусства герольдов.

Заканчивая наш обзор отличительных украшений, помещаемых при гербах, следует упомянуть о существовавших во Франции отличительных знаках у *дамских гербов*. В старину девицы имели гербовый щит, обычный женским гербам, *ромбовидной формы* (рис. 5 *на стр. 151*), окруженный розами или зеленью. Замужние женщины и вдовы с XV века стали применять вокруг своих гербов перевитые шнурки, так называемые *cordelières*, у первых шнурки эти имели подвижные узлы или петли, так называемые *узлы любви* (*lacs d'amour*). Королева Анна Бретанская, супруга Людовика XII[6], во время своего вдовства одна из первых женщин во Франции стала применять подобное украшение в честь Св. Франциска Ассизского[7], а именно в подражание его монашескому поясу. С этих пор и вообще вдовы дворянских фамилий во Франции стали применять этот знак траура в гербах, причем шнурок изображался перевитым черного и белого цвета.

[6] Людовик XII (1462–1515) – французский король с 1498 г.

[7] Франциск Ассизский (1181/1182–1226) – основатель ордена францисканцев.

Лекция XVIII

Геральдические придаточные знаки роскоши. Щитодержатели. Мантия и сень. Девизы.

Кроме описанных внешних украшений щита, обозначающих, как мы видели, известные отличия звания, знатности или особых заслуг владельца герба и связанных поэтому с известными правами, существуют в геральдике еще и другие, менее существенные. Это так называемые придаточные знаки роскоши (*Prachtstücke*), служащие единственно лишь для украшения герба и для придания ему большей пышности и великолепия.

К этому разряду геральдических украшений, или придатков, к полному гербу относятся;

1) *щитодержатели*;

2) *гербовая мантия и сень*;

3) *девизы*.

Щитодержатели (*Schildhalter, tenants*) суть изображаемые при некоторых гербах человеческие, звериные или фантастические фигуры, они помещаются по сторонам гербового щита, который они как бы несут или держат, стоя возле или позади его. Подобный обычай в геральдике; вероятно, произошел, как мы уже упоминали, от действительных щитодержателей, которые при турнирах обязаны были носить за рыцарем шлем и щит его. Начало его восходит к XIV веку, и с этого времени щитодержатели довольно часто встречаются на печатях и гербовых изображениях.

Во французской геральдике существует два различных определения подобных фигур. *Коломбиер* называет *щитодержателями* (*tenants*) фигуры ангелов, святых, воинов, диких людей и

т. п., вообще имеющих человеческий образ, а *щитоносцами* (*supports*) — фигуры животных, действительных или фантастических. Другой французский геральдист, *Палльо*, определяет их иначе, называя *щитодержателем* (*tenant*) фигуру человеческую или звериную, когда она встречается в гербе единичной и помещается с одной стороны щита или же, чаще, позади его, *щитоносцами* же (*supports*) он называет две подобные же фигуры, помещаемые по обе стороны герба.

Относительно выбора щитодержателей в гербах никогда не существовало в геральдике определенных правил случалось даже, что в гербе одной и той же фамилии щитодержатели изменялись. Так, например, в XVII веке в гербе французского адмирала *de Graville* щитодержателями изображались то два льва или два грифона, то два орла или два ангела. Иногда оба щитодержателя бывают одинаковы, как, например, в древнем королевском гербе Франции со времен Генриха II изображались два ангела, поддерживавших шит, иногда же они бывают и различны, как, например в гербе Великобритании, где справа герба изображается коронованный золотой лев с синими вооружениями (*armé et lampassé d'azur*), а слева — серебряный единорог с золотой короной и длинной золотой же цепью на шее.

В нашем русском государственном гербе щит поддерживается двумя архангелами: архистратигом Михаилом и Гавриилом.

Особенно часто в государственных гербах в виде щитоносцев встречаются львы, например, в гербах Баварии, Гессена, Саксонии, Нидерландов, Швеции, Норвегии, Болгарии, Румынии и др. В гербе Вюртемберга — черный лев и золотой олень, Мекленбурга — черный бык и золотой гриф, Ангальта — два черных медведя и т. п.

В гербах частных лиц щитодержатели иногда повторяют собой фигуры, находящиеся в самом гербе, или же имеют какое-либо отношение к фамилии данного лица[1], например, указывают

[1] Иногда они указывают на фамилию, как в гласных гербах, например, монахи в гербе княжества *Монако*, медведь (*orso*) в гербе князей *Орсини* в Италии (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

на происхождение его или же на звание, службу или особые заслуги лица, которому пожалован был герб. В древней геральдике наиболее распространенными щитодержателями являются следующие: *ангелы* — стоящие, коленопреклоненные или летящие (в особенности часто встречаются в XV веке); *человеческие фигуры* во всевозможных одеяниях, как-то: рыцари, оруженосцы, мавры, женщины (иногда изображались жены рыцарей, владельцев герба). Особенно часто встречаются так называемые *дикие*, или *лесные люди* (*Waldmenschen*), которые изображаются обнаженными и покрытыми волосами, с венком на голове и поясом из листьев (*Laubkranz*), держащими в свободной руке дубину с уширенным концом (*Keule*), как, например, щитодержатели в гербах королевств Пруссии и Дании.

Из различных фигур *животных* чаще всего изображались в старину львы, грифы, собаки, драконы и лебеди. Птицы здесь являются вообще малоподходящими по своей фигуре, в особенности орлы, которые как щитоносцы должны утрачивать свой геральдический тип. Лучшие геральдические образцы для фигур щитодержателей можно найти в целой серии гравюр с изображением гербов, изданной *Мартином Шонгауером* и относящейся ко второй половине XV столетия.

Положение щитодержателей бывает весьма различное, но самое обычное есть прямостоящее, причем они держат гербовый щит руками (у животных — передними лапами, например, рис. 1 — герб *Бадена*) или же одной рукой — щит, а другой — шлем, или, наконец, в другой руке стяг, меч или иное оружие. Иногда щитодержатели стоят как бы на страже возле щита, не касаясь его (рис. 2). Они обыкновенно изображаются обращенными к щиту, иногда же смотрят при этом в сторону или назад, с соответственно повернутой головой. Встречаются также фигуры коленопреклоненные, прислоненные к щиту и летящие (ангелы), более редко — лежащие фигуры зверей. При одной фигуре таковая часто держит щит обеими руками, как, например, ангел на рис. 3. В нашей геральдике встречается только один случай *единичного* щитодержателя — в гербе *графа Каменского*.

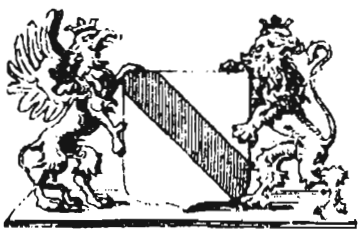


Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Не всегда, но чаще всего щитодержатели находятся в соответствии с гербовыми фигурами, причем иногда получают тинктуры последних или же украшаются самой гербовой фигурой, как, например, ангелы французского королевского герба, с золотыми лилиями на голубых одеяниях. Иногда также головы их бывают покрыты гербовыми шлемами, в особенности в тех случаях, когда эти последние, вследствие их многочисленности, не умещаются на верхнем краю щита.

При щитодержателях всегда изображается *почва* (*Boden*), на которой они стоят, той последней нередко даются щитовые цвета в виде паркета, карниза или панели (*Tafelwerk*), или же она изображается с растительностью. Исключение составляют лишь летящие фигуры, изображаемые парящими в воздухе, без почв.

Рис. 4

В большинстве случаев применение щитодержателей в гербах является совершенно независимым от достоинства или звания

владельца герба[2]. В Германии оно предоставлено даже свободному желанию и выбору каждого. Это совершенно согласуется с древним обычаем, хотя и оспаривается некоторыми современными изобретателями канцелярский геральдики.

В настоящее время у нас, в России, имеют право помещать в гербах своих щитодержателей только лица, принадлежащие к дворянским фамилиям, внесенным в IV—VI части родословной книги.

* * *

Гербовая мантия (*Wappenmantel, manteau*) есть изобретение новейшей геральдики, хотя некоторые геральдисты и приписывают ей более древнее происхождение, будто она произошла от обычая, существовавшего при турнирах, вывешивать рыцарские щиты на дорогих коврах или других драпировках.

Мантия помещается позади всего герба в виде широкой занавеси или драпировки, образуя вокруг него как бы шатер, она служит лишь украшением герба, не имея с ним прямой связи. По правилу, мантия изображается с верхней стороны подхваченной, на середине и по углам, причем последние завязаны ниспадающими шнурами и образуют как бы помпоны (рис. 4). Приподнятая середина мантии всегда бывает увенчана короной достоинства, а по бокам ниспадает тяжелыми складками. Когда мантия образует над гербом особого рода закругленную вершину, вроде балдахина, а по бокам — куртины, то получает название *гербового шатра*, или *сени* (*Wappenzelt, pavillon, tente*). В некоторых гербах XVI и XVII столетий встречаются намёты, несколько расширенные и приподнятые на углах, которые представляют переходную форму к мантии.

Гербовые мантии с наружной стороны обыкновенно изображаются пурпуровыми, червленными или синими, подбивку же имеют из горностаевого меха. Наружная сторона их нередко

[2] Исключение состовляет лишь Англия, где различные морские животные, матросы и другие человеческие фигуры в должностных одеждах обозначают ранг и достоинство владельца герба (*Прим. Ю В Арсеньев*).

бывает усеяна гербовыми эмблемами, например, двуглавыми орлами (Российской империи) или одноглавыми (королевство Пруссии), лилиями (королевство Франции), пчелами (Французская империя) и т. д. По краям они обшиты бахромой, а на концах шнуров висят золотые кисти.

Гербовые мантии и шатры появились в геральдике в XVII веке, изобретатель их был француз *Филипп Моро́*. Французские короли начали применять их лишь с 1680 года. Прототипом гербового шатра, или сени, могли послужить средневековые троны французских королей, помещавшиеся под особыми балдахинами, которые украшались изображениями лилий. Древнейшие типы этих тронов можно встретить воспроизведенными на королевских печатях XIV века, Филиппов V и VI, а в более полном развитии, в виде шатра с круглой вершиной, на государственных печатях королей Карла VIII, Людовика XII и Франциска I, т. е. в конце XV и начале XVI веков. Вообще сень служила всегда отличительным признаком верховной власти и применялась в государственных гербах, хотя и не повсеместно. Мантия употребляется, кроме государей и владетельных князей, и принцев крови, также княжескими фамилиями высшего дворянства, а у нас в России, также и некоторыми дворянскими фамилиями, произошедшими от удельных князей и сохранившими поэтому княжеские гербы с атрибутами таковых (например, в гербах Всеволожских, Еропкиных, Ильиных, Сатиных и др.).

* * *

Нам остается сказать еще несколько слов об особом роде придаточных знаков роскоши в гербах, а именно о *девизах* (*Wuhlsprüche, devises*). Девизы в геральдике бывают двух родов. Это суть или фигуры, имеющие особое значение как отличительные знаки и помещаемые возле герба на второстепенном месте (в Англии они называются *badges*), или же это суть *словесные девизы* (*Wortdevisen*), заключающиеся в изречениях или отдельных словах. Эти последние девизы бывают иногда

загадочными, выраженными в отдельных буквах, иногда же ясными, приведенными дословно и без сокращений.

Первый род девизов довольно редок и встречается почти в одних лишь английских гербах. Он заключается в известных изображениях, звериных фигурах, цветах и других частях растений и т. п., помещаемых возле щита, или под щитом, или же на самом щите в виде украшения, окаймления, намёта и т. п. Таковы например, в Англии белая роза дома *Йорк* и красная — дома *Ланкастер*. После падения этих двух домов сменивший их дом *Тюдоров*[3] принял в свой герб, в качестве такого девиза, или *badge*, розу обоих названных цветов[4]. Подобные же фигурные, или немые девизы встречаются и в древней французской геральдике (*devises de figures*). Таковы были, например, в старину девизы герцогов Бургундских и Бурбонских: первые имели подобным девизом *огниво* (называвшееся в старину *fusil*), а последние — изображение репейника (*chardon*).

Словесные девизы, или изречения, должны быть возможно кратки и выразительны, без всякого многословия, и относиться или к самому гербу, или же вообще к известному событию, деянию, отечеству, религии и т. п.

---

[3] Тюдоры — королевская династия в Англии в 1485 — 1603 гг.

[4] Эти *badges*, или *cognizances* (отличительные знаки), составляют своеобразную особенность английской геральдики и состоят из фигур, которые могут и не входить в состав самого герба. *Badges* изображаются над гербовым щитом и даже отдельно от него и представляют более удобства для различных геральдических украшений, чем сложные гербовые фигуры. В старину их носили оруженосцы на рукавах, груди или спине своих одежд, они изображались также на знаменах и банниерах. Примером подобных *badge* можно еще привести: три страусовых пера в коронном обруче, с древненемецким девизом: «*Ich dien*»* — *badge принца Валлийского*; червленая левая рука в серебреном поле (*badge* провинции *Ulster* в Ирландии), служащий отличительным знаком достоинства *баронетов*. С начала XVIII столетия, при королеве Анне, *badges* английского королевского дома стали постоянными, а именно: двуцветная роза Тюдоров — для Англии, репейник — для Шотландии и трилистник — для Индии цветок лотоса (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

* Я служу (*нем.*).

Ménéstrier различает между словесными девизами следующие виды:

1) Девизы, относящиеся к именам, подобно гласным гербам, они заключают в себе фамильное имя владельца герба. Например, фамилия *de Vienne* в Бургундии — «*A bien vienne tout*»[5] *de Vaudray* — «*J'ai valu, je vaux, je vaudray*»[6]; *de Beaujeu* — «*A tout venant beau jeu*»[7]; из новейших: Графа *Тотлебена* — «*Treu auf Tod und Leben*»[8].

2) [Девизы], относящиеся к *гербовым фигурам*. Так, например, фамилия *Monchenu* имела в гербе перевязь справа и девиз: «*La droite voye*» (прямой путь), фамилия *de Simiane* в Провансе — в гербе золотое поле, усеянное синими лилиями и башнями, и девиз: «*Sustentant lilia turres*»[9]. В гербе русского рода *Копьевых* изображена гора, в которую ударяет громовая стрела, и девиз: «*Не поколеблет*».

3) *Энигматические*, или загадочные, которые были понятны лишь самому владельцу герба. Они были очень распространены в эпоху турниров, участники которых скрывали свое имя под девизами, известными лишь избранной даме их сердца. Таковы, например, девизы *Jean de la Trémouille*: «*Ne m'oubliez*»[10]; *Galiot de Genouillac*: «*J'aime fortune*»[11], герцога *d'Arschot*: «*J'y parviendray*»[12] и т. д.

4) Девизы, состоящие из *поговорок* или *изречений* с ясным смыслом. Они весьма многочисленны, таковы, например: «*Semper immola fides*»[13] — девиз *графов Воронцовых*; «*Жизнь Царю, честь никому*» — *князей Васильчиковых*; «*Не слыть, а быть*» — *графов Перовских* и т. п.

---

[5] К хорошему приходя (*франц.*).
[6] Я заслуживаю, я заслуживаю, я заслужу (*франц.*).
[7] Первому встречному — хороший прием (*франц.*).
[8] Верность в смерти и жизни (*нем.*).
[9] Лилии поддерживают башни (*лат.*).
[10] Не забывайте меня (*франц.*).
[11] Я люблю удачу (*франц.*).
[12] Я преуспею в этом (*франц.*).
[13] Вечно нерушимая вера (*лат.*).

Между таковыми можно привести также весьма известные девизы некоторых государств, например: «*С нами Бог*» — России, «*Dieu et mon droit*»[14] — Англии, «*Je maintiendrai*»[15] — Нидерландов, «*Nihil sine Deo*»[16] — Румынии, «*L'union fait la force*»[17] — Бельгии, «*Providentiae memor*»[18] — Саксонии и т. д.

5) Девизы *исторического характера*, т. е. изречения, сказанные при каком-либо действительном событии или случае из истории государства или отдельного лица и ставшие историческими (*mots historiques*). Так, например, древний французский род *de Beaumanoir* в Бретани после боевого подвига одного из его рыцарских представителей в известной исторической «*битве тридцати*» (*combat des Trente*) в 1451 году принял своим девизом слова, обращенные тогда к этому рыцарю, изнемогавшему в бою от ран, его сподвижником: «Испей свою кровь, *Beaumanoir*, это утолит твою жажду» («*Bois ton sang, Beaumanoir, ta soif passera*»). Князья *Витгенштейны* приняли в 1813 году девизом слова на мече Св. Всеволода-Гавриила, князя Псковского: «*Чести моей никому не отдам*» («*Honorem meum nemini dabo*»).

К подобного рода девизам можно также отнести так называемые *боевые кличи* (*Schlachtruf, cri de guerre*), действительно применявшиеся в старину во время сражений. Таков, например, боевой клич Готфрида Бульонского и крестоносцев — «*Dieu le volt*» («*Так хочет Бог*»); клич Фландрии — «*Flandres au lion*» («Фландрцы, собирайтесь вокруг льва»); «*Monjoie St. Denis!*» («Св. Дени — наш покровитель») — королей Франции. Обыкновенно в феодальную эпоху каждый рыцарь-баннерет, т. е. имевший право вести войско в бой под своим знаменем (*droit de lever bannière*), имел также и свой боевой клич («*Le cri suit la bannière*», т. е. клич следует за знаменем, по выражению

---

[14] Бог и мое право (*франц.*).
[15] Я сохраню (*франц.*).
[16] Ничто без Бога (*лат.*).
[17] Объединение дает силу (*франц.*).
[18] Помню о предопределении (*лат.*).

Ménéstrier). Так например, герцоги Брабанта имели боевой клич: «*Louvain au puissant duc!*»; графы Тулузские: «*Toulouse!*»[19]; сеньоры *de Coucy*: «*Place à la bannière!*»[20] и т. п.

6) Девизы, состоящие из отдельных букв, т. е. заглавных. Таков, например, немецкий: «*W. G. W.*» — «*Wie Gott will*» («*Как хочет Бог*»); или древний буквенный девиз Австрии; «*A.E.I.O.U.*»[21], значение которого таково: «*Austriae Est Imperare Orbi Universo*», т. е. «*Австрии дано повелевать всему свету*». Заметим здесь, кстати, что в Австрии до сего времени каждый император избирает при вступлении на престол свой девиз. Так, например, император Фердинанд имел девиз: «*Justitia regnorum fundamentum*»[22]; император Франц-Иосиф I: «*Viribus unitis*»[23]. Девизы в виде отдельных букв помещаются обыкновенно около шлемового клейнода, они особенно часто применялись в XVI и XVII столетиях.

В западноевропейской геральдике каждый владелец герба имеет право добавить к таковому девиз по своему желанию и вкусу, помещая его выше или ниже щита. Всякая же регламентация девизов, когда они жалуются по особым дипломам и блазонируется даже цвет ленты, на которой их помещают, и самых букв, есть новейшее измышление так называемой канцелярской геральдики.

Девизы обыкновенно помещаются на узких ярлыках (*Zettel*) или лентах, ниже щита, обвивающих его нижний край, иногда же на особом цоколе под щитом, или, наконец, на ленте, которая обвита вокруг нашлемника или же держится фигурой клейнода.

Когда девизы помещаются в самом гербовом щите, на поясе, перевязи, кайме или оконечности (что особенно часто встречается в испанских гербах, как например, на рис. 142 *на стр. 193*, в

---

[19] Тулуза (*франц.*).
[20] Место знамени (*франц.*).
[21] В буквенном девизе содержатся все буквы, означающие гласные звуки.
[22] Справедливость — основание королевств (*лат.*).
[23] Соединенными усилиями (*лат.*).

гербе фамилии *Garcilasso de la Vega*), то причисляются к гербовым фигурам.

Во французской геральдике, когда словесный девиз сопровождается в гербе фигурой, которую он поясняет или просто называет, то слова его получают наименование *души девиза* (*l'âme de la devise*), а фигура — *телом* его (*corps*).

К геральдическим придаткам роскоши, служащим украшениями герба, относятся также флаги, стяги (баннеры) и знамена различной формы. Их изображают укрепленными за щитом или же в руках щитодержателей. Иногда это бывали действительно взятые в боях знамена, изображение которых пожаловано было владельцу герба в воздаяние и в память его доблести. Но в XVII и XVIII столетиях этот обычай начал вырождаться, и с этих пор стали помещать вокруг щита или ниже его всевозможные без всякого изящества скученные трофеи, с пушками, ядрами, барабанами и т. п., они имеют целью лишь обозначать воинское звание владельца герба, но на самом деле весьма обезображивают и совершенно подавляют этот последний.

Лекция XIX

Различительные знаки особого рода, или добавления (brisures).

В западноевропейской геральдике существуют издавна особого рода различительные знаки или так называемые *прибавления* (*Beizeichen, Brüche, brisures*), которые служат для различения отдельных членов семьи или различных ветвей одной и той же фамилии, пользующихся одним *общим* гербом.

В XII и XIII столетиях между феодалами на Западе отец и сыновья, а также и братья между собой, обыкновенно различались по названиям своих замков и другим владениям, так что нельзя было по их фамильным прозвищам и гербам догадываться о существовавшем между ними родстве. Впоследствии родные братья или ветви одного общего родословного корня стали различаться между собой в гербах через изменение финифтей герба или же через какие-либо перемены в положении гербовых фигур. Но подобные способы являлись все же недостаточными для означенной цели при многочисленности членов одной фамилии или ветвей ее. Это и вызвало необходимость в особых дополнительных знаках, или прибавлениях, которые стали вводить в гербы для видоизменения одинакового в главных чертах общего родового герба. Изобретение подобных знаков первоначально появилось у французов и вошло в обычай во французской геральдике еще до Людовика IX. В Германии оно менее распространено, чем в других странах Западной Европы, в новейшей польской геральдике и у нас оно вовсе не применяется.

Этих *прибавлений* или вернее изменений в гербах бывает два рода, из которых одни производятся в *щите*, а другие *вне*

его, в особенности же на шлеме и его украшениях. В щите таковые производятся, частью через прибавление и отнятие, частью же через перемены фигур и цветов. Эти различительные знаки называются *прибавлениями* (*Beizeichen*) или *преломлениями* (*Brüche*) и заключаются в следующих способах изменения первоначального герба:

1. *Изменение финифтей*, например, если в родовом гербе известной фамилии имеется фигура льва, то таковой получает в различных ветвях разные цвета, посредством чего и различаются ветви фамилии.

2. *Изменение* частное или на обратное *в положении гербовой фигуры*, например, скачущий конь, измененный в гербе боковой линии в идущего, или же фигура, изображенная с лица (*en face*), измененная на обращенную в сторону.

3. *Увеличение* или *уменьшение* той же гербовой фигуры. Так, например, различные ветви дома Медичи различались по числу кружков, или шаров, (шесть-восемь) в гербе.

4. *Отпадение*, или пропуск, известной фигуры или части ее, или *отсечение* (*Stümmelung*) таковой.

5. *Добавление* какой-либо фигуры по свободному выбору фамилии, как например, початков (*Schindeln*), полумесяцев, звезд, геральдических украшений разного рода, окаймлений и т. п., или же особого рода фигур, служащих *исключительно* такого рода отличительными знаками или *прибавлениями*, не встречаясь в гербах как обыкновенные фигуры.

Только эти последние могут быть названы *прибавлениями*, или различительными знаками, в собственном смысле, к тому же они являются и лучше остальных приспособленными для своей цели. Все же прочие имеют тот недостаток, что, во-первых, недостаточно своеобразны, почему случается, что и другая какая-либо фамилия может иметь такой же герб, каков измененный; во-вторых, иногда трудно бывает узнать в гербе известное изменение как различительный знак, отчего происходят часто ошибки и смешения, этого при различительных знаках в собственном смысле можно вполне избежать.

Особенность подобных различительных знаков заключается в том, что они помещаются в самом гербовом щите, и притом не так, как обыкновенная щитовая фигура, но бывают наложены на щит вместе с его фигурой, покрывая или пересекая их. Главнейшие из них следующие:

1. *Турнирный воротник* (*Turnierkragen, lampeau, le lambel*), называемый также ошибочно в немецкой геральдике *граблями* (*Rechen*) или *мостком* (*Steg*), имеет вид пояса с обращенными вниз, широко расставленными зубцами (рис. 1, 2). Зубцы эти называются *лапами* (*Lätze, pendants*), по правилу, их бывает три, реже — пять. Турнирный воротник, проходящий через весь щит и его гербовую фигуру или нависающий над этой последней, обыкновенно помещается в головной части щита, иногда касаясь при этом верхнего края последнего, например (рис. 2) в гербе Орлеанского дома. Цвет турнирного воротника отличается от цвета щита, однако как и все различительные знаки не подчинен определенному правилу, поэтому встречаются в гербах и цветные турнирные воротники на цветных же полях[1] Этот различительный знак во Франции обыкновенно употреблялся младшими сыновьями для отличия их герба от гербов отца и старшего брата и отпадал, когда младший

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

[1] Иногда, впрочем, во французской геральдике турнирный воротник употребляется как *геральдическая фигура* и в этом случае подчиняется общему правилу о цветах (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

сын наследовал. В Англии, напротив, старший сын пользуется турнирным воротником, так, например, принц Валлийский имеет таковой серебряный в королевском гербе Англии. Во Франции Орлеанский дом имеет серебряный же турнирный воротник в голубом поле, с тремя золотыми лилиями как младшая ветвь Бурбонов[2]. Младший дом Анжу во Франции принял красный турнирный воротник в голубом поле, усеянном золотыми лилиями. Этот же различительный знак был принят многими итальянскими фамилиями как знак пожалования или воспоминания.

2. *Нить* (*Faden, traverse*) есть узкая проходящая через весь щит перевязь. При этом такая перевязь, или нить, *справа* (т. е. проведенная от правого верхнего угла к левому нижнему) обозначает младшую ветвь фамилии (рис. 3), напротив, нить *слева* обозначает незаконное рождение, побочного сына или побочную ветвь (*branche bâtarde*), рис. 4. Эта различительная фигура нити часто изображалась также *укороченной*, так что лишь малый отсек ее появлялся в середине щита. В этом случае таковой получает название *обломка* (*Einbruch, bâton pri*). Он также встречается в двух направлениях и имеет при этом те же значения, что и нить (рис. 5). Место такого обломка всегда в середине щита. В древнейшее время он изображался длиннее, а позднее становился короче. Во Франции дофин, старший сын короля, имел в гербе нить справа, составленную из серебряных и червленых частей и обложенную фигурой синего дельфина, следующие же по порядку рождения королевские принцы имели часть нити без этой фигуры.

Различительные знаки всегда помещаются в щите и не повторяются в нашлемнике. Особенно употребительны различительные знаки во Франции и Англии, они встречаются также на Нижнем Рейне, но редко в остальной Германии. В первых двух странах они были систематически выработаны и установлены, что имело основание в строго проведенной майоратной[3]

[2] Бурбоны — королевская династия во Франции и в Испании.

[3] Майорат — форма наследования недвижимости, при которой она переходит только к старшему из наследников.

системе этих государств. Каймы (*Borde*) часто встречаются как различительные знаки в испанской геральдике.

Рис. 5

В Англии с древнейших времен употребительны, для различения в гербах сыновей одной фамилии, установленные в этом специальном значении гербовые фигуры, а именно: старший сын имеет турнирный воротник (*label*); второй — полумесяц (*crescent*); третий — пятиконечную звезду или колесцо от шпоры (*mullet*); четвертый — обрубленную птицу (*martlet*); пятый — кольцо (*annulet*); шестой — лилию (*fleur de lys*); седьмой — пятилистную розу (*rose*); восьмой — якорный крест (*cross moline*); девятый — двойной четырехлистник (*double quatrefoil*). Сыновья следующего поколения в такой же последовательности облагают своими различительными знаками различительный знак отца. так, например, старший сын второго по рождению имеет турнирный воротник (свой), наложенный на полумесяц (отца), третий сын пятого — звезду сверх кольца, второй сын четвертого — полумесяц сверх птицы и т. д. Эта система различительных знаков и в настоящее время применяется в Англии.

В Германии для подобного различения членов семьи и ветвей фамилий ограничиваются лишь изменением нашлемника, не изменяя щита, или же изменением тинктур гербовых фигур. Встречаются иногда и совершенно произвольные фигуры в качестве различительных знаков. Но, тем не менее,

самыми употребительными и предпочтительными по своей понятности следует признать упомянутые различительные знаки в собственном смысле, т. е. турнирный воротник, нить и обломок.

Альбрехт Дюрер. Герб Якоба Баннизиуса — секретаря Максимилиана I

Лекция XX

Составные гербы и способы соединения гербов. Порядок описания гербов или блазонирование.

Заканчивая наше изложение теоретической геральдики, нам остается еще остановиться на главнейших правилах, существующих для *соединения гербов*, а также сказать несколько слов о порядке, соблюдаемом при описании гербов или так называемом *блазонировании*.

Посредством соединения получаются так называемые *составные гербы*, т. е. соединяющие в одно целое несколько отдельных гербов, например, герб государства — из гербов отдельных стран, его составляющих; или герб фамилии — из гербов различных ее владений, эти последние встречаются только в западноевропейской геральдике, к которой принадлежат и наши остзейские гербы. Подобное составление производится или через приведение в связь отдельных щитов, сохраняющих при этом, однако, свою раздельность, или же — что бывает всего чаще — через соединение их в один щит, причем отдельные гербы являются уже как составные части или поля его.

Отдельные гербы могут быть *приведены в связь*, оставаясь при этом раздельными, тремя следующими способами:

1. *Сопоставлением* (*Zusammenstellung*), при этом два щита обыкновенно наклоняются один к другому, три — соприкасаются, образуя треугольник, четыре располагаются в порядке 1. 2, 1 (причем почетнейший помещается верхним). Когда же имеется еще большее число щитов, то их располагают в виде полукруга или круга с главным щитом посередине.

2. *Смыканием* (*Zusammenschiebung*), причем они соприкасаются во всю длину боковых сторон.

3. *Связыванием* (*Zusammenbindung*) посредством лент или петель.

Что же касается соединения гербов *в один щит*, то таковой производится четырьмя следующими способами:

1. *Вмещением* (*Einfassung*), когда один щит со своим гербом, изображенный в меньшем масштабе, накладывается на другой, большего размера, гербовый щит.

2. *Разграничением* (*Verschränkung*), причем отдельные гербы помещаются в разделенном продольными и поперечными линиями щите, расспределяясь в образуемых таким образом отдельных частях щита (или полях) его, это есть наиболее обыкновенный и употребительный способ.

3. *Вставлением* (*Einpfropfung*), когда фигуры или гербы вставлены или как бы втиснуты между отдельных полей главного щита, а равно между делениями его, причем, по правилу, такое вставление имеет вид фигуры острия, идущего от середины нижнего щитового края или же опрокинутого. При этом фигура главного щита не должна быть рассечена этой вставкой (рис. 1).

4. *Присовокуплением* (*Einverleibung*) или *наложением* (*Auflegung*), причем фигура герба *облагается* фигурой другого (по другому выражению, бывает *обремененной*), например, столб одного герба — фигурой льва из другого, соединяемого с первым. Или же наложенный герб вместо целого щита занимает лишь суженную часть последнего, образующую геральдическую фигуру (столб, пояс, перевязь и т. д.). Так, например, герб, заключающий три золотые лилии в красном поле, может быть соединен с другим таким образом, что на этот последний он накладывается в виде красной перевязи справа, обремененной золотыми лилиями (рис. 2). Этот способ соединения чаще встречается во французской геральдике, а в немецкой почти отсутствует.

Малый щит, который налагается на больший (рис. 3), получает название *среднего* щита (*Mittelschild*), а вмещающий его — *главного или хребтового* щита (*Rückenschild*), когда на средний

щит наложен еще меньший, то этот последний называется *сердцевым* (*Herzschild*). Добавим к этому, что средний щит в некоторых редких случаях изменяет свое обычное место в середине главного щита и помещается или несколько выше, на так называемом *почетном месте* (*Ehrenstelle*), или ниже его (*Nabelstelle*). При нескольких средних щитах таковые обыкновенно располагаются в виде столба, также креста, прямого или скошенного. При многопольном гербе место среднего щита — между полями, причем стараются, чтобы возможно меньшая часть последних являлась закрытой средним щитом.

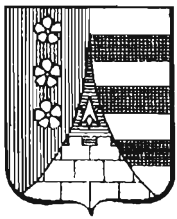


Рис. 1

Средний щит содержит обыкновенно главный, или *родовой*, *герб* (*Stammwappen*), так, например, в государственных гербах обыкновенно герб царствующего дома или той страны, откуда эта династия происходит; в фамильных гербах, в среднем щите помещается обыкновенно более древний, собственно родовой герб. Иногда этот щит содержит герб пожалования.

Рис. 2

Когда применяется способ *разграничения*, то щит разделяется прямыми линиями на такое число мест, или полей, сколько требует число и свойство соединяемых гербов. При соединении двух гербов щит рассекается или же, если того требует свойство фигур, то пересекается, чаще же всего делится на четверочастный, причем, при двух гербах первое и четвертое поля получают один, более почетный герб, а второе и третье — другой. При трех гербах второй помещается в середине или же в наложенном среднем щите,

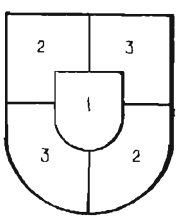


Рис. 3

при четырех всего целесообразнее помещать их в четверочастном щите, при пяти же к таковому добавляют еще средний щит. Несколько гербов помещают в одном щите *рядами*, один возле другого, или же в виде фигуры *столба*.

Могут также иметь место различные комбинации посредством всевозможных делений и посредством присоединения средних щитов, каковые сообразуются с особенностями соединяемых гербов. Очень часто один и тот же герб повторяется в щите два раза (редко чаще), и поэтому щит делится нередко на большее число полей, чем сколько соединяется в нем гербов, и притом одинаковые гербы, по правилу, помещаются в диагональном направлении один от другого.

При этом способе разграничения составного герба следует еще соблюдать следующие практические правила:

1. Должно принимать во внимание свойство или род соединяемых гербов, т. е. имеют ли все таковые одинаковое значение или же смешаны с должностными, пожалованными и т. п. гербами. При этом гербы одинакового рода не должны быть разъединяемы и в отдельных частях своих перемешиваемы с частями же гербов другого рода. Важнейший герб получает почетнейшее место, справа вверху или же в среднем щите. В государственных гербах, составленных из гербов нескольких стран, таковые следуют по порядку их достоинства (старшинства) или же по времени их присоединения, причем герб царствующего дома обыкновенно помещается в среднем щите.

Должностные, пожалованные и гербы покровительства предшествуют по достоинству фамильному гербу, а потому и помещаются на более почетном месте.

2. Следует затем обращать внимание на особенности фигур в соединяемых гербах и сообразоваться с ними при подразделении общего щита, так, например, для более высоких фигур (както, столбов, львов, деревьев и т. п.) приходится щит рассечь или же, при многократном рассечении, делать поля более удлиненными в вышину. При широких же фигурах (поясах, главе, шествующих животных) — пересекать щит и вообще образовать более

широкие поля. Главное соображение здесь заключается в том, чтобы ни одна фигура не являлась прикрытой другой или измененной в своем положении, но чтобы каждая была ясно видима, и притом не стеснена в изображении своем, т. е. представлена так же свободно, как и в отдельном щите.

Применяя способ *присовокупления*, следует заметить относительно распределения цветов, что тинктура налагаемой фигуры должна всегда различаться от тинктуры той, на которую наложена. Например, если требуется наложить на пересеченный щит, красный и золотой, три золотых лилии, расположенных в форме так называемого антониевского креста (т. е. буквы Т), то обе верхние лилии, попадающие в красное поле, сохраняют свою тинктуру, нижняя же — в золотом поле — получает цвет верхнего поля, а именно красный, т. е. она *обменивается* с ним *цветом*. Подобные соединения с обменивающимися тинктурами фигур встречаются весьма часто. Иногда вместо того, чтобы делить фигуру через обмен цветов в разных полях, таковую помещают в целом виде в каждом поле щита, с переменой цветов. Например, вместо того, чтобы наложить на пересеченный, красный и серебряный, щит серебряный крест (причем последний был бы в верхнем красном поле серебряным, а в нижнем, серебряном — красным), помещают в каждом поле по целому кресту: в верхнем — серебряный, а в нижнем — красный.

Относительно шлемов при соединении гербов следуют правилу, что таковые помещают над общим щитом или же на одном шлеме соединяют клейноды двух (реже нескольких) гербов. Иногда, впрочем, изображают на соединенном гербе только один шлем главного герба или только нескольких избранных и совершенно опускают шлемы остальных, подчиненных гербов[1].

[1] Реже встречаются наложенными полные гербы вместе со шлемом и короной достоинства, например, в императорском австрийском гербе. Обыкновенно же из корон помещается на соединенном гербе лишь та, которая обозначает высшее достоинство, например, императорская или королевская над общим гербом государства, состоящим из соединенных гербов отдельных стран (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

В *женских гербах* в геральдике Западной Европы соблюдают при соединении таковых с гербами мужей следующие правила. Замужние или вдовы присоединяют свой (отцовский) родовой герб к гербу супруга, причем этот последний имеет преимущество и поэтому при раздельных щитах стоит направо, при рассеченном щите помещается в правой половине, а при пересеченном — в верхней. Когда соединение гербов супругов произведено через *вмещение*, то родовой герб жены находится обыкновенно в главном щите (снизу), а герб мужа — в наложенном среднем щите.

При соединении *родительских гербов* с гербами их детей первые помещаются в среднем щите, в том же порядке (т. е. отцовский справа и сверху), при нескольких предках мужские гербы получают почетнейшие места в ряду других.

По правилу, в настоящее время *брачные* или *союзные гербы* (*Ehe oder Alliancewappen*) соединяются лишь по способу сопоставления, что, впрочем, встречается в немецкой геральдике и в старину. Таков, например, составной брачный герб герцога австрийского Альбрехта III (из Арльбергского гербовника), к щиту которого привешен в малом щитке герб его второй жены, Беатрисы Гогенцоллерн, к шлему этого герба привешен также знак древнего фамильного ордена Гогенцоллернского дома — *лебедь* (*Schwanenorden*), рис. 5.

* * *

В заключение нам остается указать общие правила, соблюдаемые при *блазонировании*, т. е. при описании гербов, согласно основным геральдическим положениям.

Правильное блазонирование должно быть обязательно кратким, с применением для сего употребительных и наиболее приспособленных для этой цели специальных геральдических терминов. При этом оно должно быть настолько определенным и ясным, чтобы дать точное и ясное понятие об описываемом гербе, а также настолько понятным, чтобы по такому описанию возможно было правильно изобразить

герб. Необходимо следовать при этом известной системе, описывая последовательно главные части герба и опуская все несущественное. О специальной геральдической терминологии, применяемой при этом, мы уже говорили раньше, при описании фигур. Напомним здесь только, что, блазонируя, например, трижды рассеченный щит, достаточно указать цвета его: червленый и серебряный, ибо цвет, стоящий справа, всегда называется первым и этого не требуется отдельно пояснять. При блазонировании обыкновенных фигур (как, например, льва, орла и т. п.), несущественные признаки таковых, не имеющие специальных геральдических терминов, вовсе не указываются.

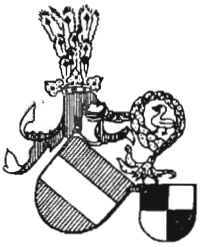


Рис. 4

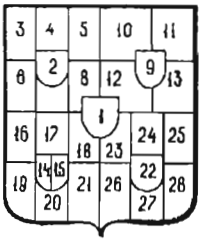


Рис. 5

При составных гербах бывает необходимо прежде всего уяснить себе расположение частей или, так сказать, общий план блазонируемого герба. При этом начинают с важнейших гербов и, смотря по тому, находятся ли таковые в среднем или главном щите, начинают блазонировать с первого или последнего щита. По общему правилу, первым называют средний щит, находящийся в сердце главного щита.

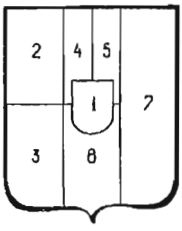


Рис. 6

Гербы в главном щите (*Rückenschild*) следуют при блазонировании в порядке рядов или столба, или, наконец, по разрядам. При первом порядке начинают с верхнего ряда справа и продолжают далее, следуя рядам. Реже встречается такое расположение гербов в рядах, что начинают их блазонировать с обоих средних

мест, как, например, в *прусском* королевском гербе, а именно в следующем порядке:

5	3	1	2	4	6
11	9	7	8	10	12

При расположении гербов в порядке столба блазонируют сначала средний столб, затем стоящий вправо, далее левый (рис. 5). Соединение нескольких гербов в одну группу или класс называется порядком по *разрядам гербов*, при таковом подразделение отдельных разрядов или групп гербов в общем щите производится через четверочастное деление (главного щита). Каждая из образующихся таким образом четырех групп имеет свой особый средний щиток. Бывают и более сложные деления, как, например, в австрийском гербе, имеющем 62 отдельных герба в девяти одинакового размера отделениях или в *чешском* и *венгерском*, имеющих четыре разряда (рис. 6). При четверочастном распределении начинают блазонирование с первого квартала, т. е. сверху справа; при рассеченном главном щите — справа и далее продолжают как при порядке рядов.

Вообще при блазонировании следует соблюдать правило, что прежде всего упоминается деление щита (рассеченный, один или несколько раз, пересеченный, четверочастный и т. д.), затем последовательно должны быть названы, средние и сердцевые щиты, глава, подножие, боковые стороны щита и, наконец, вставление.

При описании отдельных геральдических фигур называют сначала род их и финифти и при этом первой блазонируют ту фигуру, которая при рассеченном щите стоить справа, при пересеченном — сверху, при скошенном делении — в правом верхнем углу. Когда в щите находится несколько гербовых фигур, то начинают с главных.

После описания щита переходят к верхней части герба (*Oberwappen*), причем описывают шлем лишь в общих чертах, с его наметом (обозначая финифти), нашлемником и короной достоинства или другим головным убором и т. д. Далее описывают придаточные знаки роскоши: щитодержателей, знаки почетных званий, помещенные вне щита, орденские знаки, гербовую мантию или сень и, наконец девиз, находящийся ниже щита или окружающий его.

Альбрехт Дюрер. Герб Вильгельма и Волфгага фон Рогендорфов — австрийских дворян

Лекция XXI

Особенности геральдики в различных странах на Западе. Польская геральдика, ее особый характер и влияние на русскую.

В Западной Европе, во всех тех странах, где процветало некогда рыцарство, а именно: в Германии, Франции, Англии, Италии, Испании и Португалии с давнего времени сложился известный, свойственный каждой из этих стран своеобразный тип гербов. Согласуясь с основными правилами общепринятой геральдики, они представляют, однако, местные национальные особенности. Таковые выражаются то в известной преобладающей окраске щитового поля, то в характере фигур, шлемовых украшений и т. д.

Особенности эти можно сравнит с архитектурными стилями средневековой Европы, которые, хотя в общих чертах и одинаковы в различных странах, однако отличаются в подробностях, соответствующих местному вкусу и художественной фантазии той или другой страны.

Подобный национальный характер гербов, отражающий в себе общее мировоззрение, направление художественного вкуса и глубоко вкоренившиеся особенности каждого народа, сохранился в геральдике и до настоящего времени.

Мы постараемся в общих чертах указать на эти местные особенности геральдики в различных странах.

Во *Франции*, где геральдика получила свое первоначальное развитие, мы замечаем особенную выработанность геральдических эмблем. Сообразно национальному характеру, здесь заметна большая любовь к пышности и роскоши, отсюда в гербах преобладают блестящие цвета и меха. Большое применение

имеют так называемые геральдические фигуры, которые в старину обозначали принадлежность к древнейшему знатному дворянству. Весьма часто встречаются также беличий (*vair*) и горностаевый (*hermine*) меха и усеянные или усыпанные фигурами поля щита, далее многоцветные намёты с каймами; шлемы, почти всегда открытые (решетчатые), с различным числом решетин, сообразно степеням дворянства, иногда вызолоченные или посеребренные, сени и другие знаки пышности.

В старинных французских гербах являлся преобладающим цветом щитового поля голубой, в подражание цвету королевского герба. На этом же основании в гербах древнего *Бургундского* герцогства чаще всего встречается красный цвет, особое же почитание в Бургундии Св. апостола Андрея выразилось здесь в гербах частым применением андреевского креста.

В *Бретани* преобладал в гербах горностаевый мех в подражание герцогам Британским, также часты здесь так называемые *billettes* — гербовая фигура фамилий *Beaumanoir* и *mâcles* — фамилии *Rohan*. Оба эти знаменитые дома имели в Бретани многочисленных вассалов, пользуясь правами сюзеренов. Так называемые добавления (*brisures*), применявшиеся в гербах королевских принцев Франции, имели подражания и в дворянских гербах.

Геральдические фигуры *главы* и *перевязей* особенно часты в гербах центральных провинций Франции, вероятно, в подражание могущественному дому *de Poitiers*, имевшему вассалов в провинциях *Dauphiné* и *Vulentinois*.

В *Провансе* гербы имеют совершенно отличный характер от соседних провинций по той причине, что бóльшая часть дворянских фамилий Прованса происходит из Италии и Испании. Поэтому здесь особенно часто встречаются в гербах башни, замки, кружки (*tourteaux*), безанты, звезды, кресты и т. п.

Кресты и раковины также весьма распространены в гербах *Нормандии*, так как многие рыцарские фамилии этого края участвовали в крестовых походах. Фигуры *столба* и *каймы* часто встречаются в гербах *Лангедока*, в подражание владетельным

домам *Каталонии*, *де Фуа* и *Арагонии*. Львы и леопарды преобладают в гербах *Гюйенна*, *Нормандии* и *Пикардии*, в чем отразилось временное владычество Англии над этими провинциями. *Мерлетты* часты в гербах *Шампани* и *Нормандии* по причине заморских путешествий, предпринимавшихся здешними рыцарями.

В *Италии*, *Испании* и *Португалии* геральдика в общих чертах ближе всего примыкает к французской.

В *Италии*, где культ классической древности никогда не прекращался и великие памятники древнего искусства всегда сохраняли влияние на направление художественного вкуса, и в геральдике замечается предпочтение к античным мифологическим фигурам, они являются здесь как в гербах, так и в виде щитодержателей. Нигде так называемые гласные гербы не получали такого значительного распространения, как в Италии, это отчасти объясняется тем, что здесь большинство фамильных прозвищ сохранилось с древних времен и не было заменено названиями земельных владений, как это было в других странах Западной Европы. Весьма часты в итальянских гербах, а именно: в Милане, Генуе, Болонье, Парме, Павии, Пьяченце и др. эмблемы французских королей (три лилии), а также орел Римской империи, первые жаловались королями Франции фамилиям из партии Гвельфов, а последние императорами — Гибеллинам, эмблемы эти помещаются обыкновенно во главе гербов[1].

В *Испании* и *Португалии* в гербах весьма обычны особого рода *окаймления*, составленные из кусков, а равно и многочастные деления щита. В гербах встречаются самые разнообразные сочетания геральдических фигур с крестами, звездами, полумесяцами и фигурами животных. Такое разнообразие произошло оттого, что здесь знатные фамилии присоединяли к своим родовым гербам также и гербы своих феодальных владений и титулов.

[1] Гвельфы и Гиббелины — политические направления в Италии XII–XV вв.. Гвельфы – сторонники римских пап, гиббелины — императоров.

Из фигур в испанских гербах своеобразны весьма часто встречающиеся *котлы* (*calderas*) — особенная принадлежность знатных *Ricos hombres*, также лилиеобразные кресты, раковины Св. Иакова, безанты и кружки (*roeles*), обозначавшие число укрепленных замков, принадлежавших владельцу герба. Встречаются также *цепи*, которые увековечивают знаменитую победу короля Санчо Могучего над маврами в 1212 году, и андреевские кресты, в память взятия у мавров г. Базцы в 1489 году, в день памяти Св. Андрея. Шахматные геральдические фигуры, полумесяцы и звезды также обозначали победы, одержанные над маврами в ночных сражениях. Некоторые испанские фамилии французского происхождения помещали в своих гербах *лилии*. В гербах *Бискайи*, *Каталонии* и *Наварры* весьма часто встречаются *волки*. В окаймлениях испанских гербов преобладают эмблемы королевств *Кастилии* и *Леона*, жалованные королями, а иногда встречаются и целые девизы, помещенные в самом щите.

Английские гербы отличаются заостренной формой своих щитов, с выступающими верхними углами, впрочем, иногда они бывают и круглые, с окаймлением наподобие застегнутого пряжкой ремня, содержащего девиз. Самые гербы в Англии не представляют существенного различия от французских, разве только в том, что деления щита бывают в них очень многочисленными и гербы каждой фамилии осложняются множеством добавочных фигур, обременяющих собой так называемые геральдические. Очень часты здесь меха. Обыкновенные фигуры изображаются не в геральдическом стиле, а по возможности сходными с природой.

Особенно распространенными и свойственными английской геральдике являются в древних гербах *леопарды* (эмблема Нормандии и дома Плантагенетов), *розы*, красная и белая (домов Ланкастер и Йорк), рукава одежд своеобразного очертания (так называемые *manche mal taillé*), водосточные трубы (*watterbouget*, в виде буквы **M**, пересеченной горизонтальной чертой). В новейшей английской геральдике особенно излюблены эмблемы, имеющие отношение к морской жизни, как-то:

корабли, маяки, весла и проч., также в виде щитодержателей встречаются матросы, тритоны и т. п. Система различительных знаков, так же как и во Франции, точно выработана и строго применяется в английских гербах. Как мы уже упоминали, в Англии издавна шлем вовсе не изображался на гербах и вместо него клейнод (*crest*) помещался на венчике, свободно висящим над щитом девизы в Англии очень распространены и признаются почти необходимыми в гербах, они отличаются краткостью и выразительностью.

В *Германии* геральдика получила особенно многостороннее и целесообразное развитие и сохранила свои древние формы отчасти и доныне. Геральдическими образцами здесь особенно богаты XIV и XV столетия. Цвета по большей части просты, меха редки. Из фигур преобладают в гербах обыкновенные, т. е. естественные и искусственные, геральдические же встречаются реже. Особенное развитие в немецких гербах имеют шлемовые клейноды, придающие им много красоты и пышности и повторяющие нередко гербовую фигуру щита.

Знаки пышности встречаются реже, чем в других странах Западной Европы, и притом только у высшего дворянства. Также и система различительных знаков здесь почти не привилась. В различных местностях Германии гербы имеют своеобразный отпечаток и особые, местно встречающиеся фигуры. На *Нижнем Рейне* и в *Нидерландах* геральдика является смесью немецкой и французской, здесь часто встречаются меха, обрубленные фигуры, усеянные фигурами поля щита, ромбы, початки и т. п., свойственные французской геральдике; вместе с тем нашлемники изображаются в совершенно немецком стиле. В северной Германии часто встречается фигура котлового крюка (*Kasselhaken*), гербы *восточной Пруссии* носят польский отпечаток.

Следует заметить, что не во всех странах Европы, где в настоящее время употребляются гербы, геральдика достигла одинакового развития. Здесь мы разумеем те европейские страны, которые в Средние века стояли на низшей степени культуры и где рыцарства или вовсе не было, или же оно никогда

не достигало такого процветания, как на Западе. В таких именно условиях находились все славянские государства Восточной Европы, где геральдика не стала на твердую почву в те времена, когда она на Западе уже находилась в периоде своего полного развития и процветания, основываясь на твердых, вполне выработанных началах.

В двух первенствующих славянских государствах, *России* и *Польше*, геральдика как плод западной культуры явилась лишь как заимствование более позднего времени, перенесенное на совершенно иную и мало свойственную ей почву, почему она и является здесь в совершенно ином виде.

К нам, в Россию, западная геральдика проникла, несомненно, через Польшу, хотя и получила впоследствии свои местные особенности, относящиеся, впрочем, по большей части к более позднему времени.

Ввиду важности *польской геральдики* для истории происхождения наших русских гербов мы остановимся на ней подробнее. В Польше не было рыцарства, подобного западноевропейскому, и установлений, тесно с ним связанных, поэтому и гербы в этой стране не могли образоваться самостоятельно из туземных элементов, да и будучи привнесены извне, не могли найти в ней благоприятных условий для своего развития. Система польских гербов резко отличается от системы гербов западноевропейских как своим чрезвычайно простым составом, так и тем, что в ней каждый герб, нося свое название, употребляется множеством разных фамилий и таким образом теряет ту тесную, неразрывную связь с личностью владельца, которая существует на западе Европы, теряет те особенности, которые способствуют развитию геральдики как науки.

В Польше занесенная с Запада культурная геральдика попала на почву, уже имевшую свои существенные национальные особенности, здесь не было ни феодальной системы, ни рыцарства, но развито было *родовое начало*. Соседние землевладельцы, которые первоначально находились, несомненно, в родственных между собой связях, в случае угрожавшей им

опасности собирались под одно *общее знамя*, на котором помещался какой-либо *знак*, переходивший затем и к лицам, собиравшимся около этого знамени. Когда геральдика проникла с Запада в Польшу в XIV веке, то эти родовые знаки подчинены были точным геральдическим правилам и таким образом сложилась так называемая *польская система* гербов.

Итак, в основу польской геральдики легло *родовое* начало, в отличие от западноевропейской, где она основывалась на начале *личном*. Проследим в общих чертах, каким образом происходил этот процесс превращения первобытной польской геральдики в культурную, европейскую.

Новейшие исследования в области польской геральдики *Пекосинского* и др. доказали, что самые древние знаки на печатях польского дворянства, не поддающиеся ясному толкованию, происходят от *рунических письмен*. Рунические знаки занесены были в Польшу еще в конце VIII или начале IX веков, когда несколько прилабских лехитских племен появились в местности между Вартой и Одрой и положили начало польскому государству. Представители этих племен, живя в ближайшем соседстве с норманнами, переняли от последних в числе других военных обычаев и применение рунических письмен как знаменных знаков перенесенные в Польшу, они удержались здесь в течение многих веков, несмотря на то, что знание рун, вследствие утраты соседства с норманнами, стало вскоре забываться. В период нескольких веков, прежде чем эти руны как гербы нашли почетное место в польской геральдике, они прошли через несколько фазисов преобразований, которые наложили на них свои характерные черты.

Прежде всего повлияло на видоизменение рунических военных знаков, которые носились на жезлах еще в период язычества, принятие поляками христианства, в это время к рунам прибавлены были кресты, видоизменившие их первоначальные очертания. Второй фазис наступил с тех пор, как стали в Польше употреблять на войне знамена взамен древних жезлов, при этом произошли новые видоизменения рунических

знаков, через отпадение нижних их концов, прикреплявшихся к жезлам. Наконец, окончательный фазис преобразования этих знаменных знаков наступил в эпоху, когда появились в Польше гербы, созданные по правилам западноевропейской геральдики. Эта последняя уже застала в Польше упомянутые знаменные знаки, издавна употреблявшиеся польским дворянством, и видоизменила их в гербы. Отсюда объясняется, что польская геральдика весьма мало позаимствовала у западноевропейской и главная часть последней — геральдические фигуры — в ней почти отсутствуют. Впрочем, некоторые правила западной геральдики нашли и в Польше применение, и с введением гербов появляется здесь и должность герольда. Из рунических непонятных знаков стали сочиняться тогда гербы, отвечавшие вполне геральдическим правилам, так что их можно было описать или блазонировать.

Эпоха преобразования рунических знаков в геральдические эмблемы совпадает приблизительно со второй половиной XIII века, и уже с начала XIV века появляется в Польше множество гербов, составленных по правилам и образцам западноевропейским. При Казимире III Великом[2], который присоединил к Польше Волынь и Червонную Русь, влияние западной геральдики стало быстро вытеснять те начала, на которых до тех пор, в течение почти пяти веков, развивалась национальная система родовых знаменных отличий. С этого времени польская геральдика стала утрачивать одно из характерных своих свойств, а именно: свободу вырабатывания различающихся между собой эмблем из главного прототипа. Герб, перешедший впоследствии на геральдический щит польского дворянина (или рыцаря), первоначально был не чем иным, как изображением, помещавшимся на знамени. Это *родовое знамя* находилось на главной военной станице и служило отличительным знаком главного начальника или воеводы. Но так как это звание было потомственным, и притом переходило лишь к старшему в роду, то младшие

[2] Казимир III Великий (1310–1370) – король польский с 1333 г.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

1. 1300 г.
2. 1350 г.
3. 1400 г.
4. Половина XV столетия.
5. Половина XVI столетия.
6. XVI – XVII столетия.
7. XVIII столетие.

братья, образуя новые станицы, подчиненные старшему воеводе, принимали тот же *родовой знак* на знамени для доказательства принадлежности вместе со старшим братом к одному роду, но при этом, для различия, несколько видоизменяли таковой каким-либо незначительным *дополнением* или же *убавкой*. Подобное преобразование родового знамени имело значение только до тех пор, пока оно в военное время играло известную роль, при этом родовое знамя во время похода находилось в отряде старшего брата, воеводы, младшие же братья, полковники

или сотники употребляли его в походе с известными изменениями. Так как знак *станичный* точно изображался на щите начальника и служил гербом, то и видоизменения этого знака также служили гербами. Но при Казимире Великом в этот порядок введено было существенное изменение: вместо *родовых* знамен устанавливаются *областные*, и верховное начальство во время похода переходит к областному воеводе. С этих именно пор прекращается в Польше исконная система *преобразования родовою знамени*, и польская геральдика подчиняется вполне правилам западноевропейской.

Заслуживает внимания, что рунические знаки встречаются не только в польских гербах, но еще в гораздо большем количестве в гербах западнорусских. Этот любопытный факт привел сначала к предположению, что эти русские рунические гербы берут свое начало от варяго-русских норманнов, и этой теории придерживались многие ученые. Но специальные исследования доказали совершенную ошибочность такого предположения, русские гербы с руническими мотивами появляются, и даже в большом количестве, лишь в тех русских областях, которые некогда зависели от Польши, т. е. малорусской и белорусской шляхты. Нет сомнения, что гербы занесены были туда польской шляхтой и приняты русскими фамилиями.

Этот факт приводит нас к рассмотрению вопроса о переходе польских гербов в подпавшие польскому господству древние русские области Юго-Западной России, которые после татарского погрома недолго сохраняли свой политическую самостоятельность. Сначала они, за исключением Червонной Руси подчинившейся в 1340 году Польше, вошли в состав Литовского княжества, а затем, в 1386 году, стали входить, а через Люблинскую унию (1569) и окончательно вошли в состав польской короны. Усвояя внешний лоск польской цивилизации и шляхетско-польские воззрения, литовско-русские аристократы не могли не проникнуться любовью к гербам или так называемым *гербовым клейнодам*, которая царила в тогдашней Польше, и не стремиться к приобретению столь высоко чтимых в те

времена атрибутов благородного звания. Последнему, впрочем, содействовало и само польское правительство. Поставив главной целью своей политики объединить с Польшей литовско-русские земли во всех отношениях, оно за самое верное средство для этого признало, между прочим, уравнение в гражданских правах литовско-русской знати с польским шляхетством, и одной из главных мер для такого уравнения — наделение первой гербами последнего.

Обыкновенно первое появление гербов между литовско-русской аристократией относят к 1413 году. В этом году на Городельском сейме Великим князем Литовским Витовтом и польским королем Ягайлом[3] подписана была договорная союзная грамота, которой, между прочим, объявлена была литовско-русскому дворянству католического исповедания раздача гербов[4], соединенная с разными преимуществами польской шляхты.

К первой те половине XV века относятся жалованные или, вернее, подтвердительные грамоты на гербовые печати, выдававшиеся польскими королями княжеским фамилиям, происшедшим от Гедимина[5] и Владимира Святого[6], из которых видно, что печати эти употреблялись этими фамилиями еще в более раннее время. Известно, что князья русские и литовские издавна имели печати с символическими изображениями на них. Печати эти сначала не переходили по наследству, и даже нередко один и тот же князь при различных обстоятельствах прикладывал неодинаковые печати, но с течением времени символы на печатях делаются постоянными, наследственными. Так, например,

---

[3] Ягайло Владислав (ок. 1350–1434) — Великий князь Литовский в 1377–1392 гг., король польский с 1386 г.; Витовт (1350–1430) — Великий князь Литовский с 1392 г.

[4] Всех гербов роздано было на Городельском сейме 47 («Herbarz Niesieckjego», I. 557) (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[5] Гедимин (?–1341) — Великий князь Литовский с 1316 г., от него происходят князья Голицыны, Трубецкие, Хованские, Куракины.

[6] Владимир Святой (?–1015) — князь новгородский с 969 г., киевский с 980 г.

Витень[7], говорит наша Ипатьевская летопись: «Нача княжити над Литвою (1278), *измысли себе герб* и всему княжеству литовскому печать: рыцарь збройный[8] на коне, с мечем, еже ныне наричут *погоня*». Преемник его, Гедимин, избрал для своей печати новый символ — *ангела*, но бóльшая часть последующих литовских князей опять возвращается к прежней эмблеме, рыцарю збройному на коне, которая таким образом становится как бы наследственной. К этому же времени принадлежат, наконец, два важных для истории западнорусской геральдики акта, а именно: грамота короля Владислава-Ягайлы от 15 октября 1432 года и другая, Сигизмунда, Великого князя литовского и наследственных русских земель (1434). В первой грамоте польский король разрешает русским князьям, дворянам и боярам пользоваться теми же правами и привилегиями, как и литовским, употреблять те же дворянские гербы, как и литовцы, которые *заимствовали* свои гербы от польского дворянства и употребляют их до последнего времени. Эти литовцы, войдя сначала в соглашение с поляками, употреблявшими те же гербы, должны *приписать русское дворянство к своим гербам*. То же самое повторяется и в упомянутой грамоте Великого князя Литовского Сигизмунда. Таким образом, этими двумя актами гербы польских фамилий розданы были (через причисление к ним) и всем остальным влиятельным личностям Литовско-русского княжества, независимо от их вероисповедания. Нет никакого сомнения, говорит *Бобрович*, что все знатные паны и бояре, владеющие значительными поместьями, постарались обзавестись гербовыми клейнодами вскоре после Городельского сейма. И действительно, у некоторых документов, изданных вскоре после Городельской унии (1431—1433), мы встречаем уже целый ряд печатей литовских и западнорусских, на которых изображены гербы и, что замечательно, не только из числа вышеупомянутых 47-ми, но и таких, которых совсем не встречается

[7] Витень (?—ок 1315) — Великий князь Литовский с 1293 г., брат Гедимина.

[8] Збройный (сбройный) — вооруженный.

в польской геральдике того времени. Хотя эти последние и польского происхождения, но гораздо более древние, сохранившиеся только в литовских и западнорусских фамилиях от прежних времен.

Только мелкое литовско-русское дворянство (сословие зависимых землевладельцев, вроде мелких западноевропейских вассалов) не так скоро получило право иметь гербы. Но в 1569 году, во время Люблинской унии, и это сословие было уравнено в правах и преимуществах с польской шляхтой и получило давно желаемые им гербы, которые с этого времени, по выражению *Бобровича*, начали широким потоком разливаться по всему литовско-русскому княжеству, охватывая все слои туземного дворянства, не исключая и высшего духовенства[9].

Заметим, что в южнорусской литературе XVII века важную роль играло описание и истолкование дворянских гербов — *клейнодов*, как тогда большей частью их называли. Гравированные гербы и толковательные к ним эпиграммы помещались на обороте, а иногда и на лицевой стороне заглавного листа почти каждой выходившей в то время книги, какого бы содержания она ни была. Герботолкование входило как один из существенных элементов в панегирики, иногда в посвятительные до магнатов *предмовы* (предисловия в книгах), эпитафии и проч. В проповедях, произносимых при погребении знатных лиц, считали приличным обращать внимание на герб умершего и заниматься разъяснением символического значения его эмблем[10].

---

[9] Хотя Лакиер и говорит, что для русского духовенства особенных гербов не образовалось, несмотря на попытки Петра Могилы (?) и патриарха Никона сочинить себе гербы, но это не совсем верно, это совершенно справедливо только по отношению к Северо-Восточной Руси, где патриарх Никон действительно сочинил себе герб, и где попытка эта не имела успеха. Что же касается до Руси Юго-Западной, то здесь, под непосредственным влиянием Польши, это происходили иначе. Высшее духовенство избиралось преимущественно из шляхетства и сохраняло свои родовые гербы, дополняя их атрибутами духовного сана, как то: митрой, крестами, архиерейским посохом и проч. (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[10] См. по этому вопросу статью *С. Голубева* «Описание и истолкование дворянских гербов южнорусских фамилий в произведениях духовных писате-

Хотя родовые знамена, как мы видели, и заменены были в Польше с XIV века областными, однако в древних русских областях и Великом княжестве Литовском продолжал до конца XVII века существовать обычай приписываться к одному знамени и помещать на нем родовой герб старшего областного воеводы или полковника. Так, например, после взятия царем Алексеем Михайловичем Полоцка и Смоленска многие фамилии *полоцкой* и *смоленской* шляхты, приписанные, как значится в актах, к *знаменам черному* и *красному*, переселены были в Уфимский Край, где сделались родоначальниками многих русских дворянских фамилий[11].

Другой весьма интересный пример подобного гербового знамени сохранился в дворянском роде *Каховских*, принадлежавших к смоленской шляхте и перешедших в русское подданство и православие в 1654 году со взятием Смоленска. На этом знамени, которое, по семейному преданию, служило *полковым* для смоленской шляхты еще при польском господстве, мы видим под священными изображениями Богоматери и святых польский герб Нечуя, которым пользовались Каховские[12]. На другом польском знамени 1649 году, по-видимому, Волынского воеводства, которое сохраняется в Московской Оружейной палате, изображена фигура архангела Михаила, а возле нее, под

лей XVII века» в «Трудах Киевской духовной академии», 1872, кн. X, стр. 295–352. Заимствуем из этой статьи образцы южнорусских гербов XVI и XVII века, помещенные на таблицах (Прим. Ю. В. Арсеньева).

[11] См. «*Сборник материалов для истории уфимского дворянства*» *В. А. Новикова, изд. Гурсвичем*. Уфа, 1904, стр. 25: «Служилые люди, бывшие первоначальными поселенцами Уфимского края, происходили из смоленской и полоцкий шляхты *4-х знамен*, присланной при царе Алексее Михайловиче в 1655 году и принявшей подданство России по взятии Смоленска. Из них 124 человек, *при черном знамени*, поселены в Мензелинске, 126, *при красном знамени*, – в Шишминске» (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[12] Сведения об этом знамени, рисунок которого мы даем на рис. 8, любезно сообщены нам полковником Б. В. Каховским. Каховские в Польше жили в Сандомирской области, где владели Каховым и г. Конином. В XV веке одна ветвь их перешла в Смоленскую область, а впоследствии и в русское подданство (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

четырехконечным уширенным крестом (герб Волыни), помещен в щитке герб так называемой *Strzala sovita*,[13] принадлежавший одной из фамилий этого герба. Чтобы несколько ознакомиться с геральдическим типом гербов Юго-Западной Руси, приведем здесь несколько таковых, которые мы заимствуем из печатных изданий XVI и XVII веков. Эти образцы представляют особенный интерес для нашей русской геральдики как прототип наших позднейших русских гербов, как первые гербы, переходившие к нам из Польши и Литвы. При царе Алексее Михайловиче многие фамилии из Литвы, а также из возвращенных Московским государством древних русских областей, Малороссии и Смоленска, переходя на службу русского государя, удерживали свое древнее отличие — герб, и позднее, в конце XVII века, только просили царя об утверждении за ними такового.

Начнем с *княжеских* гербов Западной Руси. Герб князей *Острожских*, помещенный на обороте заглавного листа Острожской Библии, изданной в 1581 году (рис. 9), представляет четверочастный щит, имеющий форму тарча, над ним шлем, увенчанный пятью страусовыми перьями и с двухцветным наметом, окружающим щит. В первом поле его изображен обращенный влево всадник, поражающий копьем дракона (Св. Георгий), эта фигура употреблялась князьями Острожскими, как и другими Рюриковичами, в память их происхождения от князей Русских[14]. Во втором поле — всадник, обращенный вправо с поднятым мечом — это упоминавшаяся выше так называемая *Погонь* (*Pogón*), герб Великого княжества Литовского, она принята была князем Константином Острожским первым в память родственного союза с некоторыми фамилиями из дома князей Литовских. Остальные две гербовые фигуры: в третьем поле —

[13] «Herbarz Kojalowicza», p. 296 (*Прим. Ю. В Арсеньева*).

[14] Существует, впрочем, другое мнение о происхождении князей Острожских, а также и упоминаемых ниже князей Четвертинских, которое производит их от литовских князей племени Гедимина. См. «Историю родов русского дворянства» *П. Петрова* Спб., 1886, стр. 159 (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

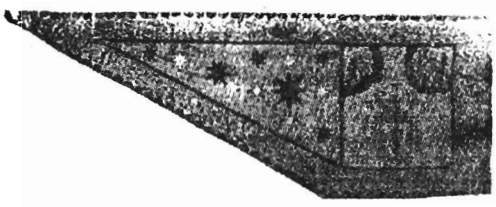


Рис. 8

Рис. 9

польский герб *Огончик*, и в четвертом — герб *Лелива*, указывали также на брачные союзы княжеской семьи с польскими фамилиями, имевшими эти гербы, впрочем, по другому толкованию, соединенные эмблемы двух последних гербов (*Огончик* сверх *Леливы*) и составляли собственно родовую гербовую эмблему князей Острожских.

Герб князей *Вишневецких* (рис. 10), потомков Гедимина (из книги, изданной в Киеве в 1632 году), содержит в сердцевом щите родовой герб Великих князей Литовских — *Погонь*; далее, в первом поле — герб *Корибут* (Ольгерда)[15]; во втором — полумесяц рогами вниз, с крестом сверху; в третьем и четвертом — гербовые эмблемы *Молдавии* и рода *Могил*, вероятно, указывающие на брачные союзы княжеской фамилии.

Рис. 10

Рис. 11

Герб князей *Четвертинских* (рис. 11), из книги, изданной в Киеве в 1641 году, заключает в верхней части пересеченного щита Св. Георгия (по той же причине, как и в гербе князей Острожских), а в нижней — скачущего на неоседланном белом коне совершенно обнаженного юношу (*mlodzian*) с мечом в

[15] Ольгерд — Великий князь Литовский в 1345–1377 гг., сын Гедимина.

Рис. 12

руке. Впрочем, князья Четвертинские, по происхождению Рюриковичи, имели и другой герб, более сложный.

Переходим к гербам духовных сановников Юго-Западной Руси. Герб *Петра Могилы*, митрополита Киевского (рис. 12), заимствованный из книги, изданной в Киеве в 1630 году, представляет щит, пересеченный и дважды рассеченный, образующий шесть полей. В первом и четвертом помещены гербовые эмблемы *Молдавии* (голова буйвола и пр.) и *Валахии* (ворон с крестом в клюве), на том основании, что *Могилы* были некогда господарями этих стран. Во втором (верхнем) поле родовой герб Могил — две перекрещенные сабли, с крестами на концах; в третьем поле — польский герб *Елита*: в пятом — герб *Остоя*, в шестом — герб *Новина*. Все эти гербы помещались в клейноде фамилии Могил как брачные или как гербы покровительства (*Елита* — герб *Замойских*). Герб митрополита увенчивался, кроме геральдических шлемов с коронами и пашлемниками, еще митрополичьей митрой (на других изображениях — шляпой, вроде католического каплюша).

Рис. 13

Рис. 14

Герб киево-печерского архимандрита *Иосифа Тризны* (рис. 13), изображенный в книге, изданной в Киеве в 1648 году, имеет в сердцевом щите литовскую *Погонь*, а в полях четверочастного щита польские гербы *Гоздава* (лилия), *Друцк* (четыре полумесяца, между ними меч), *Елита* (три золотых копья, сложенных в виде звезды) и *Побог* (подкова, под ней крест).

Рис. 15

Герб панов *Балабанов*, из дома которых происходил митрополит Киевский Диописий Балабан (рис. 14), изображен в книге, изданной в 1606 году, и заключает гербовую эмблему *Корчак*: в нашлемнике — собачья голова, возникающая из котла щитовых цветов.

Рис. 16

Из гербов южнорусских фамилий укажем еще древний герб известного в истории Малороссии киевского магната *Адама Киселя* (рис. 15), из киевского издания 1635 года. Это так называемый герб *Свентолдич*, изображающий в червленом поле белый шатер, имеющий черную с белым вершину, с золотым крестиком над ней, по сторонам шатра — две звезды. В нашлемнике герба — три кирпичные башни. Герб этот имеет свою историю. По преданию, внесенному отчасти и в нашу летопись, в княжение Владимира Мономаха воевода Свентольд Кисель, в отсутствие великого князя, сумел спасти Киев от осаждавших его печенегов следующей хитростью, когда в Киеве сделался голод и осажденные стали упадать духом, Кисель велел вырыть две ямы, из которых в одну насыпал муки, а в другую налил воды и, подсластив ее медом, смешал, что и образовало смесь, вроде *киселя*. Киевляне, увидев, что земля их производит муку и мед сама дает готовую пищу, ободрились и отбили неприятеля[16]. Этот герб принадлежит у нас дворянским родам *Киселевых* и *Брусиловых*. В Литве были

Рис. 17

[16] Лакиер «*Русская геральдика*», [т.] II, стр. 431 (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

известны Кисели-Брусиловские, из дома которых происходил и Адам Кисель, каштелян Киевский и воевода Брацлавский. Другой герб, фамилии *Стеткевичей* (рис. 16) содержит в четверочастном щите польские гербы; в первом поле — *Косцеша*; во втором — *Огинец*; в третьем — *Друцк* и в четвертом — *Богория*. В нашлемнике его — три страусовых пера. Наконец, заимствованный из «*Евангелия учительного*», киевского издания 1637 года, герб принадлежит древней малороссийской фамилии *Прискура-Сущанских* (рис. 17) и содержит руническую эмблему.

Из всего сказанного достаточно явствует, что наша русская геральдика, появившаяся не раньше второй половины XVII века, имела уже готовые образцы в тех гербах, которые во множестве заносились в пределы Московского государства не только из соседней Польши и Литвы и возвращенных русских областей, но также и многочисленными выходцами из других стран Западной Европы. Это не замедлило, конечно, повлиять на появление и развитие у нас геральдического вкуса. Мы уже упоминали выше (стр. 60) о зарождении государственной геральдики при царе Алексее Михайловиче, причем деятельная роль выпала на долю Посольского приказа с его тогдашним начальником, любителем просвещения и *западных новшеств*, боярином А. С. Матвеевым. Гербы, в настоящем значении этого слова, стали употреблять в России прежде других иностранцы, состоявшие тогда в ведении Посольского приказа. Этим объясняется, что в конце XVII и начале XVIII веков «*гербы сказывались*» из Посольского приказа, что и оставалось так до учреждения Герольдии при Петре.

Развитие геральдического вкуса, распространявшегося у нас в то время главным образом через Польшу, отразилось, между прочим, и в дошедших до нас *знаменах* и *прапорах* времен царя Алексея Михайловича. Таково, например, так называемое *гербовое знамя* 1666—1678 годов, на котором, вокруг московского герба, изображены в клеймах областные гербы (Оружейная палата, № 4071). Несколько знамен *стрелецких* и *иноземских* полков того времени представляют также несомненный

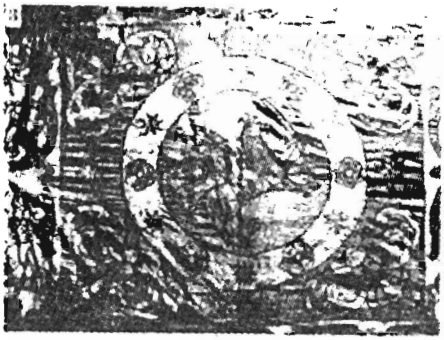


Рис. 18

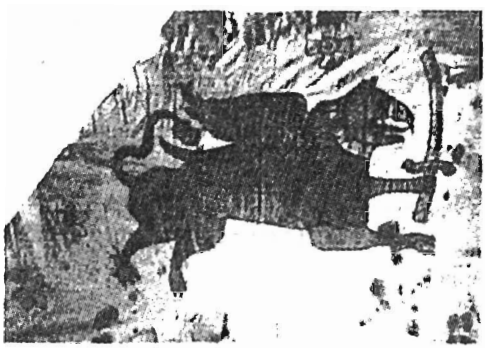


Рис. 19

геральдический интерес, почему мы воспроизводим их здесь по подлинникам, сохраняющимся в Оружейной палате[17].

На двух *стрелецких* знаменах № 4141 (рис. 18) мы видим в круглом клейме правильное геральдическое изображение восстающего *коронованного грифа* с мечом в правой лапе, на других двух *драгунских* знаменах XVII века (Оружейная палата, № 4171) изображены также», согласно описи: «*Зверь грив, повыше зверя — по кресту лазоревому*» (рис. 19). На солдатском знамени (Оружейная палата, № 4144) конца XVII века

[17] Знамена эти издаются здесь впервые, после произведенной нами реставрации оригиналов через нашивку их на тюль (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

мы видим изображение птицы-грифа (с рогами) в круге, в углу вшит шестиконечный крест, на полях восемь звезд (рис. 21).

Далее укажем два знамени XVII века *сибирских стрельцов* (Оружейная палата, № 4173, 4174), на которых изображены посреди, в совершенно геральдическом стиле, излюбленные у нас в то время эмблемы *льва* и *единорога*, стоящих и обращенных лицом друг к другу, на каймах этих знамен, сделанных из холста, вшиты изображения *солнца*, *креста из лилий* и *восьмилистника* или *розы* (рис. 24)[18].

На *солдатском* знамени конца XVII века (№ 4147) вшито изображение *китоврасса*, пускающего стрелу (рис. 25), на другом (№ 4145), рис. 20,— выходящая из облака *рука, закованная в латы, с мечом*. Обе эти эмблемы встречаются в польской геральдике, где первая носит название герба *Kitawrus*, а вторая — *меньшей Погани* (*Pogon mniejsza* или *Sdarbozec*)[19].

На сотенных знаменах *астраханских стрельцов* конца XVII века (Оружейная палата, № 4108–4114) мы видим изображение *астраханского герба* (из царского «*Титулярника*»): в лазоревом поле сабля белая под короной астраханской, черен сабли и корона золотые.

Укажем, наконец, знамена полков *иноземского строя* (№ 4121–4125) времен царя Михаила Федоровича, из желтой шелковой камки[20] с вшитыми в них совершенно геральдическими *андреевскими*, так называемыми *пнистыми крестами* (*schräges Astkreuz*). Здесь мы встречаем важное для нас указание на то, что геральдические эмблемы в наших войсках XVII

[18] Знамена эти, без всякого основания, в «*Описи Оружейной палаты*» отнесены к XVI в. и значатся будто бы принадлежавшими Ермаку и его сподвижникам (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[19] В польской геральдике есть пять видов герба так называемой Погони, из которых три изображают с различными вариантами *всадника с мечом*, а две остальные — *руку с мечом*. Обе эмблемы эти употреблялись в гербах фамилий литовского происхождения (первый вид *Погони* — княжескими фамилиями, происходившими от Гедимина). Последней особенно изобилуют наши русские гербы, часто без всякого отношения к происхождению из Польши и Литвы (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[20] Камка — шелковая узорчатая ткань.

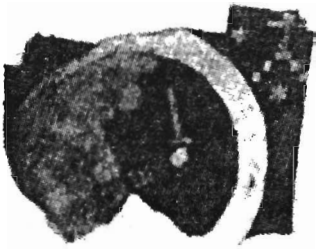


Рис. 20

Рис. 21

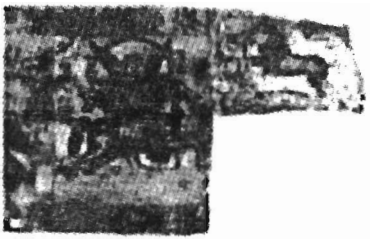


Рис. 22

Рис. 23

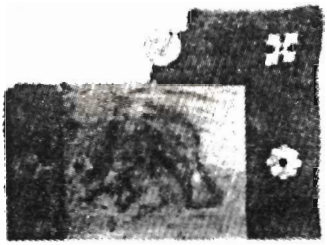


Рис. 24

Рис. 25

Рис. 26

Рис. 27

века получали распространение также и через служивших у нас тогда иноземцев, выходцев из Западной Европы. Упомянем здесь также нагрудные знаки с *львиными личинами*, украшавшие в те времена грудь наших *пушкарей*, каковые, несомненно, западного происхождения и имеют также геральдический тип[21].

С XVII века появляется у нас обычай употребления царскими послами при дипломатических встречах с иноземными послами, как, например, при посольских съездах, особых *прапоров* или, по-западному, баннер. Прапоры эти, вероятно, введены были у нас тогда по примеру подобных же, существовавших в соседней Польше. Они украшались различными эмблемами, в том числе иногда гербами той или другой области, в соответствии с почетными титулами *наместников* таковых, которые давались государевым послам. Такие посольские прапоры носят некоторый геральдический отпечаток, но в то же время подтверждают и тот факт, что личных гербов у нас в то время еще не было, даже у самых сановитых лиц, если же они и выбирали какую-нибудь геральдическую эмблему, то она имела лишь случайный характер и не являлась наследственной, т. е. гербом в действительном его значении. В Оружейной палате сохраняются два таких прапора боярина *Василия Семеновича Волынского* — большой и малый, они служили, вероятно, подобным знаком достоинства при посольских переговорах его с Польшей. Известно, что в 1671 году он послан был на Андрусовский съезд, в следующем году отправился полномочным послом в Мигловичи для решения пограничного спора между Литвой и запорожскими казаками, наконец, он же ездил послом и в Варшаву. На большом шелковом прапоре, или знамени Волынского, червленого цвета (№ 4201), изображен царь

---

[21] В росписи оружия 1664 г. сказано: «Отпущено из Оружейной палаты в Пушкарской приказ пушкарям 34 пары *кругов железных*, в том числе пара железных кругов, *львовы головы, да в роту пушки*, на железных кругах писаны орлы одноглавые, в правой лапе пушка, в левой — трость» (Архив Оружейной палаты, роспись 172 года лл. 1–4, 8, 16) (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

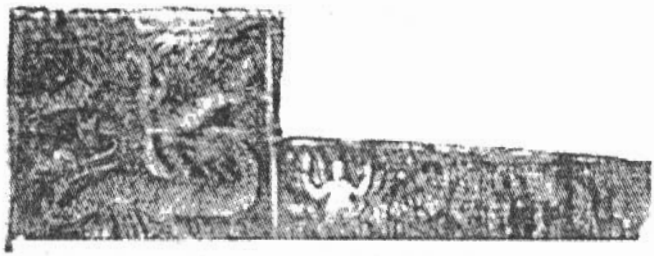


Рис. 28

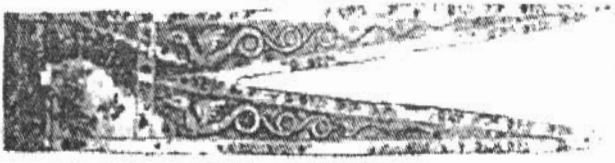


Рис. 29

Константин, поклоняющийся Святому кресту, с надписью: «*Сим победиши враги*», а внизу знамени, по-польски; «*Snamie Basily Siemonewiz Wolynskiego*[22]. По полю и откосам его рассыпаны золотые звезды. Малый прапор того же Волынского был уже нами описан выше и воспроизведен на рис. 28.

Подобный же характер посольских имеют относящиеся также к XVII веку прапоры (Оружейной палата, №№ 4199, 4200), из них последний — с *владимирским гербом*; на откосах их изображены львы и драконы (рис. 27, рис.29). Наконец, на прапоре № 4195 изображен Архангел Михаил на огненном коне (около него буквы З. А. Н. В. С., обозначающие, вероятно, кому принадлежало это знамя или прапор), на сохранившемся откосе его — геральдический лев (рис. 22).

Всех приведенных здесь примеров достаточно, чтобы убедиться, насколько геральдические эмблемы, проникавшие с Запада, сделались у нас обычными в XVII веке. Это создало ту геральдическую почву, на которой в исходе этого века могли появиться у нас, наконец, и родовые гербы.

---

[22] Знамя Василия Семеновича Волынского (*польск.*).

Лекция XXII

Начала геральдики в России и ее составные элементы. Заключение.

Итак, не подлежит сомнению, что наша русская геральдика слагалась под влиянием Запада и, главным образом, Польши, но также, как и в других европейских странах, она получила и у нас свои особенности, заимствованные из местных культурно-исторических условий.

Хотя понятие о гербе перешло к нам из Польши и Литвы, но идея, лежавшая в основе польской геральдической системы, не могла найти у нас полного применения уже и потому, что наша русская геральдика имела и свои чисто русские источники, а именно древние знаки, или знамена, служившие для означения родовых владений и перешедшие затем в печати и, наконец, в гербы княжеских родов

Элементы первобытной геральдики в виде особых знаков для узнавания друг друга в бою, а также для обозначения разных видов собственности, существовали издавна и у нас, как и у других народов Востока и Запада. Так, например, в новгородской летописи под 1016 годом приводятся слова Ярослава к дружине: «*Знаменайтеся, повивайте себе убрусы голову*» (*новгородская I летопись 1016 года*). Без сомнения, существовали и другие отличительные боевые знаки, как, например, червленые щиты русских воинов, упоминаемые в «*Слове о полку Игореве*» и т. п. В другой летописи упоминается о том, что «Ловища Великой княгини Ольги суть по всей земли *знаменья* и месты, и повосты» («*Повесть временных лет*», 947 год). Издавна принято было на Руси

обозначать межевые грани земельных владений особыми знаками (как, например, топор, лук, вилы, борода, косы, мотовило и т. п.), каковыми изобилуют наши древние писцовые книги. Знаки подобного рода встречаются у нас и на монетах. Известны например, такие родовые знаки на монетах Владимира Святого и его сыновей Святополка и Ярослава[1]. Древний княжеский быт недалеко уходил тогда от быта простонародья тех времен. Как князь, так и смерд имели одинакового рода собственность, заключавшуюся в скоте, скирдах, хлебе, бортях пчел и т. п. На эти предметы являлась надобность *класть знак*, указывающий на их принадлежность, отсюда и произошли созданные самой жизнью *знамена*, *резы* и *пятна*, применявшиеся на всей собственности князей и распространявшиеся и на чеканившуюся ими монету.

Наконец, и у нас, на Руси, существовали с древнейших времен шлемы, щиты, кольчуги и другие принадлежности боевого вооружения. Однако из всех этих перечисленных нами элементов, в силу особых условий нашей культуры, не выработалось геральдических форм в виде наследственных гербов, как мы это видели на Западе. Боевыми символами являлись у нас исключительно *священные изображения*, помещавшиеся на военных знаменах, а иногда и на шлемах военачальников (каково, например, изображение *Св. архистратига Михаила* на шлеме великого князя Ярослава Всеволодовича или же изображение так называемого *Деисуса (моления)* и святых на княжеской боевой шапке византийского типа XIII века). Таким образом, на боевом оружии наших князей светские эмблемы, в силу религиозных взглядов, признавались неуместными, таковые допускались иногда на

[1] Этот *родовой знак* на монетах Владимира Святого имеет форму *трезубца с крестом над средней его чертой*, знак этот на монетах его сыновей представляет незначительные изменения, которым исследователи приписывали значение так называемых геральдических *brisures*. См. статью *А. В. Орешникова «Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах»*, *«Археологические Известия»*, 1894, № 10 (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

княжеских печатях, хотя и на этих последних все же преобладали священные изображения[2].

Как мы уже заметили выше (стр. 106), в нашей русской геральдике печати предшествовали гербам, и поэтому изучение чисто русских источников некоторых наших гербов более древнего происхождения находится в теснейшей связи с русской *сфрагистикой*. Следя за историей наших печатей, государственных и частных лиц, мы постепенно приближаемся к *гербу*, т. е. печати с признаком наследственности, каковой появляется у нас для частных лиц не ранее эпохи Петра Великого. История *русского государственного герба* тесно связана с историей печатей московских государей, служивших первоначальным его проявлением.

Употребление печатей на Руси вообще восходит до отдаленных времен договоров древних руссов с греками. Упомянутый нами обычай ставить знаки собственности на великокняжеских монетах перешел и в более позднюю (XIV—XV века) эпоху, но только *родовой знак* заменился изображением *перстенной княжеской печати*, которая вырезывалась на монетном штампе, вокруг коего прибавлялась надпись: «Печать князя или великого князя» и отчеканивалась на монете. Печати, употреблявшиеся удельными и великими князьями Древней Руси, изображали чаще всего лик Спасителя, Богоматери с Младенцем или же особенно почитаемого святого, обыкновенно соименного князю, владетелю печати. Но вообще все дошедшие до нас печати русских князей татарского периода носят весьма разнообразный и случайный характер, что объясняется отсутствием в те времена понятия о наследственной эмблеме или гербе. В XIV—XV веках

[2] Причины такой исключительности следует искать отчасти в самом характере нашего древнерусского искусства, имевшего исключительно *религиозный*, церковный характер, в противоположность западному. Так, например, на Западе средневековая архитектура изобилует изображениями животных и разных чудовищ в виде наружных прилетов на храмах и др. зданиях, у нас же такие изображения *запрещаются*, не только в церквах, но и на воротах домов. См. *Ф. И. Буслаев*. Сочинения, т. I, стр. 28, изд. 1908 г. (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

печати не имели еще того значения, которое они стали получать позже, начиная с Иоанна III, при котором понятие о государственности, а в связи с ним и наглядное представление о ней в форме герба, получили большее развитие.

Каждый князь, властвуя в своем уделе, имел необходимость в печати, которой он утверждал как свои договоры с Москвой и иными городами, так и акты своих подданных. Если печати эти, первоначально произвольные, часто видоизменялись, если нельзя положительно сказать, что все они перешли в гербы, тем не менее было явлением совершенно естественным, что удельные князья, утратив свою самостоятельность и заняв в рядах московских служилых людей самое почетное место, по обычаю, существовавшему издавна, сохраняли в печатях своих изображения, которые были первоначально эмблемами их владения тем или другим княжеством и получали затем наследственный характер герба. Таким образом, печати предшествовали у нас фамильным княжеским гербам, появившимся гораздо позднее.

Самостоятельные области, *Новгородская* и *Псковская*, также имели свои собственные печати, еще до присоединения их к Москве[3]. Впоследствии каждая присоединенная к Московскому государству область получала свою особую, *путную* печать (для актов, исходивших от государева имени, из разных *путей* центрального управления). Отсюда понятно, что и такие завое-

[3] Первоначально печать *Великого Новгорода* имела изображение *«вечевых ступеней, с положенным на них посохом архиепископа»* и надписью: *«Господина Великого Новгорода»*. Впоследствии к этому основному изображению были прибавлены *медведь* и *собака*, на печати Грозного, с надписью: *«Печать наместника Великого Новгорода»* (рис. 1) и, наконец, в XVII в.— *два медведя* и *внизу две рыбы* (на царском покровце и тарелке царя Алексея Михайловича), рис. 2, 3. Любопытно, что в *Гамбурге*, в числе других гербов городов *Ганзейского союза*, сохранился древний герб *Великого Новгорода* с изображением *головной фигуры великого князя в Мономаховой шапке*. Герб этот, конечно иноземного происхождения и у нас, по-видимому, применения не получил. Герб псковский — *бегущий вправо барс* — изображен также на печати Грозного (рис. 1) и на тарелке царя Алексея Михайловича (рис. 4). По мнению *Лакиера*, эмблема псковского герба *ганзейского происхождения* (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

вания, как Смоленск, царство Казанское и царство Астраханское, по примеру Новгорода и Пскова, получали немедленно же свои особые печати. В этом отношении весьма замечательна сохранившаяся до настоящего времени большая печать *Ливонской земли* на акте 1564 года. Печать эта прекрасно выполнена и замечательного рисунка. Двуглавый русский орел с московским всадником на груди попирает ногами два геральдических щита, на одном из которых литовская *Погонь*, а на другом — меч крест накрест с ключом. Из официального летописного объяснения мы узнаем и причину помещения этих гербов. «Того лета (1564),— говорит летопись,— повеле царь и Великий князь сделати печать в свою вотчину, Вифляндскую землю, в град Юриев, а на печати клеймо — орел двоеглавыи, а у орла, у правые ноги *гербы*, печать магистра Ливонского, а у левые ноги гербы, печать Юриевского бискупа»[1].

Государственная печать, или *герб Московского государства*, установилась, как известно, при Иоанне III после брака его с греческой царевной Софией Фоминичной Палеолог, из последнего императорского рода Византии. Печать эта двухсторонняя: на одной стороне ее изображен скачущий вправо крылатый всадник, который поражает копьем змея, на другой стороне — изображение двуглавого орла с опущенными распластанными крыльями и с короной на каждой голове. Из этой первоначальной государственной печати, через частичные видоизменения и дополнения ее, постепенно слагался российский государственный герб в его нынешнем виде. При отсутствии у нас до конца XVII века гербов у частных лиц можно рассматривать наш государственный герб с входившими в его состав областными печатями или гербами как полное отражение нашей русской государственной геральдики в эту первоначальную ее эпоху.

---

[1] «*Русская Историческая Библиотека*», т. III. стр. 230. Снимки древнейших русских печатей. М., 1882. Таб. 67. См. *Н. Лихачева «Дело о приезде в Москву Антония Поссевина»*, СПб., 1903, стр. 129 (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Важнейшим видоизменением двухсторонней печати Иоанна III были соединение в одно обеих составных частей ее, т. е. всадника стали изображать на щитке, на груди орла, что и дало печати характер законченного герба. Впервые печать и золотые монеты с таким соединением встречаются в царствование Иоанна IV Грозного. Затем мы видим печати с таким же соединенным изображением орла со всадником в царствование Федора Иоанновича, обоих Лжедмитриев и царя Михаила Федоровича.

Из частных дополнений герба Иоанна III важнейшее состояло в том, что вокруг двуглавого орла стали изображать гербы главных областей, присоединенных к Московскому государству. Первый пример герба с таким дополнением сохранился на печати царя Иоанна IV Грозного, которая находится при грамоте первого Лжедмитрия к его тестю Юрию Мнишеку. На этой печати вокруг двуглавого орла с всадником на груди изображены печати или гербы областей: Казанской, Псковской, Тверской, Пермской, Болгарской, Черниговской, Нижегородской, Вятской, Югорской, Смоленской, Астраханской и Новгородской (рис. 1)[5]. При царе Алексее Михайловиче в большой государственной печати гербы отдельных областей заменены более общими эмблемами, именно: на правой стороне изображены три городка и над ними буквы *В. М.* и *Б.*, т. е. *Великая*, *Малая* и *Белая Россия*, а на левой стороне от орла другие три городка с буквами *В. З.* и *С.*, т. е. *Восточная*, *Западная* и *Северная* страны. Под орлом помещен эмблематический знак «*отчича и дедича*» (два прапора, между которыми помещены в столбе четыре равноконечных крестика), охраняемый с каждой стороны пятью вооруженными

[5] Над орлом уже на государственной печати Иоанна Грозного появляется посредине *корона*, которая, однако, становится *постоянным атрибутом* двуглавого орла лишь со времени царя Михаила Федоровича. В окружной царской грамоте 1625 г. о *сделании новой государственной печати* (изд. в ч. III, № 70, «*Собрание государственных грамот и договоров*») говорится: «А что у нашей прежней печати были *промеж глав орловых слова*, и ныне у новыя нашея печати *слов нет, а над главами у орла — коруна*». Таким образом, с этих пор орел получает три короны (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Рис. 1

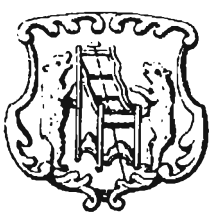


Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

воинами. Над орлом — три короны, которые, по официальному объяснению того времени, обозначали «*три великих славных царства: Казанское, Астраханское и Сибирское*»[6].

Упомянем о другом варианте государственного герба, сделанном при Иоанне IV Грозном, он состоял в присоединении к двуглавому орлу *единорога*, особенно на двухсторонних печатях[7]. При этом на одной стороне печати изображался орел со всадником на груди, а на другой стороне — орел с фигурой единорога (вместо всадника). Такая усложненная форма герба встречается и в царствование Бориса Годунова, и царей Михаила Федоровича, и Алексея Михайловича. Мы уже упоминали о том, что единорог является эмблемой на частной печати Иоанна Грозного. При царе Алексее Михайловиче, при геральдизации государственного герба, решительное предпочтение дано было изображению всадника, и с этих пор эмблема единорога исчезает отсюда окончательно.

Та же форма и те же изображения, какие находились на большой печати царя Алексея Михайловича, сохранились также на государственных печатях Федора Алексеевича и первых годов царствования Петра. Гораздо полнее атрибуты в государственном гербе, приложенном к дневнику иностранца *Корба*, бывшего в России в конце XVII века, здесь мы видим на груди орла московский герб, на правом крыле его — знамена:

[6] См. статьи наказа, данного переводчику Посольского приказа Василию Боушу в 1667 г., изд. в ч. IV, № 57, «*Собрание государственных грамот и договоров*». Три короны, венчающие двуглавого орла, при царе Алексее Михайловиче стали по форме ближе подходить к шапке Мономаха (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[7] См. рис. 5 (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

киевское, новгородское и астраханское, а на левом — владимирское, казанское и сибирское. Вокруг всего герба на особых щитках 26 других гербов областей и городов, упоминаемых в титуле русского царя, ему принадлежащих, равно и тех областей, на которые Россия имела притязание (рис. 6).

По мере увеличения пределов России должны были изменяться и гербы, окружающие двуглавого орла, гербы городов, прежних столиц княжеств, уступили место гербам отдельных царств и государств, присоединенных к России. В настоящее время на правом крыле орла в государственном гербе помещаются гербы царств: Казанского, Астраханского и Сибирского, а на левом — царств: Польского, Таврического и Великого княжества Финляндского. В большой же государственной печати, кроме того, вокруг щита — гербы всех прочих губерний и областей.

Три царские короны, венчающие двуглавого орла, при Петре I изменены были, с принятием им императорского титула, в императорские.

Кроме государственной печати, весьма важный материал по изучению вопроса о возникновении областных и городских гербов представляют «*Снимки с древних русских печатей, изданные Комиссией печатания государственных грамот и договоров при Главном архиве Министерства иностранных дел*», а также помещенные в «*Сборнике с древних печатей Московского архива Министерства юстиции*», изданном Ивановым. В приложении приводим интересную в этом же отношении архивную *роспись* 1656 года *печатей сибирских городов* с описанием их гербов времени царя Алексея Михайловича[8].

Замечателен также для государственной геральдики XVII века сохраняющийся в Оружейной палате царский *саадачный покровец* (№ 6356). В середине его вышит волоченым золотом и жемчугом двуглавый орел с московским гербом на щитке, вокруг покровца, на красной атласной кайме, в щитах, обнизанных

[8] Документ этот любезно сообщен нам А. В. Орешниковым (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Рис. 6

жемчугом, вышиты гербы: казанский, астраханский, сибирский, новгородский, псковской, тверской, пермский, вятский, болгарский, нижегородский, рязанский и ростовский[9].

Наконец, заслуживает внимания сохраняющаяся там же *тарелка царя Алексея Михайловича* («*Древности Государства*

[9] Мы даем взятые с этого *покровца* (рис. 1) изображения гербов: рис. 3 — *новгородского*, рис. 7 — *сибирского*, рис. 8 — *тверского* и рис. 4 — *псковского*. Лакиер ошибочно считает этот покровец принадлежащим к трону царя Михаила Федоровича. В описи 1687 г. он значится как покровец *саадачный большого наряда* и, следовательно, никакого отношения к означенному царскому трону не имеет (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Российского». Отд. V, № 42), на ней также изображены финифтью в середине — государственный герб, а по краям, в орнаменте,— 16 гербов, каждый в особом щите. Гербы главных княжеств (в том числе Смоленского) изображены здесь в больших щитах, под особыми коронами (рис. 3), а гербы второстепенных — в малых щитах. Здесь видна уже попытка изобразить гербы в *красках*, чего прежде не было (см. также рис. 8, 10, 11).

Из всего сказанного становится ясным, что историческим началом русской геральдики следует признать *постепенное развитие государственного герба* и геральдизацию вошедших в его состав областных печатей, которые отчасти вошли затем и в княжеские гербы.

Орел в русском государственном гербе с конца XV века есть двуглавый, черный, изменялось лишь положение крыльев его. На печати Иоанна III мы видим его с опущенными крыльями. Такая форма их оставалась без изменения до конца XVI века, затем орел с распущенными крыльями появляется на некоторых печатях Лжедмитрия, но в гербе времен царя Михаила Федоровича они опять спущены. Наконец, в царствование Алексея Михайловича, когда окончательно сложился наш государственный герб, орел стал изображаться с распростертыми крыльями. В конце XVII века геральдический тип двуглавого орла является уже вполне выработанным, таковым мы встречаем его, например, на *стрелецком знамени конца XVII века* (№ 4143), хранящемся в Оружейной палате, здесь орел весьма приближается по своему типу к нынешнему, и в рисунке, и окраске его заметен уже геральдический отпечаток (так, например, *вооружения* орла имеют особый цвет). Орел изображен здесь без сердцевого щитка (рис. 26 *на стр. 353*). Из других дополнений государственного герба укажем еще на то, что с Великого князя Василия Иоанновича главы орла стали изображаться с открытыми клювами и с выдающимися из последних языками и что со времен царя Михаила Федоровича в лапах орла стали изображать иногда *скипетр* и *державу* (это, впрочем, не считалось существенным даже при царе Алексее Михайловиче).

Что же касается *всадника* в московском гербе, помещаемом на груди орла, то в изображении такового долгое время существовала неустойчивость, всадник, колющий змия, изображался в различных одеяниях, обращенным чаще влево (геральдически), но иногда и вправо. Притом и самое значение его бывало еще тогда различное, так, например, он часто олицетворял самого великого князя или его наследника[10]. Царь Алексей Михайлович, выписав из Австрии императорского герольдмейстера Лаврентия Хурелича, поручил ему точнее формулировать русский государственный герб. В 1667 году для скрепления мирного Андрусовского договора с Польшей сделана была новая большая царская печать и вместе с тем издано узаконение, разъясняющее значение изображенного на ней государственного герба, которое мы уже приводили выше.

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Таким образом, мы видим, что государственная печать московских царей слагалась

[10] До самого конца XVII в. изображение всадника в гербе никогда не признавалось у нас за изображение *Св. Георгия*, но известно было под простым названием «*ездца*» (ездока). *Лакиер* считает вероятным заимствование изображения этого скачущего всадника в первоначальной его форме, т. е. с занесенной в руке саблей, из литовского герба «*Погони*», с которым он имеет весьма много общего. Этому заимствованию мог способствовать брак Великого князя Василия Дмитриевича на литовской княжне Софии Витовтовне. См. [*Лакиер А. Б.*] «*Русская геральдика*», стр. 117–118; *Загоскин* «*История права Московского государства*», стр. 201–202 (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Рис. 11

путем чисто историческим и *развилась в герб* под западным влиянием.

Ознакомившись с историей нашего государственного герба, нам остается сказать еще несколько слов о развитии у нас понятия *о частном гербе*. Здесь мы также встречаем первоначальную *сфрагистическую* эпоху, предшествовавшую *геральдической*. До нас дошел длинный ряд печатей наместников, воевод, судей, писцов, губных старост, городских приказчиков и т. д., свительствующий об употреблении на официальных актах по должности личных печатей самых разнообразных изображений. В этом числе мы встречаем печати нескольких больших дворецких, т. е. начальников Большого Дворца, каковы, например, печати *боярина Никиты Романовича Юрьева* («*Сборник снимков Древних печатей*» *Иванова*, № 100, 1565 г.), князя *Ф. И. Хворостинина* (*ibid*; № 116, 1576 г.), боярина *Григория Васильевича Годунова* (№№ 132, 143, 1586–1994 г.), перешедшая по наследству и его брату *Степану Васильевичу Годунову* (1605 г.).

Особое значение имели печати царских послов при посольских съездах с иноземцами. Некоторые документы при этом печатались частными печатями русских дипломатов, высланных на съезд. Печати эти, за полной произвольностью изображений на них, предварительно показывались государю. Такие печати мы видим, например, на договорной записи, заключенной со шведами в 1585 году на посольском съезде на реке

Нарове, их три, по числу послов. На печати князя *Федора Дмитриевича Шестунова-Ярославского* изображен конный стрелец с подробной подписью вокруг; на другой печати, думного дворянина *Игнатия Татищева*,— изображение Самсона, раздирающего пасть льва; наконец, на третьей, дьяка *Петра Тиунова*,— ангел, ведущий за собой на цепи льва (См. «*Снимки древних русских печатей, изданные Комиссией печатания* [*государственных*] *грамот и договоров*», №№ 86–88).

Заметим, что еще с конца XVI века представители некоторых княжеских наших фамилий под несомненным влиянием Польши начинают пользоваться печатями с эмблемами геральдического типа. Как известно, князь *Андрей Михайлович Курбский-Ярославский*, бежавший от Иоанна Грозного в Литву, геральдизировал свою печать, которая утверждена была за его родом польским королем: это так называемый герб *Лев*, в котором этот последний изображен восстающим и обращенным вправо, в *червленом поле*[11]. Позднейшее объяснение этого герба, данное в XVII веке *Окольским*, едва ли может считаться достоверным, ибо, как мы видели, гербы литовских и русских княжеских фамилий Великого княжества Литовского обыкновенно не давались вновь, а лишь утверждались за ними королями польскими. Но помимо этого примера, который может быть признан исключительным, мы имеем еще и другие. Так, например, нам известно, что в 1611 году князь *Федор Иванович Мстиславский* пользовался печатью, резанной для него, вероятно, каким-нибудь иностранцем, *по всем правилам геральдики*. Мы видим здесь в гербовом щите коронованного льва, а над щитом буквы *F. D. G. D. M.*, обозначающие, по объяснению *Н. П. Лихачева*, что Мстиславский был «*Dei gratia dux*»[12]. Печать эта приложена к ответной грамоте, писанной от управлявших государством бояр к польскому королю Сигизмунду в январе 1611 года[13]. Другая известная нам печать геральдического

[11] См. «*Herbarz Rycerstwa Litéwskiego Kojalowicza*», изд. *Пекосинским*, стр. 144 (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[12] Божьей милостью князь (*лат.*).

типа принадлежит знаменитому князю *Дмитрию Михаиловичу Пожарскому-Стародубскому* и относится к 1612 году. На ней мы видим геральдический щит в виде картуша с изображением одноглавого орла с поднятыми крыльями, обращенного влево и клюющего мертвую голову («*Снимки древних русских печатей*», изд. 1882 г., № 90). Такая печать имеет совершенно случайный характер, не соответствуя знамени *Стародубкого* княжества, изображавшему старый дуб. Эту последнюю эмблему мы встречаем в другой, позднейшей печати князя *Михаила Григорьевича Романовского-Стародубского* (1689 г.) (дуб, под ним медведь, влево идущий)[14]. Но подобных, известных примеров мы могли бы привести еще несколько. Вообще следует заметить, что выбор эмблем на русских печатях XV—XVII веков поражает своим разнообразием и часто полной неожиданностью, эмблемы эти имеют в большинстве своем случайный характер. Это объясняется тем, что печати Московской Руси не были гербами и не претендовали даже на такое значение.

«В то время,— говорит наш ученый исследователь *Н. П. Лихачев*[15],— как западная европейская сфрагистика *тесно сродни-лась с геральдикой* и выработала целую систему правил о типах, форме, величине печатей, русская сфрагистика не поддается систематизации. Мало того, в этой сфрагистике мы видим полное отсутствие того консерватизма, того пристрастия к старым формам, в которых так часто (и нередко произвольно) упрекают допетровскую Русь. Московское правительство и его чиновники быстро забыли византийские предания, заметные в древнейших печатях.

---

[13] Напечат. в «Собрании государственных грамот и договоров», ч. II, № 222. Любопытна также гербовая печать, приложенная к свидетельству самозванца, *Тимошки Акиндинова*, выдававшего себя за сына царя Василия Шуйского, князя Ивана. К свидетельству этому, данному им в Венеции в 1648 г., приложена печать с изображением фантастического герба, заключающего эмблемы: ездеца. льва, креста, стрелы, звезды, лука и подсвечника. Там же, ч. III, № 132 (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[14] *Ibid.*, № 100 (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[15] «*Дело о приезде в Москву А. Поссевина*», стр. 139 и след. (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

В частных печатях мы видим невозбранное привнесение всяких новшеств. Старые геммы и разные домашней работы птицы и звери свободно заменились гербовыми щитами с произвольно взятыми эмблемами. Никакого сходства с позднейшими гербами мы не замечаем, *дворянская геральдика искусственна сочинена была в исходе XVII века*, и знаменитейшие деятели Московской Руси пользовались разнообразными печатями, не помышляя о родовых гербах. Мало того, такие роды, как, например, князья Глинские, как бы утрачивают у нас память о своем гербе».

Подобный отрицательный взгляд на сфрагистические основы русской геральдики находит себе вескую опору в свидетельстве известного *Котошихина*, в его сочинении «*О России в царствование Алексея Михайловича*». Свидетельство это для нас имеет тем большее значение, что автор, быв за границей, уже имел точное и верное понятие о гербах и прямо различает их от печатей. «А кому царь,— пишет он,— похочет вновь дати боярство, и околничество, и думное дворянство из столников и из дворян, или дворянина из дворовых всяких чинов и из волных людей, и таким дает честь и службу по своему рассмотрению, кто в какой чин и честь годен. А грамот и гербов на дворянство их и на боярства никому не дает, *потому что гербов никакому человеку изложити не могут*,— да не токмо кому боярину или иному человеку, не даются гербы, но и сам царь гербом своим московским печатаетця на грамотах в християнские государства не истинным своим прямым, а печатается своим истинным гербом к крымскому хану да к калмыкам, так же и у старых родов князей и бояр, и у новых, *истинных своих печатей нет*,— да не токмо у князей и бояр и иных чинов, но и у всякого чину людей Московского государства *гербов не бывает*, а когда лучитця кому к каким письмам или послом к посолским делам прикладывать печати, и они прикладывают *у кого какая печать прилучилась, а не породная*...» (гл. II, ст. 12).

Нельзя, впрочем, вполне согласиться с вышеприведенным взглядом Лихачева, что вся наша дворянская геральдика в исходе XVII века была *искусственно сочинена*. После того как писал Котошихин, в царствование Феодора Алексеевича

распространение польских обычаев у нас заметно усилилось под влиянием южнорусской книжности, а может быть также и вследствие брака царя с Агафией Грушецкой, происходившей из польского шляхетства. К этому именно времени относится первое появление у нас гербов, которые по большей части *заимствовались* тогда из польских источников, как, например, из «*Гербовника шляхетского, польского и литовского народа*» *Окольского*, изданного в Кракове в 1641 году на латинском языке и появившегося тогда в Посольском приказе *для справок*. Подобное *заимствование польских гербов*, как мы видели, было весьма распространено и в Литве, и южной Руси, и поэтому подражание таковому у нас являлось весьма естественным и ему недоставало только санкции со стороны высшей власти. В это же время и наши родовитые княжеские фамилии, происходившие от удельных князей, Рюриковичей, а также от Гедимина, стали употреблять на своих печатях гербы, образовавшиеся из древних княжеских *знамен*. Нам известно несколько подобных, вполне геральдических печатей частных лиц XVII века, которые заключают эмблемы, действительно перешедшие затем в наследственные гербы тех же фамилий. Таковы например, печати князя *Василия Васильевича Голицына*, 1684 г. (*погонь*, обращенная влево, в польской стилизации), князя *Авраама Никитича Приимкова-Ростовского*, 1687–1692 г., (в щите, увенчанном княжеской шапкой, бегущий вправо *олень*), *Алексея Петровича Салтыкова*, 1684 г.,(в щите — одноглавый орел), Прокопия Богдановича Возницына, 1688 г., (в гербовом щите, с шлемом и намётом — шествующий *вол*, последний повторяется также и в нашлемнике) и др.[16] Мы встречаем также в это время гербы на некоторых ценных предметах утвари, как. например, герб князей *Волконских* (с датой 1696 г.) на серебряных братине и блюде[17] и т. п.

[16] См. «*Снимки древних русских печатей*», изд. 1882 г., №№ 93, 97–99 и др. (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

[17] См. «*Художественные сокровища России*», 1905, вып. I, стр. 19 (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

Учреждая Герольдию (по мысли барона *Гюйссе*), Петр Великий в своем указе упоминает о гербах как о чем-то уже существующем у нас «В архивах наших,— говорит *Лакиер*,— хранятся целые производства, возникшие тотчас после уничтожения местничества и сожжения разрядов, при представлении *въезжими родами* доказательств о благородном происхождении, дававшем им право на внесение в родословную книгу. Таким образом, в последней четверти XVII века учреждение гербов было уже в ходу, деления герба и лучшие геральдические сочинения были известны, и когда издавался указ, *чтобы каждый благородный имел герб*, цель законодателя была, наоборот, ограничить излишнее число гербов и противозаконное употребление их теми, которые не имели на это отличие права. А в 1722 году Петр Великий прямо говорит, что возводить в дворянство и жаловать гербом и печатью может один только государь. Тогда же установлена была им должность герольдмейстера. Есть положительные факты, которые подтверждают мысль, прямо, впрочем, вытекающую из слов указа, что Петр.Великий застал уже у нас гербы»[18].

В нашей геральдике позднейшего периода дворянские гербы действительно стали уже *сочиняться* более или менее удачно. Почтенная и талантливая попытка *Лакиера* установить при их систематизации твердые начала, основанные *на происхождении* русских дворянских фамилий, не может быть признана вполне удачной и применимой. Если первоначально известные правила при выборе гербовых эмблем и соблюдались, то впоследствии таковые были совершенно забыты и гербы у нас стали сочиняться совершенно произвольно и без всякого соблюдения геральдического стиля, представляя лишь продукт так называемой *канцелярской* геральдики. К таковой должны быть отнесены также в большинстве случаев и сочиненные в начале XVIII столетия графом

[18] Для изучения нашей геральдики петровского периода имеет важное значение рукописный «*Гербовник*» *Князева*, сохраняющийся в библиотеке Казанского университета (*Прим. Ю В. Арсеньева*).

Санти[19] (1727 г.) гербы городов (за исключением лишь *древних* городских гербов, происшедших от печатей). Задачей нашей русской геральдики в будущем, по нашему мнению, является по мере возможности исправить допущенное безвкусие и выработать в наших городских и дворянских гербах при помощи художественной археологии более свойственные ей типы фигур, согласуя их, конечно, с общепринятыми геральдическими правилами.

При составлении же новых гербов казалось бы возможным и допустимым применять у нас в таковых иногда некоторые русские эмблемы (например, *птицу-сирина*, *гамаюна*, *барса*, *китоврася*, различные фигуры, заимствованные из древнерусского военного и гражданского быта и т. п. наконец, некоторые священные изображения, столь употребительные у нас в старину, в древней стилизации). Это дало бы русской геральдике свой оригинальный, и притом более обоснованный, *национальный* отпечаток. Подобные типы фигур могли бы заимствоваться нашей геральдикой из русских художественных памятников XVI и XVII веков, т. е. из той эпохи, когда у нас впервые стали вырабатываться геральдические эмблемы. Другую характеристичную особенность нашей геральдики могло бы представить более частое введение в нее, в виде гербовых фигур, различных *родовых знаков* и *тамг* для признаваемых в дворянском достоинстве фамилий монгольского происхождения, а также кавказских и других инородческих родов, как мы видим это например, в гербе киргизских князей Чингисов[20].

---

[19] Санти (Франциск (1683 – после 1764), граф – один из основоположников отечественной геральдики, итальянец по происхождению, приглашен в Россию Петром I.

[20] Даем описание этого герба, Высочайше утвержденного в 1873 г.: щит разделен на три части перпендикуляром. В первой части (главе), в черном поле,- лук и стрелы как оружие, обычное у киргизов, во второй (правой нижней), в лазоревом поле,– серебряный знак (Х), *тамга Чингисхана*, указывающая происхождение княжеского рода от этого завоевателя, а в третьей части (левой нижней), в красном поле,– *тамга Букеева рода* (ℳ) золотая. [Щитодержатели – воины в восточном вооружении (*Прим. Ю. В. Арсеньева*).

В заключение наших лекций не излишним будет привести взгляд одного из лучших немецких геральдистов, *Сакена*, на задачи современной геральдики.

«Гербы, вполне удовлетворяющие основным правилам геральдики,— говорит он,— встречаются в настоящее время весьма редко, в большинстве же их замечается отсутствие вкуса эпохи *рококо* и недостаток стиля последующего времени. Если же геральдика должна соответствовать своим существенным задачам и особенностям, то ей следует возвратиться к основным положениям и законам, и на этих исторических ее основах вырабатывать геральдическое искусство в духе лучшей эпохи его процветания.

Для достижения этого следует, чтобы научное изучение гербов — *гербоведение* и *геральдическое искусство* в точнейшем его смысле шли рука об руку. Первое должно разрабатывать законы и положения, разделять существенное в гербах от произвольных придатков и выяснять таким образом истинное значение и смысл геральдики. С этой целью гербоведение излагает историю развития геральдического искусства и указывает на значение фигур и их отношение к жизни. Таким образом, наука дает художнику материал в руки, ему же предоставляется задача усвоить идею и истинный стиль изображения и, вдохновившись ей, создать вполне геральдический и правильный рисунок герба».

Альбрехт Дюрер. Герб Лоренца Штайбера — сына нюрнбергского купца, органиста, состоящего на императорской службе. 1520–1521

Альбрехт Дюрер. Герб Иоганна Чертте — венского военного инженера и архитектора. 1521

Альбрехт Дюрер. Герб города Нюрнберга. 1521

Альбрехт Дюрер. Гербовый экслибрис Ганса Эбнера — члена нюрнбергского совета, друга Дюрера. 1516

Содержание

От издательства 3

Часть общая

Лекция I *Предмет геральдики, как научной дисциплины, ее связь с сфрагистикой и различие от последней. Значение ее для истории культуры. Общее понятие о символах и отличительных знаках в быте народов. Тотемизм. Тамги у азиатских народов. Символы у народов древности, древние отличительные знаки на оружии и знаменах Система отличительных знаков в Византии. Символические знаки у народов Западной Европы в Средние века. Существенное различие отличительных знаков древности от средневековых гербов. Герб, как продукт средневековой христианской культуры. Соответствие герба с художественным стилем различных эпох* 9

Лекция II *Начало геральдики в Средние века и причины, вызвавшие ее появление у народов Западной Европы Ненаучные предположения о существовании геральдики в древнейшие времена. Потребность в гербах, вызванная характером рыцарского вооружения. Переход отличительных знаков в наследственные гербы. Влияние крестовых походов на распространение гербов.*

Появление гербов на средневековых печатях. Городские гербы. Влияние сношения Западной Европы с Востоком на развитие геральдики. Венеция 27

Лекция III *Развитие геральдики, как специального знания. Происхождение названий: «геральдика» и «блазон». Геральдический язык. Средневековые герольды. Их прототипы в классической древности. Обязанности средневековых герольдов и их организация в Германии, Англии и Франции. Специальные сочинения, написанные герольдами. Позднейшие учреждения по геральдии в западноевропейских государствах. Геральдика, как специальная наука. Начало государственной геральдики в России и появление частных гербов в XVII веке* 41

Лекция IV *Связь геральдики с историей дворянства в европейских государствах. Главнейшие отличительные черты развития феодального дворянства во Франции, Германии, Англии, Италии и Испании* 59

Лекция V *Рыцарство и причины, вызвавшие его появление. Рыцарская служба. Духовные рыцарские ордена в Средние века и исторические сведения о них. Рыцарские ордена светского характера. Внутренняя организация и быт рыцарства Западной Европы* 73

Лекция VI *Влияние рыцарских обычаев и турниров на развитие геральдики. Происхождение турниров и распространение их в Западной Европе. Турнирные общества в Германии. Обычаи, соблюдавшиеся при турнирах. Причины, вызвавшие их запрещение* 89

Лекция VII *Эпоха расцвета рыцарской геральдики в Западной Европе и распространение геральдического вкуса в искусстве и быте. Влияние геральдики на костюм. Геральдические эмблемы корпораций, цехов и пр. Распространение*

*гербовых печатей и окончательно выработавшийся тип наследственного герба. Домовые знаки (**Hausemarken**). Гербы на монетах и жетонах. Усиленное распространение гербов во Франции в XVII веке. Применение геральдики в зодчестве и других прикладных искусствах. Геральдические украшения надгробных памятников. Обычаи «погребения герба» на Западе. Значение геральдики при изучении истории и других ее вспомогательных дисциплин. Важность знания геральдики для прикладного искусства* *102*

Теоретическая геральдика

Лекция VIII *Определение понятия о гербе и составных частях его. Подразделение гербов по их принадлежности и по некоторым особым признакам. Научное подразделение геральдики. Понятие о специальной литературе ее в различных странах Европы. Источники для изучения геральдики по ее памятникам. Разделение истории геральдики на периоды* *121*

Лекция IX *Геральдический щит. Формы щита у различных народов древности, Средневековые щиты. Геральдические формы щитов и сохранившиеся их образцы* *139*

Лекция X *Геральдические цвета (или финифти) и металлы. Символика их. Различные системы обозначения геральдических цветов и металлов посредством штриховки. Геральдические меха и их происхождение* *151*

Лекция XI *Гербовые фигуры, их разделение на геральдические и обыкновенные. Различие геральдических фигур от делений или сечений. Деление геральдического щита. Геральдическое обозначение сторон, правой и левой. Фигуры деления и их разновидности* *167*

Лекция XII *Разделение геральдических фигур на фигуры 1-го и 2-го порядка. Описание этих фигур* 193
Лекция XIII *Обыкновенные (негеральдические) фигуры. Подразделение их на естественные и искусственные. Описание главнейших типов естественных фигур* 217
Лекция XIV *Описание главнейших типов искусственных фигур* 242
Лекция XV *Геральдический шлем. Различные формы средневековых шлемов. Геральдические формы шлема. Различные системы изображения шлемов для обозначения сана и достоинства* 265
Лекция XVI *Нашлемник или шлемовый клейнод. Его происхождение. Главные формы клейнода и способ его изображения. Шламовый намёт и его развитие в гербах* 274
Лекция XVII *Геральдические знаки достоинств и званий: короны, головные уборы, отличительные знаки званий и орденские знаки. Описание главнейших типов корон различных государств и степеней и дворянства* 290
Лекция XVIII *Геральдические придаточные знаки роскоши. Щитодержатели. Мантия и сень. Девизы* 306
Лекция XIX *Различительные знаки особого рода, или добавления (brisures)* 317
Лекция XX *Составные гербы и способы соединения гербов. Порядок описания гербов или блазонирование* 323
Лекция XXI *Особенности геральдики в различных странах на Западе. Польская геральдика, ее особый характер и влияние на русскую* 332
Лекция XXII *Начала геральдики в России и ее составные элементы. Заключение* 356

Юрий Васильевич
АРСЕНЬЕВ

ГЕРАЛЬДИКА

Лекции, читанные в Московском
Археологическом институте в 1907—1908 году

Редактор *О. Равданис*
Художественный редактор *И. Марев*
Технический редактор
и компьютерная верстка *Е. Поляков*
Корректор *Н. Кущ-Жарко*

ЛР № 071673 от 01.06.98 г. Изд. № 0601206.
Подписано в печать 10.08.01 г.
Гарнитура Академия. Формат $84\times108^{1}/_{32}$.
Бумага офсетная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 19,9.
Заказ № 0110130.

ТЕРРА—Книжный клуб.
113093, Москва, ул. Щипок, 2.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97